

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Кафедра социально-культурной деятельности
Секция творчества Кемеровского отделения
Российской академии естественных наук

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Межвузовский сборник
научных и учебно-методических статей

Кемерово 2007

ББК 77.20
С 69

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор
В. Е. Новаторов (Омск),
кандидат педагогических наук, доцент
Г. Г. Волощенко (Омск),
заслуженный работник культуры РФ, доцент
А. Д. Плюснин (Барнаул)

Редакционная коллегия:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Л. Кудрина*
(главный редактор),
доктор педагогических наук, профессор *В. В. Туев*
(редактор-составитель),
доктор педагогических наук, профессор *С. Б. Брижатова*

С69 Социально-культурная деятельность в образовательном пространстве [Текст]: межвузовский сборник научных и учебно-методических статей / гл. ред. Е. Л. Кудрина; ред.-сост. В. В. Туев; Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – 324 с.

ISBN 978-5-8154-0147-1

Межвузовский сборник научных и учебно-методических статей, подготовленный к изданию кафедрой СКД КемГУКИ, посвящен актуальным проблемам истории, теории и технологии социально-культурной деятельности, способам их отражения в образовательном процессе вузов культуры и искусств России.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов культурно-образовательных учреждений России, для практических работников социально-культурной сферы.

ББК 77.20

ISBN 978-5-8154-0147-1

© Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии

I. К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Литовкин Е. В.

Критерии периодизации и основные этапы истории социально-культурной деятельности в России..... 9

Туев В. В.

О современных подходах к изучению истории социально-культурной деятельности в России..... 14

Киселев А. В.

Цивилизационный подход к периодизации отечественной истории..... 29

II. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Волощенко Г. Г.

Этимологические проблемы истории досуга..... 39

Коргожа Н. С.

Досуг древних славян: социально-исторические предпосылки и особенности развития..... 48

Кацюба Д. В.

Макарий Глухарев – основатель Алтайской духовной миссии..... 58

Литовкин Е. В.

Материально-техническое состояние и финансирование культурно-просветительных учреждений Российской Федерации в послевоенный период (1945–1955 гг.)..... 61

Логунова Л. Ю.

Возможности культурологического анализа историй жизнедеятельности сибирских семей XIX – начала XX века..... 80

III. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Ярошенко Н. Н.

Современная теория социально-культурной деятельности: культурно-антропологические основания..... 90

Соколов А. В.

Социально-культурная система как пространство для реализации социально-культурной деятельности..... 94

Туев В. В.

Проблемы полисемии атрибута «социально-культурный»..... 100

<i>Курочкин И. Л.</i>	
Программно-системный подход в процессе сохранения и развития культурного потенциала региона.....	114
<i>Волк П. Л.</i>	
Преемственность и новации в современной региональной социально-культурной политике.....	122
<i>Туева Л. М.</i>	
Социокультурные проблемы современного чтения.....	133
<i>Фисюк Т. Т.</i>	
Молодежная аудитория как субъект культурно-досуговой деятельности.....	142
<i>Секретова Л. В.</i>	
Элтигарные клубы как интеллектуально-креативные центры современного социокультурного пространства.....	150
<i>Клявина И. И.</i>	
Последствия глубокого погружения в неформальную среду движения авторской песни.....	161
<i>Чардынцев В. С.</i>	
Проблемы социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции в регионе (на примере Кузбасса).....	168
<i>Сорокин А. В.</i>	
Спонсорство как вид социально-культурной деятельности.....	179
<i>Елисеенков Г. С.</i>	
Социокультурные аспекты моделирования современного дизайна.....	187
IV. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
<i>Павлюк Н. С.</i>	
Интенсивные программы обучения в вузе: опыт и перспективы организации	196
<i>Салазкина Л. П.</i>	
Личностно-ориентированный подход к подготовке менеджеров социально-культурной сферы.....	199
<i>Курбатова Н. В.</i>	
Преемственность в музыкальной подготовке учащихся немusыкальных специализаций (на примере кафедры СКД КемГУКИ).....	202
<i>Зайцева Т. В.</i>	
Проблемы формирования коммуникативной культуры организатора досуга	208
<i>Насонова М. Е.</i>	
Социально-культурные аспекты формирования творческого мышления архитекторов и дизайнеров.....	213

<i>Плюсин А. Д., Лукьянчиков В. И.</i>	
Социально-культурные технологии организации и оформления выставки	219
<i>Медведенко В. В.</i>	
Учебный театр как форма профессионального становления студентов творческих вузов.....	228
V. ИНТЕГРАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ ПРАКТИКУ	
<i>Брижатова С. Б.</i>	
Типология и эффективность технологий разработки программ социокультурного развития в современной России.....	233
<i>Первушина О. В.</i>	
Социально-культурные технологии: понятие, теория, условия практической реализации.....	246
<i>Булатова С. Н.</i>	
Целевая комплексная программа в социально-культурной сфере: технологии разработки.....	252
<i>Салазкина Л. П.</i>	
Технологическое единство функций менеджмента в социально-культурной сфере.....	260
<i>Сабуцкая С. З.</i>	
Деятельность методического центра по распространению и внедрению передового опыта работы социально-культурных учреждений (на примере Крапивинского района Кемеровской области).....	266
<i>Клюева Ю. С.</i>	
Коммерческая деятельность как новая форма работы музейных учреждений	279
<i>Верещагина И. М.</i>	
Иницилирующая роль хобби в социально-культурной деятельности.....	284
<i>Оленина Г. В.</i>	
Игровые технологии как средство профилактики вредных привычек у детей.....	289
<i>Третьякова Н. В.</i>	
Развлекательно-игровые программы как средство реабилитации инвалидов.....	295
<i>Черняк Е. Ф.</i>	
Внедрение PR-технологий в коммуникативное пространство социально-культурной деятельности.....	301
<i>Фоменко Н. К.</i>	
Клубные формы общения в театре: поиск новых технологий организации юношеского досуга.....	305

<i>Сущенко Л. А.</i>	
Арт-терапия как метод социально-культурной адаптации детей в коррекционно-образовательном учреждении интернатного типа.....	312
<i>Головки Т. И.</i>	
Специфика деятельности учреждений дополнительного образования в системе культурно-воспитательного воздействия на детей и подростков.....	315
Сведения об авторах.....	321

От редакционной коллегии

Настоящий сборник продолжает серию традиционных научно-методических изданий кафедры социально-культурной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств по актуальным проблемам социально-культурного образования. Начавшись в 1992 году сборником научных статей преподавателей кафедры «Досуг: вопросы теории и социальной технологии» и изданным издательством «Кузбассвузиздат» в 1994 году учебно-методическим пособием В. В. Туева «Как организовать свой клуб?», она за последующие четверть века регулярно пополняется новыми коллективными и индивидуальными научно-методическими трудами кафедры. Среди них – учебные пособия Курбатовой Н. В. «Детский фольклорный праздник» (1997, в соавторстве с Фибих Л. В.), Коргожи Н. С. «Профессиональное мастерство организатора-ведущего культурно-досуговых программ» (2003), Клявиной И. И. «Культура детства» в двух частях (2005), Туева В. В. «Технология организации инициативного клуба» (1999) и «Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах» (2006), межвузовский сборник научных статей «Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика» (2002, редактор-составитель Туев В. В.).

Новый научно-методический сборник развивает традиции предшествующих изданий кафедры. Структура его примерно та же, что и в сборнике 2002 года: в отдельные тематические разделы сгруппированы статьи по проблемам истории и теории социально-культурной деятельности, социально-культурного образования и социально-культурной практики, впервые в самостоятельный раздел выделены статьи по актуальной и для науки, и для образования проблеме – современной периодизации истории социально-культурной деятельности в России.

В то же время есть и существенные различия в организации и содержании этих сборников. Если интегрирующим в предыдущем сборнике был термин «социально-культурная деятельность» (СКД), а авторы статей делились в нем своими исследованиями по вопросам истории, теории, образовательной и производственной практики СКД, то в настоящем сборнике все аспекты СКД рассматриваются через призму образования, и образовательное пространство СКД охватывает как научные, так и организационные, технологические проблемы ее развития.

Составляя сборник, мы по-прежнему стремились расширять его авторскую географию. И поэтому в нем, наряду с нашими уже постоянными авторами, видными учеными Н. Н. Ярошенко (Москва), Е. В. Литовкиным (Рязань), Г. Г. Волощенко (Омск), П. Л. Волком (Томск), впервые

помещена методологическая статья автора монографии «Феномен социально-культурной деятельности» профессора А. В. Соколова (Санкт-Петербург). Другим позитивным фактором, на наш взгляд, является активное участие в сборнике наших коллег из Барнаула – преподавателей и аспирантов Алтайской государственной академии культуры и искусств. Если учесть, что в составе редакционной коллегии наряду с ректором КемГУКИ, д. п. н., профессором Е. Л. Кудриной и зав. кафедрой СКД КемГУКИ, д. п. н., профессором В. В. Туевым была и профессор кафедры СКД АлтГАКИ, д. п. н. С. Б. Брижатова, то настоящий сборник следует считать межвузовским не только по авторству представленных в нем статей, но и по интеграции ученых – КемГУКИ и АлтГАКИ в составлении и редактировании сборника. Несомненно, усиливает творческую составляющую сборника участие в нем ученых и преподавателей – представителей секции творчества Кемеровского отделения Российской академии естественных наук.

Наконец, отметим еще одно, пожалуй, основное качество издаваемого коллективного труда ученых и педагогов российских вузов культуры и искусств. Это существенное обновление содержательной доминанты и сборника в целом, и большинства его статей. Причиной тому – актуализация проблем самой социально-культурной науки, несомненно, влияющая и на содержание образовательных программ в вузах. Это изменение поля и места социально-культурной деятельности в системе научного знания и культурологического образования. Это расширение спектра социальных институтов российского общества, успешное позиционирование которых, так или иначе, обусловлено развитием культурно-досуговых функций и социально-культурных технологий их деятельности. Это официальное признание значимости социально-культурного вектора в современной государственной политике российского общества. В то же время авторы статей – преподаватели вузов культуры вынуждены реагировать на те изменения, которые ожидают высшую школу России в свете проводимой в стране модернизации отечественного образования.

В сборнике также представлены и первые научные публикации молодых преподавателей, аспирантов и соискателей сибирских вузов культуры. Проблематика их исследований также органично сопряжена с актуальными проблемами современной социально-культурной науки и практики.

I. К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Литовкин Е. В. (Рязань, Рязанский филиал МГУКИ)

Критерии периодизации и основные этапы истории социально-культурной деятельности в России

Для интенсивно развивающейся в начале XXI века социально-культурной науки актуальным остается вопрос периодизации истории социально-культурной деятельности. В существующих учебниках и учебных пособиях – как современных, так и доперестроечных – периодизация дается без рассмотрения критериев и их системно-организующей характеристики. В доперестроечных учебных пособиях периодизация не опиралась на внутренние изменения сферы, а увязывалась с периодами социально-экономического и политического развития страны. В ней содержатся очень короткие периоды, например, 1917–1920 и 1921–1925 годы, что не позволяет выявить существенные различия данных периодов и, в конечном счете, обосновать целесообразность их выделения.

Несколько другая периодизация дается в современных учебниках и учебных пособиях по истории культурно-досуговой и социально-культурной деятельности. В них периодизация дается более укрупненно и жестко не «привязывается» к социально-экономическим и политическим периодам страны. Расширены культурологические рамки истории культурно-досуговой, социально-культурной деятельности. Если в старых учебных пособиях история культурно-просветительной работы рассматривалась со второй половины XIX века, то уже в новых учебниках она начинается с X века.

В доперестроечных учебных пособиях советской эпохи выделялось около двенадцати периодов, а в современном учебнике «Культурно-досуговая деятельность» с 1917 года и до настоящего времени выделено всего три периода (1917–1941 гг.; 1941–1945 гг.; 1946–1997 гг.). В учебной программе Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова выделено пять периодов (1917–1941 гг.; 1941–1945 гг.; 1945–1955 гг.; 1956–1990 гг. и социально-культурная деятельность в «посткоммунистической» России). В этих учебниках не указаны критерии, которые положены в основу периодизации истории культурно-досуговой и социально-культурной деятельности.

Периодизация истории социально-культурной деятельности должна определяться, прежде всего, качественными видоизменениями данной сферы, хотя не исключает и другие критерии. Также надо отметить, что набор качественных критериев может быть различным. В зависимости от целей исследования и набора критериев могут быть разные периодизации.

Поэтому единой периодизации социально-культурной деятельности может и не быть.

К осуществлению периодизации какого-либо явления предъявляется ряд требований методологического характера, она «представляет собой выделение этапов глубоких изменений в структуре системы. Основными этапами (или периодами) являются те, которые заключают в себе изменение не одного или нескольких компонентов в структуре системы, а целостной структуры» [1]. Есть и другие требования к периодизации, но в основе их лежат критерии качественного изменения всей системы, а не отдельных ее элементов.

Мы хотим предложить один из вариантов периодизации общей истории социально-культурной деятельности на основе таких критериев, как: смена досуговых ориентаций государства, общества, индивидов под воздействием культурных, социально-экономических и политических факторов; изменение содержания и форм досуговой деятельности сословий, классов, общества, досуговых учреждений, индивидов. На основании этих критериев в истории социально-культурной деятельности России мы выделяем следующие периоды:

Период I. Фольклорный досуг (до X в.). На данном этапе в основе досуга лежала народная культура: обряды, праздники, игры, хороводы и другие формы фольклора. Досуг, как и сама жизнь, носил коллективный характер. Обряды, праздники, игры и другие формы являлись не только определенным действием, но и зрелищем.

Фольклорный досуг оставался таковым и во все последующие периоды, хотя его доля в досуговой деятельности населения на каждом из этапов была различной. Следует также отметить, что использование термина «досуг» в отношении данного периода носит условный характер, так как в тот период такого понятия не было.

Период II. Религиозно-фольклорный досуг (X–XVII вв.). Этот вид досуга зародился после крещения Руси. Как известно, религия оказала большое влияние на образ жизни и досуг. Был введен выходной день, который использовался не только для посещения церкви, но и для досуга.

Досуговую функцию выполняли также религиозные праздники и обряды. Благодаря религии была создана славянская письменность, в результате чего впоследствии чтение книг стало самой распространенной формой досуга. Появились первые библиотеки, которые позже стали досуговыми учреждениями. Религиозное пение, живопись способствовали приобщению народа к этим видам искусства. Из религиозной благотворительности выросли социальная работа и первые воскресные школы. Именно церковь стала первой заботиться о нравственности, доброте, воспитании трудолюбия и других положительных качеств человека. В этот период наравне с религиозным досугом широко использовался и фольклорный.

Период III. Светско-религиозный досуг (XVII в. – вторая половина XIX в.). Как известно, в петровские времена среди высших сословий, наряду с функционированием религиозных форм досуга, внедрялись формы досуга западных стран, которые не были связаны с православием. За ними утвердилось название «светские». Другими сословиями эти формы досуга осваивались постепенно и не только в данный период, но и в последующие. Для доминирования светского досуга в российском обществе потребовалось длительное время. Следует также отметить, что использование светского досуга расширило и обогатило содержание формы досуга не только отдельных сословий, но и всего населения.

Период IV. Внешкольное образование и культурно-просветительная работа (вторая половина XIX – начало XX в.). Эти виды досуговой деятельности были порождены прогрессивной частью общества и определенными социально-экономическими условиями, носили светский характер и предназначались для широких народных масс. В распространении этих видов досуга большую роль сыграла интеллигенция. Внешкольное образование и культурно-просветительная работа, несомненно, расширили и обогатили досуг рабочих и крестьян, приобщали их к светским формам досуга. Значимость этого периода заключается также и в том, что внешкольное образование и культурно-просветительная работа положили начало формированию в стране самостоятельной досуговой сферы.

С 1917-го по 1920 год советская власть использовала прежнее внешкольное образование и культурно-просветительную работу, выдвигая при этом теоретические и организационные задачи по их реформированию.

Период V. Политико-просветительная работа (1920–1945 гг.). Этот вид досуга был привнесен в общество волонтаристским способом коммунистической партией. По существу, были отвергнуты или видоиз-

менены все предшествующие направления внешкольного образования и культурно-просветительной работы. В содержании деятельности досуговых учреждений доминировало политическое и производственное просвещение, коммунистическое воспитание, в управлении утвердилась монополия государства на досуговую деятельность.

Но в реальности даже коммунистам не удалось отменить диалектический закон преемственности в культуре. Поэтому, несмотря на официальную жесткую политику советского государства, некоторые элементы религиозного, «буржуазно-светского», фольклорного досуга сохранялись в обществе.

Период VI. Культурно-просветительная работа (1945–1985 гг.). Данный этап был связан с реформированием политико-просветительной работы. Культурно-просветительная работа была выделена из системы образования в самостоятельную сферу. Был создан государственный орган – Комитет по делам культурно-просветительных учреждений – и соответствующие органы на местах. Произошел отказ государства от полной идеологизации сферы. Старое название «политико-просветительная работа» не соответствовало послевоенному положению страны в мире как страны-освободительницы, лидера лагеря социализма. Поэтому в области культуры нужны были более привлекательные, гуманные цели. В этих условиях термин «культурно-просветительная работа» был более предпочтительным. Следует отметить, что на данном этапе наряду с политическим и производственным просвещением, коммунистическим воспитанием государством выдвигалась задача усиления культурного обслуживания населения. В конце 50-х годов значительно возросло стремление населения к культуре, что нашло отражение в изменении содержания и формах работы культурно-просветительных учреждений. На смену методу агитации и пропаганды пришел метод клубной (художественной) драматургии.

Период VII. Культурно-досуговая деятельность (1985–1990 годы). В этот период под воздействием перестройки произошли коренные изменения содержания и условий деятельности досуговых учреждений. Были отвергнуты не только цели, задачи, социальные функции, содержание работы прежней культурно-просветительной работы, но и название сферы. Отказ от идеологизированного прежнего названия и стремление научного сообщества, практиков найти название сферы, соответствующее целям и задачам перестройки, привели к тому, что на практике утвердилось название «культурно-досуговая деятельность».

Полагаем, что не столько отрицательное отношение ко всему коммунистическому обусловило коренное изменение досуговой сферы, а то, что в 80-е годы XX века культурно-просветительная сфера находилась в глубоком кризисе. Вследствие этого отказ от советской культурно-просветительной работы был объективным следствием переосмысления прошлого опыта и поиска путей выхода из кризисного состояния сферы как на уровне теории, так и на уровне практики. И как справедливо отмечал Н. Н. Ярошенко, «одним из теоретических «предчувствий» перемен в методологии является изменение названия нашей отрасли. Вместо названия «культурно-просветительная работа» именно в этот период, с середины 1980-х годов, утвердилось название «культурно-досуговая деятельность» [2].

Период VIII. Социально-культурная деятельность (с 1990-х годов XX века). Этот период явился результатом дальнейшего практического и научного переосмысления культурно-досуговой сферы на последующем этапе перестройки, который отличался большим практическим опытом, большей определенностью социально-экономических и культурных целей общества. Это привело к тому, что сфера получила название «социально-культурная деятельность». Изменение названия явилось отражением объективного процесса развития сферы и результатом поиска названия, адекватно отражающего суть и цели досуговой сферы на новом этапе развития общества.

Таким образом, рассмотрение генезиса организованных форм досуга в России показало, что в его развитии были определенные периоды, которые вполне можно обозначить терминами, адекватно отражающими основные направления в содержании и способах организации досуга россиян.

Литература

1. Добрянов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. – М., 1968. – С. 260.
2. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы теории социально-культурной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 152.

О современных подходах к изучению истории социально-культурной деятельности в России

Одна из проблем современного социально-культурного образования – становление теоретической истории развития досуга в России как полноценного и неконъюнктурного учебного курса. Рад, что разработкой этой теперь уже актуальной учебной проблемы давно занимаются Г. Я. Никитина, Е. М. Ключко, В. М. Рябков, что очень активно исследуют ее с разных методологических позиций А. С. Каргин, Н. Н. Ярошенко, Г. Г. Волощенко, Е. В. Литовкин, В. В. Попов, Н. Ф. Максютин, С. С. Комиссаренко, Т. Т. Фисюк, Ю. Р. Горелова. Содержательная глава по истории культурно-досуговой деятельности (КДД) в России была написана Г. Я. Никитиной, Е. М. Ключко, Е. В. Кашеевой для учебника «Культурно-досуговая деятельность» под редакцией А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова [3], а авторы учебника «Социально-культурная деятельность» Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников назвали его вводную часть «Становление социально-культурной деятельности: исторический обзор», в ней они исследуют так называемые «протообразцы» социально-культурной деятельности (СКД) в России. Думаю, что и они, исследуя огромные пласты развития досуговой культуры в России, столкнулись в первую очередь с теми же вопросами, что и мы:

1. С какого исторического времени мы имеем право употреблять термин «социально-культурная деятельность» в историческом контексте, т. е. само словосочетание «история СКД».

2. С какого времени начинается история СКД в России, каков критерий и какова точка отсчета того этапа в истории российской культуры, который мы вправе называть сегодня именно историей СКД.

3. С каким правом и на каком основании мы можем считать историей СКД и историю культурно-просветительной работы (КПР) в СССР, и историю внешкольного образования в России XIX века, и, например, историю развития досуговых форм на Руси в XIV–XV вв.?

4. И не менее важный вопрос: если определенный этап в развитии культурной жизни в России мы назовем, пусть даже условно, «историей СКД», то какова внутренняя периодизация этого этапа, чем она обусловлена и можно ли тогда каким-то образом систематизировать и классифицировать определенные события, виды и формы культурной деятельности наподобие того, что было сделано в содержательном и хорошо структурированном учебном пособии А. М. Савченко «История культурно-просветительной работы в СССР» [8].

Как видим, вопросы, которые стоят сегодня перед современными исследователями истории развития организованных форм досуга в России, очень сложны и взаимосвязаны. И мы полагаем, что ответы на каждый из них во многом зависят от содержательной сущности ответа на другой, самый существенный вопрос: «Что такое СКД, что мы принимаем в качестве современного определения понятия «социально-культурная деятельность»?»

Ответив на первый, по существу, методологический вопрос, мы, пожалуй, сможем найти ответы на другие вопросы. К сожалению, точно, устраивающего всех – и ученых, и педагогов, и практиков – ответа на этот вопрос мы на сегодня не имеем. Профессор Н. Н. Ярошенко, статьей которого открывается методологический раздел нашего сборника, тоже, как говорится, откровенно заявляет в ней: «Окончательное определение социально-культурной деятельности до сих пор отсутствует – у каждого исследователя на этот счет остается свой вариант интерпретации понятия». Но если текстуально объемы дефиниций СКД разных авторов и отличаются друг от друга, то, по крайней мере, ее сущностные, специфические черты выделяют и подчеркивают все ведущие методологи СКД, от Ж. Р. Дюмазедье до А. В. Соколова, от М. А. Ариарского до Н. Н. Ярошенко.

Назовем эти функциональные доминанты СКД.

Социально-культурная деятельность

- управляется обществом и его государством;
- организуется его социальными институтами;
- носит системно организованный характер;
- формирует и развивает культурные потребности людей, просвещает их;
- создает условия для их свободного межличностного общения, культурного досуга и самодеятельного творчества;
- приобщает их к культуре и к культурным ценностям общества.

Именно эта управляемая обществом культуроформирующая и культуроразвивающая деятельность, которую с 1994-го по 1995 г. во многом благодаря конструктивной инициативе Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Ю. А. Стрельцова, М. А. Ариарского, В. Е. Триодина стали называть у нас в России социально-культурной деятельностью, и обладает этими сущностными чертами.

А была ли социально-культурная деятельность в российском обществе до этого времени, и тем же термином она обозначалась или другим и почему?

Мы, как и многие другие специалисты, полагаем, что была, но обозначалась другим термином, более соответствующим содержанию

этой деятельности в каждый конкретно-исторический период развития культуры России.

Но считать, что она появилась в стране в 1994 г., именно тогда, когда появился у нас сам термин «СКД», на наш взгляд, тоже не совсем соответствует исторической истине.

И СКД в России XIX–XX веков (с соответствующими терминологическими модификациями для каждого из этапов ее развития в этот период), и досуг на Руси в предшествующие этому времени этапы, естественно, должны быть дифференцированы на конкретно-исторические периоды, наполненные адекватным им историко-культурным содержанием. Периодизация истории досуга, внешкольного образования, культурно-просветительной работы и социально-культурной деятельности в российском обществе разных времен – острейшая и актуальнейшая проблема. Ее столь же остро переживают сегодня и гражданские, и политические, и культурологические историки России. Почти все они сходятся на том, что прежняя периодизация истории КИР в СССР, за основу которой в учебных пособиях по истории культуры и истории КИР в нашей стране принималась работа В. И. Ленина «Памяти Герцена» о трех периодах в истории русского освободительного движения (дворянский, разночинский, пролетарский), крайне устарела. Вот что пишет, на наш взгляд, справедливо отрицая такой подход, автор предисловия к учебному пособию «История России: с начала XVIII до конца XIX века» (М.: Институт российской истории РАН, 2001), его ответственный редактор, член-корр. РАН А. Н. Сахаров: «...создатели книги отказались от понимания истории России XIX в. исключительно сквозь призму борьбы прогрессивных сил общества против царского режима, от крайне тенденциозного, только негативного освещения фигур русских царей и государственных деятелей, от исторического оправдания крайних методов борьбы с правительством» [1, с. 7]. В этом пособии предлагается другая периодизация истории России XIX–XX веков, которой мы придерживаемся в своих лекциях по истории СКД. «В книге, – пишут ее авторы – сделан акцент на стороны русской жизни, которые в прежних учебных курсах подавались крайне бегло (например история культуры) либо вовсе не освещались (история церкви)» [1, с. 7]. В то же время, добавим мы, пожалуй, впервые в учебниках по истории России история культуры излагается не только по традиции, как история развития художественной культуры в России (архитектуры, литературы, музыки, театра, изобразительного искусства), но и как история развития форм культурного просвещения и образования российского народа, организации его культурного досуга и быта! И хотя

эти истинно социально-культурные аспекты духовной жизни россиян в контексте социальной истории России освещаются еще весьма контурно и тезисно, тем не менее методологически это, несомненно, должно подвигнуть историков СКД на переосмысление и обновление традиционных подходов к ее периодизации. Для этого, в частности, составители настоящего сборника включили статьи профессора Рязанского заочного института (филиала) МГУКИ, доктора педагогических наук Е. В. Литовкина и доцента КемГУКИ, кандидата исторических наук А. В. Киселева, которые, в известной степени, могут быть методологическими основаниями для современных подходов к периодизации истории СКД в России. Статья А. В. Киселева, специалиста по отечественной истории, была нашим заказом вузовскому коллеге, так как сверхзадача нашего собственного исследовательского поиска – выявление возможности «наложения» частной периодизации истории СКД на более общую периодизацию социальной истории России. Однако, как видно из статьи А. В. Киселева, у российских гражданских историков еще много своих нерешенных проблем, и их исследовательский поиск еще более сложен. Поэтому среди первых серьезных социально-культурных работ в этом направлении заслуживает внимания периодизация истории досуга в России XIX–XX века, предлагаемая в настоящее время в трудах по истории СКД Е. В. Литовкиным.

В данном сборнике этому посвящена статья Е. В. Литовкина, в которой излагаются его подходы к периодизации истории СКД в России. Особенно ценными в этой статье представляются нам впервые так четко сформулированные в социально-культурной науке критерии научной периодизации истории СКД в России.

Е. В. Литовкин предлагает «один из вариантов периодизации общей истории социально-культурной деятельности на основе таких критериев, как: смена досуговых ориентаций государства, общества, индивидов под воздействием культурных, социально-экономических и политических факторов; изменение содержания и форм досуговой деятельности сословий, классов, общества, досуговых учреждений, индивидов» [4, с. 90]. На основании этих критериев Е. В. Литовкин выделяет восемь периодов, «в истории социально-культурной деятельности России». Мы приводим здесь только названия и временные рамки этих периодов в формулировках и сроках, указанных в трудах Е. В. Литовкина, в частности в его монографии и докторской диссертации:

«Период 1. Фольклорный досуг (до X в.)

Период 2. Религиозно-фольклорный досуг (X–XVII вв.)

Период 3. Светско-религиозный досуг (XVII – вторая половина XIX)

Период 4. Внешкольное образование и культурно-просветительная работа (вторая половина XIX – начало XX в.)

Период 5. Политико-просветительная работа (1920–1945)

Период 6. Культурно-просветительная работа (1945–1985)

Период 7. Культурно-досуговая деятельность (1985–1990)

Период 8. Социально-культурная деятельность (с 90-х годов)» [5, с. 31–35].

Мы не собираемся в нашей статье анализировать точность и полноту периодизации истории СКД, предложенной Е. В. Литовкиным, корректность формулировок названий периодов и соответствие временных границ содержанию периода. Такой обстоятельный и многосторонний анализ, несомненно, еще впереди, и автору ее периодизации только хочется пожелать быть готовым к потоку критических стрел вовсе не амурной мотивации.

Нам же хочется поддержать уважаемого коллегу в его попытке преодолеть консерватизм традиционного подхода к периодизации и анализа содержания отечественной истории культурно-просветительной работы, значительно расширить временное пространство функционирования организованного досуга в России и, благодаря этому, более полно представить богатый и разнообразный арсенал досугового творчества многих поколений россиян. Нам представляется, что периодизация Е. В. Литовкина составлена им именно с позиций того нового подхода, который вполне убедительно был продекларирован А. Д. Сахаровым в его предисловии к академическому изданию учебного пособия по истории России (мы ссылались на него выше).

Суть нашего, бесспорно, полемического замечания в том, что и автор этой периодизации, и, впрочем, многие другие наши теоретики СКД слишком вариативно трактуют само понятие «социально-культурная деятельность». И весь огромный, многовековой период развития отечественного досуга называется Е. В. Литовкиным «история СКД», и маленький, только начинающийся современный период «с 90-х годов», как указывается в периодизации, тоже называется «социально-культурная деятельность». Поэтому возникает естественный вопрос: так все-таки каково же реальное временное пространство СКД в России: или оно, согласно первому «безразмерному» подходу, от «до X века» «по настоящее время» или оно, согласно времени возникновения этого понятия в трудах Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильникова, действительно от 90-х годов (разумеется, XX века)? И, полагаем, это вовсе не праздный вопрос. Ответ на него так же важен для нас, как и ответ на вопрос «что такое СКД». Причем думаем, здесь все согласится с нами, что адекватное и унифицированное опреде-

ление понятия СКД, выявление сущностных составляющих дефиниции СКД во многом позволит столь же адекватно и однозначно определить и временные границы функционирования в стране такого вида деятельности, который все в России сегодня согласны называть СКД.

Наша позиция, наш подход к решению этой насущной для современной социально-культурной науки терминологической и типологической проблемы таковы. Мы полагаем, что и словосочетание «история социально-культурной деятельности», и само понятие «социально-культурная деятельность» применительно к какому-либо конкретно-историческому периоду в жизни российского общества можно употреблять лишь тогда, когда будут выполнены **ОДНОВРЕМЕННО** два условия:

А. Когда акции по организации досуга в России становятся предметом социально значимой и социально управляемой деятельности.

В. Когда эта деятельность помимо функции организации досуга и развлечений россиян, т. е. чисто досуговой, рекреативной функции, начнет выполнять и важнейшие социальные функции: просвещения, образования, творчества, социализации и инкультурации населения, т. е. функции просветительные, образовательные, креативные. А это стало возможным в России лишь с **XIX века**.

И тогда в истории социально-культурной деятельности России XIX–XXI веков можно будет выделить шесть основных периодов, которые в соответствии с содержательной доминантой этой деятельности в указанный период, ее основным целеполаганием и формами осуществления мы предлагаем именовать следующим образом (в самом названии этих форм нет ничего нового, они имеются и у Е. В. Литовкина, и у многих других авторов, исследующих исторические аспекты развития СКД в России, мы предлагаем только более адекватное, на наш взгляд, сочетание временных границ периода, содержания культурно-досуговой деятельности в этот период и соответствующего этому содержанию названия периода):

1. Внешкольное просвещение (первая половина XIX века, 1800–1860-е гг.), по мнению многих историков, «золотой век» российской культуры [6, с. 255] – эпизодические и локальные формы организации внешкольного просвещения и досуга отдельных категорий взрослого населения в таких первых внешкольно-просветительных учреждениях, как школы взаимного обучения, полковые и публичные библиотеки, общественные музеи, воскресные школы и т. д. Субъекты этой деятельности, ее иницилирующая и организующая сила – дворяне, офицеры, во второй половине периода – декабристы, проводившие эту подвижническую деятельность в местах ссылки.

2. Внешкольное образование (1861–1917 гг., от крестьянской и земской реформ 1861–1864 гг. до начала февральской революции 1917 года) – период, который историки называют «периодом небывалого подъема подлинно демократической культуры» [10, с. 17] – системно организованные, преимущественно групповые и массовые формы культурно-образовательной, культурно-воспитательной, культурно-досуговой и художественно-творческой непрофессиональной деятельности различных категорий населения, преимущественно неграмотного и малограмотного, проводимой, как правило, в часы досуга желающих приобщаться к культуре в специально для этого инициативно создававшихся внешкольных учреждениях – народных домах и народных театрах, народных университетах и народных библиотеках, рабочих курсах и рабочих клубах, а во второй половине этого периода, после принятых царским правительством «Временных правил об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года, – культурно-просветительных обществах и комитетах грамотности, обществах самообразования рабочих и обществах разумных развлечений, литературных и артистических кружках и т. д. Субъектами внешкольно-образовательной деятельности, ее иницилирующей и организующей силой были разночинцы – «люди разного чина и звания», выходцы из разных сословий – дворянства, духовенства, купечества, мелкие чиновники, представители разночинской интеллигенции – профессора вузов и школьные учителя, врачи, артисты, художники, композиторы, писатели, издатели, добровольно посвятившие себя миссии народного просвещения. Но именно в этот период они стремились нести малообразованным людям системное знание, создать во внешкольных учреждениях (клубах, библиотеках, музеях) подобие образовательной школы, университета и других образовательных учреждений. Вот почему этому периоду в отличие от первого больше соответствует название «внешкольное образование».

3. Политико-просветительная работа (1917–1927 гг., период, берущий начало от двух революций в России: в феврале-марте и октябре 1917 г., период первого десятилетия Советской власти). Название периода точно отражает основную цель проводившейся государственными, партийными, профсоюзными, молодежными и другими общественными организациями и их учреждениями работы в досуговом пространстве населения – политическое просвещение рабочих, крестьян, армейской и учащейся молодежи культурно-образовательными средствами, художественно-массовая политическая агитация и пропаганда среди населения.

Период характеризуется ростом политической и культурной активности преимущественно демократических слоев населения, принявших идеи Октябрьской революции и новой Советской власти и активно вклю-

чавшихся в «социалистическое строительство». Этому во многом способствовала целенаправленная политико-просветительная работа специально создававшихся для этого организаций (политпросветов), учреждений – партийных, рабочих, молодежных (с 1918 г. – комсомольских), армейских, женских клубов (не случайно этот период еще называют и «золотым веком клубной работы»), изб-читален, передвижных политико-просветительных учреждений – агитпоездов и агитпароходов.

В национальных и автономных республиках Советской России роль таких политико-просветительных центров играли красные чайханы, красные юрты, красные чумы, красные яранги.

И в содержании, и в формах политпросветработы этого периода было много нового, учитывающего разнообразные интересы активные ее участников. В политпросветучреждениях проводилась лекционная и первичная (игровая), экскурсионная и справочная, вечеровая и антирелигиозная, массовая и кружковая работа. В богатом арсенале форм политпросветработы 20-х годов были громкие читки и устные газеты, живгазеты и живжурналы, литсуды, литдиспуты и политдиспуты, клубные инсценировки и театрализованные представления, антирелигиозные вечера и политигры, «синие блузы» и трамы (театры рабочей молодежи). Половодье клубов выплеснуло множество театральных, хоровых и музыкальных кружков. «Россия превращается в своеобразные Афины», – писала Н. К. Крупская об этом периоде, который еще ждет своих современных исследователей. Хорошо, что первые энтузиасты уже есть.

4. Культурно-просветительная работа (1928-й – 2-я половина 80-х годов, начало перестройки). Самый длительный и самый содержательный период. Целью работы широкой сети клубов, библиотек, парков, музеев, внешкольных учреждений становится культурное просвещение населения, просвещение средствами культуры и просвещение с целью приобщения к культуре. Культурно-просветительная работа становится социальным институтом российского общества, одним из ведущих и эффективных средств идеологической деятельности партии и государства, которые являются основным субъектом и главным заказчиком этой работы в обществе. Развиваются массовые, институциональные формы культурно-просветительной работы. Массовый культпоход (1928–1932 гг.) и культармейское движение в 30-е годы, широкое развитие художественной самодеятельности, массово-политической и массово-художественной работы, многообразие типов и видов культурно-просветительных (прежде всего клубных) учреждений в стране, разветвление организационной структуры управления культурно-просветительными организациями и учреждениями – основные тенденции формирования института

КПР. Клуб становится центром культурно-просветительной работы и... коммунистического воспитания в городе и на селе. Формируются кадры профессиональных культпросветработников. В институтах культуры открывается специальность «культурно-просветительная работа», создаются факультеты и кафедры КПР, в аспирантуре вузов культуры готовятся кандидаты наук по специальности «культурно-просветительная работа», соответствующие отделы и сектора создаются в Министерстве культуры СССР, в республиканских министерствах культуры, в краевых и областных управлениях культуры, в научно-исследовательском институте культуры Российской Федерации, в научно-методических центрах культуры. С 1940 года по настоящее время издается журнал «Культурно-просветительная работа». Своеобразным периодом в этом протяженном во времени периоде были годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в которые творческие усилия культпросветработников и активистов художественной самодеятельности на фронте и в тылу были направлены на укрепление морального духа советского народа и его Вооруженных сил, на всемерное содействие его победе.

К концу же этого периода сеть клубных учреждений в СССР составила 137 тысяч.

Естественно, в этом сложном и противоречивом периоде были и негативные тенденции в организации, содержании и формах КПР, всесторонний анализ которых с течением времени также должен быть проведен.

5. Культурно-досуговая деятельность (примерные сроки: с 1987 г. по 1994 г.). Так мы не столько выделяем новый период в организации культурного досуга населения, сколько, на наш взгляд, фиксируем вполне плодотворную попытку найти новое наименование, сигнификацию (буквально: обозначение) того вида социально-досуговой деятельности, который до сих пор, т. е. до перестройки, обозначался термином «культурно-просветительная работа». Аргументы у сторонников этого нового термина были достаточно убедительны. В прежнем словосочетании «культурно-просветительная работа» многих действительно не устраивали и термин «работа», сужавший широкий спектр самых различных видов профессиональной и любительской культурной деятельности населения в сфере досуга, и атрибут «просветительная», еще более ограничивавший этот спектр и сводивший его (по крайней мере, в названии) к одному только «просвещению». Поэтому, конечно, термин «культурно-досуговая деятельность», устранявший эти недостатки прежнего «КПР», да и бывший к тому же более благозвучным и современно звучащим, несомненно, воспринимался перестроечным общественным мнением как достаточно

(для этого мнения) емкое, полисферное, многофункциональное понятие: ведь досуг – это такое широкое пространство для свободной жизнедеятельности человека, которое не грех наполнить культурным содержанием.

В то же время термин «культурно-досуговая деятельность» – это не просто дань перестроечной моде. По мнению активных сторонников этого термина А. Д. Жаркова, В. М. Чижикова, В. Я. Суртаева, Н. Ф. Максюткина, культурно-досуговая деятельность – это действительно новое направление в теории и практике организации культурного досуга, который ими понимается как «сфера свободного нерегламентированного поведения человека», как «целенаправленный процесс, охватывающий искусство, игру, общение, развлечения, художественное творчество и т. д. [15, с. 144]. Этот период в своей вышеприведенной нами классификации выделяет и Е. В. Литовкин, отмечая его как «объективное следствие поиска путей выхода из кризисного состояния советской культурно-просветительной сферы и результат переосмысления прошлого опыта как на уровне теории, так и на уровне практики» [5, с. 34]. Н. Н. Ярошенко назвал такое «изменение названия нашей отрасли одним из теоретических «предчувствий» перемен в ее методологии» [16, с. 152].

Добавим также, что в этот период, как мы полагаем, именно эйфория перестройки подвигла и социально-культурные учреждения России, и стремившиеся их адекватно научно-методически обеспечить высшие учебные заведения культуры избрать организацию культурного досуга, досугового творчества людей доминантой своей практической и образовательной деятельности.

6. Социально-культурная деятельность (с 1995 г. по настоящее время). Это период, когда термин «социально-культурная деятельность», несомненно, возобладавал в отечественной научной и образовательной лексике. И сегодня он уже общепризнан. Инициатива и настойчивость Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Ю. А. Стрельцова, Г. Я. Никитиной, Н. Н. Ярошенко в Москве, М. А. Ариарского, В. Е. Триодина, А. В. Соколова – в Санкт-Петербурге, поддержанная ведущими учеными многих региональных вузов культуры, привели к возникновению принципиально нового качественного триединства: утверждению социально-культурной деятельности как новой гуманитарной науки, учебной специальности и профессиональной отрасли. Наука, осмысливая новое для России понятие, выработала ряд дефиниций: «исторически обусловленный, педагогически направленный и социально востребованный процесс преобразования культуры и культурных ценностей в объект взаимодействия личности и социальных групп» [2, с. 49]; «культурная деятельность социальных субъектов по созданию культурных ценностей, развитию способностей,

индивидов и обслуживанию их творческой деятельности, коммуникации всех видов культурных ценностей» [11, с. 18]; «совокупность педагогических технологий, обеспечивающих превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия и технологично определяющих социализирующие воспитательные процессы» [16, с. 46].

В последнем опубликованном нашем определении понятия СКД формулировка дефиниции следующая: «управляемый социальными институтами процесс приобщения человека к культурным ценностям общества и активного включения самого человека в этот процесс» [13, с. 27].

Наконец, мы имеем и законодательное определение понятия «культурная деятельность», которое, как известно, дано в статье 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, принятых в октябре 1992 г.: «Культурная деятельность – деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей» [7, с. 5]. И хотя это законное, но не совсем совершенное определение относится к культурной деятельности, а не к социально-культурной деятельности, что в принципе не одно и то же, так как «культурная деятельность подразделяется в зависимости от субъекта на два вида: индивидуально-культурная, осуществляемая единичным субъектом (личностью), и социально-культурная, осуществляемая социальным субъектом» [11, с. 7], но, естественно, определение, данное в Законе о культуре целому (КД), относится и к его части (СКД).

У всех этих, казалось бы, разных дефиниций тем не менее есть инвариант – то общее терминологическое сочетание, которое отражает суть социально-культурной деятельности, ее видовое отличие от других видов социальной деятельности. Это социально-педагогический процесс по организации общения человека с культурными ценностями, т. е. его культурно-ценностной коммуникации.

Культурно-ценностная и социально-коммуникативная направленность социально-культурной деятельности – суть две доминанты ее отличия от других, предшествующих ей видов социально организованного досуга в России. Это, пожалуй, ее первое, сущностное функциональное отличие.

На второе отличие современной СКД от КТР, например, и от культурно-досуговой деятельности, а тем более от ранних ее видов, осуществившихся в другие периоды истории России, обращают внимание многие теоретики СКД. Это отличие заключается в гораздо большем объеме понятия СКД, его содержательного спектра. Наиболее четко, на наш взгляд, раскрыл это отличие в своих работах профессор В. Е. Триодин: «Богатство и разнообразие форм общественных связей вобрал в себя тер-

мин «социально-культурная деятельность». Она – логическое продолжение и развитие культурно-просветительной работы. Социально-культурная деятельность – родовое понятие, «культурно-просветительная работа, культурно-массовая работа, культурно-досуговая деятельность – видовые понятия», – пишет наш общепризнанный авторитет в теории СКД в фундаментальной статье, опубликованной в 2005 году [12, с. 34]. Добавим к этому важному заключению видного российского методолога педагогики свободного времени, что и культурно-воспитательная, и культурно-развлекательная, и любительская художественно-творческая деятельность также входят в объем современного понятия СКД, что, по существу, она (СКД) вбирает в себя содержание и формы тех видов деятельности, которые были свойственны уже названным нами и предшествующим ей периодам, но, естественно, модифицированные и адаптированные к современным условиям, субъектам и объектам ее организации.

В связи с этим следует указать на еще одно, третье, на наш взгляд, отличие термина СКД от всех его предшественников. И это даже не столько отличие, сколько его удивительное семантическое, атрибутивное свойство. Оно заключается в очень уж расширительном словоупотреблении и атрибута «социально-культурный», и самого словосочетания «социально-культурная деятельность». Причем полисемия эта имеет со временем свойственную ей тенденцию к расширению. В настоящее время (май 2007 г.) сформировалось три основных значения атрибута «социально-культурный», которые мы в своих работах [14, с. 26] называем тремя уровнями современной культурологической парадигмы российской науки, на которых активно функционирует этот атрибут:

1) **локальный, отраслевой, предметный в таких словосочетаниях**, как «социально-культурная деятельность», «социально-культурная сфера», «социально-культурное образование», «социально-культурные учреждения» и т. п.;

2) **глобальный, межотраслевой, общенаучный, на котором оперируют современные философские, социологические, культурологические науки**, в таких, например, словосочетаниях, как «социально-культурные процессы», «социально-культурные отношения», «социально-культурный институт», «социально-культурный феномен» и т. п.;

3) **и, наконец, третье значение, на самом высоком общеобразовательном, правительственном, публично-риторическом уровне появившееся совсем недавно и ставшее все более активно употребляться в речах государственных деятелей, видных политиков и публицистов в таких, к примеру, сочетаниях как «социально-культурная политика государства», «социально-культурная жизнь российского общества», «социально-культурные условия в России».**

В свете такой многоуровневой полисемии, казалось бы, принадлежащего только наследникам КПР атрибута «социально-культурный» и все еще имеющего место консервативно-настороженного отношения к нему практических работников социально-культурной сферы, полагаем, ученым, педагогам и современным менеджерам СКД нужно совместными и согласованными усилиями определить и нормативно очертить институциональное, функциональное, кадровое и технологическое поле того вида профессиональной и любительской деятельности, которая сегодня называется СКД. В интересах дела такое размежевание крайне необходимо.

Подведем итоги.

1. Нет сомнения, что должна формироваться и развиваться как отрасль науки история СКД. И это должна быть не история культуры, не история искусства, не история образования, просвещения, развития книги, печати, быта в России. Это должна быть история развития особой, слабо изученной отрасли общественной деятельности в России, еще совсем недавно называвшейся «культурно-просветительной работой», а ныне получившей более широкое название – «социально-культурная деятельность».

2. Необходимо все большее проникновение, исследование и отражение в наших работах по истории СКД государственной социальной политики в сфере общественно организуемого досуга, содержания и форм организации социально-культурной и социально-досуговой деятельности. Причем исследование это должно все глубже и все предметнее проникать и в так все еще нами называемый «дореволюционный период», который имеет свою богатую не ограниченную только XIX и XX веками историю, и свою более многофакторную и многоэтапную периодизацию, не ограниченную только рамками «до» и «после Октября».

3. Следует решительнее и предметнее избавляться современным историкам от издержек советско-классового подхода к периодизации и содержанию историко-культурного поля.

4. Наконец, самое главное. Как точнее, как правильнее называть эту самую историю досуга на Руси, в России, СССР, снова в России? Смотрите, как осторожно делают это Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Г. Я. Никитина в учебниках, авторами или соавторами которых они являются. «Организованный досуг народных масс», «досуговые формы общения», «культурная деятельность в сфере досуга», «культурно-досуговая деятельность» – бережно обращаясь с терминологией, они не спешат навешивать ярлык «социально-культурная деятельность» на всю историю российского досуга.

Может быть, все-таки социально-культурной деятельностью в России следует называть большой период, берущий начало с XIX века и соответствующий тем критериям социально-культурной деятельности, о которых мы писали выше. А те шесть подпериодов этого более чем двухвекового временного пространства называть или этапами, или, как мы свою лекцию, «Динамика развития понятия и форм социально-культурной деятельности в период XIX–XXI веков». И тогда содержание и формы деятельности по организации досуга в России в предшествующие истории СКД периоды, в том числе и указанные Е. В. Литовкиным, можно интегрировать и рубрицировать, например, такими терминами:

1. Досуг на Руси и соответственно история досуга на Руси.
2. Организованные формы досуга в России и соответственно история развития организованных форм досуга в России.
3. Социально-досуговая деятельность (СДД) в России и соответственно история СДД (этот период вполне возможно отсчитывать с петровских реформ, в том числе и в сфере досуга).
4. И, наконец, социально-культурная деятельность в России с терминологическими модификациями ее названия в указанные нами этапы и соответственно история СКД в России в период XIX–XXI вв.

В то же время, полагаем, в интересах дела можно все терминологическое многообразие свести или всего к двум интегрирующим инвариантам: культурно-досуговая деятельность (до XIX века) и социально-культурная деятельность (начиная с XIX века), и тогда все остальные термины уже будут относиться к конкретным периодам. Осталось только договориться хотя бы об условной научно-педагогической унификации этих периодов.

Уже когда наша статья была подготовлена к изданию в сборнике, вышли в свет два тома уникальной многотомной монографии челябинского ученого, профессора В. М. Рябкова «Антология форм культурно-досуговой деятельности» [8] и «Антология форм праздничной и развлекательной культуры России» [9]. И в названии, и непосредственно в тексте двух этих замечательных книг их автор оперирует всего тремя терминами, интегрирующими все многообразие форм организации досуга, имевших место в истории человечества: праздничная культура, развлекательная культура, культурно-досуговая деятельность. Отсутствие других терминов в его фундаментальных трудах вовсе не обеднило их содержание.

Тем не менее мы по-прежнему считаем необходимым продолжение поиска системообразующих лексем в терминологическом поле социально-культурной науки.

Литература

1. История России: с начала XVIII до конца XIX века: учеб. пособие / А. Н. Сахаров, Л. В. Милов и др.; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 544 с.
2. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: учебник. – М.: МГУКИ, 2004. – 539 с.
3. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова. – М.: МГУК, 1998. – С. 10–17.
4. Литовкин Е. В. Социально-культурная деятельность в контексте современного исторического значения // Вестник МГУКИ. – 2003. – № 1. – С. 86–94.
5. Литовкин Е. В. Культурно-просветительная работа России послевоенного периода в историко-педагогическом контексте: монография. – М.: МГУКИ, 2004. – 352 с.
6. Орлов А. С., Георгиев В. А. и др. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. – М.: МГУ, Истфак, 1999.
7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре // Российская газета. – 17 ноября 1992. – С. 5–7.
8. Рябков В. М. Антология форм культурно-досуговой деятельности: учеб. пособие. – Челябинск: ЧГАКИ, 2006. – 472 с.
9. Рябков В. М. Антология форм праздничной и развлекательной культуры России (XVIII – начало XX в.): учеб. пособие. – Челябинск: ЧГАКИ, 2006. – 706 с.
10. Савченко А. М. История культурно-просветительной работы в СССР: курс лекций для студентов-заочников. – М.: МГИК, 1970. – 170 с.
11. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности: монография. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 204 с.
12. Триодин В. Е. Теория социально-культурной деятельности: объект и предмет исследования // Социально-культурная деятельность: теория, технология, практика: кол. монография (ред.-сост. Л. Е. Осипова; науч. ред. В. Я. Рушанин. – Челябинск: ЧГАКИ, 2005. – Ч. I. – С. 30–48.
13. Туев В. В. Социально-культурная деятельность: понятие и дефиниции // Социально-культурная деятельность: теория, технология, практика: кол. монография. – Челябинск: ЧГАКИ, 2005. – Ч. I. – С. 11–30.
14. Туев В. В. Атрибут «социально-культурный»: два уровня одной парадигмы // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – С. 19–27.
15. Чижиков В. М. Досуг на пороге новой культурной формации // Библиотекосведение: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. – М.: МГУК, РГБ, 1997. – С. 140–147.
16. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы теории социально-культурной деятельности: дис... д-ра. пед. наук. – М.: МГУКИ, 2000.

Цивилизационный подход к периодизации отечественной истории

Историческая наука немыслима без периодизации исторического процесса, она помогает осмыслению, дает возможность научного обобщения, выполняя прежде всего интеллектуальную, гносеологическую функцию (т. е. отражает логику процесса, выступая его зримой формулой). В авторитетном энциклопедическом издании 70-х гг. XX века периодизация определяется как условное деление исторического процесса на хронологические периоды соответственно их отличительным особенностям, которые выявляются в зависимости от избранного критерия [1, с. 39–40]. В понимании ведущего отечественного методолога 70-х гг. XX в., академика Е. М. Жукова периодизация есть сущностное определение основного содержания этапов становления и развития исторических процессов, характерных для данного народа, страны, региона или человечества в целом [2, с. 145]. Академик И. Д. Ковальченко цель многомерной типологии и периодизации видел в выявлении таких пространственных и временных сочетаний проявлений исторического развития, которые представляли собой некие комплексные сущностные целостности [3, с. 22]. В трактовке академика М. А. Барга периодизация истории есть выделение существенных черт предмета, которые служат основанием для опыта типологии его пространственно – временных воплощений [4, с. 71].

Проблема любой периодизации – определение исходных принципов и, конкретно, содержательных критериев, которые зависят от теоретико-методологической основы. Поэтому в периодизации необходимо различать смысловую (концептуальную) и хронологическую сторону.

Поскольку осмысление истории включает в себя ее периодизацию, то поиск типов и стадий исторического развития начался с возникновения исторической науки. Первый опыт периодизации мы встречаем в культурах, мифологии и религии прошлого – деление истории по аналогии с сезонами года, с возрастами человека. Греческий поэт Гесиод в VII в. до н. э. писал о четырех прошедших веках – золотом, серебряном, бронзовом и железном. Большинство средневековых историков предпочитало периодизацию по шести возрастам, предложенную Аврелием Августином. Века, прошедшие с момента создания мира, уподоблялись возрастам человека и дням Творения.

В контексте культуры Возрождения и Реформации утверждается понятие исторической эпохи. Подразделение истории на древность, средние века и Новое время закрепляется в работах историков Просвещения (XVIII в.).

В отечественной исторической науке в досоветский период наиболее широкое распространение получили два подхода к периодизации исторического развития. Один из них основывался на освещении истории по княжениям и царствованиям. Наиболее ярким примером периодизации является «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Периодизацию Н. М. Карамзина невозможно изложить короче, чем это сделал сам автор: «...История наша делится на древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на среднюю – от Иоанна до Петра и новую – от Петра до Александра. Система уделов была характерна первой эпохе, единовластие – второй, изменение гражданских обычаев – третьей» (5, XIV). В таком подходе есть определенный смысл, поскольку от властных структур многое зависит в ходе общественно-исторического развития. Ограниченность подобного членения истории – в концентрации исследования на деятельности коронованных лиц и их ближайшего окружения.

Второй подход реализован в творчестве выдающегося российского историка С. М. Соловьева, в его 29-томной истории России. В основе периодизации С. М. Соловьева – выявление различных стадий в развитии государственности, борьба родового строя с государственным началом. Первый период характеризуется господством родового строя: от Рюрика до Андрея Боголюбского (862–1157); второй, от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты (1158–1325), отличается борьбой родового и государственного начала; в третьем периоде появляются первые успехи государственного начала – он охватывает время от Ивана Калиты до Ивана III и характеризуется возвышением Москвы, объединением земель вокруг нее (1325–1462); четвертый период продолжался от Ивана III до пресечения династии Рюриковичей (1465–1598), в результате которого произошла победа государственных отношений над родовыми. Государственное начало становится творцом исторического процесса, от него исходят все импульсы, влияющие на жизнь народа, от культуры и быта до экономики, административного устройства и социальных структур.

Главное в концепции С. М. Соловьева – учет разнообразных факторов, оказавших воздействие на историю. Их три: природа страны, характер населения и ход внешних событий.

Периодизация, предложенная советской историографией, исходила из марксистской концепции материалистического понимания истории, базирующейся на формационном подходе. «Последовательная смена социально – экономических формаций, – писал академик Е. М. Жуков, – представляет собой объективную основу и теоретическую базу периодизации исторического процесса» [2, с. 151].

Формационный анализ являлся существенным шагом вперед в изучении истории, поскольку развитие рассматривалось с диалектико-материалистических позиций. Как отмечал академик И. Д. Ковальченко, это позволило, во-первых, на основе способа производства раскрыть объективный и закономерный характер общественно-исторического развития, раскрыть содержательно – поступательный ход исторического развития; во-вторых, это развитие было представлено как сложная саморазвивающаяся система [3, с. 24]. Академик М. А. Барг подчеркивал: формационный подход к истории единственно способен обеспечить адекватное познание ее объективного аспекта, то есть процессов, складывающихся из «суммирования» результатов индивидуальных и групповых действий общественных индивидов [6, с. 32].

Но формационная модель оставляла вне поля зрения множество элементов и связей общества как системы, поскольку они не находили в монистическом взгляде на историю своего адекватного объяснения. Сфера поиска была исключительно в «объективном», а не субъективном аспекте. Человек не только как индивидуальный, но и как социальный субъект отодвигался на второй план или вообще исчезал. Отсюда марксистская периодизация пяти формаций (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая, первой фазой которой является социализм) приобретала типологически однолинейный характер, смягчающийся хронологическими «уступами», образующимися в результате созревания одних и тех же типов формаций в различных исторических регионах. Универсальность исторической эволюции народов достигалась ценой лишения их исторической индивидуальности.

Марксистская методология, осознавая односторонность формационного принципа периодизации, предлагала его дополнить понятием «историческая эпоха» [2, с. 152–154].

Марксизм, став в советский период государственной официальной идеологией, был не только абсолютизирован как единственная научная теория, но и предельно догматизирован и примитивизирован. Формационное членение приобрело в советском общественном знании абсолютный характер. Общественно-экономическая формация считалась узловой категорией, стержневым методологическим понятием для всех марксистов [7, с. 30]. Ярко выраженная претензия на всеобщность и универсальность порождала необъективный подход к другим направлениям, в частности к анализу на цивилизационном уровне. Любые попытки «улучшить» марксизм рассматривались как уступки идеализму [7, с. 33].

С 80-х гг. XX в. в отечественной историографии усиливается интерес к проблеме цивилизации, за категорией «цивилизация» закрепляется

«сущностный» статус, что не отменяло аналогичного статуса категории «формация» [8, с. 99].

В постсоветский период, под воздействием не столько внутринаучных, сколько политических условий, марксизм оценивался как научно и морально устаревший набор критериев, ставший для советских историков «интеллектуальным ошейником», породивший «духовный провинциализм» отечественной историографии [9, с. 12, 13, 14]. Отсюда новая крайность – формационный подход объявляется несостоятельным и выдвигается требование его замены цивилизационным. К чести отечественного исторического сообщества эта бездоказательность не находит поддержки у большинства исследователей, и ставится задача сочетания обоих подходов. О необходимости синтеза концепций как обязательного условия формирования новой парадигмы говорилось еще в 80-х гг. XX в.

Цивилизационный подход зарождался и формировался в рамках гносеологии эпохи Просвещения в трудах Ф. Вольтера, И. Г. Гердера и др. Сам термин «цивилизация» (civilization) происходит от глагола «civiliser» – цивилизовать, просвещать. Отсюда распространенным содержанием этого понятия является просвещение или в широком смысле культура. Свое наиболее полное развитие цивилизационное осмысление истории получило в конце XIX – начале XX в.

Создатели линейно-стадиальных схем развития цивилизаций, от А. Фергюсона (1767) до О. Тоффлера (1980), видят в иных цивилизациях лишь предтечи или варианты развития собственной, западной культуры. Создатели теорий локальных цивилизаций, начиная с Н. Данилевского (1869) и заканчивая С. Хантингтоном (1996), стремятся выявить в цивилизациях свойственные лишь им самим цели, причинно-следственные отношения и логики развития.

Методологическое значение цивилизационного анализа состоит в возможности раскрытия исторического смысла любой эпохи через ее человеческое измерение. Категория «цивилизация», указывал академик М. А. Барг, единственная в понятийном арсенале историка категория, позволяющая антропологически осмыслить исторический процесс, т. е. гуманизировать его [4, с. 70].

Реализация высоких познавательных потенциалов данного конструкта сдерживается отсутствием целостной теории цивилизации. Ее статус остается крайне неопределенным. Отсюда эвристическая гетерогенность и неопределенность мировоззренческих позиций цивилизационного подхода. Научный аппарат не располагает стандартизированными процедурами исследования и верификаций [10, с. 86]. Поэтому исследовательская

практика цивилизационного анализа характеризуется приблизительным, инсайтно – интуитивным описанием, нестрогим, а значит, и необязательным дискурсом. Рождаются сугубо авторские классификации. Классический цивилизационный подход Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби не дал «историографического шлейфа», отмечает профессор Н. Б. Селунская, не работал, как марксизм, в практике конкретно – исторических исследований мировой историографии вообще, российской в особенности [11, с. 52].

Современная отечественная историография располагает плодотворным опытом методологического консенсуса, взаимосвязи различных теорий, что проявилось в творчестве крупнейших, талантливых и оригинальных ученых, академиков Михаила Абрамовича Барга и Ивана Дмитриевича Ковальченко [3, с. 4, 6].

Общим в их методологических моделях выступает категория «цивилизация», которая наполняется новым содержанием через конструктивное соединение формационного и цивилизационного концепта. Цивилизация, отмечал М. А. Бург, включает как объективный (формационный), так и субъективный (антропологический) аспект процессов истории [6, с. 33]. Ограниченность формационного подхода, писал И. Д. Ковальченко, преодолевается в подходе цивилизационном, путем включения формационного подхода в цивилизационный как части в целое, как особенного в общее [12, с. 233].

В чем же различия в трактовке нового содержания понятия «цивилизация»? Академик И. Д. Ковальченко интегральную природу цивилизации рассматривает с позиции не догматизированного материалистического монизма, считая энергетическую и информационную вооруженность общества наиболее динамичным комплексом факторов, определяющих деятельность человека. Антропологичность И. Д. Ковальченко состоит в учете того, каково положение человека в основных сферах его деятельности, а не сам собственно человек как творческое начало истории. Цивилизационный процесс анализируется не «изнутри», а «извне», дается экзогенная его интерпретация. Здесь цивилизационный подход выступает как обогащенная формационная объяснительная модель.

Концепция академика М. А. Барга (которую мы разделяем), исходя из дуалистического понимания действительности, определяет цивилизацию как «двухполюсное» целое, а именно динамическое сопряжение двух отправных начал: «антропогенных» и «социогенных», объективно-заданного и субъективно-волевого. Противоречия, накапливающиеся в этой целостности, разрешаются деятельностью человека – носителя данной цивилизации. Феномен цивилизации заключается, таким обра-

зом, в человеческом, субъективно деятельном начале. Цивилизационная версия М. А. Барга, центрированная на категории деятельности, эндогенна, она не декларативно, а подлинно ориентирована на познание человека в истории как носителя исторически определенной цивилизации. В этом и состоит суть антропологического видения исторического процесса, который направляет исследователя на познание прошлого «изнутри», через все формы объективизации субъекта истории, т. е. на раскрытие его «внутреннего» «я» во всех формах деятельности – трудовой и социальной, политической и идеологической, во всех общественных связях.

Эндогенность конструкции М. А. Барга устанавливает неповторимую индивидуальность каждой данной цивилизации, поскольку выявляет стилевые особенности труда и мышления ее носителей.

Анализируя внутреннее основание каждой данной цивилизации, М. А. Барг выделяет два основных фактора, взаимодействие которых определяет специфику процесса ее развития в пространстве – времени. С одной стороны, фактор объективных определений (возможности), диктующий индивиду социально – нормативное пространство, в границах которого потенциально могла бы проявиться его индивидуальность, с другой стороны, противостоящий ему субъективный – это стремление индивида к самоопределению, свободе выбора, и прежде всего места, формы и способа труда – материально-предметного или духовного. Между этими «силовыми линиями» и пролегла наиболее активная область социального напряжения, основное противоречие, пронизывавшее всю структуру цивилизации.

Объективный фактор – это фактор динамической устойчивости, преемственности развивающегося, гарант сохранения генотипа данной цивилизации, сила консервативная. В субъективном факторе потенциально, по мере поступательного развития цивилизации, заключается основной источник социальной энергии, т. е. движитель исторического развития цивилизации. Способность каждой данной цивилизации утилизировать эту энергию не на внешнюю экспансию, а на внутреннее созидание определяется «пространством свободы», как для всего сообщества, так и для различных социальных групп и слоев.

На основе данного фундаментального сопряжения объективного и субъективного начал цивилизации академик М. А. Барг вычленяет два типа цивилизаций: в I типе господство фактора «объективной необходимости» доведено до степени абсолюта, полностью исключаящей для ее носителей саму идею самоопределения индивида, т. е. свободы; во II самоопределение-свобода рассматривается в качестве конститутивного принципа, а фактор «объективных определений» призван спо-

собствовать тому, чтобы самоопределение одного индивида не мешало и, более того, не исключало самоопределение другого.

Между этими предельными типами цивилизации расположены два промежуточных типа: 1) с преобладанием фактора «объективных определений»; 2) с преобладанием возможности индивидуального самоопределения – свободы.

Периодизация истории, базирующаяся на данной типологии цивилизации, выглядит следующим образом: предельный тип господства фактора надличностной необходимости и соответствующий ему подтип (преобладание этого фактора) относятся к исторической эпохе доиндустриальной; второй предельный тип цивилизации и соответствующий ему подтип (преобладание фактора индивидуального самоопределения) относятся к эпохе общества индустриального.

Доиндустриальные цивилизации основаны на подавлении, обезличивании человека, на «растворении» индивида в родовых, территориальных, сословных коллективах, поэтому и являются традиционными, поскольку, преследуя цель сохранения нерушимости коллективных (безличностных) структур, почти полностью исключили фактор индивидуального выбора в среде «массового человека».

Индустриальная (или техногенная) цивилизация основана на личном интересе изолированных друг от друга индивидов. Рационализовав само ведение «дела» (при котором человек существует для дела, а не дело для человека), она дала мощный толчок росту интенсивности и производительности труда. Возрос динамизм личности, подстегиваемой конкурентной борьбой во всех сферах ее жизнедеятельности. Ход истории на почве этой цивилизации резко ускорился. Формируется гражданское общество на признании суверенности человеческой личности, защите прав во всем, что касается ее достоинства, ее свободы.

В качестве основного критерия типизации и периодизации выступает положение индивида в обществе, соотношение сфер «объективной необходимости» и «пространства свободы» (т. е. какова область общественных связей, регулируемая фактором объективных определений и какова при этом степень свободы индивида в его стремлении к самоопределению).

Исходя из методологического опыта современной российской исторической науки, концепций академиков М. А. Барга и И. Д. Ковальченко, а также учитывая историографическую традицию XIX – начала XX в. («колумбов российских древностей» Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского), предлагаем периодизацию отечественного исторического процесса на основе типологии цивилизаций, хронологическая последовательность которых состоит из периодов и этапов.

Период можно определить как промежуток времени, в котором исторический процесс качественно изменяется; каждый период – это новое качественное явление; период имеет, как правило, четко очерченные хронологические рамки, т. е. имеет начальную и конечную точку своего существования, но границы его условны и подвижны; период отражает единство прерывности и непрерывности исторического процесса, раскрывает его становление и развитие; период выступает как закономерный процесс, поэтому смена исторических периодов не зависит от нашего субъективного предпочтения.

Если тип цивилизации определяет качество «периода», то «этап» есть зарождение, становление, развитие этого качества. Этап – это относительно особенная часть единого процесса развития, отрезок и степень развития.

Хронологическая сетка цивилизационного развития отечественной истории, по нашему мнению, может быть представлена так.

Аграрная (традиционная) цивилизация (IX век – до конца XIX века). Состоит из двух периодов: первый – IX век – первая половина XIX века – время абсолютного диктата объективного фактора в рамках феодального общества, материальная основа которого (в отличие от Европейского континента) не образовала «первичного» пространства свободы. Развитие этого периода прошло ряд этапов:

Древняя Русь (IX–XIII вв.);

становление единого Российского централизованного государства (XIV–XVII вв.);

рождение и развитие Российской империи (конец XVII – рубеж XVIII–XIX в.);

расцвет Российской империи (I пол. XIX в.).

В российском аграрном социуме универсальная задача человечества – сохранение рода – под давлением крайне жесткого природно-географического и геополитического фактора приобрела статус фундаментальной проблемы выживания.

Социокультурная безопасность россиян в этот период гарантировалась сильной государственностью, эффективностью которой при минимальном прибавочном продукте общины достигалась через утверждение крепостного права.

Ограниченность социальной энергии позволила создать внешнюю свободу, но за счет внутренней, т. е. россиянин принес в жертву проблеме выживания (объективной необходимости) свой индивидуальный выбор, стремление к самоопределению. Таким образом, насилие «извне» – «выживание» порождало насилие «внутри» – «скованность» индивидуального выбора.

Устойчивость экстремальной социальной практике придала общинная ментальность крестьянства – с ее способностью признавать «общее» более важным, чем «частное» (отнюдь не отвергая последнего). Отсюда духовная доминанта российской истории – идея отдать все ради общего блага и не искать личной выгоды. Если европеец любит «себя» в Родине, то русские – Родину в «себе».

Самосохранение через самоограничение – ключевая особенность российской общности – определила длительность I типа цивилизации и крайне медленное накопление предпосылок модернизационного сдвига.

Второй период: с 1861 года по конец XIX века – процесс выхода российского социума за пределы аграрной цивилизации, что реализовалось в одном этапе: II пол. XIX века, когда сдвиг в материальной основе с феодального на капиталистический способ производства, ограничив господство «объективного фактора» статусом его «преобладания», освободил пространство для индивидуального выбора.

Техногенная цивилизация (конец XIX–XX век – начало XXI века). Имеет два периода: первый – рубеж XIX–XX века – 2-я половина XX века – время вхождения России в техногенную цивилизацию через становление индустриального общества, материальной основой которого первоначально являлся капиталистический способ производства. Социокультурная несовместимость капиталистического варианта с общинной ментальностью российского социума определила выбор социалистической альтернативы индустриального развития. Этот период включает этапы:

капиталистическая индустриализация Российской империи (конец XIX – начало XX в. – до 1914 г.);

Первая мировая война и общенациональный кризис (1914–1921);

социалистическая индустриализация СССР (1922–1939);

Вторая мировая война. Великая Отечественная война (1939–1945);

советское общество в условиях научно-технической, информационной революции (1945–1991);

второй период техногенной цивилизации: конец XX – начало XXI века – Россия в условиях информационного общества на постсоветском этапе своей истории (90-е годы XX – начало XXI вв.).

Советское общество, решив проблему «выживания», в XX веке уступило место новой России, в которой преобладающим стал фактор индивидуального самоопределения, свободы выбора каждой личности. Современный технологический уровень позволяет отказаться от традиционного самоограничения для самосохранения, тем более что сам микропроцессорный мир требует большего объема индивидуальности.

Литература

1. Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11.
2. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. – М., 1987.
3. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – № 1. – 1995.
4. Барг М. А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. – № 5. – 1991.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 1988. Кн. I.
6. Барг М. А. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. Кн. I. 1991. – № 3.
7. Историческая наука. Вопросы методологии. – М., 1986.
8. Шемякин Я. Т. Проблема цивилизаций в советской научной литературе 60–80-х гг. // История СССР. – 1991. – № 5.
9. Гуревич А. Я. Двойкая ответственность историка // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. – М., 1999.
10. Яковленко И. Г. Цивилизационный анализ, проблема метода // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. – М., 1999.
11. Селунская Н. Б. К проблеме объяснения в истории // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы научных чтений. – М., 2000.
12. Ковальченко И. Д. Научные труды. Письма. Воспоминания. – М., 2004.

II. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Волощенко Г. Г. (Омск, ОмГУ)

Этимологические проблемы истории досуга

Моим современникам, живущим уже в первом десятилетии XXI века, слово «досуг» кажется простым, понятным и почти однозначным: «свободное время», «отдых». Между тем оно имеет богатую этимологическую историю и претерпело в своем развитии множество значений. Только на двадцатом веке своего сложного и противоречивого развития «досуг» был зафиксирован в письменности восточных славян. Известным славистом и этнографом И. И. Срезневским в XIX в. было найдено первое, относящееся к XIV в. употребление слова «досуг» в славянской культуре. В дошедшем в подлиннике правовом документе «Закладная кабала XIV века на землю» говорится, что братья Обросим и Лаврентий Васильевы берут займы у Федора Макарова землю на 13 лет. И оговаривают условия, в том числе «пытати варити по досугу как могя... сол(ь)» [1], где «по досугу» Б. М. Ляпунов переводит «по способности, по возможности, по достижении» [2]. Откуда культура древней Руси могла заимствовать это слово?

Необходимо отметить, что во второй половине XIX и первой половине XX в., после находки И. И. Срезневского, этот вопрос уже ставился. Лингвистами-славяноведами был собран огромный материал, однако анализы А. А. Потебни, А. Х. Востокова, В. И. Даля, И. Желтова, Ф. Миклошича, Н. В. Горяева, М. Фасмера, Б. М. Ляпунова, А. Львова по интересующему нас аспекту можно свести к выводу А. Г. Преображенского: происхождение неясно [3].

Наш анализ предыдущих этапов развития культурологического явления «досуг» дает возможность говорить о трех вероятных источниках заимствования. Расположим эти источники по степени возможности их влияния на культуру Древней Руси (по нарастающей).

Теоретически возможно германо-франко-английское заимствование. Эти языки, по мнению лингвистов, начали развиваться на полтора-два века раньше древнерусского. Новейшие исследования истории немцев России указывают на их появление у нас с X в. Были и франко-древнерусские связи: так, в середине XI в. дочь киевского князя Анна Ярославна стала женой французского короля Генриха I и матерью Филиппа I.

Английская знать и купцы также неоднократно навевывались в Киевскую Русь X–XII вв. Но у нас нет данных о точном времени появления немецких, французских и английских «досугов», поэтому это гипотетически возможное заимствование оценим в несколько десятых процента.

Второе заимствование древнерусского слова «досуг» возможно от римско-латинского слова «otium» («**праздность**»). Согласно «Предварительному списку славянорусских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР», некоторая часть из 1493 учтенных на этот период рукописей была на латинском языке. Отдельные придворные и монахи, как покажут примеры, приведенные ниже, знали этот язык и изъяснялись на нем. Оценим возможность латинско-древнерусского заимствования в несколько процентов.

Третье возможное заимствование – это греко-византийско-древнерусское. Данное мощное влияние отразилось во всех сферах древнерусского государства X–XV вв. – **грамотности, религии, архитектуры, музыки, истории, одежды, законодательства** и т. п. Лингвисты считают, что от греко-византийского влияния древнерусский язык пополнил свой словарный запас от четверти до трети его объема. Греко-византийский этап в развитии русско-славянской духовной культуры является базовым, ссылка на него обязательна при перечислении культурных эпох восточных славян. Вот как это делает И. П. Снегирев в 1837 г. в «Русских простонародных праздниках и обрядах»: «Эпохи... языческая или дохристианская; греческая (до татар); восточноевропейская... западноевропейская» [4].

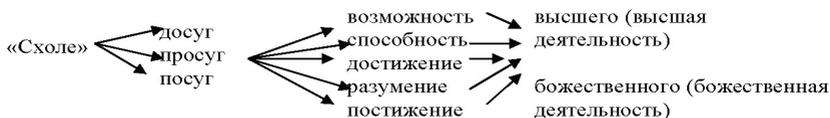
Однако, прежде чем анализировать византийско-древнерусские связи, важно не забыть предостережение Б. А. Рыбакова о том, что за 120 лет до Древней Руси такие связи уже устанавливались между Византией и Болгарией. Поэтому часть византийских влияний на Древнюю Русь несет южнославянскую мету. Такое влияние, например, отразилось на преемнике досуга – школе. Первые школьные образования на Руси назывались в южнославянском духе – училища и т. п. [5]. Но слова «досуг» нам древние болгары не передавали, как нет его в древнеславянском и древнерусском языках до начала византийско-древнерусских связей.

Повторим, что, согласно З. В. Удальцовой, византийская культура базировалась на Библии, греко-католической литературе и произведениях античной классики [6]. В философии Византии получили развитие взгляды Платона, Аристотеля и стоиков, включавшие учение о так называемом «схоле» – «высшем досуге». Доказательством этого стал в XV в. **новый** расцвет платоновского варианта мифа-учения о «гармонии сфер» в Италии и университетах Европы, куда его завезли византийские философы после захвата страны арабами. Византия передала вместе с православием Древней Руси и «высший досуг». Именно на эту версию падают остаю-

щиеся 90 с лишним процентов шансов заимствования явления «досуг» Древней Русью.

Наша уверенность базируется и на следующем. Все имеющиеся десятки оригинальных и сотни дублирующих употреблений слова «досуг» в Древней Руси и России XIV–XVIII вв. **не поддаются расшифровке** при применении римско-латинского и западноевропейского ключа «досуг-праздность». И наоборот, впервые за последние столетия поддаются расшифровке, наполняются глубинным содержанием при использовании ключа Древней Греции и Византии «досуг – высшая деятельность». Раскроем же смысл передачи греко-византийского слова «схоле» к древнерусскому слову «досуг» и двум другим словам этого же корня, которые, возможно, появились в трех разных центрах Древней Руси.

Смысл передачи содержания греко-византийского слова «схоле» древнерусскому слову «досуг» и другим однокоренным словам:

Комментарий к схеме дадим следующий. Нам представляется, что перед нами в «чистом виде» высший досуг с пифагорейско-платоновским содержанием мифа-учения о «гармонии сфер» последнего средневекового этапа развития.

Коснемся основных источников передачи греко-византийского досуга в культуру Древней Руси. Первый источник – классический – это монастырско-литературная культура. **М. В. Алпатов отмечал, что русские книжники, знавшие греческий язык, читали труды античных мыслителей в оригинале.** Тому подтверждение слова из Никоновской летописи имен 1610 г.: «Избрав мужей разумных и разумом досужих от священнического чина и от дяко-новского, которые б умели говорить с латыни о православной христианской вере». В этом же контексте идет высказывание в духе «Домостроя» из «Повести о Горе-Злосчасти» XVII в.:

Не хвались ты, молодец, своим счастьем,
Не хвастай своим богатством,
Бывали у меня, горя, и мудряя тебя, и досужае...

Второй источник – княжеско-(царско)-дворянская культура. Типичны примеры применения «высокого досуга» у Н. М. Карамзина, великого князя Бориса Александровича (XV в.), Петра I, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина и некоторых писателей-разночинцев. Н. М. Карамзин в

1810 г. писал: «Мужеством и досужеством Ив(ан) Гроз(ный) подобен великому царю Константину» [8]. **Великий князь Борис Александрович** отмечал в Договоре: «А буде ему досуг и самому пойти» [9]. Стонут от недосугов, отсутствия возможности реализовать великие цели, письма Петра I: «**И о том прошу всех, чтоб не сомневались в том, потому что за недосугом, а иное за отлучкою... не исправишь**» [10], «и ради своего недосугу полагаюся и спрашивать буду на вас» [11], «тому учинилось препоную недосужество, потому что отец ваш бдел в непрестанных трудах письменных» [12], «для бога не сумневайтесь о почтах, замешкаваются, истинно за недосожеством» [13], «Есть ли у тебя, моему батюшку, дасук есть, изволишь послушать» [14].

У Г. Р. Державина в переписке мы встречаем любопытную оговорку «досуга моя», что свидетельствует о поиске места «досуга» в родовых грамматических конструкциях. Следы гения оставил в этой теме А. С. Пушкин: «Часы досугов золотых» [15], «часы бесценного досуга» [16], «вдохновенный свой досуг» [17], «Я на досуге пишу новую поэму «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью» [18]. Неожиданную характеристику дворянского досуга мы встречаем у писателя-революционера С. М. Степняка-Кравчинского, который в книге «Россия под властью царей» (1885 г.), вышедшей в Англии, писал: «Государство... от дворян требовало их кровь, их досуг, их жизнь» [19], где «досуг» идет в значении «способности, высшие качества, талант».

Третьим источником развития «высокого досуга» Древней Руси и России был народ и близкие к нему слои. А. Я. Гуревич, теоретик средневековой народной культуры, верно отметил, что «внутри молчаливого большинства бурно развивались и самостоятельные процессы». Россыпь пословиц и поговорок, связанных с досугом, многообразие его грамматических форм и выражений не исключают того, что у народа были свои источники и трансляторы – возможно, это были скоморохи. Это подтверждает и нахождение в письменности Древней Руси первого досуга у простолюдина. На протяжении семи-восьми веков, то замирая, то захлестывая восточнославянское государство, несли скоморохи высокий досуг окружающим. Именно в этом, нам представляется, причина его богатейших россыпей, мимо которых не прошел ни один представитель серебряного века отечественной славистики.

Начнем обзор с пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем, П. И. Мельниковым-Печерским и И. И. Носовичем: «Был бы друг, будет и досуг» [20]. «Будет досуг, когда вон понесут». «Досужество да умение всего дороже». «Ен досуж на все». «Дружки жена да досужа была, сем(ь) год кросны ткала».

С. Б. Веселовский в «Ономастиконе» отражает первую фамилию с интересующим словом: «Досугов Иван, подьячий, дозорщик, Рязань, 1621 г.» И. А. Крылов черпал в народном творчестве не только сюжеты, но и различные варианты досуга: «А я с моим умением и трудом, притом с досужеством моею, знай, без тебя пробавиться сумею» [21]; «Досуг мне разбирать твои вины, щенок!»; «Вот наша девушка зачнет считать своих подруг. А ей считать большой досуг» [22], «То видя, говорит, как путный, Миша другу: «Приляг-ка, брат, и отдохни. Да коли хочешь, так сосни. А я постерегу тебя здесь у досугу» [23].

У великого русского критика В. Г. Белинского почерпнутые у народа «досужество», «досужество» употребляются в значении «возможность», «способность», «достижение» и порой наполнены сарказмом: «Эки молодцы были в древности, исполать их досуjestву... Литератору никогда не понять досуjestи французских писателей, которые успевают бывать в театрах... Откуда вдруг такая плодovitая досуjestь в задних рядах нашей литературы» [24]. Писатель из военной среды А. Ф. Погосский в 1853 г. дает любопытные определения «досуга» и «недосуга»: «Часок, когда работы не требуется, а отдыхать не хочется, вот это и есть досуg. А «недосуg» да «времени нет» – это бывает у такого господина, который ничего не делает» [25]. У писателя и общественного деятеля С. Г. Аксакова «досужество» употребляется в значении «высокие качества». «Пелагея, кроме досуjestва в домашнем обиходе, принесла... дарование сказывать сказки» [26].

В. И. Даль в «Толковом словаре русского языка» указал на богатство производных «высшего досуга»: «Человек или конь с досугом, с досуjestвом, с умением или особо добрыми качествами. Досужий – умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела, или мастер на все руки. Досуjestь, досуjestво, досуjestво – свойство досуjestого, умение, ловкость, способность к делу, мастерству» [27]. В этом же контексте, согласно Б. М. Ляпунову, следует понимать употребление слова «досуg» В. И. Лениным, которое долгое время было малоизвестно широкой публике. В 1919 г. он в Кремле в двух записках использовал слово «досуg» в древнем смысле:» «1. Богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. 2. ... чтобы завоевать настоящее равенство, чтобы осуществить на деле демократию трудящихся, надо сначала отнять у эксплуататоров все общественные и роскошные частные заведения, надо дать досуg трудящимся» [28].

Б. М. Ляпунов считает, что первая версия досуга закончила у восточных славян свое активное развитие в первой половине XIX в. **Укажем**

на некоторые теоретические аспекты, имеющие, на наш взгляд, к этому отношение. Первое: захват арабами в середине XV в. Византии и резкое уменьшение ее влияния на Русь. Второе: с середины XVII в., с царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), издавшего 33 указа, началось преследование скоморохов, частичных носителей греко-византийского досуга, знатоков языков и обычаев, талантливых музыкантов, певцов и плясунов, исполнителей и организаторов народных драм, медвежьих праздников и др. Третье: как известно, между отцом и сыном, Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем, историки проводят подраздел эпох, где с последнего и начинается отмеченная И. П. Снегиревым *западноевропейская дефиниция «досуга»*. В 1993 г. московский ученый Т. Г. Киселева в работе «О возникновении понятия «досуг» в России» сделала вывод, что досуг как часть внеуродового времени в России существует не больше двух столетий [29]. Этому заключению предшествовал длительный поиск в русской культуре.

Первыми заявили о трехсферности досуга восточных славян лингвисты. В анализах слова и формирующегося понятия «досуг» «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., в исследованиях И. Желтова 1876 г., Н. В. Горяева 1896 г., И. И. Срезневского 1896 г., А. Г. Преображенского 1910 г., Б. М. Ляпунова 1946 г. и других были фиксированы кардинальные изменения, происходившие с деятельностной осью слова и понятия в XVIII и XIX вв. Оно превращалось в категорию, стремительно расширяясь за счет временных аспектов, а деятельность, тяготеющая к высокой и возвышенной в прежнем понятии, размывалась характеристиками досуга-праздности. Лингвисты же дали и объяснение причин и способов изменения значения слова и понятия в общих законах языка как явления культуры. Так, Л. П. Крысин, анализируя социолингвистический подход к изучению языка, отмечал в качестве исходной теоретической посылки четкое ограничение внутренних, собственно языковых закономерностей, по которым происходит функционирование и развитие языка, и социальных факторов, в той или иной степени влияющих на ход этих процессов [30]. Д. Н. Шмелев среди причин, вызывающих изменение значения слова, основными называет внеязыковые причины, изменения, которые происходят в жизни общества. И далее добавляет, что изменения происходят в первую очередь в тех словах, «которые в данный момент соотнесены с наиболее актуальными для общества реальными явлениями». К внеязыковым факторам он относит изменения: а) в области производства, техники, науки; б) в сфере производственных отношений; в) в сфере идеологии. Анализируя механизм смены или удержания значения слова, Д. Н. Шмелев отмечает, что он действует в зависимости от таких

категорий, как традиция, языковой авторитет, литературная норма и литературный стандарт конкретного слова [31]. Характеризуя положение слова «досуг» в XVIII–XIX вв. с позиции механизмов смены значения слова Д. Н. Шмелева, можно отметить, что традиции, связанные с деятельностью, тяготеющей к высшему, у «досуга» за пять веков функционирования выработались. Это подчеркивают и пословицы, сложившиеся в это время в народе. Языковой авторитет и литературная норма «досуга» благодаря употреблению А. С. Пушкина, И. А. Крылова, В. Г. Белинского, Петра I и других были признаны, литературный стандарт вырабатывался. Вместе с тем серьезным недостатком формирующегося понятия «досуг», как отмечали составители словарей, была утеря языка и культуры, от которых досуг произошел, а вместе с ними и сферы происхождения – первоначальной божественной среды. Это положение греко-византийской модели досуга характеризовалось в русско-славянской культуре как уязвимое и неустойчивое.

Атака западноевропейской модели досуга на греко-византийскую у восточных славян началась в первой половине XVIII в. Из «окна в Европу», прорубленного Петром I, наряду с научными, социальными и производственными технологиями, хлынули и волны производных от *otium* («праздность») в немецкой, французской и английской интерпретации. Наступление шло тремя характеристиками – досугом-праздностью, размывающим «высшую деятельность» досуга-предшественника, временными аспектами, связанными с частью или синонимичными свободному времени, и досугом-категорией, носящим все более усложненный причинно-следственный характер составляющих.

При этом механизм формирования досуга и его форм функционирования носил сначала точечный характер.

Первые меты западноевропейской модели досуга, отраженные в отечественной культуре, восходят ко второй половине XVIII в. и связаны с оборотом «на досуге», зафиксированным у М. Д. Чулкова в 1770 г., Д. И. Фонвизина в 1783 г., Н. М. Карамзина в 1810 г., К. Н. Батюшкова в 1820–1855 гг. Д. И. Фонвизин: «На досуге ребят обучаю». Н. М. Карамзин: «Сев в коляску, я мог на досуге мыслить... об успехах искусства».

У А. С. Пушкина, знавшего, как известно, французский язык до тонкостей, за что в лицее получил кличку Француз, примеры предыдущей модели причудливо переплетаются с новыми: «Она меж делом и досугом открыла тайну, как супругом самодержавно управлять» [32]. «Плоды веселого досуга не для бессмертья рождены» [33]. Онегин, «убив на поединке друга, дожив без цели, без трудов до двадцати восьми годов, томясь в бездействии досуга без службы, без жены, без дел, ничем заняться не

умел» [34]. Для классика, как мы видим, характерны и блестящие трактовки досуга-праздности.

Параллельно шло развитие варианта «досуга» как части или синонима свободного времени. Впервые как определение оно зафиксировано в «Словаре церковно-славянского языка» 1847 г.: «Досуг – время, свободное от трудов по званию или должности» [35]. Любопытно, что слово «свобода» в России появилось, видимо, лишь в XIX в., **мы его отмечаем** впервые у К. Ф. Рылеева. А. Н. Радищев же написал поэму «Вольность» в 1783 г., это слово, возможно, ему было неизвестно.

В 1860 г. Н. А. Добролюбов и в 1852–1868 гг. А. И. Герцен в своих произведениях снова упоминают «на досуге». И в 1863 г. В. И. Даль, фиксируя все три аспекта в развитии досуга новой модели, в первом томе толкового словаря впервые, по нашим данным, употребляет оборот «Досуг как свободное время»: 1. *«Досуг – свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела.* 2. *Досуги – занятия для отдыха, на гулянках, безделье.* Был бы друг, будет и досуг. Работе время, а досугу час. Будет досуг, когда вон понесут. За недосугом когда-нибудь без покаяния умрешь. 3. *Досужный – свободный от дела, занятий.* 4. *Досужливый – мало занятой, часто свободный от дела.* 8. *Досуживаться – найти себе свободное время, досуг, удосуживаться.* 9. *Досужничать – отдыхать или гулять, не работать.* 12. *«Недосуг – не время, недостаток досуга, свободного часа, времени»* [36]. **В приведенных шести составляющих статьи «Досуг» В. И. Даля с взаимопересекающимися аспектами западноевропейского происхождения мы находим в пяти из них элементы досуга-праздности, в трех – элементы свободного времени, а в совокупности все составляющие показывают на идущее в рост по западному образцу становление досуга как категории.**

Продолжим анализ. Ф. М. Достоевский в 1887 г. стал одним из употреблявших исследуемое понятие в варианте «на досуге». Затем М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. П. Мусоргский внесли в 1880 г. в западноевропейские веяния свою семантику: «Не только досужие, но и рабочие люди разбрелись по углам», «Прошло время писания на досуге, всего себя отдай людям!» Историк В. О. Ключевский в 1880-х гг. употребил оборот «досужие часы» в значении «свободное, незанятое время». В 1898 г. журналист И. Озеров, как отмечает сибирский исследователь В. В. Туев, перевел английский *leisure* **не только как досуг, но и как свободное время.** В 1911 г. Д. С. Мережковский присоединился к использовавшим исследуемое понятие в варианте «на досуге». Исследователь клуба 1920–х гг. А. А. Петров четко фиксирует одно из направлений развития западноевропейского досуга: «Клуб, прежде всего место социально проводимого

досуга – отдыха». Полностью с ним солидарен и следующий теоретик клуба М. В. Петровский, который в 1923 г. писал: «Клуб – место социально значимого досуга...». «В Англии клубы призваны разрешать «проблему свободного времени», поставленную перед народом английской буржуазией, опасавшейся распространения социалистических идей, с одной стороны, с другой – его вырождения». В этом же контексте идет и известный тезис Н. К. Крупской: «Цель таких клубов – провести свой досуг в обществе духовно близких людей». Рассмотренный нами материал показывает, что в истории культуры восточных славян было два заимствования слова и понятия «досуг» – греко-византийское (XIV – середина XIX вв.) и западноевропейское, доминирующее с XVIII в. В рамках греко-византийского заимствования впервые объяснено происхождение слова «досуг».

Литература

1. Закладная кабала XIV в. на землю // Акты, относящиеся к периоду до юридического быта древней России. – СПб., 1864. – Т. 2, № 126. – С. 3.
2. Ляпунов Б. М. Из семасиологических этюдов в области русского языка: досуг и пр. // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1946. – № 68. – С. 63–68.
3. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка (фотокопия словаря 1910 г.). – М., 1959. – Т. 1. – С. 230.
4. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М., 1990. – Т. 1. – С. 4–5.
5. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XIX вв. – М., 1985. – Т. 1. – С. 109.
6. Удальцова З. В. Византийская культура. – М., 1988. – С. 114–115.
7. Срезневский И. К. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1896. – С. 41.
8. Договорная грамота великого князя Бориса Александровича с королем Сазимиром, 1449 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1846. – С. 66.
9. Письма и бумаги Петра Великого: в 3 т. – СПб., 1987. – Т. 1: 1688–1701; Т. 2: 1702–1703; Т. 3: 1704–1706.
10. Там же. – Т. 2. – С. 122.
11. Там же. – Т. 1. – С. 48.
12. Там же. – Т. 2. – С. 9.
13. Там же. Т. 1. – С. 572.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. – М., 1937. – Т. I, IV, XIII.
15. Там же. – Т. IV. – С. 75.
16. Там же. – Т. IV. – С. 91.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. – М., 1937. – Т. XIII. – С. 650.

18. Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. – М., 1960. – С. 71.
19. Веселовский С. Б. Ономастикон. – М., 1974. – С. 100.
20. Крылов И. А. Собрание сочинений: в 2 т. – М., 1969. – Т. 1.
21. Там же. – С. 13.
22. Там же. – С. 120.
23. Белинский В. Т. Избранные сочинения: в 3 т. – М., 1941. – Т. 1. – С. 530.
24. Погосский А. Ф. Полное собрание сочинений: в 4 т. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 5.
25. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1956. – Т. 3.
26. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 481.
27. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М., 1986. – Т. 37. – С. 494.
28. Киселева Т. Т. О возникновении понятия «досуг» в России // Актуальные проблемы возрождения духовности. – М., 1993. – С. 4–12.
29. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения русского языка. – М., 1989.
30. Шмелев Д. И. Проблема семантического анализа лексики: автореф. дис... доктора филол. наук. – М., 1969; Он же. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного языка. – М., 1964. – С. 4–17.
31. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. – М., 1937. – Т. 6. – С. 75.
32. Там же. – Т. 4. – С. 3.
33. Там же. – Т. 6. – С. 170.
34. Словарь церковно-славянского и русского языка Академии наук. – СПб., 1847. – Т. 4.
35. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 481.

Коргожа Н. С. (Кемерово, КемГУКИ)

Досуг древних славян: социально-исторические предпосылки и особенности развития

В отечественной науке в настоящее время проявляется большой интерес к проблемам, связанным с изучением роли славянских народов в мировом историческом развитии, определением особенностей славянских взаимоотношений с народами Западной и Восточной Европы, исследованием славянского этногенеза, формированием славянской культуры, искусства и досуга. Сознание славянской общности способствовало появлению науки о славянах, объединяющей целый ряд научных дисциплин, изучающих историю, экономику, этнографию, религию, фольклор, язык,

культуру, искусство, литературу славян и получившей название «славяноведение». Возникновение славяноведения обусловлено созданием первых исторических и художественно-публицистических памятников материальной и духовной культуры: «Повести временных лет» Нестора, «Хроники» Галла Анонима и Козьмы Пращского.

Термин «славяноведение», или «славистика», появился во второй половине XVIII века и находился в тесной связи с филологической дисциплиной, занимающейся изучением языка, литературы славянских народов, древнейших письменных памятников. Зарождение славяноведения в России связано с трудами М. В. Ломоносова, изучавшего роль церковнославянского языка в формировании русского литературного языка, В. Н. Татищева, положившего начало развитию этнографии в России, Н. М. Карамзина, создавшего обобщающий труд по отечественной истории.

В XX веке появились исследования, отражающие историю развития славянских народов (И. Б. Греков, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, Ю. Б. Бромлей); историю искусства и межкультурных славянских связей (П. Г. Богатырев, И. Ф. Бэлза, Н. И. Кравцов, В. Н. Лазарев); славянский фольклор (Б. Н. Путилов, Ю. И. Смирнов, В. Е. Гусев); славянское языкознание (С. Б. Бернштейн, В. К. Журавлев, В. В. Мартынов), славянскую этнографию и духовную культуру (С. А. Токарев, К. В. Чистов, Н. Н. Грацианская, М. В. Семенова).

В настоящее время комплексным изучением истории и культуры славянских народов занимается Институт славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН), который основан в 1947 году и продолжает традиции отечественного славяноведения, насчитывающего более двух веков. Основные направления научной деятельности института посвящены исследованию проблем этногенеза славян, формирования культурных традиций славянских народов, становления памятников славянской письменности, этнокультурного развития славян, взаимодействия культурных комплексов Запада и Востока.

В последнее время возросло внимание российских ученых к проблемам истории социально-культурной деятельности, появились отдельные монографии и научные статьи, посвященные данной проблематике. Большой интерес представляют работы Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Е. М. Ключко, Г. Я. Никитиной, Н. Н. Ярошенко, В. В. Туева, В. М. Рябкова, Е. В. Литовкина, А. Ф. Воловика, Г. Г. Волощенко. Проблемам становления и развития русской народной художественной культуры и русским праздникам как ее составной части посвящены работы М. И. Забелина, А. В. Терещенко, В. Я. Проппа, П. А. Коринфского, Н. П. Степанова, И. И. Снегирева, А. С. Каргина, Г. П. Блиновой.

Ведущим отечественным специалистом по истории, археологии и культуре Древней Руси по праву считают Б. А. Рыбакова, автора книг «Ремесло Древней Руси» (1948), «Первые века русской истории» (1964), «Язычество древних славян» (1981), «Из истории культуры Древней Руси» (1984), «Язычество Древней Руси» (1987). В перечисленных фундаментальных трудах ученого раскрыты истоки мировоззрения восточных славян, исследованы мифы, верования, предания, обычаи и обряды древних славян, дана социально-историческая характеристика первых этапов российской государственности, проанализированы особенности формирования ремесел, культуры, искусства древнерусских городов.

Досуг народа является важнейшей частью его истории, в которой отражаются мировоззрение, верования, традиции, обычаи, обряды, уклад жизни общества. Формирование досуга тесно связано с историческими факторами, оказавшими воздействие на становление древнерусского государства, развитие его политической, экономической и духовной сферы.

Исследование проблем досуга древних славян продиктовано необходимостью изучения истоков зарождения отечественной досуговой культуры, народных традиций в организации отдыха и развлечений, проведении славянских праздников и обрядов, игровых форм деятельности, развития народного художественного творчества. Особенно актуальным является определение роли и места досуга в жизни древних славян, исследование отдельных видов досуговой деятельности, изучение потребностей и ценностей, формирующихся в пространстве досуга. Вся совокупность этих проблем, характеризующая тенденции современной трансформации досуга, требует особого научного осмысления.

Рассмотрим исторические предпосылки формирования досуга древних славян, проявляющиеся в географических особенностях расселения славян на территории Европейского континента, влиянии природно-климатических и этнографических условий жизни общества. Этногенез славянского народа тесно связан с индоевропейской языковой общностью, сформировавшейся около 6 тыс. до н. э., в период неолита. Индоевропейцы в поисках новых мест обитания покидали свою прародину и расселились по территории Азии и Европы.

По предположениям историков, древние славянские племена начали расселение по территории Центральной, Северной и Восточной Европы из Причерноморья и Прикарпатья на рубеже 3-го и 2-го тысячелетий до нашей эры и были носителями различных этнических культур. Славянская прародина занимала огромную территорию, находившуюся на западе от верховий Одера и до Среднего Днепра на востоке. Среднее

Причерноморье в IX веке до н. э. занимали скифы, развивавшие культуру кочевников-скотоводов Великой Степи, образовавшие во второй половине IV века до н. э. Скифское государство с центром в Нижнем Поднепровье, а затем в Крыму, которое просуществовало до III века н. э.

Первые упоминания о Руси относятся к V–VII векам, рассказывают о жизни племен, которые греки называли антами, скифами, сарматами, готы – росоманами, арабы – русичами. Важнейшими историческими документами, повествующими о территории восточных славян, их хозяйственной деятельности, быте, религии, нравах и обычаях, являются сочинения античных, византийских и восточных историков: Ливия, Плиния, Полибия, Птолемея, Страбона, Тацита, Иордана, Прокопия Кесарийского, Маврикия Стратега, Ибн-Руста, Ибн-Фадлана.

Систематическое описание жизни скифов дал выдающийся греческий историк Геродот (484–426 гг. до н. э.), названный Цицероном «отцом истории». Геродот совершил длительное путешествие по странам Востока и Северного Причерноморья и как очевидец описал особенности сурового климата Скифии, народы, ее населяющие, их характер, верования, традиции и уклад жизни. По мнению Геродота, славяне имели хорошее телосложение, высокий рост, светлый цвет волос, приятную внешность, однако мало о ней заботились, считая главным силу мышц и ловкость движений. Славяне отличались большим мужеством и отчаянной храбростью, были хорошими воинами и легко переносили голод, холод и другие лишения. Из описаний греческих историков мы узнаем о том, что славяне умели веселиться и были гостеприимными хозяевами, оказывающими радушный прием гостям и обеспечивающими им достойную защиту от преследователей.

Древняя Русь складывалась как равнинное государство, главными природными богатствами которого были хвойные и лиственные леса, бескрайние степи, реки и озера. Континентальный климат определял характер трудовой и досуговой деятельности древнего славянина, связанного в первую очередь с земледелием, скотоводством, ремесленничеством, а также бортничеством, охотой и рыболовством.

Географическое положение древнерусского государства, находящегося между Западом и Востоком, на перекрестке торговых путей и испытывающего сильное экономическое, социальное и культурное влияние соседних государств, значительно повлияло на формирование быта и досуга древних славян. На протяжении многовекового пути своего развития русское государство одновременно являлось и европейской, и азиатской державой. Европеизация Руси проявлялась в языковом, религиозном и культурном единстве с Европой, с азиатскими странами Русь всегда свя-

зывали крепкие экономические отношения. Постоянное противоборство России, с одной стороны, и Запада и Востока – с другой, предопределило исторический путь развития русского государства, его особую роль в мировом сообществе.

Полиэтническая основа древнеславянской народности, состоящей из полян, северян, древлян, дреговичей, радимичей, вятичей, кривичей, уличей, тиверцев и других восточнославянских племен, также оказала значительное влияние на формирование досуговой культуры Древней Руси.

В исторической науке не утихают споры по проблемам жизни и быта древних славян, их верований и языческих представлений. Археологи, этнографы и лингвисты постоянно представляют историкам новые источники, которые необходимо обосновывать и объяснять с позиций системы имеющихся взглядов на эти проблемы. Концепции ученых по проблемам жизни и быта древних славян также многообразны и подчас просто противоположны по своему содержанию: от утверждений об абсолютной дикости древнейших славян Восточной Европы, отсутствии элементарных общественных отношений до признания государственности у праславян в первом тысячелетии до нашей эры и деления общества на социальные группы.

Дискуссионным является вопрос о верованиях древних славян, многие исследователи различно описывают иерархию славянских богов, их имена, назначение и особенности поклонения. Трудности в исследовании славянского язычества порождены тем, что многие славянские племена одному и тому же богу давали разные имена, и это приводило к неточности их описания. Одни исследователи придерживаются точки зрения о крайней примитивности религиозных славянских верований, другие сопоставляют славянскую и античную языческие системы. Однако можно согласиться с точкой зрения М. Семеновской, которая считает, что «древняя религия наших предков, которую некоторые считают забытой, до сегодняшнего дня продолжает жить в наших повседневных обычаях» [2].

Древние славяне все необходимое для своего существования получали от природы. Многие природные явления они не могли объяснить и поэтому верили в таинственные силы, от которых зависят благополучие рода, длительность жизни человека, смена дня и ночи, времен года, засуха и наводнение, гром и молния. Обожествляя окружающий мир, древние славяне концентрировали все свои верования вокруг трех главных явлений их жизни: охоты, земледелия и домашнего хозяйства, таким образом, лес, поле и дом являлись тремя главными элементами славянского мироздания, вокруг которых формировалась вся языческая славянская мифология.

Древнейшей религией славян было язычество, основанное на поклонении многим богам и получившее название пантеизм. Охотничьи роды славянских племен верили в то, что их отдаленными предками были дикие животные, поэтому они наделяли их сверхъестественными магическими способностями, считали священными божествами и поклонялись их тотемам, оберегавшим род.

Главным божеством лесного пантеона был Медведь – хозяин леса, самый сильный зверь, поэтому медведя называли «священным зверем», культ которого олицетворял возрождение животных. Медвежий праздник представлял собой целый комплекс ритуальных действий, выливавшихся в театрализованное представление на сюжеты охоты, во время которого устраивались охотничьи танцы в масках, исполнялись обрядовые песни перед головой и шкурой ранее убитого медведя.

У северных славян был широко распространен культ Волка, которого обозначали эпитетом «лютый» и считали пожирателем злых духов. Во время волчьих обрядовых действий жрецы племени занимались врачеванием, наряжаясь в волчьи шкуры. К культовым животным восточных славян относилась также Лосиха, рога которой считались символами солнечных лучей, являлись оберегом от темных сил и прикреплялись над входом в жилище.

В земледельческих верованиях славян верховным божеством был Род, воспринимавшийся как творец всего живого, олицетворявший собой небо, грозу и мужское начало плодородия. В славянский пантеон высших богов входили Сварог – бог огня, Дажьбог – бог солнца, Велес – бог скотоводства,

Рожаницы – богини плодородия, Мокошь – богиня женского труда, к более низкому уровню относились божества, связанные с хозяйственной и бытовой деятельностью.

Языческие моления проводились чаще всего за околицей, на небольшом холме, в центре которого находилось капище – место, где стоял «капъ» – деревянный идол. Вокруг капища возводился подковообразный насыпной вал, на вершине которого горели священные костры. Внешней границей святилища был второй вал, пространство между двумя валами называлось «требище», на нем потребляли жертвенную пищу. Языческий культ, вбиравший в себя поклонение богам, жертвоприношения и потребление жертвенной пищи, выливался в массовое празднество. В языческих обрядовых праздниках сливались воедино музыка, танец, театрализованное представление, что и определяло синкретизм досуговой культуры древних славян.

В глубокой древности возникли народные праздники, связанные с сельскохозяйственным календарем, составлявшим целый цикл аграрных работ, начинающихся в декабре с «поворотом солнца на лето» и завершающихся осенью, с окончанием уборки урожая. Праздничный народный календарь опирался на смену времен года, основными событиями которого были дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния, поэтому новый солнечный год по этому календарю начинался в тот период, когда солнце поворачивало к новому свету в дни зимнего солнцеворота. Действительно «праздники наполнялись новым содержанием, освящались новыми религиозными представлениями, адекватными потребностям сельскохозяйственного населения» [1].

Главные народные праздники связаны с древнеславянскими традициями, в основе которых находился солнечный годовой цикл, совпадающий с аграрным календарем: праздник Коляды отмечался 22 декабря, в день зимнего солнцеворота; праздник Комоедицы – 22 марта, в день весеннего равноденствия; праздник Купалы – 22 июня, в день летнего солнцеворота; праздник Рода и Рожаниц – 22 сентября, в день осеннего равноденствия [3].

Праздник Коляды начинался в ночь на Корочун – самую длинную ночь в году, когда, по представлениям древних славян, был возможен контакт с духами природы и предков, перевоплощение людей в животных и обратно. В эту ночь на святилище разжигали священные костры, от которых воспламеняли огненное колесо, поднятое на шесте, и разносили по домам новый огонь, символизирующий обновление жизни. Поутру радостно встречали солнце и проводили колядование в течение 12 дней, считая, что вместе с колядовщиками в каждый дом входят сами боги.

Древний праздник Коляды возник из поэтического представления славян о рождении молодого солнца, Коляда – это солнце-младенец, солнце будущего года. Название праздника произошло от слова «коло» – «круг» и означает начало солнечного года, его поворот на лето, и связан с подготовкой к жизни в новом году. В дни празднования по домам ходили колядовщики, пели величальные песни, славили хозяев, желали благополучия. Шумно и весело проходили игрища с ряжеными, которые ходили в масках различных зверей, птиц, домашних животных, изображая обычное в сатирической форме бытовые сцены.

После колядований начинался День Тура, на котором проводились юношеские инициации, проверяющие силу, ловкость, храбрость, мужество молодого поколения охотников и пастухов, по окончании которых юношам, прошедшим испытания, вручался пояс с родовыми знаками. В этот день маленьких трехлетних ребят сажали на коня.

24 февраля проводился День Велеса – бога скотоводства, который покровительствовал домашним животным. В эти дни приносили жертвы волкам (период волчьих свадеб) и всем диким зверям, чтобы они не трогали скотину. Подготовка к Дню Велеса начиналась заранее: вечером предшествующего дня по избе расстилались шкуры, на которые клали очищенные и высушенные коровьи рога, по кувшинам разливали молоко, девушки, расчесывая гребешками бычий волос, гадали. Тщательно готовили к празднованию святилище, в нем оборудовали жертвенник, окуривая место дымом горящего бычьего волоса и раскладывая шкуры животных, вдоль ограды святилища на шестах выставляли черепа коров и быков, являвшихся сильными оберегами. Волхвы ночью в капище совершали магические священнодействия, чтобы узнать желания бога Велеса.

В день праздника славяне-общинники собирались на святилище, совершали обряды прославления бога Велеса, делали жертвоприношения, разливая по жертвеннику освященное молоко. В этот день освящали обереги и амулеты из коровьих рогов, дававших жизненную силу и энергию, обрядовую еду, которую позже подавали к столу в каждом доме, также лечили болезни людей и домашней скотины. Рядом с капищем устраивалась совместная трапеза, на которой строго запрещалось употреблять телятину, и чаще всего были каши, хорошо приправленные маслом, поэтому в народе иногда говорили: «У Велеса – борода в масле».

На празднике проводились различные состязания, направленные на выявление самых сильных и ловких борцов, одно из таких противоборств называлось «Велесова или Медвежья борьба». Во время этого поединка на круг вызывали двух крепких мужчин, раздетых по пояс, которые старались завалить друг друга в снег, демонстрируя хитрые приемы борьбы. Зрители активно наблюдали за этим состязанием, победителя поединка дружно чествовали, угощали медовым напитком и называли «Велесовым избранником».

В последний день февраля в високосный год проходил День Кашея, направленный на преодоления смертельной опасности и очищения от порчи, в который проводились различные магические ритуалы против черных сил.

В первые дни марта проходил праздник Заклички, праздник закличания весны, призывающий птиц принести весеннее тепло. В этот день дети и молодые девушки выходили на горку, разбрасывали обрядовое печенье в форме жаворонков и пели заклички. Юноши растапливали снег. Девтора радовалась, каталась с гор, устраивала игрища.

Самым веселым праздником древних славян была Комоедица – праздник проводов зимы и встречи весны, праздник пробуждения Медведя,

который славяне отмечали в честь бога плодородия и скотоводства Велеса и который с XVI века получил название Масленицы. В течение целой недели продолжались праздничные развлечения, включающие в себя разжигание костров на возвышенностях, способствующих приближению огня к солнцу, скорейшему наступлению весны; сжигание соломенной куклы на этих кострах в знак прощания с уходящей зимой; ритуальную трапезу, совершаемую с набором обязательных блюд и в первую очередь блинов, являющихся символом солнца; поминание усопших родственников; хождение в гости; катание с ледяных гор и на лошадях; проведение народных гуляний и игрищ.

Праздничный цикл Красная горка – Семарглов день, включающий праздники Ляльник, Ярило, чествование богов Стрибога, Сварога, Дажьбога, Семаргла, связанный с освобождением земли от снега, проходил в конце апреля. Начинался праздник третьим заклинанием весны. В этот период чистили источники воды, проводили первую пахоту, кормили рыбу в реках. Молодежь выходила на первые гулянья, водила хороводы. В память об ушедших проводили ночь на курганах, поминали их тризной и катали яйца с кургана. Поутру встречали солнце и чествовали Ярило.

В конце мая проходила Русалья неделя. Начиналась неделя с поминовения предков, которых приглашали в дом и проводили ритуал разбрасывания по углам избы свежих березовых веток. По преданиям русалками и русалами были те, кто преждевременно ушел из жизни, не став взрослыми, или ушедшие из жизни добровольно. Чтобы русальи духи не приставали к родственникам и детям, их задабривали, принося жертвы к водным источникам, развешивая на ветках деревьев вблизи водоемов рушники, полотна, старую одежду детей.

После окончания Русальей недели проходил Ярилин день, в который провожали предков, вынося березовые ветки и встречая праздник плодородия. В эти дни сеяли лен. На полянах девушки водили хороводы вокруг берез, пели вьюнишные песни, гадали на суженых. Молодежь устраивала веселые игрища вокруг вечернего костра, сжигали березку на праздничном огне. Проводили обряды девичьей инициации. У реки выстраивались парни и молодые девушки и с сомкнутыми руками шли к воде.

В день летнего солнцеворота, 22 июня, отмечался праздник Купалы, связанный с молениями о дожде и наполненный обрядами купания, обливания, очищения. Кульминационным элементом праздника было зажигание в купальскую ночь огромных костров на полянах, прыгание юношей и девушек попарно через огонь, символизирующее удачу в личной жизни. Купало – праздник «огня и любви», праздник полноты жизненной силы. Ярило отдает свою огненную силу земле – матери, рождая плодородие.

В этот день зажигали живой огонь, спускали горящее колесо к реке и отправляли его на плоту. Девушки и парни всю ночь водили хороводы, пели песни, собирали целебные травы, купались в утренних росах.

После сенокоса перед началом жатвы чтили Перуна – защитника родной Земли и воинской дружины. Праздник проходил у дуба – священного дерева Перуна. В этот день проводили воинские состязания, посвящения в воины с вручением оружия, набор воинов в дружину, проводили тризну в честь павших воинов, иногда с закланием животного или птицы для трапезы.

Праздник окончания жатвы и чествования земли-матери – Спожинки проходил в начале августа. На поле оставляли нескошенный участок, его завивали в сноп, украшали, и приносили ему в жертву мед, творог, кашу, квас. Чтобы земля не иссякала, женщины катались по полю, стараясь поделиться своей силой с землей. Последний сноп уносили с песнями домой и ставили его в красный угол, использовали как оберег от болезней и сжигали на Комоедицу.

После окончания сельскохозяйственных работ 22 сентября отмечался праздник собранного урожая – день Рода и Рожаниц. В этот день чествовали Род, Ладу-мать и ее детей, Мокошь-повитуху. Этот праздник сопровождался обычаем украшения цветами и ряжения в женское платье последнего снопа в конце жатвы, получившим название дожинки. В этот день приносили последний собранный сноп льна, резали кур и телков, мололи зерно, выпекали обрядовый хлеб и устраивали пиршество в честь Рода, Рожаниц, Лады и Мокоши. Считалось, что Лосиха-Рожаница спускается на землю с двумя лосятами, которые остаются на ней и умножают звериную жизнь.

День Мокоши – праздник льна и окончания аграрного цикла, перехода к зимним посиделкам – отмечали в конце октября – начале ноября. Мокошь – богиня женского рукоделия. Завершались работы по обмолачиванию зерна, проводились обрядовые действия, исполнялись песни, посвященные льну и работе с ним. На второй день праздника женщина с распущенными волосами проходила через селение к ритуальной березе, приносила в жертву кашу, творог, молоко, затем в колодец бросала пряжу, приглашала в дом, в котором устраивали игры, пели песни и проводили гадание.

В середине ноября проходил праздник Сварога – небесного кузнеца. Происходит закрытие Сварги – прерывание живой связи между небом и землей. Влияние светлых богов падает, сила черных богов увеличивается. Землю сковывает мороз и ее покровителем остается Велес. Чтобы пережить трудное зимнее время, Сварог дарил людям ремесла, поэтому в это время чествовали всех умельцев: плотников, кузнецов, ювелиров,

гончаров. С этого дня резали кур и первых подавали в жертву Сварогу. Молодежь на селе находила избу и устраивала братчину, на вечерках проводили озорные игры с поцелуями, рассказывали страшные сказки.

День Марены-зимы отмечался в конце ноября. Марену чествовали и надеялись, что она надежно укроет землю снежным покровом и сохранит ее от вымерзания. В водоемах делали проруби и кормили рыбу, сохраняя ее до весны.

Праздники древних славян составляли важную сторону их семейной и общественной жизни, отражали мировоззрение, традиции, обычаи, бытовой уклад, они воспринимались как нечто противоположное будням, как время слияния с божественным и приобщения к духовным ценностям. Праздничный народный календарь славян отмечал начало и конец важнейших сельскохозяйственных работ, дни совершения различных языческих ритуалов и магических действий.

Таким образом, исторические предпосылки формирования досуга древних славян были связаны с географическими особенностями расселения славян на территории Европейского континента, влиянием природно-климатических, этнографических, социально-экономических и политических условий жизни общества, спецификой хозяйственной деятельности, бытовым укладом, развитием материальной и духовной культуры, языческими верованиями, народными традициями, обычаями и обрядами. В заключение следует отметить, что интерес к истории отечественного досуга закономерен, поскольку российское общество находится на новом этапе своего развития и в настоящее время чрезвычайно важно сохранить социально-культурный опыт, который передается из поколения в поколение.

Литература

1. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова. – М.: МГУК, 1998. – С. 11.
2. Семенова М. В. Мы – славяне!: Популярная энциклопедия. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 17.
3. <http://slavyans.narod.ru>

Кацюба Д. В. (Кемерово, КеМГУ)

Макарий Глухарев – основатель Алтайской духовной миссии

Отец Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев) был первым миссионером на Алтае. Являясь основателем духовной миссии, он был и первым ее начальником почти четырнадцать лет.

Михаил родился в семье священника г. Вязьмы. Первоначальное очень хорошее образование Михаил получил от отца, окончившего полный курс духовной семинарии, что тогда было редкостью. Он настолько подготовил своего сына по латыни, что в семилетнем возрасте мальчик переводил с русского языка на латинский. С такой подготовкой его сразу определили в третий класс духовного училища г. Вязьмы.

За отличные успехи Михаил Глухарев из Вяземского духовного училища был переведен в Смоленскую духовную семинарию. После успешного окончания семинарии в 1813 г. он был определен учителем в Смоленское духовное училище. Затем его как лучшего воспитанника семинарии послали на учебу в только что открывшуюся Санкт-Петербургскую духовную академию, ректором которой был Филарет, впоследствии ставший митрополитом Московским. Михаил был принят сразу на второй курс академии.

Имея глубокие знания по богословию, истории, географии, а также владея латинским, немецким, французским, древнегреческим и древнееврейским языками, Михаил резко отличался от своих сокурсников. Откровенный и доверчивый, изящный в манерах и приятный в обращении, способный и трудолюбивый, религиозный и благочестивый студент Глухарев обращал на себя всеобщее внимание. Был он замечен и ректором академии архимандритом Филаретом. Он его полюбил как очень талантливого студента, а еще больше за его благочестие, высокую и добрую нравственность, которыми он отличался от других студентов.

В 1817 г., успешно окончив академию, получив звание магистра богословия и оклад 350 рублей в год, Глухарев был назначен инспектором Екатеринославской духовной семинарии и профессором церковной истории и немецкого языка. Но его не устраивала ни преподавательская, ни инспекторская деятельность, и на 27-м году жизни в 1818 г. он принял монашеский сан и был пострижен, получив имя Макария.

Но Екатеринославский архиепископ Иова не был расположен к молодому священнику. Причина ее – высокая образованность, добропорядочность, гуманность, прямой и вспыльчивый характер Глухарева.

По своим убеждениям в постдекабристский период он был либерально-буржуазных взглядов, что в то время в глазах высшего духовенства считалось чуть ли не ересью. Тем более что он вел спор со Священным Синодом по поводу перевода Библии на русский язык, мотивируя это тем, что такая могучая церковь, как русская, вправе иметь на родном языке все оригиналы. Он даже рискнул написать письма не только в Священный Синод, но и царю Николаю I, в которых доказывал, что текст Священного Писания необходимо перевести с древнееврейского оригинала, так как в нем имеются ошибки.

В Священном Синоде Макария считали «вольнодумцем». Деятельность Макария вызвала недовольство в высших кругах как церковных, так и светских. Ему грозило заточение в монастырь. По совету митрополита Московского архимандрита Филарета о. Макарий подал прошение в Священный Синод о желании быть миссионером на Алтае, обращать в православие живущие там тюркские народы. Как Синод, так и светские власти не замедлили удовлетворить просьбу Макария. Таким образом, О. Макарий на 37 году жизни поехал миссионером на Алтай не только в силу своего подвижничества, но был вынужден принять такое решение.

Отец Макарий обладал выдающимся и очень тонким умом, был всесторонне образованным и талантливым человеком. Он являлся большим знатоком нескольких древних и новых языков – еврейского, латинского, греческого, немецкого, французского, отчасти английского и итальянского. На латыни и по-татарски он свободно говорил, мог изъясняться по-немецки, по-французски и по-еврейски. О. Макарий имел уникальную способность к языкознанию, что для миссионера имело огромное значение. Будучи уже в 40-летнем возрасте, он принялся за изучение неизвестного ему алтайского телеутского языка и вскоре настолько овладел им, что составил словарь до 300 слов, подготовил грамматику и перевел на этот язык почти все Евангелие и целый ряд церковной литературы.

Макарий Глухарев получил глубокое богословское образование. Духовную академию он закончил со степенью магистра богословия. Особенно широко известным он стал как первый переводчик Библии и не с церковно-славянского или эллинского, а с оригинала – с древнееврейского языка на современный русский язык и частично на инородческое алтайское наречие. Только совершенное знание древнееврейского языка дало смелость о. Макарию взять на себя столь большой и очень ответственный труд перевода святой Библии с еврейского языка на русский, причем этот перевод был завершен не в Москве или Киеве, Петербурге или в других православных центрах России, а в глухом «языческом» Алтае, в неизвестном тогда поселении Улале, впоследствии ставшем историческим центром Алтайской духовной миссии. Дело перевода Библии на русский язык для отца Макария было любимым занятием до конца жизни, он посвящал ему вечера и ночи, он мечтал дать русскому народу святую Библию на его родном и понятном языке. Но, кроме неудач и огорчений, ничего не добился. О. Макарий десяти лет не дожил до начала синодального издания Библии на русском языке в 1857 году.

Г. Н. Потанин очень высоко ценил заслуги Макария Глухарева. Скромный и ученый монах о. Макарий, оставивший в крае глубокую память святой жизнью, бескорыстным служением делу и любовью к забито-

му инородцу, первым начал проповедовать Евангелие в Алтае. По своему богословскому образованию, по своим познаниям в языках греческом и еврейском, по своей высокой коммуникативной культуре о. Макарий мог бы занять видное место в рядах нашей церковной иерархии, но он с редким самовыражением променял более широкую известность на жизнь в алтайских лесах.

Архимандрит Макарий самозабвенно трудился на посту начальника Алтайской духовной миссии. В 1848 году в связи с ухудшением здоровья он подал в св. Синод прошение о сложении звания миссионера и решил посвятить остаток дней на путешествие в Иерусалим. Указом Священного Синода от 16 июня 1842 года он был уволен из миссии и определен настоятелем Болховского монастыря в Орловской епархии. Фактически это была почетная ссылка, где о. Макарий провел последние три года своей жизни.

4 июля 1844 г. архимандрит Макарий выехал из Улалинского стана миссии. Прощание было очень трогательным, его провожало все население. Впоследствии миссионер-телеут М. В. Чевалков вспоминал: «Мы же, плачущие, остались сиротами, словно дети, потерявшие отца». В 1846 году, получив разрешение и паспорт на путешествие по святым местам Палестины, архимандрит Макарий готовился с весны следующего года отправиться на поклонение Гробу Господнему. Но произошло неожиданное ухудшение здоровья. Сказалось крайнее истощение жизненных сил, чему предшествовал чрезмерный труд в миссии. 18 мая 1847 года на 55-м году жизни архимандрит Макарий умер. Похоронили его в склепе монастырского соборного храма с большими почестями. Хотя заветным желанием о. Макария было, чтобы кости его после смерти лежали в горах любимого Алтая. Но этому желанию не суждено было исполниться.

Литовкин Е. В. (Рязань, Рязанский филиал МГУКИ)

Материально-техническое состояние и финансирование культурно-просветительных учреждений Российской Федерации в послевоенный период (1945–1955 гг.)

За годы Великой Отечественной войны большая часть сети культурно-просветительных учреждений РСФСР была уничтожена. Так, в районах, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, около 8 тыс. зданий сельских культурно-просветительных учреждений и 689 районных Домов культуры было уничтожено, а их имущество разграблено [1].

В результате этого уже на 1 января 1942 года сеть сельских культурно-просветительных учреждений сократилась на 37,0 % и составила 25464 избы-читальни и 379 сельских клубов. В последующие годы эта цифра еще больше уменьшилась [2].

В тыловых областях значительная часть районных Домов культуры, сельских клубов, изб-читален прекратила свою деятельность, так как их здания были заняты под эвакуированные предприятия, госпитали, предприятия, учреждения, для размещения населения и другие военные нужды. Оборудование и культинвентарь в них были растеряны или пришли в негодность.

В послевоенные годы Советом Министров РСФСР, местными органами, созданным Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений и его органами на местах была проделана большая работа по восстановлению разрушенной сети культурно-просветительных учреждений, их обеспечению кадрами.

О ходе восстановления сети культурно-просветительных учреждений дает представление таблица 1 [3].

Таблица 1

Восстановление сети сельских культурно-просветительных учреждений в 1941–1948 годы

	1941 год	1947 год	1948 год
Избы-читальни	38748	34593	32056
Сельские клубы	2289	6066	9065
Районные Дома культуры	1889	2252	2351

Как видно из таблицы, уже на 1 января 1948 года была восстановлена сеть сельских культурно-просветительных учреждений с некоторым превышением довоенного уровня. Почти в каждом сельсовете была открыта изба-читальня или сельский клуб. На 41205 сельских советов было открыто 41121 клубов или изб-читален, почти в каждом районном центре – районный Дом культуры.

Развитие сети культурно-просветительных учреждений с 1940-го по 1951 годы осуществлялось следующим образом, см. таблицу 2 [4].

Развитие сети культурно-просветительных учреждений
в 1940–1951 годы

Типы учреждений	1940 г. (отчет)	1949 г. (отчет)	1950 г. (план)	1951 г. (план)
Районные Дома культуры	1815	2452	2475	2475
Сельские клубы	300	13167	15690	20000
Избы-читальни	36903	28584	26153	22095
Колхозные клубы	21460	15514	20000	20000
Итого клубных учреждений	63188	59717	64318	64570
Сельские библиотеки	6593	7786	8819	10064
Районные библиотеки	2266	2526	2536	2545
Колхозные библиотеки	6718	5147	13040	18976
Итого библиотек	13577	15459	24395	31585

Как видно из таблицы, общая сеть клубных учреждений с 1940 г. по отношению к плану 1951 г. количественно выросла всего на 1382 единицы, или на 2,2 %. Шел процесс реорганизации изб-читален в сельские клубы. Количество изб-читален сократилось с 36903 единиц до 22095 при одновременном росте сельских клубов с 300 единиц до 20000.

В указанной таблице в число колхозных клубов включены красные и колхозные уголки. В связи с укрупнением колхозов Госплан РСФСР временно не предусматривал дальнейший рост сети колхозных клубов.

Количество районных Домов культуры доведено до 2475 единиц против 1815 в довоенном 1940 году, то есть в данное время почти в каждом районе РСФСР имелся районный Дом культуры.

Библиотечная сеть по плану 1951 года, в сравнении с 1940 годом, выросла на 13574 единицы, или на 132,7 %. В основном рост шел за счет сельских библиотек (на 3471 единицы, или на 52,7 %) и колхозных библиотек, как самостоятельных, так и при колхозных клубах (на 12258 единиц, или на 182,4 %). Следует отметить, что Госплан РСФСР не выделял отдельно в народнохозяйственном плане колхозные библиотеки и колхозные клубы, включая их лишь в общую сумму прочих библиотек и клубов.

В послевоенные годы Советом Министров РСФСР был принят ряд постановлений, направленных на восстановление и улучшение работы

сельских культурно-просветительных учреждений. Это такие постановления, как «Об улучшении лекционной работы, проводимой Комитетом» (от 25 сентября 1945 г.); «О состоянии культурно-просветительной работы в Тамбовской области» (от 18 мая 1946 г.); «О мерах помощи сельским клубам и избам-читальням» (от 21 сентября 1946 г.); «О мероприятиях по улучшению работы районных Домов культуры» (от 31 декабря 1946 г.).

Оживлению культурно-просветительной работы на селе, привлечению к ней общественных сил и средств способствовали проводимые по решению Совета Министров РСФСР Всероссийский смотр сельских культурно-просветительных учреждений, Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, паспортизация районных Домов культуры, сельских, колхозных клубов, изб-читален и проводимые смотры художественной самодеятельности.

Большое развитие в послевоенные годы получили сельские клубы, как более совершенный тип культурно-просветительных учреждений в деревне [3] (см. таблицу 3).

Таблица 3

Развитие сети сельских клубов в 1941–1948 годы

На 1 января	Количество сельских клубов	% к 1941 году
1941 года	2269	100
1947 года	6066	265
1948 года	9065	396

Как видно из таблицы, в 1948 году количество сельских клубов по сравнению с 1941 годом увеличилось на 6996 учреждений.

Рост сети сельских клубов происходил, главным образом, за счет преобразования изб-читален, приспособления существующих общественных помещений и частично за счет строительства новых зданий. Соответственно росту сельских клубов уменьшалось число изб-читален.

Культурно-просветительные учреждения стали играть большую роль в культурной, политической и общественной жизни сельского населения. Их работе стало больше уделяться внимания со стороны местных партийных и советских органов. Вопросы содержания деятельности культурно-просветительных учреждений чаще стали предметом обсуждения областных и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся. В течение 1947–1948 годов клубные учреждения стали лучше обслу-

живаться кинопередвижками и увеличилось число стационарных киноустановок. За этот же период около 75 % изб-читален, сельских клубов и районных Домов культуры получили радиоприемники или точки сетевой радиофикации.

За три послевоенных года вырос бюджет районных Домов культуры, о чем свидетельствует табл. 4 [6].

Таблица 4

Финансирование районных Домов культуры в 1946–1948 годы
(из расчета на один районный Дом культуры)

1946 год	1947 год	1948 год
22,4 тыс. руб.	28,9 тыс. руб.	31 тыс. руб.

Несмотря на увеличение финансирования, выделяемых средств не хватало на создание необходимой материально-технической базы. Так, на оборудование выделялось 4 тыс. рублей в год, что было совершенно недостаточно и не покрывало расходов на ремонт мебели и покупку мелкого хозяйственного инвентаря.

Собственные доходы от платных мероприятий в большинстве районных Домов культуры поступали в весьма ограниченном размере, главным образом из-за плохого состояния помещений, убогости оборудования и других причин.

В эти годы наблюдался рост выделения ассигнований и на другие типы сельских культурно-просветительных учреждений.

В ряде областей, краев, АССР широко развернулось строительство сельских клубов и изб-читален методом народной стройки. Это движение началось в 1947 году, во время проведения Всероссийского смотра сельских культурно-просветительных учреждений, который проводился на основании постановления Совета Министров РСФСР. За период смотра было построено 729 клубных зданий. Строительство сельских клубов и изб-читален методом народной стройки приобрело большой размах в 1948 году. По данным из 22 областей, краев, АССР, было построено или заканчивалось строительство 358 государственных сельских клубов и 588 изб-читален.

Наиболее широко развернулось строительство клубных зданий в Смоленской области, где было построено 2 сельских клуба и 51 изба-читальня и строилось 138 сельских клубов и изб-читален. Вопрос о строительстве сельских культурно-просветительных учреждений обсуждался

на сессии областного Совета депутатов трудящихся и на пленуме обкома ВКП(б). Обком ВЛКСМ организовал областное соревнование за быстрое строительство клубных зданий. Было учреждено переходящее Красное знамя облисполкома и обкома ВЛКСМ. Вопрос о строительстве изб-читален обсуждался на сессиях районных и сельских Советов, на собраниях колхозников. По инициативе комсомольцев области были организованы массовые субботники и воскресники. Например, в Тросно-Исаевском сельском Совете Ершинского района в воскресниках по заготовке и вывозе древесины участвовало 300 человек.

Активное участие населения и использование местных материалов обеспечивали проведение строительства культпросветучреждений в самые короткие сроки. Так, здание в Леоновском сельсовете Издешковского района той же Смоленской области было построено за 15 дней.

В Московской области было построено 35 и строилось 122 клубных здания. На строительство клубов и изб-читален колхозы выделяли более 7 млн. рублей. В Новофедоровском сельсовете Нарофоминского района в воскреснике по заготовке леса для нового клуба приняло участие все трудоспособное население. За один день было заготовлено и перевезено 90 кубометров леса.

Широко было развернуто строительство методом народной стройки в Брянской области, где было построено 28 и строилось 33 клубных учреждения. В Псковской области было построено 15 и строилось 54, в Великолукской построено 36 и строилось 43, в Орловской области было построено 14 и строилось 37.

Строительство сельских культурно-просветительных учреждений методом народной стройки было связано с большими трудностями в связи с отсутствием стройматериалов, стекла, гвоздей, кровли и прочего. Кроме того, на местах не хватало средств для оплаты приобретаемых материалов и труда квалифицированных рабочих. Такое положение нередко приводило к тому, что начатое строительство сельских клубов и изб-читален оставалось незавершенным. Так, например, колхозники и молодежь Линецкого сельсовета, Пустошкинского района Великолукской области построили помещение для клуба, но из-за отсутствия стекла, а также средств для оплаты некоторых специальных работ не могли открыть клуб. В Кемеровской области методом народной стройки строилось 4 районных Дома культуры, на завершение которых не хватало средств. Поэтому председатель областного исполкома Совета депутатов трудящихся и секретарь обкома партии были вынуждены обратиться с письмом в Совет Министров РСФСР с просьбой выделить для их завершения по 70 тыс. рублей на каждый Дом культуры. При этом отмечалось,

что общие затраты на строительство каждого Дома культуры составляют 400–500 тыс. рублей [7]. В Комитет по делам культурно-просветительных учреждений неоднократно обращались председатели облисполкомов, секретари обкомов партии Свердловской, Великолукской, Смоленской, Кемеровской и других областей с просьбой оказать государственную помощь этому движению. В связи с этим Комитетом было направлено письмо в Совет Министров РСФСР, в котором предлагалось выделить 10000 рублей на каждый строящийся объект методом народной стройки. А также выделять целевым назначением строительные материалы из расчета 25 метров стекла, 100 кг гвоздей и 300 квадратных метров толя на каждое строящееся здание.

Несмотря на некоторые положительные стороны в восстановлении и развитии культурно-просветительной работы в Российской Федерации, в целом она оставалась неудовлетворительной, не отвечала насущным потребностям населения. В запущенном состоянии продолжала оставаться материально-техническая база культурно-просветительных учреждений. Так, преобладающая часть зданий сельских учреждений была непригодной для работы, 40 % изб-читален не имели своих помещений, отсутствовал необходимый культинвентарь и оборудование. Не имеющие собственных помещений избы-читальни лишались возможности систематически проводить лекции, доклады, беседы, работу кружков и были вынуждены ограничить свою работу проведением бесед и громких чтот газет, журналов.

Большое число изб-читален находилось в одной комнате с сельским Советом или правлением колхоза. Особенно много таких изб-читален было в освобожденных областях: в Брянской – 477, Воронежской – 555, Калининской – 477, Калужской – 284, Курской – 816, Орловской – 477, Смоленской – 655, Тульской – 420, Краснодарском крае – 346.

Исключительно плохо сельские культурно-просветительные учреждения были обеспечены культинвентарем и музыкальными инструментами. Так, в 1948 году 43,0 % изб-читален и 8,0 % клубов не имели струнных музыкальных инструментов, 79,0 % изб-читален и 81,0 % клубов не имели баянов и гармоний. Более 25,0 % клубов и изб-читален не имели радио, а большая часть имеющихся радиоприемников не работала из-за отсутствия радиоламп, радиопитания и невозможности их приобретения в торговой сети.

Строительство новых зданий клубов и изб-читален проводилось исключительно методом народной стройки с привлечением средств колхозов. В 1947 году было построено 729 клубных зданий, в 1948 году только по 26 областям – 1380 клубов и изб-читален. Наиболее широко эта работа

была развернута в Смоленской области, где в 1948 году было построено 53 и строилось 139, в Московской области строилось 200 зданий. Широко использовался этот метод строительства и в других областях РСФСР. Народное строительство культурно-просветительных учреждений сдерживалось отсутствием стекла, гвоздей, кровельных материалов, цемента, лесоматериалов и т. д. [8]. В соответствии с пятилетним планом на 1946–1950 годы необходимо было построить 5500 новых зданий, приспособить и переоборудовать 3440 зданий изб-читален, иметь 20 тыс. сельских клубов. Низкая материально-техническая база учреждений отрицательно влияла на содержание и качество их деятельности, являлась серьезным тормозом в развитии культурно-просветительной работы [9].

В 1948 году 255 районных центров РСФСР не имели районных Домов культуры. Материалы паспортизации, проведенной в 1948 году, показали, что большая часть зданий действующих РДК не соответствует своему назначению. Только 28,0 % имели специально построенные здания. Остальные находились в приспособленных помещениях, 20,4 % РДК ютились в небольших комнатах при столовых, кинотеатрах, школах и других учреждениях. Только 31,0 % имели зрительные залы до 200 мест. В 57,0 % районных Домах культуры не имелись комнаты для кружковой работы, 430 зданий РДК пришли в ветхость, находились в аварийном состоянии и были непригодны к эксплуатации.

Таким образом, в районных центрах, где не было районных Домов культуры или они находились в аварийном состоянии, в 1948 году необходимо было построить около 700 зданий. Также 1643 районных Домов культуры нуждались в капитальном ремонте. Строительство районных Домов культуры осуществлялось крайне медленно. Так, в 1946 г. за счет внелимитных ассигнований было построено всего 50, в 1948 г. – 22 здания для РДК. Постройка каждого объекта была связана с большими трудностями из-за отсутствия планового снабжения лесом, цементом, железом, стеклом, кровельным материалом.

Культурно-просветительные учреждения испытывали острую потребность в мебели, музыкальных инструментах, культинвентаре, мануфактуре для оборудования сцен и оформления помещений. Так, в 1948 году 23,2 % районных Домов культуры не имели радио, 35,0 % – щипковых музыкальных инструментов, 72,8 % – не имели духовых музыкальных инструментов, 24,9 % – аккордеонов, баянов, гармоней [10].

Вновь выстроенные и отремонтированные районные Дома культуры, сельские клубы, избы-читальни не получали средств на первоначальное оборудование и приобретение культинвентаря, а поэтому часто оставались необорудованными.

К 1950 году районные библиотеки были созданы во всех районных центрах Российской Федерации. По книжному фонду, числу читателей, общей выдаче книг районные библиотеки занимали первое место среди других типов библиотек, обслуживающих сельское население.

В количественном отношении книжный фонд районных и сельских библиотек достиг довоенного уровня. Библиотеки значительно пополнились новой литературой, о чем свидетельствует таблица 5 [11].

Таблица 5

Ежегодное поступление книг в среднем на одну библиотеку

Тип библиотек	1940 год	1946 год	1947 год	1948 год	1949 год
Районные библиотеки	1211	741	1013	1512	1500
Сельские библиотеки	437	155	269	434	544

Ассигнования на литературу по всем массовым библиотекам системы комитета в четвертой пятилетке народнохозяйственного плана выросли в значительной степени. Так, в 1946 году они достигли 34,8 млн. рублей, 1947 году – 49,0 млн. рублей, 1949 году – 86,8 млн. рублей, 1950 году – 102 млн. рублей, что составляло по отношению к 1946 году 290 %. В 1951 году на литературу планировалось выделить 117 млн. рублей [12]. Качественный состав книжных фондов районных библиотек требовал значительного улучшения. Нередко в библиотеках отсутствовала самая необходимая литература по различным отраслям знаний. Крайне мала была экземплятность художественной и детской литературы. Тиражи многих произведений художественной литературы далеко не удовлетворяли потребности библиотек. Даже при тираже в 100 тыс. экземпляров районные библиотеки получали по одному и в редких случаях по два экземпляра.

При наличии 1500–2000 читателей и 10–15 передвижек районная библиотека не удовлетворяла спрос читателей на отдельные произведения художественной литературы, а также на общественно-политическую литературу, спрос на которую повысился. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений неоднократно ставил вопрос об изменении специальной серии книг для библиотек массовым тиражом и в соответствующем оформлении (переплет, снабжение каталожной карточкой, библиотечный шифр), однако это не было осуществлено. Издание библиотечной серии книг (100–150 названий в год) позволило бы в течение

4–5 лет создать в каждой массовой библиотеке обязательный минимум необходимых книг по основным отраслям знаний, художественной и детской литературы.

В деле улучшения комплектования библиотек литературой важную роль играли библиотечные коллекторы облкнигторгов. Но работа их была еще не налажена должным образом. Не изжита была система механических разверсток книг по библиотекам без учета их особенностей. Наблюдались случаи, когда присылали ненужные библиотеке книги. Существовавший ранее порядок выделения коллекторам 40 % поступающей художественной литературы в ряде областей и АССР, например, Саратовской, Курской, Московской областях, Дагестанской АССР и других регионах, нарушался. В Мурманской, Курганской, Ярославской областях, Приморском крае и в других регионах выделяемый коллекторам план завоза литературы не позволял полностью использовать средства на комплектование библиотек. Имелись многочисленные случаи задержки выделения средств на приобретение книг, что приводило к невыполнению использования бюджета.

Так, в 1949 году бюджет на покупку книг по РСФСР был использован на 98,6 %. Неразрешенным оставался вопрос о централизации и рационализации библиотечной обработки книг (переплет, шифровка книг, составление картотек, издание библиотечных плакатов и т. д.). Улучшению качественного состава книжных фондов массовых библиотек способствовало утвержденное Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений в 1950 году Положение о порядке исключения из массовых библиотек устаревшей литературы.

На 1 января 1950 года в РСФСР функционировала следующая сеть библиотек, см. табл. 6 [13].

Таблица 6

Сеть библиотек РСФСР на 1 января 1950 года

Типы библиотек	Число библиотек	Число передвижек	Книжный фонд (в тыс. экз.)	Книг на 1 библиотеку (в тыс. экз.)
Районные библиотеки	2526	37168	22260,1	8,8
Сельские библиотеки	7786	18708	15505,7	2,0
Библиотеки сельских клубов	7875	–	4687,4	0,6

Типы библиотек	Число библиотек	Число передвижек	Книжный фонд (в тыс. экз.)	Книг на 1 библиотеку (в тыс. экз.)
Библиотеки изб-читален	20820	–	8107,6	0,4
Итого библиотек системы комитета	39007	45876	50625,5	-

Библиотеки других ведомств и организаций

Библиотеки профсоюзов	1119	–	2018,0	1. 8
Библиотеки колхозов	5147	–	967,5	0,2
Библиотеки промкоопераций и прочие	840	–	1513,3	1,8
Итого библиотек других организаций	7126	–	4498. 8	–
Всего	46133	45876	55 124,3	–

Таким образом, на 1 января 1950 года на селе насчитывалось 46133 стационарные библиотеки и 45876 передвижных библиотек, всего 91909 библиотечных пунктов, в которых население могло получить книгу на дом.

Общий книжный фонд составлял 55,1 миллионов томов, из них 22,3 миллиона (40,0 %) приходилось на районные библиотеки.

С 1948 года при районных библиотеках функционировали библиотеки-автомобили, которых в 1950 году насчитывалось 65. Двухгодичная практика работы библиотек-автомобилей показала, что каждая из них в состоянии регулярно обслуживать население 25–30 населенных пунктов и иметь 1200–2000 читателей, выдавать за год 20000 книг. Не случайно эта новая форма обслуживания сельского населения книгой получила поддержку и одобрение.

По своему состоянию и работе районные библиотеки имели некоторые различия. Так, в Приморском крае, в Астраханской, Кемеровской, Тюменской, Чкаловской областях, в Дагестанской, Кабардинской, Якутской АССР районные библиотеки по количеству книг, числу читателей и выданных книг значительно отставали от библиотек других областей РСФСР, см. таблицу 7 [14].

Таблица 7

Количество книг, число читателей и выдача книг
в районных библиотеках регионов РСФСР в 1950 году

Область, край, АССР	Число районных библиотек	Всего книг (тыс. экз.)	Число читателей (тыс. чел.)	В среднем на 1 библиотеку		
				книг	читателей	выдано книг
Приморский край	27	276,6	25,6	10244	986	16559
Астраханская	18	132,9	13,1	7383	772	17083
Кемеровская	25	161,4	29,8	6456	1 150	26322
Тюменская	38	263,2	48,2	6926	1268	25947
Чкаловская	50	338,6	65,4	6772	1308	22290
Дагестанская АССР	41	154,0	25,6	3756	626	7431
Кабардинская АССР	15	74,9	14,0	4993	932	17553
Якутская АССР	37	299,4	22,8	8092	760	5236
Среднереспубликанский показатель				8812	1610	28885

Лучшие районные библиотеки

Вологодская	41	556,2	102,7	13565	2505	46800
Горьковская	62	729,7	144,8	11 769	2336	42629
Ленинградская	32	456,4	94,0	14262	2938	54200
Московская	57	1039,7	199,7	18240	3503	79391
Челябинская	31	323,8	60,2	10445	2007	38525
Ивановская	23	286,5	51,8	12456	2252	44569
Тульская	33	333,5	65,7	10106	1992	42063
Костромская	60	639,6	137,0	10660	2283	31655

Рост сети сельских библиотек, как до войны, так и в послевоенные годы, осуществлялся медленно, о чем свидетельствует таблица 8 [15].

Таблица 8

Ежегодный прирост числа сельских библиотек

До войны		После войны	
Годы	Число библиотек	Годы	Число библиотек
1937 г.	544	1946 г.	416
1938 г.	1941	1947 г.	367
1939 г.	707	1948 г.	244
1940 г.	618	1949 г.	547
		1950 г.	1034
		1951 г.	1245 (план)

Как видно из таблицы, самое большое увеличение числа сельских библиотек наблюдалось в 1939 г. и 1950 г. и соответственно составило 1941 и 1034. А самое незначительное увеличение сети библиотек было в 1948 году и составило всего 244 библиотеки.

В 1950 году имелись области, где одна сельская библиотека приходилась на 5–7 сельсоветов. Так, например, в Татарской АССР – на 7,3 сельсовета, Чувашской АССР – на 7,2; Сталинградской области – на 6,4; Тюменской – на 5,6; Крымской – на 5,7; Брянской – на 6,1 сельсовета. Такое положение обуславливало необходимость развития передвижных форм обслуживания населения.

В связи с недостаточной развитостью сельской библиотечной сети возрастала роль и значение районных библиотек как организационных и методических центров библиотечной работы в районе, основной книжной базы путем выделения передвижек, межбиблиотечного и заочного абонемента, открытия отделений (филиалов) в крупных населенных пунктах.

После постановления Совета Министров РСФСР от 15 августа 1946 года «О мерах укрепления районных и сельских библиотек» материальная база районных библиотек несколько улучшилась. Свыше 500 районных библиотек получили лучшие помещения, книжные фонды пополнились новой литературой. Однако значительная часть районных библиотек

находилась в тяжелом положении. По итогам паспортизации библиотек в 1949 году 44,5 % районных библиотек размещались на площади менее 50 кв. м. и занимали, как правило, одну комнату. Половина районных библиотек (49,2 %) не имела читальных залов, в 488 библиотеках читальные залы размещены в комнате размером менее 10 кв. м., в 374 книжные фонды составляют менее 5000 томов, 79,1 % районных библиотек не имели передвижных фондов.

Милославская районная библиотека Рязанской области с книжным фондом в 8000 томов размещалась в комнате 12 кв. м., Алзамайская районная библиотека Иркутской области занимала помещение 16 кв. м., а все ее оборудование состояло из одного шкафа с 3000 книг, одного стола, двух стульев. Беднодемьяновская, Больше-Вьясская, Нечаевская районные библиотеки Пензенской области размещались в одной комнате площадью 10–12 кв. метров. В Марийской АССР Казанская районная библиотека занимала площадь 5 кв. м., Килемарская – 8 кв. м., Параньчинская – 12 кв. м., в Башкирской АССР Бузовьязовская – 8 кв. метров. Мысковская районная библиотека Кемеровской области занимала одну комнату в районном Доме культуры площадью 15 кв. м, имела 4000 книг, часть которых была сложена пачками на полу, и в этих условиях обслуживала 800 читателей. А Троицкая районная библиотека этой же области занимала при РДК комнату в 9 кв. м., имела 5500 книг и обслуживала 900 читателей. Ее оборудование состояло из одного стеллажа, одного стола, двух стульев и керосиновой лампы.

В особенно тяжелом положении находились районные библиотеки в бывших оккупированных областях. Так, в Брянской области 20 районных библиотек из 29, а в Смоленской области 34 из 38 занимали площадь менее 50 кв. м.

В первые послевоенные годы строили очень мало библиотек. Так, к 1950 году было поострено всего 212 зданий для библиотек. При этом большинство из них представляли собой обычный жилой дом, приспособленный под библиотеку.

Библиотеки испытывали острую потребность в оборудовании (стеллажи, столы, каталожные шкафы, книжные витрины и др.). Так, Семионовская районная библиотека Рязанской области имела 1 шкаф, 1 стол, 4 стула; Чистопольская районная библиотека Татарской АССР имела 6 старых книжных шкафов, 2 стула, 1 стол, Судбищинская районная библиотека Орловской области имела 1 стол, 2 стула и старые шкафы. Такое положение районных библиотек было и в других регионах РСФСР. Свыше 86 % районных библиотек не имели телефон, годовой бюджет их составлял 35–50 тыс. рублей [16]. В послевоенные годы наряду с госу-

дарственной сетью в сельской местности играли важную роль колхозные клубы. На 1 января 1941 г. в РСФСР насчитывалось 16172 колхозных клуба. За годы Великой Отечественной войны преобладающая их часть была закрыта. На 1 января 1948 года было восстановлено 11283 колхозных клуба, что составило 69,8 % довоенной сети [17]. Восстановление и развитие колхозных клубов шло медленно. Только 7,0 % колхозов РСФСР имели свои клубы. Их размещение по краям, областям и АССР было очень неравномерным. Так, например, в Башкирской АССР 56,0 % колхозов имели свои клубы, Бурят-Монгольской АССР – 55,0 %, Краснодарском крае – 40,0 %, Алтайском крае – 2,4 %, а в Свердловской области действовало всего 44 колхозных клуба на 2184 колхоза.

Такое положение было связано с недостаточным вниманием со стороны правлений колхозов, а также отсутствием руководства со стороны местных органов культуры по восстановлению и развитию сети колхозных клубов.

Материальная база колхозных клубов, как и государственной сети, находилась в запущенном состоянии, была плохо обеспечена оборудованием и культинвентарем, о чем свидетельствует таблица 9 [18].

Таблица 9

Оборудование и культинвентарь колхозных клубов

Оборудование и культинвентарь	На 1 января 1947 года (%)	На 1 января 1948 года (%)
Киноустановки	4,4	7,4
Радиоприемники или радиоточки	22,7	29,6
Струнные инструменты	46,9	55,0
Баяны, гармони	26,0	22,0
Рояль, пианино	1,8	1,0
Патефоны	8,9	8,9
Собственные библиотеки	4,9	15,2

Наряду с запущенными и плохо оборудованными колхозными клубами были и хорошо оборудованные, имеющие красивые здания. Работа в таких клубах проводилась разнообразная и на хорошем уровне. К числу

таких можно отнести клуб колхоза «Искра» Богородского района Горьковской области, «Путь Сталина» Омской области, им. Калинина Краснодарского края, «Красный просвещенец» Ставропольского края и другие.

Однако подобных колхозных клубов было очень мало, остальные находились в тяжелом положении, работали от случая к случаю и, главным образом, в зимнее время.

Такое состояние и работа колхозных клубов являлись прямым следствием недооценки культурно-просветительной работы со стороны правлений колхозов и колхозников, невнимания к этим учреждениям со стороны местных органов и районных отделов культурно-просветительной работы, а также отсутствия кадров. На 1 января 1948 года на 11983 колхозных клуба имелся всего 2191 платный работник. А по сравнению с 1947 годом их число сократилось почти в два с половиной раза. Сокращение заведующих клубами во многих случаях вело к свертыванию клубов и занятию их помещений под другие нужды. Текучесть заведующих колхозными клубами была очень большая, 70,0 % из них работало менее одного года [19]. Колхозные клубы, как правило, не имели самостоятельных смет, и финансирование их производилось правлениями колхозов нерегулярно за счет отчислений на культурные нужды. Средства культурфондов во многих колхозах расходовались не по прямому назначению. Красные уголки в колхозах, за исключением некоторых областей, например, Московской области, широкого распространения не получили. Неудовлетворительная деятельность колхозных клубов была связана еще и с тем, что не был решен вопрос их правового положения. Хотя Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений было внесено на рассмотрение Совета по делам колхозов при правительстве СССР «Примерное положение о колхозном клубе».

В районах Крайнего Севера и восточных областях РСФСР в 1948 году работало 154 красных чума (юрты, яранги). Большинство из них не соответствовало своему назначению. Большая часть красных чумов, юрт, яранг не была обеспечена зимними помещениями и летними палатками, оборудованием, культинвентарем и транспортом. Наблюдался разнорядность в штатах, окладах и бюджете. Так, в Тувинской области и Хабаровском крае штат красных юрт состоял из одного заведующего с окладом 200 руб. А в Архангельской области и Коми АССР из 6 человек с окладом заведующего 600 руб. Бюджет красного чума в Красноярском крае составлял 17000 руб., Якутской АССР – 34000 руб., Хабаровском крае – 15000 руб. [20]. Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений в правительство РСФСР было направлено ходатайство об увеличении ассигнований и выделении целевым назначением материалов,

оборудования и культурного инвентаря для передвижных клубных учреждений Крайнего Севера и восточных районов РСФСР. Но, к сожалению, оно не было поддержано.

Хотя за три послевоенных года состояние и работа сельских культурно-просветительных учреждений значительно улучшилась, но в целом она находилась на низком уровне. Одной из главных причин плохого состояния материальной базы, неудовлетворительного состояния и текучести кадров, а также низкого уровня работы многих районных Домов культуры, сельских клубов, изб-читален являлась недооценка роли культурно-просветительной работы, непонимание ее значения в решении воспитательных и культурных задач. Эта недооценка находила свое выражение в том, что многие сельские советы, райисполкомы и облисполкомы примирились с запущенностью культурно-просветительной работы, считали, что вопросами поднятия культуры следует заниматься только после решения первоочередных хозяйственно-экономических задач

Поэтому важной задачей всех учреждений и органов культурно-просветительной сферы было преодоление недооценки сферы, выработка системы мер государственной помощи культурно-просветительным учреждениям и мобилизация общественной инициативы на улучшение всех сторон их деятельности. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений стал считать неотложной задачей культурного строительства создание в каждом районном центре благоустроенного, оборудованного районного Дома культуры. Который бы имел зрительный и лекционный зал, выставочные помещения, комнаты для занятий кружков художественной самодеятельности, читальню, киноустановку, радио, летний сад, физкультурные и детские площадки. Районные Дома культуры должны были быть архитектурным украшением и выразителем нового культурного облика районного административного центра. А сельские клубы должны служить украшением социалистического села, иметь зрительный зал, комнаты для кружковой работы, агрокабинет, киноустановку, радио, сад, спортплощадку, музыкальные инструменты. Такими виделись Комитету по делам культурно-просветительных учреждений идеальный районный Дом культуры и сельский клуб.

В последующие годы материально-техническая база, уровень работы районных Домов культуры, сельских клубов и изб-читален улучшались, но в целом отставали от культурных запросов населения. По-прежнему неудовлетворительной оставалась материально-техническая база, многие культурно-просветительные учреждения размещались в непригодных помещениях. На строительство новых и ремонт старых учреждений культуры из бюджета средств выделялось очень мало.

Так, за 1952–1954 годы в РСФСР было построено всего 14 зданий для районных Домов культуры [21].

Оснащение сельских культурно-просветительных учреждений оставалось бедным, не хватало мебели, музыкальных инструментов. Во многих сельских клубах не было баянов или гармоник. Нередки были случаи, когда жители сел приходили на киносеанс со своими стульями, так как в клубе не на чем было сидеть.

Наблюдалась тенденция уменьшения ассигнований на оборудование сельских культпросветучреждений РСФСР, о чем свидетельствует таблица 10 [22].

Таблица 10

Средние нормы ассигнований на оборудование
(в рублях)

Годы	Районный Дом культуры	Областная, городская библиотека	Сельский клуб	Изда-читальня
1949 год	3510	460	688	124
1954 год	2458	567	409	83
1955 год	1864	376	274	71

Несмотря на увеличение сети сельских культурно-просветительных учреждений в 1955 году на 4570 библиотек, 419 клубных учреждений, а также реорганизацию 3102 изб-читален в сельские клубы, объем ассигнований на содержание культурно-просветительных учреждений уменьшился с 44050 тыс. рублей в 1954 году до 33620 тыс. рублей в 1955 году.

На благоустройство парков и садов в 1954 году было выделено 5,4 млн. рублей, а на 1955 год ассигнования на эти цели совсем не были предусмотрены.

В культурно-просветительных учреждениях была велика текучесть кадров. Одной из причин такого положения являлась низкая зарплата, которая составляла 350 руб. в месяц при стаже до 5 лет.

В связи с тяжелым положением культурно-просветительных учреждений Министерство культуры РСФСР в 1954 году внесло в Совет Министров СССР и Министерство культуры СССР предложения по улучшению состояния и работы сельских учреждений культуры. Но ответа на эти предложения, к сожалению, не было получено.

Наблюдалась тенденция уменьшения выделения средств на строительство учреждений. Выделяемые средства не обеспечивали решения самых основных задач, не удовлетворяли самых насущных нужд краев, областей, автономных республик. Так, в 1953 году на строительство в РСФСР было выделено 129,17 млн. руб., в 1954 году – 150,0 млн. руб. и в 1955 году – 108,69 млн. рублей. Выделенные в 1954 году средства на капиталовложения не позволили выполнить около 60 важнейших постановлений правительства о начале строительства большого числа Домов культуры, кинотеатров, библиотек, театров, полиграфических предприятий, расширении сети книжных магазинов, книжных баз и складских помещений.

Таким образом, в послевоенное десятилетие активно шел процесс восстановления и развития сети культурно-просветительных учреждений РСФСР, особенно сельских клубов, улучшалось материально-техническое состояние учреждений, увеличивались бюджетные ассигнования на их содержание. Но принимаемых мер правительством, Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений, Министерством культуры было недостаточно для обеспечения нормальных условий деятельности учреждений. Как и для развития сферы, поднятия престижа профессии культпросветработника. В середине 50-х годов наблюдалась тенденция экономии, уменьшения бюджетных ассигнований на строительство и содержание культурно-просветительных учреждений. Большая часть учреждений не имела необходимого культинвентаря, мебели, оборудования, музыкальных инструментов, необходимых площадей. Очень медленно осуществлялось строительство новых зданий для районных Домов культуры, районных библиотек, сельских клубов и других учреждений культуры. Бюджетное финансирование культурно-просветительных учреждений было минимальным и не позволяло создать необходимую материально-техническую базу. Заработная плата работников учреждений была низкой и выплачивалась несвоевременно, финансирование сферы в целом, явно не отвечало ее насущным потребностям.

Литература

1. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 182, 187
2. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 189
3. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 182
4. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 24
5. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 189
6. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 189
7. Ф. А-534, оп. 1, д. 75, л. 96–97

8. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 190
9. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 186
10. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 187–188
11. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 15
12. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 15
13. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 10
14. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 11
15. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 12
16. Ф. А-534, оп. 1, д. 173, л. 13–15
17. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 193
18. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 193
19. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 195
20. Ф. А-534, оп. 1, д. 76, л. 196
21. Ф. А-501, оп. 1, д. 758, л. 153
22. Ф. А-501, оп. 1, д. 758, л. 154

Логунова Л. Ю. (Кемерово, КемГУКИ)

Возможности культурологического анализа историй жизнедеятельности сибирских семей XIX – начала XX века

Изучение специфики жизнедеятельности российской семьи отмечено сегодня возрождением качественных методов исследования. Несмотря на то, что такие методы анализа являются весьма трудоемкими, расширение числа работ с их применением является реакцией на преобладание опросных методик в сфере семейной деятельности, индивидуально-личностной по сути, где анализ данных, полученных с помощью метода опроса, характеризуемого, как слишком объективный, рисует картину отстраненности, безличности жизненно важных процессов человеческого существования. Изучая результаты массовых опросов, немецкий социолог Э. Ноэль обратила внимание на то, что даже образованным представителям среднего класса трудно осознать связь между статистическими тенденциями общенационального уровня и проявлениями свободной воли отдельного человека.

Социальные психологи фиксируют неприязнь массы людей к большим числам, характеризующим личностную сферу жизнедеятельности человека. Философы демонстрируют безучастность к этой проблеме, социологи – равнодушие, продолжает Э. Ноэль. Нельзя игнорировать желание человека выделиться из толпы в периоды социальной стабильности, выраженное в отстаивании права на автономность ощущения лич-

ного счастья от цифровой его фиксации. Общество состоит не просто из отдельных его членов, а из членов массы семей, уставших сравнивать провозглашенную среднюю сумму заработной платы и пенсии со своей, а также средний коэффициент роста доходов семей, повышения рождаемости и т. п. Россиян начинает раздражать невнимание к их конкретным семейным проблемам, далеким от усредненных данных. Среднестатистический семьянин испытывает обиду и недоумение от проектов, которые направлены на повышение его благосостояния в прекрасном будущем, но на сегодняшний день приносящие ему головную боль и дополнительные проблемы из-за социальной и психологической их неосчитанности.

Чуткая к таким явлениям «понимающая» социология в последнее десятилетие XX века **ответила работами, посвященными анализу истории жизни семей, современного семейного фольклора, семейных архивов.** В Западной Сибири, на Урале среди историков, социологов, культурологов сформировался интерес к исследованию специфики заселения Сибири и жизнедеятельности сибирских семей. Это выразилось в расширении проблематики исследовательских работ по историческому краеведению с помощью методов генеалогии, в углублении связи генеалогии с другими дисциплинами.

Издана Книга памяти шахтеров Кузбасса, на страницах которой помещены имена более 15 тысяч земляков, отдавших жизнь за Отечество. Реализуется проект «Источники по исторической генеалогии Кузбасса», который состоит из серии книг, отражающих общекультурный интерес к исторической генеалогии. Вышли в свет книги, включающие метрические документы, ревизские сказки и акты гражданского состояния Кемеровской области (дореволюционная территория Томской губернии). В регионе действуют научные генеалогические общества, которые занимаются изучением крестьянских родов.

Вместе с тем важность в исследованиях семейных историй представляет не «усиление внимания к микроскопическому, к уникальному... а увеличение числа индивидуально-монографических исследований и методов наблюдения» [1]. Речь идет об изучении принципов, раскрывающих суть изменения и движения всей массы семей в социальном пространстве, во времени при взаимодействии с остальными элементами социальной макроструктуры. Законы развития и истории отдельных семей при этом рассматриваются как элементы мозаики, повторенные в массе примеров в связи с семейными событиями, из которых складывается семейный портрет в конкретно-географической среде, в конкретно-историческом контексте. Культурологический анализ позволяет добавить красок в микросоциологическое исследование семьи с точки зрения

систематизации данных об особенностях характера членов семьи, их привычках, увлечениях, творческих способностях, методах лечения заболеваний, о профессиональных и семейных традициях, проявлениях благочестия, благотворительности, проведении домашних праздников и т. п. Такой подход, на наш взгляд, интересен для изучения портрета сибирской семьи в историческом срезе последних полутора столетий. Исследование региональных особенностей формирования семейной структуры населения Сибири, которое является вспомогательным методом изучения курса «Социология семьи» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств [2], – это актуализация проблемы целенаправленного интереса к семье, а также формирование базы для исследований социальных и культурологических аспектов жизнедеятельности потомков переселенцев, сформировавших совместно с коренными жителями в сложных климатических и социокультурных условиях пеструю этническую структуру, интегрирующую разнообразные культурные традиции семей, проживавших на огромных территориях к Западу от Урала.

В центре внимания исследователей – интерпретация символики семейных событий, семейного образа жизни, родовых традиций представителями младшего поколения сибирских родов. В результате обработки массива данных (свыше тысячи историй, записанных студентами со слов родственников старшего поколения) складывается собирательный портрет сибирской семьи. Рассмотрим его характеристики, сложившиеся в результате свободной колонизации крестьянами Сибири до событий, связанных с коллективизацией (1928–1932 гг. XX в.).

Последствия экономических изменений в российском обществе конца XIX – начала XX века легли тяжелым бременем на российскую семью, вызвали волны миграции, в процессе которых семьи из средней полосы России, Поволжья, Украины, Финляндии, Прибалтики, Приуралья вынуждены были переселиться в восточные районы России. Основным местом расселения мигрантов стали северные районы Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Крестьянской колонизации Сибири способствовало масштабное строительство Сибирской железной дороги (1891–1900), заменившей Сибирский тракт. Быстрое ее завершение свидетельствует о мощном притоке в регион свободных рабочих рук из средней полосы России. Снабжение стройки рабочей силой снижало социальную напряженность, а в азиатской части государства концентрировалась масса критически настроенных людей, недовольных условиями жизни, способных к мобильности, преимущественно крестьянского сословия [3]. Сообщения о сказочно богатом Сибирском крае, не знавшем межи и помещика, подвигли целые семьи и хутора

к переселению в надежде на лучшую жизнь, на возможность свободно, от души, хозяйствовать на вольных землях. Правительство оказалось не готовым к таким масштабам крестьянской колонизации.

Сибирь заселяли не только ссыльные и беглые крестьяне, как говорит бытующий сегодня социальный стереотип, их – единицы [4]. Северные и таежные районы Сибири осваивали спецпереселенцы – крестьяне, не желающие вступать в колхозы и насильно перемещенные в необжитые места в 30-х годах XX века [5]. **Основной мотив переселенцев, о котором говорят их потомки, – поиски свободных земель, не отягощенных нормами земельного права.** Кузнецкая земля, предгорья Алтая еще в XVII–XVIII вв. пользовались в народе славой вольной стороны, были загадочными и манящими. Основную массу населения Кузнецкого края дала вольная крестьянская колонизация конца XIX – начала XX века. **Она принесла ген** личной энергии, мобильности, инициативы в сибирский характер, отличающийся широтой души, любовью к стабильности и порядку.

В конце XIX века на карте Сибири и Алтайского края появляются новые «именные» названия населенных пунктов, основанных семейными и соседскими кланами в честь имен государей, названия родных мест, фамилий переселенцев: Александровка, Николаевка I, Курск-Смоленка, Мальцево, Каркавино, Залесово. Пермьки, белорусы, волжане дивились просторам, свой пахотный клин отмеряли так: «от этого куста до этой балочки». Плодородие земли казалось вечным: почвы восстанавливали, бросая в длительную залежь. О таких возможностях только мечталось жителям тесных российских деревень с истощенными пашнями!

Строили дома на долгие годы, обустроивались «на широкую ногу», с размахом обзаводились хозяйством, разводили скот, считая его количество по-сибирски, – не по головам, а по «логам». Наиболее зажиточные имели по три лога. В 1913 г. чиновники, проводившие перепись, отмечали, что крестьяне средней руки в с. Брюханово (Ленинск-Кузнецкий район Кемеровской обл.) телеги смазывали сливочным маслом. Потомки кратко, но с удовольствием цитируют слова бабушек о достойном проживании: «Жили крепко» (семья Залесовых-Кривошевых); «Любили землю, честно трудились на земле, обеспечивая достаток своим большим семьям» (Толстовы-Беляевы); «Отец и братья помогли построить добротный дом, который простоял сто лет» (Лагыгины-Черданцевы).

Адаптация переселенцев к новым условиям жизни шла в ускоренном режиме, который был обусловлен сезонностью крестьянского труда, способностью к быстрой ориентации в новой социальной среде. Закрепление новых образцов поведения у новоселов переплеталось с сохранением обычаев и традиций родной местности. Сегодня участники фоль-

клерных экспедиций отмечают разнообразие и богатство народных промыслов, обрядов, эпоса, музыкальных традиций. Социологи и историки указывают на то, что при такой этнической пестроте потомки переселенцев обладают общими чертами, которые дают право называть сибиряков субэтносом. Потомков казаков, русских, белорусских и украинских семей крестьянского сословия, представителей других депортированных этнических групп и социальных слоев сегодня объединяет подвижный фенотип, обусловленный контрастностью климата, высокая адаптивность, переданная внукам, социальная терпимость (сыну и внуку мигранта, познавшего тяготы освоения суровых территорий, легче понять беженца, также вынужденного искать лучшей участи на новой земле).

Коренные сибиряки – потомки лихих и удачливых казаков, которых называли касьминскими чалдонами (данные переписи 1860 г. свидетельствуют о безбедном проживании старожильческих чалдонских семей Захаровых, Кузнецовых, Логуновых, Крапивиных, Тороповых, Хмелевых, Мусохрановых [6]), не противились поселению на их землях новых соседей, принимая в батраки тех, кто победнее, выдавали за новоиспеченных сибиряков замуж своих дочерей. («Приехали в чалдонский поселок, – пишет правнучка Инжуватова И. А., обедневшего крестьянина-переселенца из Куйбышевской области, – четыре семьи родственников поселились в одном доме, строили свои дома на окраине села, на право поселиться в новом доме тянули жребий. Завели скот, водяную мельницу. Разбогатели»).

В Сибирь приезжали отнюдь не забытые, апатичные, недалекие люди. Новоселы, как пишут их потомки, отличались мастеровитостью, знали ремесла, полезные старожилам. 80 % интервьюеров сообщили, что их прадеды и прабабки владели грамотой, окончили 3 или 7 классов церковно-приходской школы. Можно говорить о мощном притоке в сибирскую деревню свежих сил, которые отличал высокий уровень адаптивного потенциала, слагающийся из знаний, умений, желания их реализовать, основанного на культурных традициях европейского крестьянства.

По мере сближения старожилов и переселенцев стали устраиваться совместные игрища молодежи, шел процесс обмена культурными традициями и обычаями. И хотя бабушки (Каркавина Н. С.) отмечают некоторое презрительное отношение к менее домовитым «рассейским», «вятским», исследователи считают, что «девушки из старожильческих семей охотнее выходили замуж за переселенцев. Их привлекало то, что переселенцы были менее требовательны к работам по домашнему хозяйству» [7]. Сибирячки отличались физической силой, выносливостью, прилежанием к рукоделию, аккуратностью, вкусом в ведении дома.

Даже через десятки лет дома, где хозяйничала чалдонка, отличались от домов поздних переселенцев наличием на окнах занавесок, искусно украшенных. Новоселы отмечали также обычай гостеприимства сибиряков: «Сибиряки – любители по гостям ходить, чай пить. У них на столе всегда самовар был горячий» [8].

Сибирскую казачку при всей строгости и регламентированности домашнего уклада отличало особое достоинство, с которым она управлялась с хозяйством в отсутствие мужа, уезжавшего на военные сборы, руководила сыновьями и зятьями. Согласно данным студенческих исследований, тенденция сохранения имени и отчества женщины-родоначальницы (иногда и девичьей фамилии) коррелирует с высотой ее социального или личного статуса или статуса ее мужа, отсутствие уважения к ее мужу или молодой возраст стирают в памяти потомков имена родственниц. Уважаемую женщину в крестьянской и рабочей среде величали по отчеству, иногда только по отчеству, проявляя почтение к материнскому роду (Трофимовна, Спиридоновна, Карповна). Сохраняя статус и родовое достоинство, пореформенные жители казачьих сел не заключали браков с «мужиками» или «мужичками». Строгое социальное деление отменилось само собой в процессе культурной ассимиляции с богатеющими переселенцами, перенимающими черты сибирского характера.

Особняком держались только потомки сосланных в Сибирь раскольников, «кержаков», «часовенных», «чашников», проживающие общинами, сформированными согласно «раскольничьим толкам». Поселения их располагались в лесных районах Томской и Кемеровской областей, предгорьях Алтая [9]. Охота, разведение пчел, скота определяли род занятий таежных поселенцев. В семьях староверов резко проявлялась деспотичность отцовской власти, культ отца и мужчины, уважение к порядку, установленному патриархом [10]. О меньшей значимости женщины говорит факт утраты потомками не только отчества родоначальницы, но и, нередко, имени. Сохранение «исконной» веры и следование догматическим традициям старообрядцев помогли сформироваться, «сбалансироваться» религиозности сибиряков. Поздних переселенцев отличала набожность, с которой они каждое воскресенье посещали церковь. Потомки старожилов, долгое время обходившиеся без церквей и священников, «строили церковь в душе своей», и искренне верили в действенность молитвы перед домашними иконами [11].

В массиве данных встречаются упоминания о предках, имеющих польские корни. Студенты, их потомки, описывали, что речь идет о семейных легендах, которые подтвердить довольно трудно, так как родоначальники старались скрыть свою этническую принадлежность и поменять

родовые имена на русские. Это были мужчины, сосланные после «Варшавских событий» XIX века [12]. Другие этнические группы: латыши, эстонцы, коми, немцы – также упоминаются в семейных историях, но, вследствие малой выборки, таких историй единицы. Их потомки свидетельствуют о стремлении семей родоначальников смешаться с местными жителями, освоить язык, породниться. Уже через два поколения трудно увидеть национальные особенности потомков, утративших язык и культурные традиции дедов, о которых с изумлением узнавали интервьюеры, отмечая личную значимость выполнения исследовательской работы.

Анализируя истории, мы обратили внимание на тенденцию интеграции в среду поздних переселенцев посредством брака с коренными жителями. 65 % родоначальников обрели свою «вторую половину» в Сибири. Во втором поколении браки переселенцев с коренными сибиряками отмечаются уже в 92 % случаев. Конечно, можно говорить о некотором дистанцировании сибиряков от новоселов, но желание внести свежую кровь в сибирские родовые ветви, с одной стороны, стремление утвердить свой статус на новом месте, с другой стороны, укрепляли и преумножали потенциал сибирских родов, который подкреплялся жизненными силами семей разной географической принадлежности при слиянии ветвей одного рода с другим. Данный процесс социально управляем, достигался он чаще всего притоком надлежащей крови, а порой и волевым решением. Старшее поколение интуитивно руководило этим процессом при подборе жениха и невесты друг другу [13]. Иногда студенты отмечают мотивы таких браков: спасение от преследований, возможность избежать ссылки, поправить семейные дела батрацкой семьи, женившись на дочери хозяйина.

Исследователи утверждают, что крестьяне смотрели на семью как на непереносимое условие жизни, закрепляющее социальный статус и положение в общине. «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином... На него смотрят отчасти с сожалением... отчасти с презрением». Холостой образ жизни считался отклонением от нормы, странностью. Семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни [14]. Такая линия прослеживается в последующих поколениях. Мужчины стараются обзавестись семьей в первый же год после возвращения с войны, службы в армии. Возможно, в этом проявляется сила чувства семейственности, потребности в самостоятельности, понимание того, что жена помогает стать уважаемым человеком, получить социальное признание. С другой стороны, чувствуется влияние старших членов рода, которые считают, что неженатый молодой человек может быть социально опасен (не давай ему «гулять», жени его скорей, пока

«дров не наломал»). Выйдя из-под опеки родителей, молодой мужчина поступает под квазиматеринскую опеку жены. «С рук на руки – божьей милостью».

Циркуляцию семейных традиций, обмен семейными ценностями можно рассматривать как культурологический процесс, описание которого зафиксировали студенты, записывая рассказы старшего поколения. Нами цитировались записи, наиболее точно обозначающие отражение общих тенденций в линиях семейного поведения.

В историческом аспекте данные о семейном поведении сибиряков не ограничиваются периодом коллективизации. Мы рассказали о «золотом веке» сибирского крестьянства, о времени исполнения желаний поздних переселенцев и усиления потенциала родов коренных сибиряков. Об этом периоде с теплом и ностальгией рассказывали прабабушки и прадеды своим внукам. Спротивление материала ощущается при исследовании интерпретации семейных событий в 30-х гг. XX века. Мотивы сдержанности в изложении фактов, щемящее чувство печали и непонимания смысла происходящего вносит дополнительные штрихи к портрету сибирской семьи середины XX века. Сильные единоличные хозяйства мужчин-переселенцев, основателей сибирских крестьянских родов, многоплодность и уверенность за своих детей женщин, устоявшийся быт, семейные традиции, лояльность к приехавшим позже мигрантам сформировали семейный менталитет жителей Западной Сибири, в котором сочетались уважение к религии и старшим поколениям, смекалка, ответственность за семью. Умение принимать специфику новых времен наложило в дальнейшем отпечаток на черты сибирского характера.

Литература

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. – М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998. – С. 11.
2. Логунова Л. Ю. Решение творческих задач по социальной генеалогии как аспект процесса самоидентификации и самосознания студентов // Культура как предмет комплексного исследования. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Вып. 5. – С. 195–202.
3. Анализ данных студенческих исследований показывает, что их родственники, представители других социальных страт приехали в Сибирь только после 30-х годов XX века в связи с репрессиями, депортацией по этническому признаку в 1941 г., по распределению в послевоенный период.
4. В массиве собранных данных фигурирует только одна семейная легенда о солдате, прослужившем двадцать пять лет на Дальнем Востоке, основавшем сибирский род Баутиных.

5. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. – 272 с.
6. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура старожилов Касьминской волости. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 16.
7. Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начала XX века (внутрисемейные отношения, домашний уклад, досуг) / Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 92. Там же. – С. 107.
8. «Наиболее выраженным очагом старообрядцев чановского толка... является д. Чановка в Парабельском районе, основанная верующими в период коллективизации сельского хозяйства. Селились здесь старообрядцы одного толка, основным занятием которых было рыболовство и охота. Все трудолюбивые старообрядцы были членами парабельского коопзверопромхоза. Богослужения в этой деревне проводят уставщики в частном доме. Вожаком старообрядцев в настоящее время считается Кашеев Гавриил Иванович, престарелый охотник». Справка из семейного архива Кашеевых. ГАТО: Р. 1786, опись 1., дело № 276. «Отчет о состоянии религиозной обстановки в области и работе уполномоченного за 1974 г.».
9. «Прадед Аким держал дом в строгости, семья его была патриархальной до мозга костей. В хозяйстве было все: коровы, пасака, даже конюшня... Помимо хозяйства прадед занимался с сыновьями охотой, что могло позволить очень неплохо жить, но его скудность доходила до того, что дочери ходили босиком осенью, умерли, не дожив до 12 лет...» (Н. Мальцев.)
10. «Мой прадед Забалуев Спиридон Антонович был из кержаков, но отказался от строгой веры, не разрешавшей даже мастеровым людям стричь бороды, мешающие в работе. На вопрос священника, не допустившего его поцеловать крест, где он видел святого с бритым лицом, прадед ответил вопросом: а где ты видел святого, катающего валенки и управляющегося с токарным станком? Но следование традициям религиозного воспитания не позволило пропускать в новой казачьей общине воскресных служб вместе с детьми. Интересно, что его жена Лукерья Кирилловна обычно оставалась дома, не только для того, чтобы приготовить обед, просто, не было принято часто посещать церковь». (Из семейной истории Забалуевых-Каркавиных.)
11. «Котович Сильвестр Осипович, – пишет о прадеде Сапегина О., – по происхождению поляк, в деревне был старостой, знал польский язык, был грамотным. Его брат Илларион Осипович глухонемой, шил великолепную обувь. Братья были мастеровые и очень работающие». «Имя прадеда могло звучать как Вакшель Матвей Ануфриевич, польскую фамилию он, возможно, сменил на более привычно звучащую в Сибири Вашкин. Оставив в Польше, где был батраком, жену и ребенка, он бежал в Россию, спасаясь от преследования властей за участие в нападении на поместье пана. Пошел работать на шахту. Женился. Но подтвердить эту историю, думаю, трудно», – пишет родственница из рода Каборда.

12. «Прабабушка Фрося рассказывала о своем замужестве так. Когда прадед (Дмитрий Лазарев, сын переселенца из Поволжья, разбогатевший в Сибири) приехал сватать ее старшую сестру, он случайно увидел младшую. Она ему больше понравилась, и он стал просить у родителей отдать ее ему в жены. Прадед моей бабушке не приглянулся, и она не хотела за него замуж, но в те времена не спрашивали согласия у девушек. Когда у них родилась первая девочка, прабабушка немного успокоилась... да и муж был добрый и смирный, любил ее. Затем у прабабушки родилось пять детей». (А. Лазарева.)
13. Громько М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. / Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 9.

III. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Н. Н. Ярошенко (Москва, МГУКИ)

Современная теория социально-культурной деятельности: культурно-антропологические основания

Актуальность социально-культурной деятельности предопределяет ее особой ролью в создании гражданского общества. Социально-культурная деятельность сегодня выполняет историческую миссию формирования активной личности как высшей ценности общества. Именно она взяла на себя высокую миссию преобразования объекта воспитательного воздействия в субъект социально-культурного творчества. Огромна ее роль в сохранении национально-культурного достояния народов нашей страны, в развитии культурных инициатив на уровне регионов, в возрождении духовных традиций. Социально-культурная деятельность активно включилась в обеспечение эффективного развития культуры как решающего средства повышения качества жизни граждан России. Культурозозидающая роль социально-культурной деятельности многократно подтверждена социальной практикой.

На Всероссийском симпозиуме «Проблемы реформирования российского социально-культурного образования в контексте Болонского процесса» I (Сочи, май 2005 г.) ведущими теоретиками, заведующими вузовскими кафедрами социально-культурной деятельности было справедливо отмечено, что объективный характер общественного развития последних десятилетий привел к утверждению новой специальности – «социально-культурная деятельность», которая интегрировала в себе лучшие традиции российского просвещения, конструктивный опыт внешкольного образования, культурно-просветительной работы и успешно удовлетворяет требования формирующегося информационного общества. Она воплотила в себе всепроникающий процесс вовлечения человека в мир культуры, параметры которого простираются от системы образования и искусства до сферы туризма, спорта и зрелищно-игрового досуга.

По всей видимости, задачу научного осмысления этих процессов должна взять на себя теория социально-культурной деятельности. Отметим, что это интенсивно развивающаяся отрасль педагогической науки.

Научная теория социально-культурной деятельности сегодня находится в достаточно противоречивой ситуации. Кратко, не вдаваясь

в подробности, можно обозначить это противоречие так: с одной стороны, объяснительный потенциал теории во многом опережает потребности и возможности практики, а с другой – научный аппарат теории социально-культурной деятельности изменяется медленно, не поспевая за изменениями в научном аппарате современной гуманитаристики.

Теория социально-культурной деятельности лицом к лицу столкнулась с вызовами стремительно изменяющегося мультипарадигмального поля гуманитарной науки новой эпохи, которую можно называть по-разному – эпоха постмодерна, постиндустриального или информационного общества и т. д. Среди различных изменений, произошедших в корпусе гуманитарных наук, одной из наиболее влиятельных становится тенденция тотальной антропологизации – антропологический ренессанс. Именно эта тенденция актуализировала череду споров и дискуссий среди ведущих отечественных теоретиков о сущности и границах понятия социально-культурной деятельности. Только за 2000–2005 годы по этому вопросу в печати выступили Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, М. А. Ариарский, А. Д. Жарков, А. В. Соколов, Е. И. Григорьева, В. В. Туев, В. Е. Триодин и др.

Основные рассуждения исследователей шли вокруг слов, входящих в название теории, которое предполагает глубокий и всесторонний синтез таких смыслоопределяющих понятий, как «культура», «социальность», «деятельность». Неизменно авторы задавались вопросом: если эти понятия являются основой для любого гуманитарного исследования, то в чем же тогда специфика теории социально-культурной деятельности? Мы склонны этот вопрос формулировать еще точнее – в чем же состоит и какова природа научного знания в теории социально-культурной деятельности? Мы также не остались в стороне от этого спора, вступив дискуссию с В. В. Туевым на страницах «Ученых записок МГУКИ» (2001). Окончательное, всеми признанное определение социально-культурной деятельности до сих пор отсутствует – у каждого исследователя на этот счет остается свой вариант интерпретации понятия.

Допускаю, что в том случае, когда научному сообществу не удастся договориться о содержании, специфике и границах основных категорий, нужно договариваться об основаниях, исходных посылах. «Запутавшись в ветвях, изучим корни» – вот, собственно, метафорический смысл данного текста.

Бесперспективность дальнейшего анализа содержания понятия «социально-культурная деятельность» вне контекста личностного становления и развития сегодня очевидна. Продолжая «работать» только с одним понятием «социально-культурная деятельность», исследователи уподоб-

ляются пациенту, который интерпретирует пятна Роршаха – вариантов интерпретации может быть сколько угодно много, и все они будут правильными. Поэтому, на мой взгляд, нужно заново отрефлексировать саму практику социально-культурной деятельности, определить ее источники и человекообразовательный ресурс.

Теория социально-культурной деятельности становится относительно самостоятельной научной дисциплиной, изучающей пути гармонизации взаимодействия человека и социума в пространстве культурных ценностей. Именно поэтому мы предлагаем сосредоточить внимание теоретиков на выявлении и изучении культурно-антропологических оснований этой деятельности. Речь идет о поиске неких универсалий человеческой культуры, которые легитимизируют тот вид реализации человеческой активности, который определяется как «социально-культурная деятельность». Более того, нам представляется, что в ядре теории социально-культурной деятельности сложились предпосылки для формирования нового состояния нашей теории, в соответствии с изменившимся предметным полем и изменившимся набором исследовательских методов. Речь может идти о постепенном становлении педагогической антропологии культуры как научной теории, изучающей процессы становления человека как самостоятельного субъекта культуры и роли в этом процессе всех иных субъектов целенаправленной социально-культурной деятельности (личностей, общностей, учреждений и т. д.).

Хорошо известно, что воспитание предполагает проникновение в природу человека, постижение его сущности. Оно обязано исходить из истины человеческой природы в ее реальном историческом бытии. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях», – это положение Константина Дмитриевича Ушинского было и остается аксиомой для всей реалистической отечественной науки о воспитании.

Антропологический подход дает ключ к решению еще одной проблемы современной теории социально-культурной деятельности. Речь идет о ее «соседстве» с другими гуманитарными науками, изучающими культуру и человека. Не раз обращалось внимание на то, что теория социально-культурной деятельности, принимая без критической проработки результаты культурологических, социологических, психологических и других исследований, рискует «раствориться» в предметном поле этих наук.

Вполне уместно вспомнить мысль М. М. Бахтина о принципиальной «пограничности» культуры. Личность творит собственные культурные смыслы в ходе ответной рефлексии чужих («иных», «других») реплик и поступков. Культура вся на границах – именно здесь приобретает эк-

зистенциальное звучание диалог культур, общностей, личностей. Для гуманитарной науки бахтинская метафора также может стать основой для понимания места и значения процедуры демаркации границ, поскольку глубинные сомнения по поводу правомерности существования той или иной науки могут найти положительное разрешение лишь вслед за интересом этой науки к другим наукам.

Понимание уникальности той или иной науки складывается не только при изучении объектов, с которыми данная наука «работает». Здесь важно и то, каким, собственно, методом она пользуется, в чем его принципиальная новизна и специфика в сравнении с методами других наук. К примеру, ученые, разрабатывающие современную теорию социально-культурной деятельности, уже давно наблюдают, как традиционное предметное поле их науки – деятельность учреждений социально-культурной сферы, педагогические процессы в сфере свободного времени, культурно-досуговое творчество и т. п. – активно эксплуатируется представителями других отраслей гуманитарного знания. В этой связи значительное число исследователей теории социально-культурной деятельности испытывают на себе влияние «инаучного» знания, подчас некритично заимствуют не только выводы, сделанные в рамках других наук, но и их научные методы. Безусловно, нет смысла ограничивать или нормировать объективные процессы взаимодействия различных наук – этот процесс реально обогащает наше знание о культуре. Другое дело – понимание качественного различия методов научного познания, используемых в науках, а также осознание «ограниченности» («пребывания в определенных границах») тех выводов, которые ученые получают в процессе применения этих методов.

Вот почему теоретико-методологическое разграничение предметного поля теории социально-культурной деятельности и других научных дисциплин гуманитарного научного корпуса, ориентированных на изучение социокультурных процессов, – одна из актуальных задач современной теории социально-культурной деятельности. На наш взгляд, успешное решение этой задачи также возможно на пути антропологического осмысления всей проблематики социально-культурной деятельности.

В теории социально-культурной деятельности имеется неплохой задел для продолжения и развития антропологических исследований. В этом смысле особенно ценными являются работы педагогов-внешкольников конца XIX – начала XX в. (В. И. Чарнолуцкий, Н. Н. Иорданский, В. А. Зеленко, А. П. Пинкевич, Я. Я. Гуревич, В. А. Герд, А. В. Луначарский, Е. Н. Медынский, С. О. Серополко и др.). Линия антропологического исследования педагогики культуры была возобновлена в СССР лишь конце 1960-х годов.

В начале 1970-х годов в ВСГИКе молодыми авторами, выпускниками Московского государственного библиотечного института, была создана книга, в которой впервые в отечественной научной теории культурно-просветительная деятельность была развернуто представлена как особая воспитательная система. Учебное пособие со скромным названием «Основы клубоведения» А. В. Сасыхова и Ю. А. Стрельцова – это яркий и убедительный пример культурно-антропологического подхода к досуговому воспитанию. Скорее всего именно поэтому эта книга свежо и современно воспринимается и новыми поколениями специалистов социально-культурной деятельности. Линия культурологического анализа, которая «тяготеет» к антропологической проблематике, прослеживается в фундаментальных трудах Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильникова «Социально-культурная деятельность» (2005), М. А. Ариарского «Прикладная культурология» (2002), А. В. Соколова «Феномен социально-культурной деятельности» (2003). Однако, несмотря на то огромное значение, которое указанные исследования сыграли для дальнейшего развития нашей теории, сегодня уже недостаточно только «приближаться» к антропологическому контексту – актуальной становится задача реализации антропологического подхода применительно к задачам современной теории социально-культурной деятельности.

Соколов А. В. (Санкт-Петербург, СПбГУП)

Социально-культурная система как пространство для реализации социально-культурной деятельности

Понятие есть мысль о предмете, раскрывающая его сущность путем выявления существенных отличительных признаков данного предмета. Сущность предмета зависит от его природы, происхождения, строения, а отличительными признаками могут быть назначение, материал, состав, качественные или количественные характеристики. Способом ввода понятия в научный оборот является его определение, или дефиниция. Дефиниция это суждение, в котором назван данный предмет и указаны его отличительные признаки. Например: «Студент – учащийся высшего учебного заведения»; «Учебник – книга, предназначенная для учебного процесса»; «Троллейбус – безрельсовый транспорт с электрической тягой»; «Блондин – человек со светлыми волосами».

В дефиниции различают две части: левая, где находится определяемое слово, называемое термин или имя, и правая, где приводятся признаки предмета. Правая часть – это содержание понятия. Множество предметов, каждому из которых принадлежат все признаки, составляющие содержание понятия, называется объемом понятия. Существует закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия. Чем богаче содержание, то есть чем больше признаков зафиксировано в понятии, тем уже объем; чем беднее содержание, тем шире объем.

Способы формирования содержания понятий определяют виды дефиниций, которых существует более 12. Наиболее распространенными и важными для нас являются следующие:

1. Формально-логическая дефиниция: определение «через род и видовое отличие». В правой части дефиниции указывается род, то есть то понятие, в объем которого входит определяемое, а затем перечисляются отличительные признаки, присущие только предметам данного вида. Приведенные ранее примеры дефиниций как раз являются формально-логическими.

2. Дескриптивное (описательное) определение. Здесь нет родового понятия, а определение строится при помощи оператора «тот, который». Например: «Кто не работает, тот не ест»; «Хорошо смеется тот, кто смеется последним»; «Учащийся – тот, кто учится»; «Учитель – тот, кто учит».

3. Остенсивное определение – определение слова путем непосредственного указания на предмет, который этим словом обозначается. Например: «Вот здание ГУП»; «Это я, Эдичка». В науке отдают предпочтение формальнологическим дефинициям, поэтому желательно раскрыть содержание понятия «социально-культурная деятельность» по формально-логическим правилам. Предыдущее изложение позволило получить исходные данные, достаточные для построения искомой дефиниции. СКД – это разновидность культурной деятельности, и делится она, в свою очередь, на два вида: профессиональную и любительскую (непрофессиональную). СКД можно также представить в виде собирательного понятия, объединяющего творчество и социальную коммуникацию. По отношению к культурным ценностям, с которыми имеет дело СКД, речь может идти:

- о сохранении и общественном использовании материальных естественных ценностей, данных природой (МЕ);
- содействию развитию материальных (физических) или духовных естественных талантов, способностей, задатков индивида (ДЕ, МА, ДА);

- сохранении и культурном использовании памятников культуры (МО, МИ);

- создании, сохранении, распространении, освоении искусственных духовных ценностей (ДО, ДИ).

В итоге получаем следующие формально-логические дефиниции для двух видов культурной деятельности.

Социально-культурная деятельность (СКД) – культурная деятельность социальных субъектов (профессиональных и непрофессиональных социальных групп, вплоть до общества в целом) по: а) созданию культурных ценностей (творчеству); б) развитию способностей индивидов и обслуживанию их творческой деятельности; в) коммуникации, то есть распространению, сохранению и общественному использованию всех видов культурных ценностей.

Индивидуально-культурная деятельность (ИКД) – культурная деятельность индивидуального субъекта по: а) созданию культурных ценностей (самореализация личности); б) саморазвитию личного духовного и физического потенциала (индивидуализация личности); в) освоению знаний, умений и норм культурного использования природных ценностей, памятников культуры и духовных культурных ценностей (социализация личности).

Можно дать дескриптивные определения: СКД – это деятельность социальных субъектов, где задействованы культурные ценности; ИКД – индивидуальная деятельность с культурными ценностями. Разумеется, формально-логические дефиниции более познавательны

Легко заметить, что творческая деятельность присуща как СКД, так и ИКД; СКД ставит целью развитие способностей индивида, а ИКД нацелена на индивидуализацию; социализация индивида невозможна без включения в коммуникационную деятельность. Таким образом, СКД и ИКД неразрывно связаны друг с другом, и связь эта носит характер взаимной зависимости, то есть является системной. Интегрирующим эти два вида культурной деятельности может быть понятие «социально-культурная система» (СКС). При выявлении этой системы нужно иметь в виду следующее принципиальное различие между индивидуальной и социальной культурной деятельностью. Индивидуальная культурная деятельность – это духовная деятельность социализированной личности, которая осуществляется в психическом пространстве. Стало быть, ИКД – понятие психологическое. Социально-культурная деятельность – это духовная деятельность социальных субъектов, осуществляемая в социальном пространстве. Поэтому СКД – понятие социологическое. Создание культурных ценностей любого типа, так же как и освоение их, то есть понимание их смысла (назначения, устройства), есть психическая инди-

видуально-культурная деятельность. Получается, что в социально-культурной системе исходный и конечный пункты – психические процессы. Но сама система является социологической, так как центральное место в ней занимают социальные институты, социальные группы и социальные отношения. По этой причине она называется социально-культурной, а не психокультурной. Какова же дефиниция социально-культурной системы? Под социально-культурной системой (СКС) нами понимается исторически сложившаяся совокупность субъектов (творцов и пользователей культурных ценностей), учреждений, средств и методов, служащая для осуществления социально-культурной деятельности. Другими словами, СКС – это то социальное пространство, в рамках которого реализуется СКД. В эту систему включены индивидуальные субъекты ИКД со своими психическими мирами. Эти субъекты могут образовывать профессиональные группы или массовые совокупности.

Осуществление социально-культурной деятельности – общественное назначение СКС, которое выражается в сущностных функциях системы. Сущностные функции СКС соответствуют операциям культурной деятельности (созидание, хранение, распространение культурных ценностей). Кроме того, выполняются вспомогательные функции, служащие для удовлетворения внутренних потребностей СКС, например, оформление и тиражирование сообщений. Функции осуществляются функционально-специализированными подсистемами, взаимодействующими друг с другом и образующими совместно с их пользователями структуру СКС.

В структуру социально-культурной системы входят следующие функционально-специализированные подсистемы (см. рис. 1).

1. Подсистема профессионального духовного производства, состоящая из духовно-производственных социальных институтов, таких как литература, журналистика, искусство, религия, философия, наука, техника. В современном обществе эти институты представлены сетью учреждений, располагающих квалифицированными аттестованными (дипломированными) специалистами, имеющими статус творческих работников. Впрочем, творческие работники, особенно литераторы, артисты, художники, совсем не обязательно должны быть служащими какого-либо учреждения, не случайно они именуются людьми «свободных профессий». Профессиональное творчество всегда ярко индивидуально. Но творческие работники трудятся не только ради самореализации, но и ради одобрения других людей. Вне общества их деятельность теряет смысл, поэтому они входят в подсистему духовного производства СКС. Произведения, созданные творческими работниками, как правило, не являются анонимными и защищаются международным авторским правом от несанкционированного использования.

2. Подсистема анонимного народного творчества. Эта подсистема социально не организована, она не имеет профессиональных работников, не поддается регламентации и функционирует стихийно. Продуктами этой подсистемы являются фольклор и народное творчество, обряды и традиции, мода, мифы, слухи, анекдоты, общественное мнение. Творцами духовных ценностей в данном случае выступают не конкретные авторы, а коллективы неопределенного состава. Эта подсистема изначально относится к СКД.

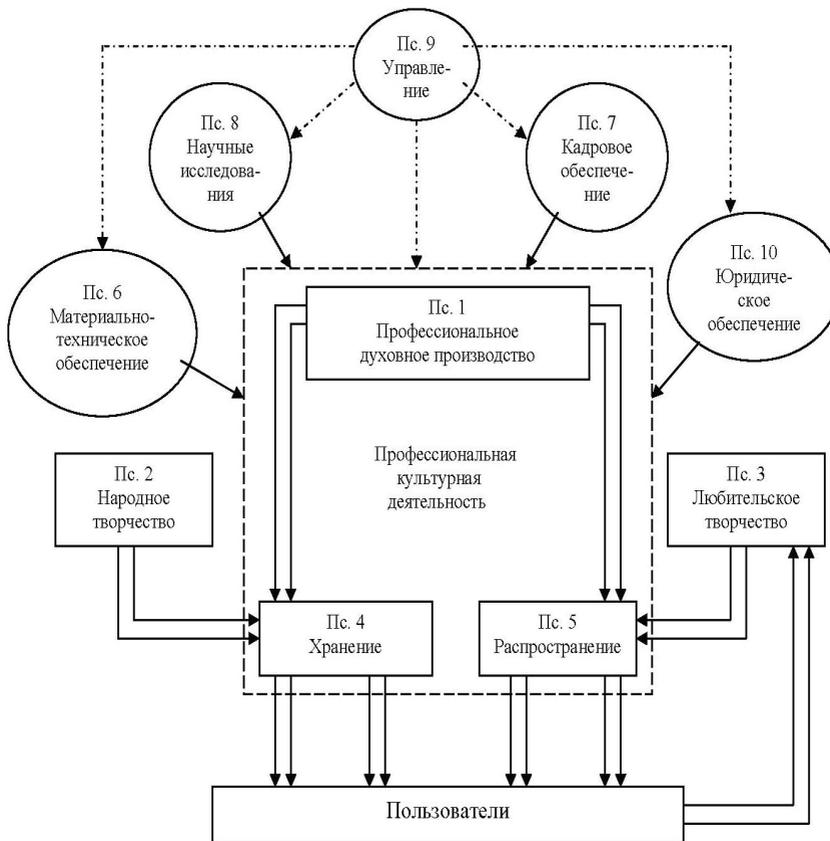
3. Подсистема любительского творчества – область индивидуальной культурно-досуговой деятельности. Любительское творчество, как правило, не продуктивно, а репродуктивно; оно ориентировано на творчество профессиональных работников подсистемы 1. Причина этого понятна: именно в профессиональном искусстве, литературе, научном и техническом творчестве создаются впечатляющие культурные ценности, способные служить ориентирами для саморазвивающегося индивида. В социально-культурной системе творческая досуговая СКД (художественная самодеятельность, техническое творчество, фотолюбительство, изостудии и т. д.) вторична (подражательна) по отношению к профессионально-творческой СКД или анонимному народному творчеству.

4. Подсистема хранения культурного наследия (памятников культуры и природных ценностей) – это область профессиональной социально-культурной деятельности, где в качестве субъектов выступают архивисты, библиотечные работники, библиографы, сотрудники музеев, реставраторы и другие специалисты. Пользователями этой подсистемы считается как настоящее, так и будущие поколения.

5. Подсистема распространения культурных ценностей имеет задачей обеспечить духовное развитие современников путем общественного пользования фондами культурного наследия и распространения культурных инноваций. Профессионалами в этой подсистеме являются педагоги, журналисты, библиотечные, музейные, клубные, туристические и другие социально-культурные работники. Их деятельность может осуществляться в двух режимах: монологическом (режим коммуникационного управления) и диалогическом (режим коммуникационного общения). Надо заметить, что реальные социальные институты (учреждения) могут относиться одновременно как к подсистеме хранения, так и к подсистеме распространения, выполняя соответствующие сущностные функции, например библиотеки, библиографические службы, музеи.

Обе последние подсистемы являются формальными (общественно организованными) коммуникационными системами: они передают культурные ценности, играющие роль сообщений, либо во времени (под-

система хранения), либо в пространстве (подсистема распространения). Параллельно с ними действуют неформальные (стихийные) коммуникационные каналы. Так, подсистема хранения не обеспечивает сохранности живого естественного языка, в частности русского; эта важная часть культурного наследия хранится в памяти современников. Неформальными каналами пользуется подсистема анонимного народного творчества для распространения ее продуктов.

Условные обозначения

- ====> Культурные ценности
- - - -> Управляющие воздействия
- ====> Обеспечивающие ценности

Р и с. 1 Функционально-структурная схема социально-культурной системы

6. Подсистема материально-технического обеспечения творческих и коммуникационных подсистем СКС. Сюда относятся редакционно-издательские службы, техническое обеспечение радио- и телецентров, типографии, целлюлозно-бумажные комбинаты, средства связи, почта.

7. Подсистема кадрового обеспечения (подсистема специального образования), включающая сеть высших и средних специальных учебных заведений, готовящих профессионалов СКС.

8. Подсистема научных исследований, где сосредоточены ученые и специалисты, изучающие СКД.

9. Подсистема управления, руководящая деятельностью остальных подсистем и удовлетворяющая их потребности в рамках своих возможностей. Эта подсистема может располагать репрессивным аппаратом, например цензурой.

10. Подсистема юридического обеспечения, в которую в нашей стране входят «Основы законодательства РФ о культуре» (1992), Федеральный закон «О средствах массовой информации» (1990), Федеральный закон «О библиотечном деле» (1995) и др.

Суммарно структуру социально-культурной системы можно представить следующим образом:

I. Творческие подсистемы во главе с духовно-производственными институтами (3 подсистемы).

II. Коммуникационные подсистемы (2 подсистемы).

III. Обеспечивающие (вспомогательные) подсистемы (5 подсистем).

IV. Пользователи – люди, имеющие культурные потребности и взаимодействующие с СКС в процессе своей индивидуально-культурной деятельности.

Тув В. В. (Кемерово, КемГУКИ)

Проблемы полисемии атрибута «социально-культурный»

Полисемия – младшая сестра сигнификации. Сначала то или иное явление, предмет, открываемые человеком в процессе его познавательной деятельности, сигнифицируются (обозначаются), а затем, со временем постепенно появляются и другие, новые значения у так называемого «этимона», т. е. первого, первоначального значения того или иного слова, понятия. Такова лексическая судьба многих слов и понятий. И даже такие хорошо нам известные в поле гуманитарной лексики понятия, как «культура», «досуг», «клуб», не избежали этой участи. То же сегодня про-

исходит и со словосочетанием «социально-культурная деятельность» и особенно с составляющим его атрибутом «социально-культурный».

Несомненно, что любая парадигма как «научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности», или как «исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения» [4] имеет свое терминологическое поле, сигнифицируется наиболее емко отражающими ее категориями, понятиями, атрибутами. На наш взгляд, атрибутация науки, тем более на ее самом высоком парадигмальном уровне, – необходимое условие ее становления и развития. Понимая это, настойчиво ищут адекватные новой научной парадигме атрибуты ее разработчики, промоутеры, популяризаторы. Так, в терминологическое поле культурологии, культурологической парадигмы, пришедшей в наше общество на смену парадигме идеологической, в ее категориально-понятийный аппарат все более внедряется атрибут «социально-культурный».

Само слово «атрибут» трактуется сегодня как «устойчивый отличительный признак, неотъемлемое свойство чего-либо» [1]. Но дело в том, что, как писал известный российский поэт, «слова у нас до важного самого в привычку входят», часто даже не успев обрести единые для всех атрибутивные признаки.

Причем, что особенно странно в последнее время, многим столь привычно уже звучащим в нашем обиходе словам, как говорится, без году неделя. И речь идет не о модных словечках молодежного сленга, не об англицизмах, пропитавших российскую лексику, как чернила промокашки. Нет, привычка употреблять новые слова и словосочетания, не сильно задумываясь об адекватности лексических нововведений реальным процессам, которые ими сигнифицируются, начинает поражать и нашу научную, и нашу образовательную терминологию. Практика профессиональной деятельности учреждений культуры и образования оказалась более консервативной и не спешит брать на вооружение предлагаемые ей учеными и педагогами неологизмы.

Конечно, атрибут «социально-культурный» не попытается понять и принять сегодня только ленивый. После экспроприации старых, времен «застойного времени», терминов он уже активно работает в новом информационном поле. Мало того, образовалось целое лексическое гнездо, все лексемы которого стали столь же легко усвояемы нашей устной и письменной речью: «социально-культурная сфера», «социально-культурная деятельность», «социально-культурное образование», «социально-культурные учреждения», «социально-культурные технологии» и т. п.

В формулировках названий современных диссертаций по культурологии, социологии, теории и истории культуры закрепились знакомые нам, педагогам кафедр социально-культурной деятельности вузов культуры, словосочетания «социально-культурные основания», «социально-культурное развитие», «социально-культурные аспекты», «социально-культурный феномен» и т. п. Еще несколько лет неперенным первичным атрибутом подобных формулировок были словосочетания «педагогические условия» или «социально-педагогические условия», теперь вот «социально-культурные условия (основания, аспекты, составляющие, технологии, механизмы и т. д.)».

Что же такое «социально-культурный»? Конечно, если попытаться определить семантическое содержание этого словосочетания чисто морфологически (т. е. структурно) и этимологически (т. е. опираясь на этимоны – первоначальные значения составляющих это словосочетание понятий), то понятие «социальный» (от латинского «socialis» – **общественный**, связанный с обществом) можно трактовать как «общественно значимый», «общественно востребованный», «общественно полезный», «общественно организуемый», «общественно управляемый» и т. п., а понятие «культурный» (от латинского «cultura» – **возделывание, возвращение, воспитание, развитие**) можно интерпретировать и просто как «имеющий отношение к культуре», «содержащий культуру», и как «формирующий культуру», «приобщающий к культуре», «культуроорганизующий» и «культуразвивающий».

Студенты одной из групп нашей кафедры, овладевшие на наших занятиях способами логического определения понятий, этимонами интересующих нас слов и их современными дефинициями, так, например, определили понятие «социально-культурная деятельность» (значение слова «деятельность» они также выясняли и по В. И. Далю, и по С. И. Ожегову, и по современным словарям, энциклопедиям и справочникам): «Социально-культурная деятельность – это общественно значимая и управляемая форма проявления активности человека, приобщающая его к культуре». Затем мы на занятиях знакомим студентов с другими подходами и определениями, обосновываем и конструируем собственные. Но главное, на наш взгляд, в этом учебном тренинге – мы убеждаем студентов, что хотя бы на учебном, лабораторном, первичном уровне они должны знать содержание понятия СКД, уметь адекватно определять его и применять его в общении с другими как профессиональный термин.

Но это все делается нами, как говорится, в учебно-дидактических целях. А в научно-педагогических? Думается, что потребность российских ученых, педагогов, практиков в одном терминологическом языке

общения сегодня не менее велика, чем у наших студентов. И не только по отношению к разночтениям по горизонтали, т. е. к исключительно широкому спектру полисемии употребляемых понятий у современных специалистов. Правомочно, мы думаем, употребляя, например, термин «социально-культурное образование», выяснить степень его семантической преемственности и по вертикали, т. е. по отношению к предшествующим аналогичным терминам. Полагаем, что сегодня просто необходимо задать прежде всего себе ряд, по-моему, вполне естественных вопросов. Например, действительно ли термин «социально-культурное образование» (СКО) означает по объему и содержанию понятия то же самое, что еще в 80-е годы XX века означало понятие «культурно-просветительное образование» (КПО), а в 90-е годы – понятие «культурологическое образование» (КО)?

Действительно ли понятие СКО – лексический правопреемник понятий КПО, а затем КО? Как соотносятся объемы этих понятий, какое из них уже, шире, а может, они тождественны?

То же самое с понятием «социально-культурная деятельность». Как оно соотносится со своими ближайшими предшественниками «культурно-просветительная работа» и «культурно-досуговая деятельность»? В курсе наших лекций по СКД мы читаем тему «Динамика развития понятия СКД», в которой мы называем шесть основных наименований общественно организованной деятельности по активизации свободного времени населения: «внешкольное просвещение», «внешкольное образование», «политико-просветительная работа», «культурно-просветительная работа», «культурно-досуговая деятельность», «социально-культурная деятельность». Если первые три термина «пережили» свое историческое время в России и отражали в каждый из конкретно-исторических периодов ее развития соответствующие направления, совокупность учреждений, форм, содержание и характер деятельности, ее субъекты и объекты, то последние три из шести названных нами терминов функционируют в нашей лексике и сейчас, в начале XXI века, имеют свои объемы понятия и, полагаем, свою сферу применения. Употреблять их в профессиональной речи как тождества или только как терминологические модификации – это, на наш взгляд, значит закрывать глаза на серьезные и реальные перемены в современной науке, не замечать их в практике, упрощать в образовании. Сама жизнь настоятельно задает нам вопросы, касающиеся точности наших профессиональных и образовательных терминов. Тем более, что вопросы эти не такие уж бесхитростные, и отмахнуться от ответов от них тоже нельзя. Уйти от ответов – это значит управлять тем, не зная чем, образовывать то, не зная что. Ведь если, например, в качестве

хитрой уловки определить понятие «социально-культурное образование» как «процесс подготовки профессиональных специалистов социально-культурной сферы», то сразу же возникает вопрос, «что такое социально-культурная сфера», тут же необходимо различение таких существовавших ранее или бытующих сейчас понятий, как «непроизводственная сфера», «социальная сфера», «культурно-образовательная сфера», «культурно-досуговая сфера». И проведение таких, полагаем, крайне необходимых и ученым, и педагогам, и управленцам операций с крайне важными для всех нас дефинициями не имеет, на наш взгляд, ничего общего с тем, что некоторые называют «терминологическим жонглированием», или «псевдочуженой казуистикой». Если уж мы действительно хотим иметь в современной России социально-культурное образование как системно организованный процесс подготовки высококвалифицированных специалистов для социально-культурной сферы, то все элементы этой системы должны быть четко выявлены, обозначены, взаимосвязаны и определены в одном, столь же системно организованном терминологическом поле.

Вне всякого сомнения, должен быть в этом поле и термин «социально-культурная деятельность». Социально-культурная деятельность как предмет науки и образования уже реальность, и оспаривать эту инновационную очевидность сегодня нет смысла. Благодаря научной и педагогической инициативе Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Ю. А. Стрельцова, Г. Я. Никитиной, Н. Н. Ярошенко – в Москве, М. А. Ариарского, А. С. Запесоцкого, В. Е. Триодина, А. В. Соколова – в Санкт-Петербурге, их соратников в вузах культуры других регионов совершен прорыв в культурологическом образовании, произошла своеобразная смена вех в методологии и теории традиционного профилирующего предмета для категории специалистов – организаторов культурного досуга населения, парадигма СКД утвердилась как новая учебная и научная специальность. Пионерский новаторский вклад московских и Санкт-Петербургских ученых в это, по существу, революционное явление в российском профессиональном образовании надо признать, высоко оценить и перестать призывать вузовских коллег к возвращению назад к КПП (культурно-просветительской работе) или к КДД (культурно-досуговой деятельности). Наоборот, следует признать возникновение и усиление другой тенденции: признание атрибута «социально-культурный», да и всего словосочетания «социально-культурная деятельность» представителями других гуманитарных наук – философии, культурологии, социологии и внедрение ими категорий и понятий, содержащих этот атрибут, в терминологическое поле «своих» наук. В настоящее время, по крайней мере, в отечественном высшем профессиональном образовании, на наш взгляд, происходит влияние двух крайних тенденций:

1) сужение объема понятия «социально-культурная деятельность» (СКД) до уровня только КДД;

2) расширение его до понимания термина «социально-культурный» как атрибутивной характеристики любого процесса, связанного с функционированием культуры в обществе.

Я отношу себя к преподавателям вузов культуры, кто сразу и с энтузиазмом принял концепцию обновления понятийного аппарата культурпросветской парадигмы образования, предложенную Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильниковым, Ю. А. Стрельцовым, В. Е. Триодиным, А. В. Соколовым, и настойчиво внедряет их подход в организацию и содержание нового общепрофессионального учебного предмета в вузах культуры, с новым и, на наш взгляд, имеющим большие перспективы названием СКД.

Дело теперь, по нашему глубокому убеждению, за совершенствованием содержательно-тематической структуры нового учебного курса, за образовательной унификацией терминологического аппарата, за формированием научно обоснованного и композиционно логичного теоретического ядра этого предмета. Общие содержательно-тематические и организационно-структурные проблемы преподавания учебного курса СКД сегодня объединяют не только преподавателей кафедр СКД различных вузов культуры, но и преподавателей предмета СКД в ссузах культуры. Недавняя апробация материалов этой статьи на заседании кафедры СКД нашего Кемеровского государственного университета культуры и искусств, а затем на региональной конференции «Актуальные проблемы преподавания теории и истории социально-культурной деятельности», проводившейся в марте 2004 года Омским колледжем культуры и искусств, подтвердила эту гипотезу.

Полагаем, что эти проблемы ощущают и разделяют с нами коллеги и из других образовательных учреждений культуры и искусств. Поэтому наша задача здесь не только еще раз обозначить наиболее острые проблемы, возникающие в настоящее время при организации и чтении курса СКД в вузах и ссузах культуры, но и в пределах, задаваемых объемом настоящей статьи, попытаться хотя бы поделиться с коллегами своими предложениями или имеющимися наработками по решению этих проблем.

Сначала обозначим сами проблемы. Мы полагаем, что это в первую очередь:

1. Проблемы дефиниции СКД.

2. Проблемы определения предметного поля учебного курса СКД и соотношения его с другими учебными предметами общепрофессионального и специального блоков учебного плана специальности СКД.

3. Проблемы преподавания раздела истории СКД (КПР, КДД) в России и прежде всего проблемы периодизации этой истории.

4. Проблемы выявления актуальных тенденций в развитии современной СКД.

5. Проблемы определения объема понятия «социально-культурная сфера» и типологии входящих в нее социально-культурных институтов.

6. Проблемы включения технологических аспектов СКД в курс СКД и соотношения их с содержанием учебных дисциплин технологической направленности.

Одной из актуальнейших проблем является, на наш взгляд, поиск оптимальной дефиниции СКД. Пора определяться с единым, по крайней мере, для отечественных вузов культуры подходом к определению понятия СКД, его выстроенной по законам логического определения понятий родовидовой дефиницией. Можно сколько угодно сослаться на авторское видение, обоснование и интерпретацию своих подходов к понятию СКД, устраивать научные дискуссии и методические семинары по этому вопросу, но если мы действительно реально хотим проводить в жизнь стандартизацию в области профессионального образования, то начинать ее непосредственно в учебном процессе надо с единого терминологического аппарата, с выработки, если хотите, стандартизованного категориально-понятийного аппарата в наших учебных курсах. В связи с этим считаю, что определение интересующего нас понятия в «Законе о культуре» 1992 года, на который многие разделяющее это определение понятия авторы ссылаются, не может нас устраивать хотя бы потому, что в нем произведена элементарная подмена понятия, когда вместо понятия СКД определяется понятие КД (культурная деятельность), а это, как убедительно доказывает в своих актуальных работах по СКД А. В. Соколов, совсем не одно и то же. И доказывая это, А. В. Соколов логично заключает, что «культурная деятельность подразделяется в зависимости от субъекта (деятельности. – В. Т.) на два вида:

- индивидуально-культурная, осуществляемая единичным субъектом (личностью),

- социально-культурная, осуществляемая социальным субъектом (множеством людей)» [9].

Во-вторых, мы полагаем, что при определении понятия СКД необходимо сохранить ценностно-ориентированный и деятельностный подход к изложению сущности СКД.

Из всех ныне существующих дефиниций СКД нам ближе всего определение того же А. В. Соколова: «СКД понимается как деятельность социальных субъектов по созданию, сохранению, распространению и ос-

воению культурных ценностей» [10]. Правда, и в этом довольно четком определении деятельность, увы, определяется через деятельность.

2. Вслед за проблемами дефиниции СКД и в целом ее терминологии не менее важная проблема – определение предметного поля учебного курса СКД. Полагаю, что одинаково вредно для современной социально-культурной практики, для образовательной теории и излишне умозрительное расширение этого предметного поля, и утилитарное, ориентированное на совершенно конкретный вид деятельности сужение его.

Примеров и того, и другого подходов в нашей литературе предостаточно. Полагаем, что выработка четкой дефиниции СКД послужит основанием для определения содержания и структуры предметного поля СКД, и тесно взаимосвязанных с этим решений и действий в социально-культурной практике. Тем более, что и в теории, и на практике проблемы этой взаимосвязи очень ощутимы. В теории на это уже вынуждены обратить внимание многие специалисты. Авторы первого учебного пособия по СКД Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников с первых же строк его предупреждали специалистов: «Чтобы по-настоящему разобраться в сложной диалектике происходящего, увидеть подлинную сущность, природу и тенденции социально-культурной деятельности, следует отказаться от эффектных, но поспешных дефиниций...» [2]. Но вот уже профессор В. Е. Новаторов, выступая недавно с докладом в Иркутске на межрегиональной научно-практической конференции с вечно актуальным названием «Кадры культуры и культура кадров», посетовал, что «понятие «социально-культурная сфера» трактуется сегодня исключительно широко. Она, в частности, включает в себя привычные для нас культуру и искусство, а, кроме того, охватывает физическую культуру и спорт, туризм, здравоохранение, образование, отдельные стороны социальной работы. К социально-культурной сфере относят сегодня и средства массовой информации, включая радио, телевидение, печать, книгоиздательскую деятельность и книжную торговлю, интернет-системы и пр.» [6]. Оказывается, в этом и без того широком перечне социальных институтов и видов деятельности, включаемых, по мнению В. Е. Новаторова, в сегодняшнюю трактовку понятия «социально-культурная сфера» (СКС), есть еще или может быть «и пр.», т. е. и прочие, иные социальные институты и виды деятельности, не вошедшие в этот бездонный список!?

Ю. А. Помпеев в своем учебном пособии «Экономика социально-культурной сферы», только что изданном в Санкт-Петербурге, совершенно правильно начинает пособие «с определения основных терминов, составляющих наименование учебного курса». Вот его определение: «со-

циально-культурная сфера – составная часть национальной экономики, связанная с выполнением государством его социальных (от лат. *socialis* – общественный) функций в рамках межличностных и товарно-денежных отношений между людьми. Эта сфера представляет совокупную социокультурную организацию общества и, в соответствии с Законом «О бюджетной классификации» (1996), включает в себя следующие группы или отрасли:

- культура, искусство и средства массовой информации,
- образование и профессиональная подготовка кадров,
- здравоохранение,
- физическая культура и спорт,
- социальное обеспечение» [5].

Хорошее определение, четко обозначенная структура, да еще с указанием законодательного источника, гарантирующего правовые основания для использования и такого определения, и такой структуры СКС в практической деятельности и в образовательном процессе. Но ведь не используется же! В реальной управленческой практике такая насыщенная и полиинституциональная структура больше, на наш взгляд, соответствует объему понятия «социальная сфера», которое по-прежнему активно употребляется и в научной, и в образовательной, и в профессионально-практической лексике. Зачем же подменять понятие «социальная сфера» понятием «социально-культурная сфера», имеющим все же иной объем?

Но почему же такой безразмерный подход бытует в науке и не только по отношению к СКС, СКД, СКО, но и прочим образованиям, в названии которых присутствует атрибут «социально-культурный». Думается, этому можно найти несколько объяснений. Одно из них – все больше возрастающая у нас мода на преимущественно мозаичный, количественный, статистический способ определения понятий, вытесняющий в нашей науке более точно отражающий суть того или иного предмета, явления логический способ определения понятий. Культурологам известен, например, и аналогичный подход к определению понятия «культура» выдающимся английским этнографом и историком Э. Б. Тэйлором, который впервые был реализован им в монографии «Первобытная культура» и получил позднее у культурологических системологов и классификаторов сразу и наименование «социологический подход», и критическую оценку: «любой даже обстоятельный перечень всегда грешит неполнотой». Определение понятия «СКС» таким вот мозаичным, перечислительным способом и порождает включение в объем определяемого понятия как, говорят ныне рекламисты, входящих и не входящих в него элементов. Второй причиной такого во многом эклектичного перечня является, на

наш взгляд, свойственное каждой новой отрасли знаний первоначальное расширение объемов объектов и понятий, включаемых в предметное поле науки за счет явлений и терминов смежных отраслей познания. Наконец, следует иметь в виду, что сами атрибуты «социальный» и «культурный» настолько полисемичны, настолько широки по спектру употребляемых в человеческой речи значений, что каждое из них в отдельности зачастую почти полностью отождествляется с такими глобальными понятиями, как «общественный», «духовный», «человеческий». Это возможные значения только отдельно взятых понятий. А в их словосочетании?! Вот еще почему, мы полагаем, возникают такие проблемы с толкованием терминов «социально-культурная сфера» или «социально-культурная деятельность». Не случайно В. Е. Новаторов в указанной нами статье, дав уже приведенное выше мозаичное определение понятия СКС, иронично заключает: «...а все, что в социально-культурной сфере планируется и осуществляется, именуется теперь социально-культурной деятельностью» [6]. И все же далее и он вынужден сделать совершенно естественный и разделяемый всеми, кого волнуют те же проблемы, вывод: «Тем не менее для более глубокого и предметного осознания в социально-культурной сфере проблем полезно привести здесь хотя бы одно определение социально-культурной деятельности» [7].

Мы признательны уважаемому омскому коллеге за то, что в числе таких определений понятия СКД, которые он рекомендует современным педагогам и студентам образовательных учреждений культуры и искусств, он приводит одно из наших определений: «Социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре» [10]. В нашей статье, в которой приводится и обосновывается это определение и на которую ссылается В. Е. Новаторов, в других наших работах по этой проблеме, опубликованных в столичных изданиях, мы подробно излагаем саму одиссею поиска наиболее адекватного современным реалиям определения понятия СКД, конструирования формулировок, логического обоснования и критического анализа полученных дефиниций и составления новых, более совершенных версий [11]. Мы рады, что в результате нами было составлено определение, которое В. Е. Новаторов назвал «лаконичным и емким», а Н. Н. Ярошенко в 23-м выпуске «Ученых записок» МГУКИ, положительно оценивая примененный нами публично-аналитический метод поиска оптимальной дефиниции, при котором «мы становимся со-участниками процесса выработки авторского варианта понятия», отмечает, что «в теории социально-культурной деятельности это, пожалуй, первый случай столь откровенной демонстрации процесса ге-

нерации понятия» [12]. Позитивно относится он и к итоговому определению нашего понятийного анализа: «Социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и активного включения самого человека в этот процесс» [13]. Подчеркнута нами в этом варианте определения новая составляющая видовой специфики СКД, указывающая на субъектную роль человека в процессе его приобщения к культуре, организуемом и управляемом обществом и его социальными институтами. Н. Н. Ярошенко обращает внимание и на это достоинство нового более конструктивного варианта нашего определения понятия СКД: «Действительно, в этом определении имеются основные родовые приметы социально-культурной деятельности. Мы солидарны с В. В. Туевым в признании того, что сама эта деятельность осуществляется целенаправленно, что ее содержание определяется культурой и человек становится субъектом собственного «приобщения к культуре» [14].

Но и в этом, казалось бы, достаточно идентифицированном по отношению к реальному содержанию и функциям СКД определении есть, и по мнению автора, и с точки зрения четко уловившего это Н. Н. Ярошенко, все тот же недостаток, который мы обозначили в самом начале нашей статьи. Н. Н. Ярошенко указывает на этот недостаток довольно точно: «Социально-культурная деятельность, будучи, по В. В. Туеву, процессом приобщения к культуре, оказывается безразмерной, предельно широкой, а следовательно, лишенной специфики. Ведь приобщение к культуре – это процесс повсеместный, и, к счастью, он управляется обществом постоянно» [12]. Да, замечание, на наш взгляд, методологически верно, и критика Н. Н. Ярошенко недостатков такого широкого подхода справедлива.

Но что же делать? Как найти оптимальное определение понятия СКД и аналогичных ему понятий из социально-культурного лексического гнезда? Как само по себе широкое значение понятий «социальная» и «культурная», еще более расширяющееся при их словосочетании, загнать в прокрустово ложе конкретного вида профессиональной деятельности?

Может быть, этот вид профессиональной деятельности и профессионального образования обозначить все же другим, менее «размытым» термином? А если все же им, таким современным и благозвучным, то давайте тогда четко определимся, что мы, преподаватели, готовящие специалистов по социально-культурной деятельности, имеем под ним в виду, определим предметное поле и этого учебного предмета, и этой предметной профессиональной деятельности, разграничим объемы и содержание соответствующих понятий. Полагаем, что в интересах общего образовательного дела это необходимо сделать.

Мы уже отмечали, что эту проблему остро ощущают и практики. Но они все же в своей практической деятельности, особенно управленческой, разграничивают понятия «социальная сфера» и «социально-культурная сфера». В компетенцию, например, заместителя губернатора или мэра по социальным вопросам, естественно, входят и здравоохранение, и культура, и печать, и социальная защита. Но ведь департаменты, управления, комитеты, непосредственно управляющие этими отраслями деятельности, разные! И совокупность подведомственных им организаций и учреждений, кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов у каждого такого управленческого подразделения своя. И это делается так, очевидно, в целях повышения эффективности организации управленческого процесса! Зачем же мы стремимся объять необъятное?

В то же время следует учесть и возросший интерес представителей фундаментальных социальных наук, остро нуждающихся в обновлении категориально-понятийного аппарата, к атрибуту, который наиболее полно мог бы отразить смену идеологических вех и прежде всего политико-ориентированной доминанты в научной, образовательной и просветительской лексике прежних лет на культуру-ориентированную доминанту в теории, практике и лексике современного российского общества.

Анализируя и итога поиски и находки современных ученых в наиболее адекватном употреблении атрибута «социально-культурный» в терминологическом поле отечественных гуманитарных наук, мы делаем вывод о наличии уже трех уровней новой культурологической парадигмы, на которых активно функционирует этот атрибут:

1) **локальный, отраслевой, предметный в таких словосочетаниях**, как «социально-культурная деятельность», «социально-культурная сфера», «социально-культурное образование», «социально-культурные институты», «социально-культурные учреждения», «социально-культурные технологии» и т. п.;

2) **глобальный, межотраслевой, общенаучный, на котором оперируют современные философские, социологические, гуманитарные науки в таких, например, словосочетаниях**, как «социально-культурные процессы», «социально-культурные отношения», «социально-культурные основания», «социально-культурный феномен» и т. п.;

3) **наконец, уже в то время, когда составлялась и готовилась к печати наша статья (2006–2007 гг.)**, в официальных выступлениях политических лидеров российского государства появился, на наш взгляд, и третий, самый высокий уровень значения атрибута «социально-культурный», на котором обозначаются стратегические, общегосударственные направления и задачи: «социально-культурная политика государства», «социально-культурное развитие общества» и т. п.

Такая полисемия атрибута «социально-культурный» и употребляемых вместе с ним словосочетаний естественно требует и от ученых, и от практиков взвешенного и дифференцированного подхода ко всем видам операционализации понятий, содержащих в себе атрибут «социально-культурный».

Но главное, нам необходимо признать существование этих уровней и естественное размежевание между ними, как, впрочем, и столь же естественное их взаимоотяготение и взаимопроникновение. Преподаватели кафедр социально-культурной деятельности вузов культуры и искусств России активно разрабатывают научное обоснование и методику внедрения в культурно-образовательный процесс атрибута «социально-культурный» на первом уровне культурологической парадигмы. Учебные пособия Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильникова по теории социально-культурной деятельности, изданные в 1995 и 2001 гг., положившие начало новой отрасли науки и образования, монография Н. Н. Ярошенко по методолого-теоретическим проблемам СКД (2000 г.), содержательная и конструктивная монография Р. З. Богоудиновой, Е. Д. Румянцева, Р. Р. Юсупова с актуальным названием «Профессиональная подготовка специалистов социокультурной сферы: прогнозирование, проектирование, практическая реализация» (1999 г.), учебные пособия и монографии по проблемам истории, теории и технологии прикладной культурологии, социально-культурной и культурно-досуговой деятельности М. А. Ариарского, Ю. А. Стрельцова, В. Е. Триодина, А. Д. Жаркова, В. М. Чижикова, Г. Я. Никитиной, Е. И. Григорьевой, В. Е. Новаторова, В. М. Рябкова, В. Я. Суртаева, Б. А. Титова, Д. В. Шамсутдиновой, Г. Г. Волощенко, Ю. Р. Гореловой, Е. М. Ключко, Н. Ф. Максютина, В. В. Попова, А. С. Ковальчук, В. С. Русановой, О. В. Первушиной, А. Д. Плюсина, изданные в последние годы в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Челябинске, Омске, Тамбове, Орле, Барнауле, Тюмени, работы педагогов кафедры СКД нашего Кемеровского государственного университета культуры и искусств свидетельствуют о том, что, как пишут в своей коллективной монографии наши казанские коллеги, «подготовка профессионалов в области социокультурной политики настоятельно необходима», что «обновление культурно-образовательной деятельности требует принципиально новых идей, программ, методов и средств, профессионалов, организационных и управленческих структур, обуславливает необходимость организации социального и культурного проектирования с соответствующим созданием научно-концептуального обеспечения» [16]. Нам представляется, что первоочередной задачей в процессе научно-концептуального обеспечения профессиональной подготовки новых кадров культуры является фор-

мирование понятийно-категориального аппарата социально-культурной науки, решение ее актуальных терминологических проблем.

Литература

1. Атрибут // Толковый словарь иностранных слов в русском языке. – Смоленск: «Русич», 2001. – С. 39.
2. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – М.: МГУК, 1995. – С. 3.
3. Новаторов В. Е. Тенденции, проблемы и перспективы развития социально-культурной сферы в России // Кадры культуры и культура кадров: мат. Межрег. науч.-практ. конф. – Иркутск: ИОУК, 2003. – С. 5.
4. Парадигма // Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика, 1995. – С. 305.
5. Помпеев Ю. А. Экономика социально-культурной сферы: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2003. – С. 3.
6. Новаторов В. Е. Там же.
7. Новаторов В. Е. Там же.
8. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности. – СПбГУП, 2003. – С. 7.
9. Соколов А. В. Ретроспектива-70. – СПб.: БАН, 2004. – С. 230.
10. Туев В. В. Социально-культурная деятельность: понятие и предметное поле // Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика: сб. ст. – Кемерово: КемГАКИ, 2002. – С. 32.
11. Туев В. В. Социально-культурная деятельность как понятие (включение в дискуссию) // Ученые записки / науч. ред. Киселева Т. Г., Черниченко В. И., Ярошенко Н. Н. – М.: МГУКИ, 2001. – Вып. 23. – С. 25–39.
12. Туев В. В. Социально-культурная деятельность как предмет вузовской науки // Ориентиры культурной политики: журнал МК РФ. – Вып. 4. – М.: ГИВЦ МК РФ, 2002. – С. 36–51.
13. Ярошенко Н. Н. Социально-культурная деятельность в контексте формирования новых качеств социального взаимодействия // Ученые записки. – М.: МГУКИ, 2001. – Вып. 23. – С. 41.
14. Туев В. В. СКД как понятие (включение в дискуссию) // Ученые записки. – М.: МГУКИ, 2001. – Вып. 23. – С. 38.
15. Ярошенко Н. Н. Указ. соч. – С. 41.
16. Там же. – С. 41–42.
17. Богоудинова Р. З., Румянцев Е. Д., Юсупов Р. Р. Профессиональная подготовка специалистов социально-культурной сферы: прогнозирование, проектирование, практическая реализация: монография. – Казань: Медицина, 1999. – С. 29–30.

Программно-системный подход в процессе сохранения и развития культурного потенциала региона

В начале 90-х годов отрасль культуры Российской Федерации оказалась в депрессивном состоянии. Продолжал действовать порожденный эпохой развитого социализма «остаточный» принцип финансирования, государственная поддержка культуры сопровождалась крайне ограниченными и неустойчивыми бюджетными назначениями, финансирование отрасли усугублялось субъективными факторами распределения средств и материально-технических ресурсов, постоянными недоплатами и секвестированиями государственного бюджета. Отрасль испытывает на себе все усиливающийся налоговый пресс, коснувшийся деятельности всех ее социальных институтов и структур, и прежде всего предпринимательской инициативы.

Государство и сегодня продолжает осуществлять курс на сокращение налоговых льгот в культурно-досуговой отрасли. В соответствии с налоговыми законодательными актами учреждения культуры и искусства обязаны платить НДС, а также налоги на прибыль не только с предпринимательской, но и с основной деятельности. Не без основания исследователями прогнозируется тенденция лишения культурно-досуговой отрасли льготного налогообложения в полном объеме.

Девяностые годы оказались носителями и других негативных явлений. В эти годы активизируется процесс расслоения российского общества, породивший переориентацию общественного сознания с духовных, гуманистических ценностей на ценности и стимулы материального характера. Претерпели изменения многие нравственные критерии и общечеловеческие ценности. В социальной сфере все более заметные очертания стали приобретать тенденции социального расслоения по таким социокультурным составляющим, как образ и стиль жизни, социальная идентичность познания. Такие вечные духовно-нравственные истины и ценности, как добро, искренность, любовь и дружба, верность, стали подменяться социальной апатией, равнодушием, безразличием и злобой. Произошло «омолаживание» многих социально-нравственных пороков, активизировалось их влияние на молодежь. В региональном пространстве обозначились интенсивные миграционные процессы, разрушающие культурную целостность поколений, выключаящие из процесса культурного саморазвития большие социальные группы, люмпенизация значительной части рабочего класса, инженерно-технической интеллигенции

и раскрестьянивание жителей села. Негативным процессам, получившим простор в условиях модернизации духовной жизни, в немалой степени способствовала унификация культурно-досуговых потребностей значительной части общества, особенно подрастающего поколения.

В духовное пространство все решительнее и настойчивее всеялся гедонизм. Изменение статуса гуманитарной интеллигенции, выдвижение на важнейшие рубежи российской действительности некоего духовного бесплодия обусловили падение престижа гуманитарных профессий, что не могло не отразиться на снижении уровня духовно-личностного развития соотечественников.

В России наметилось устойчивое снижение интереса, внимания и доверия к учреждениям культурно-досуговой сферы со стороны государства. Оно усугублялось недоверием населения, о чем свидетельствуют статистические показатели снижения посещения учреждений культуры и искусства. Западная культура все активнее вторгалась на российский рынок. На нашу землю стали проникать худшие образцы западного шоу-бизнеса. Обозначился резкий спад приоритетов телевидения и в общественном процессе приобщения населения к культуре. Отечественный кинематограф, утратив былую популярность у зрителей, все смелее стал прибегать к демонстрации кинопродукции, в которой отсутствовали гуманистические идеи и общечеловеческие ценности. Книжные полки магазинов оказались заваленными переводными бульварными изданиями. Значительная часть населения страны по признакам материальной несостоятельности оказалась отторгнутой от печатных средств массовой коммуникации.

По существу, культура начала утрачивать важнейшую функцию социальной регуляции, общественной консолидации и духовно-нравственного самоопределения значительной части населения страны. Снижение показателей духовной жизни в российском обществе является основным побудительным мотивом к поиску выхода из кризисной ситуации в локальном, региональном масштабе.

Это явление характерно прежде всего для тех региональных общностей, где развитие и сохранение культурного потенциала, расширение предметного поля культурной деятельности рассматривается в качестве доминантного компонента стратегии преодоления затянувшегося кризиса.

Участие самых различных субъектов в формировании культурно-досуговых программ, в том числе региональных ведомств, муниципалитетов, общественных объединений, предпринимателей, деятелей науки и культуры, явление не новое. Оно получило широкое распространение в социальной практике многих развитых стран европейского континента.

Мировой опыт свидетельствует также о том, что финансирование культуры, осуществляемое в форме «встречных субсидий», стимулирует инвестиционную политику, способствует возрастанию частных или коллективных вложений в культурно-досуговую сферу. Именно таким образом реализуются специфические функции фандрейзинга, поиска дополнительных источников денежных средств, необходимых для поддержки прежде всего некоммерческих, особенно приоритетных направлений формирования культуры, развития индустрии досуга.

Из общедоступных экономических теорий известно, что дефицит денежных средств неизбежно побуждает снижать затраты. Они могут снижаться по различным моделям и методикам. Наиболее приемлемый и простой путь: пропорциональное снижение ассигнований со всех подразделений культуры либо уменьшение доли финансирования субъектов отрасли, которые имеют возможность какое-то время существовать за счет созданных резервов в прошлом. В любом случае налицо недостаток финансовых и материальных ресурсов, что неизбежно приведет к тому, что многие важные государственные проблемы остаются нерешенными. Это раньше других почувствовали в Кузбасском регионе. Администрация Кемеровской области, одной из первых в Российской Федерации, обратилась к опыту передовых стран современного мира, преуспевающих в разработке и реализации целевых комплексных программ развития регионального пространства.

Первая целевая программа, получившая название «Духовное возрождение Кузбасса», была разработана в 1993 г. В качестве важнейшей составляющей она была включена во всеобъемлющую социальную программу Кузбасского региона «Качество жизни».

Непосредственную разработку программы «Духовное возрождение Кузбасса» администрация области поручила департаменту культуры. Последний привлек к разработке программы широкий круг квалифицированных специалистов учреждений культуры и искусства, ученых Кемеровского государственного института культуры и искусств, представителей творческих союзов и национально-культурных центров.

В региональную программу были внесены наиболее приоритетные направления культурно-досуговой деятельности. Среди них: сохранение и развитие историко-культурного наследия региона, поддержка и развитие профессионального искусства Кузбасса, развитие народного художественного творчества и т. д. Прежде всего те направления, которые не были обеспечены плановым государственным финансированием или финансировались в ограниченных размерах.

Программно-целевой подход, как известно, это системный метод эффективного воздействия на объект. Он предполагает, на основе дополнительного финансирования, сосредоточение денежных и материальных ресурсов, квалифицированных кадров на определенных направлениях и важнейших участках деятельности.

Достоинством программы «Духовное развитие Кузбасса» (так в дальнейшем стала называться программа) является незыблемость системного подхода. Направленные ресурсы в обязательном порядке должны достичь цели, принести ожидаемые результаты. Только в этом случае представилась возможность переключить ресурсы на разработку и реализацию других первоочередных и неотложных задач развития и сохранения культурно-досугового комплекса региона. Решающим фактором оптимизации программы является поиск ассигнований, концентрация денежных ресурсов на ключевых направлениях. Финансовую основу региональной программы составили кооперированные денежные средства администрации области, муниципалитетов, местных самоуправлений, спонсорские средства, а также внебюджетные доходы учреждений культуры, полученные главным образом посредством оказания платных услуг населению. Впоследствии для финансирования мероприятий региональной программы стали выделяться ассигнования из резервного фонда федерального бюджета. Это были невеликие денежные средства. Однако они явились действенным дополнением к государственным бюджетным назначениям. Прежде всего потому, что их выделение гарантировалось статусом программы. Расходы этих средств контролировались строжайшим образом и направлялись на поддержку жизненно важных социально значимых проектов.

В результате выполнения программных мероприятий первого десятилетия (до 2003 г.) до были частично решены первоочередные задачи сохранения культурного потенциала, позволившие замедлить развитие негативных тенденций в отрасли. Одновременно удалось реализовать немало интересных проектов, многие из которых стали заметным событием в культурной жизни региона.

В программе «Духовное развитие Кузбасса» последующих лет ярко прослеживается стремление ее разработчиков закрепить позитивные результаты прошлых лет, придать мероприятиям программы еще более конструктивный, динамический характер. В качестве первоочередных задач, на разрешение которых необходимо было направить финансовые и материальные ресурсы, а также сосредоточить внимание управленческих структур городов и районов области, наряду с обозначенными в про-

граммах ранее, разработчики предложили ряд новых актуальных проектов.

- Сохранение и развитие киносети и кинопроката, совершенствование кинообслуживания населения области.

- Развитие библиотечной отрасли, создание информационной библиотечной сети Кузбасса.

- Раздел, касающийся создания наиболее благоприятных условий творческим работникам, с целью стимулирования их деятельности и активного участия в различных областных и республиканских акциях.

- Проект программы, сопровождающийся наиболее высоким финансированием, касался деятельности «Фонда юные дарования Кузбасса». Прежде всего с целью создания эффективных условий для профессионального развития одаренных детей земли Кузнецкой.

Отличительной демографической особенностью Кемеровской области является многонациональность ее населения. Эти условия настоятельно требовали усиления внимания к проблеме возрождения и сохранения национальных культур, подготовки национальных кадров, развития родного языка, традиционных форм хозяйствования и межнациональных отношений.

Этнические проблемы нашли отражение в разделе

- Развитие национальных культур и межнациональных отношений народов, проживающих на территории области.

Впервые в программе было сформулировано инновационное направление, связанное с неуклонным и последовательным расширением творческого сотрудничества Кузбасса со странами ближнего и дальнего зарубежья.

В предлагаемой публикации не ставится задача детального анализа результатов реализации программы «Духовное развитие Кузбасса». Эта работа заслуживает отдельного исследования. Сошлемся лишь на некоторые примеры.

За годы функционирования программы «Духовное развитие Кузбасса», в условиях жесточайшей экономии денежных и материальных ресурсов, удалось выполнить значительный объем работ по сохранению историко-культурного наследия региона. В результате новый статус обрел историко-культурный и природный музей «Томская писаница». Этот полифункциональный исторический комплекс включен в число важнейших памятников федерального значения. Подлинным культурным достоянием областного центра Кузбасса стал историко-архитектурный музей «Красная горка». В селе Красном Ленинск-Кузнецкого района сооружен экомузей «История крестьянского быта». В городе Новокузнецке начал фун-

кционировать историко-археологический музей «Кузнецкая крепость». Сформирован экомузей «Газгол» в городе Таштаголе. Начата работа по сооружению музея «История русской бересты» в г. Мариинске.

Благодаря поддержке программы «Духовное развитие Кузбасса» социокультурная палитра региональной жизни обогатилась такими яркими творческими событиями, как ежегодный фестиваль «Театральные звезды – шахтерам Кузбасса», республиканский конкурс хореографических коллективов на приз администрации области и газеты «Труд», международный фестиваль «Джаз у старой крепости» (г. Новокузнецк), республиканские фестивали «Бабье лето» в г. Юрге, «Радость» в г. Мыски, «Рождество» в Березовском, всекузбасский телевизионный фестиваль народного творчества «Сибирская веселуха». Благодаря средствам, аккумулированным программой, удалось обеспечить финансирование известных в Кузбассе художественных коллективов и исполнителей, тем самым предопределить их участие в престижных республиканских и международных конкурсах. Известным в области спортивным командам – участие в республиканских, европейских и международных состязаниях. Значительные финансовые средства направлены на выплату стипендий одаренным детям Губернаторского центра «Юные дарования Кузбасса», а также высококвалифицированным педагогам, наставникам юных талантов. Неоценимо общественное и социальное значение таких актуальных проектов, реализованных посредством программы «Духовное возрождение Кузбасса», как издание всекузбасской Книги памяти с занесением в нее сведений о наших земляках, защищавших Отечество, не вернувшихся с полей брани 1941–1945 годов.

В числе новых программных акций отметим также организацию единого центра каталогизации для библиотек, создание системы сводных электронных каталогов области. Организация ведомства «Шория-тур» с функциями Всекузбасского центра социального туризма. Программа «Духовное развитие Кузбасса» продолжает выполнять важнейшую роль активного катализатора в системе разработки и реализации локальных культурно-досуговых программ на местном уровне. Сегодня в предметном поле социокультурных институтов городов и районов функционирует немало местных программ, активно влияющих на формирование культурно-досуговой среды, способствующих динамизации культурного развития в области.

Успешное выполнение программы «Духовное развитие Кузбасса» вряд ли могло быть возможным, если бы ее учредители и разработчики не выработали конструктивного механизма организации и контроля за реализацией ее мероприятий и проектов. Стратегическая сущность контроля заключалась прежде всего в открытости и гласности на всех этапах разработки и реализации программы. Началом процесса являлась публикация

в средствах массовой информации обращения ко всем заинтересованным ведомствам и юридическим лицам внести свои предложения в программу.

Включение в программу тех или иных предложений требовало прежде всего адресности, четкости формулировки программы, анализа причин ее возникновения, социальной значимости разрешения проблемы, ее позитивного влияния на возрастание культурного потенциала региона.

Открытость и гласность программы «Духовное развитие Кузбасса» обеспечивались регулярным освещением в средствах массовой информации хода реализации ее мероприятий, оценкой достигнутых результатов, критическими замечаниями в адрес тех, кто является носителем недисциплинированности, просчетов и ошибок. Важным средством повышения социального рейтинга программы явились периодические отчеты ответственных исполнителей за выполнение намеченных мероприятий в различных управленческих структурах администрации области и областного Совета народных депутатов, а также широкий спектр мер морального и материального поощрения работников, включенных в программный процесс.

Практика разработки культурно-досуговых программ на региональном уровне в последние годы получила широкое распространение. В 1997 году Министерство культуры Российской Федерации разработало Федеральную целевую программу «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации. 1997–2000 годы». Казалось бы, на региональном уровне выработан механизм, способный реализовать некоторые федеральные функции культурной политики, на которые у государства пока недостает ни внимания, ни финансовых средств. И, тем не менее, в оценке самого факта обращения региональных управленческих структур к разработке целевых программ развития и сохранения культурного потенциала, в публикациях ряда исследователей этой проблемы имеют место неадекватные точки зрения.

Значительная часть авторов склонны считать, что в сложившейся социально-экономической и социокультурной ситуации в российской действительности обращение к разработке целевых программ регионального масштаба есть позитивный путь, ибо подобные действия регионов преследуют, в конечном счете, общенациональные цели сохранения и развития творческого потенциала и культурных ценностей России. Имеют место публикации, авторы которых склонны всячески обращения регионов к разработке локальных программ местного характера расценивать как стремление к излишней самостоятельности. Как желание отпочковаться от общероссийских, общенациональных проблем и задач. Откровенные идеологи сильного и властного центра готовы обвинить региональные властные структуры в попытке открытого выражения чувства протеста против полномочий центральных органов руководства. Или как противо-

поставление местных интересов общенациональным. Совершенно очевидно, что полярность оценок регионального феномена есть свидетельство инновационности подобного социального явления. Известно также, что многообразие точек зрения на то или иное явление лишь подтверждает его социальную значимость.

Региональная целевая программа «Духовное развитие Кузбасса» имеет важное социальное значение. В условиях, когда государство не в состоянии предпринять конструктивные шаги, направленные на консолидацию бюджета отрасли культуры, мобилизация дополнительных денежных средств в региональном масштабе неизбежна. И, как свидетельствует опыт Кузбасса, рациональная динамизация процессов реализации программы свидетельствует о том, что программный, системный подход к решению наболевших социальных задач культурного развития региона является оправданным шагом в контексте современной социально-экономической ситуации в стране.

Подобный курс в наибольшей степени отвечает требованиям рыночных экономических законов, по которым предстоит формировать культурно-досуговую сферу страны. Наконец, реализация мероприятий программы «Духовное развитие Кузбасса» оказала позитивное влияние на такие процессы, как сохранение сети учреждений культуры и искусства, творческих самодельных коллективов, стабилизация показателей работы библиотечных учреждений, музеев и т. д. Мы полагаем, что это позволит сохранить достоинство богатой и многообразной культуры земли Кузнецкой, развить и умножить культурные традиции Кузбасса.

Литература

1. Дридзе Г. М., Орлова Э. А. Основы социокультурного проектирования. – М., 1995.
2. Запесоцкий А. С. Гуманитарная культура и гуманитарное образование. – СПб., 1996.
3. Орлова Э. А. Культурная политика в контексте модернизационных процессов: Теоретические основания культурной политики. – М.: Рос. ин-т культурологии, 1993.
4. Попов В. В. Какова духовная ценность досуга? (региональный опыт: теория и практика). – Тюмень, 2000.
5. Фохт-Бабушкин Ю. У. О некоторых тенденциях в духовной жизни российского общества: Материалы конф. СПбГУП. – СПб., 1996.
6. Потенциал культурно-просветительной деятельности в сфере международных отношений. – М., 1989.
7. Культурная политика России: История и современность. – М.: Рос. ин-т. культурологии. – 1996. – Вып. 2–3. – (Серия: Ориентиры культурной политики).

Преимственность и новации в современной региональной социально-культурной политике

Политика есть искусство приспособиться к обстоятельствам и извлекать пользу из всего, даже из того, что претит.

О. Бисмарк

Размышляя об основаниях новой культурной политики России, следует, прежде всего, уточнить содержание самого понятия «культурная политика». Необходимость такого уточнения вызвана тем, что широта его применения сопровождается столь же широким спектром толкований. В этой связи интерес представляют рассуждения П. Щедровицкого, приводящего четыре трактовки термина «культурная политика» [1].

Первая из них распространена наиболее широко в России и является ведущей в европейских бюрократических структурах: *культурная политика – это политика, которая проводится по отношению к тем или иным морфологически трактуемым зонам культурной деятельности.*

Это политика государства в области театрального дела, музыки, кинематографа, живописи, прикладного искусства, народного творчества. Культура в этом смысле есть некая культуропроизводящая инфраструктура, по отношению к которой и осуществляется политика. Она может заключаться в том, что некое направление *таким образом* понимаемой культуры развивается посредством государственного протекционизма, а какое-то – не развивается; какое-то – больше финансируется, какое-то – меньше; где-то поддерживают театр, а где-то поддерживают художников; где-то проводят фестивали, а где-то их не проводят.

Второе понимание, второй смысл совершенно другие. Здесь под культурной политикой П. Щедровицкий понимает *культуру самой политики – культуру политической деятельности*: «Говорят: «Вот это – хорошая, культурная политика, в смысле: обладающая набором культурных норм. Ну а вот это – бескультурная, плохая. Здесь эти вот не портили эстетического вида города ради предвыборной кампании, а здесь вот те завесили своими портретами все столбы, и хотя прошло уже полгода, они так и висят...» [2].

Третье понимание: культурная политика – это конструирование культуры, культурных норм. Культура становится предметом, во-первых,

рефлексии, а во-вторых, искусственно-технического конструирования. Создаются новые культурные нормы, которые затем внедряются в те или иные социальные группы. В этом смысле *культурная политика – это своеобразная инженерия культуры, или культуртехника*.

Когда в Италии решили прорываться на европейские рынки через нетрадиционные направления, связанные, прежде всего, с дизайном, проектированием и «высокой модой», в высших учебных заведениях была создана специальность, которая называлась «оператор культуры». Можно сказать, что сегодня не существует, например, легкой промышленности вне культуртехники, потому что сначала имиджмейкеры и шоу-бизнесмены проектируют «моду», создают новые наборы культурных норм – программируют бытовое поведение. Тип одежды – один из элементов этого запрограммированного поведения.

И, наконец, четвертое понимание, которое заключается в том, что культурные цели или цели создания и развития культуры становятся смыслом и задачей политической деятельности. *Культура трактуется как смысл и цель политики*. И в этом плане «мы перестаем говорить об экономической политике, о социальной политике или еще какой-либо политике, а начинаем говорить о культурной политике в том смысле, что твердо знаем: вся политика проводится для культуры, ради культуры и в связи с культурой, культура есть рамка, смысл и цель политической деятельности, а все остальное – средство» [3].

В этом смысле культура трактуется как смысл и цель политики, а не как предмет ее деятельности.

Собственную культурную политику могут формировать и осуществлять любые субъекты культурной жизни, располагающие для этого необходимыми ресурсами: отдельные люди, любые субкультурные группы, производственные и иные коллективы, общественные организации и т. д. Но государство среди субъектов культурной политики занимает особое место.

Во-первых, государство располагает несоизмеримыми с другими субъектами административными возможностями воздействия на процессы в культуре.

Во-вторых, в то время как другие субъекты культурной жизни используют для проведения своей культурной политики собственные ресурсы, государство оперирует средствами государственного бюджета, созданного усилиями всех работоспособных членов общества. Следовательно, государство обязано проводить культурную политику, ориентируясь на общественные интересы.

В данном контексте культурная политика может быть интерпретирована как система практических мероприятий, финансируемых, регулируемых и в значительной степени осуществляемых государством (наряду с частными лицами), направляемых на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия общества.

Основания культурной политики, как и любой иной целенаправленной деятельности, являют собой сочетание объективно заданных обстоятельств и субъективного фактора. С решением вопроса о соотношении объективного и субъективного начал в культурной политике впрямую связана проблема критериев оптимальности использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество.

В абстрактно-теоретическом плане сочетание это может быть представлено некоей шкалой, на одном конце которой размещается культурная политика, полностью базирующаяся на субъективных пристрастиях проводящего ее лица или групп лиц. Такого рода культурная политика является обязательным атрибутом любого авторитарного правления, и характер ее конкретных проявлений различается только в зависимости от уровня личной культуры и степени деспотизма правителя.

На другом конце шкалы еще один крайний вариант – полное отсутствие вмешательства власти в культурный процесс. В первые перестроечные годы много и настойчиво говорили о разгосударствлении культуры. Для некоторых наших теоретиков и практиков в тот период адекватная культурная политика представлялась как отсутствие какой бы то ни было политики. При этом единственным регулятором процессов в культуре объявлялись «запросы спонтанного потребителя» [4].

Между двумя крайностями находится широкая гамма вариантов построения культурной политики, в той или иной мере учитывающей объективные факторы и в большей или меньшей степени подверженной влиянию лиц, ее осуществляющих.

На практике история дает примеры двух полярно противоположных подходов к этой проблеме, которые продемонстрировали два противостоящих типа государств – демократическое и тоталитарное.

Тоталитарное государство рассматривает культуру преимущественно как один из инструментов реализации собственных целей, носящих ярко выраженный субъективный характер. Культура в данном контексте выступает как способ внедрения в сознание населения господствующих партийно-государственных ценностей и тем самым укрепления существующего общественно-политического строя. Такой взгляд порождает глубоко субъективную и малоадекватную культурную политику, для которой характерны примат партийно-идеологических установок, индиви-

дуально-диктаторский, классовый или какой-либо иной оперирующий партийно-идеологическими критериями подход к культурным ценностям, непосредственное вмешательство в культурно-творческий процесс, а также осуществление целей культурной политики административно-распорядительными (силовыми) методами.

История российской культурной политики знает несколько такого рода периодов. Самый мрачный из них – 30–50-е годы прошлого столетия, когда не только основные направления культурной жизни определялись идеологической доктриной, но нередко и сама жизнь художника зависела от настроения тирана. В целом же в советский период культурная политика была неотделима от агитации и пропаганды, осуществлявшейся Идеологическим отделом ЦК КПСС, а Министерство культуры было лишь одним из частных исполнителей этой политики.

Для государств демократического типа характерен достаточно широкий диапазон взглядов на свои взаимоотношения с миром культуры, включающий как признание самоценности этой сферы, а потому поддержку ее без каких-либо предварительных условий, так и определенные патерналистские отношения, предполагающие постановку целей в этой сфере и их последовательную реализацию путем использования соответствующих ресурсов.

Россия сегодня находится в состоянии поиска модели культурной политики, адекватной времени. Полной мерой испив горечь тоталитарно-субъективного диктата советского времени, наши культуртрегеры уже успели познать суровый лик рыночной стихии. Оказалось, что за свободу приходится платить – отсутствием гарантий устойчивого существования, неуверенностью в завтрашнем дне. Следствием этого стал новый всплеск патерналистских настроений, стремление любой ценой получить государственную финансовую поддержку. Да и государство, после периода практически полной отстраненности от культурного процесса, проявляет все большее внимание к проблемам культуры. Идет поиск некоего среднего варианта, когда достаточно активная позиция властей, неизбежно порождающая определенный уровень субъективизма в решении вопросов, сопровождается стремлением к учету объективных тенденций.

Трудно не согласиться с профессором А. Флиером, полагающим, что «государственная культурная политика должна в основном моделировать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса, действовать в рамках его социально-синергетических законов и лишь стимулировать ускоренное развитие общества в том направлении, в котором оно и само по себе объективно движется. Опыт истории (и не только российской, примерам несть числа. – П. В.) показывает, что попытки ис-

кусственно переменить это естественное направление развития, навязать обществу умозрительные модели его эволюции ничем хорошим для общества не кончались» [5].

Если говорить об объективно существующих особенностях цивилизационного развития России, то в качестве основных, прежде всего, необходимо указать три: неблагоприятные природно-климатические условия, неоптимальное соотношение территории и населения и традиционно сложная внешнеполитическая обстановка.

Неблагоприятные природно-климатические и демографические условия стали причиной скудности прибавочного продукта. Являющееся результатом этого обстоятельства длительное господство натурального хозяйства, в свою очередь, усиливало бедность государства. Частые внешние агрессии вынуждали государство расходовать значительные средства и без того небогатой казны на нужды обороны. «Вследствие самых неблагоприятных условий для развития народного богатства Московское государство было самым бедным из государств европейских, при редкости народонаселения на огромных пространствах, при больших огороженных селах вместо городов, при отсутствии промышленности и торговли (сравнительно с западными государствами Европы)» [6]. Поэтому если Российская империя была беднее, чем другие, то «не вследствие «политики», а вследствие географии: трудно разбогатеть на земле, половина которой находится в полосе вечной мерзлоты, а другая половина – в полосе вечных нашествий извне» [7].

А. Е. Пресняков подчеркивал, что несоответствие государственным потребностям уровня материальных и культурных средств – «неизбывная, поистине трагическая черта всей русской исторической жизни» [8]. О том, что в России существовало «коренное несоответствие между возможностями страны и ее потребностями», пишет и Р. Пайпс [9].

Финансовый «насос» Российского государства был слишком мало мощным, чтобы «прокачать» всю территорию страны с востока на запад и с севера на юг. Хронический дефицит ключевого ресурса развития – финансового – предопределял замедленные темпы экономического роста, сдерживая развитие науки, образования и культуры, порождая художную, стянутую в центр инфраструктуру и обрекая население на техническое и культурное отставание от западноевропейских соседей.

До недавнего времени существовало расхожее мнение, будто объектов культуры в России хватает, в каждой деревне был клуб или дворец культуры. Но миф о России как о стране, высоко обеспеченной учреждениями культуры, не соответствует действительности. В нашей стране на 1 млн жителей 3,2 *театра*, в Австрии – 24, Швеции – 13,6, Франции – 9,6, Великобритании – 8,9, Японии – 8,7, Италии – 5,9.

В России 10 музеев на 1 млн жителей, в Нидерландах – 35, Швеции – 34, Чехии – 33, Германии – 32. Библиотек (наша страна «самая читающая») в России на 1 млн человек – 368, в Финляндии – 2500, Чехии – 708. Даже в Москве обеспеченность музеями, театрами, концертными залами, галереями, библиотеками существенно ниже, чем во многих европейских столицах. В Москве на 1 млн жителей 8 музеев, в Лондоне – 41, Париже – 39, Риме – 36. В Москве на 1 млн жителей 20 театров, в Вене – 63, Берлине – 44.

Россия, с точки зрения экономики в целом и в плане материальных основ культуры, – страна естественной бедности. Ожидать у нас «экономического чуда», подобного японскому, гонконгскому или китайскому, – наивно. Мы и дальше будем жить в стране, имеющей скромный относительно западных соседей уровень жизни и жесткий бюджет. Следовательно, *строить культурную политику необходимо с учетом существования перманентного дефицита бюджетных средств, выделяемых на культуру*. Их было недостаточно раньше, их не хватает сегодня, и надеяться на реальное изменение этого положения у нас нет никаких объективных оснований.

Одной из задач культурной политики советской власти всегда было преодоление неравенства условий культурной жизни различных национальных и социальных групп и разных территорий страны. Ради этой задачи у нас впервые в мировой практике, собственно, и возникла централизованная система планирования, бюджетного финансирования, унифицированные административные «управления культуры».

Было бы недобросовестным видеть в ней одни лишь провалы. Однако по некоторым показателям «лучшая» и «худшая» территории РСФСР (АССР, края, области) к 1985 г. отличались друг от друга в культурном отношении в 15–20 раз. Люди умственного труда посещали театры, филармонии, художественные выставки в 10–15 раз чаще, чем рабочие и крестьяне [10].

Справедливости ради отметим: разница в объемах предоставляемых населению культурных благ и услуг в провинциях Испании или Италии еще больше. Даже в более благополучной Франции она измеряется соотношением 1:10. Социальный состав посетителей Лувра или концертов Филадельфийского филармонического оркестра мало чем отличается от структуры аудитории Эрмитажа или Московской консерватории.

Говоря о таких целях, как равенство возможностей, всеобщая доступность культуры и т. п., следует заметить, что политическая «идея» *равномерно как якобы единственно справедливого размещения учреждений и организаций, материальных и прочих ресурсов культуры* столь

же нереалистична, как, к примеру, и равномерное расселение людей по планете. Следовательно, при проектировании культурной политики в качестве одного из объективных факторов необходимо учитывать существующий в России *огромный разрыв между столичным и провинциальным контекстами, с одной стороны, и между отдельными субъектами Федерации – с другой.*

В российском селе жить всегда было трудно – при князьях, при татарах, при царях, при коммунистах... Хрущевская «оттепель» с ее повышенным вниманием к аграрным проблемам дала было селянину надежду на выравнивание условий жизни в деревне и в городе. Однако советская власть рухнула, а вместе с нею растаяли и надежды жителей сельской части России на помощь государства. И народ потянулся в город. Впрочем, сокращение доли сельского населения в России вызвано не только социально-экономическими проблемами в аграрном секторе. Индустриальное развитие, рост производительности труда в сельском хозяйстве неизбежно вызывают увеличение доли городского населения. Мы и в этом процессе отстали от Запада. Переток населения из села в город, следовательно, не «сезонное» явление, связанное с политической ситуацией в стране, а устойчивая тенденция. *Сельское население будет сокращаться, и данный фактор нельзя упускать из виду при разработке культурной политики регионов, особенно в той ее части, которая регулирует развитие культурных систем сельских муниципалитетов.*

В современную эпоху межнациональных отношений многие с удивлением обнаружили, что, лишь глядя из центра, буряты, к примеру, все «на одно лицо». На самом деле под общим именем живут болгары, эхири-ты, хоринцы, хондогоры, ассимилировавшиеся эвенки, селигинские буряты монгольского происхождения. А русские – это и по сей день поморы и казаки, семейские и колымчане, камчадалы и молокане и еще множество разных «ветвей» нации со своими диалектами, фольклором, обрядами, бытом и другими особенностями. И так обстоит едва ли не с каждым этносом. Стало быть, наша страна не просто «многоцветье» национальных культур: едва ли не каждая из них богата еще и неисчислимыми переливами, отражающими особенности земель безбрежного пространства России, истории населяющих их людей. Причем культурная самобытность российских этносов оказалась куда более живучей, чем предполагалось, и сейчас мы можем наблюдать воочию ее возвращение из забвения. *Полиэтничность российского общества является одним из наиболее существенных факторов культурной политики начала XXI века.*

Особого внимания в качестве нового, но исключительно важного фактора культурной политики требует Интернет. Сеть все интенсивнее проникает в культуру, культура все более погружается в Интернет. Не понимают этого, как правило, те, кто испытывает проблемы в общении с компьютером либо сами не знакомы с Сетью. Можно, конечно, подобно страусу, пытаться спрятать голову в спасительную риторику традиционализма, утверждая (почти по Пушкину), что Интернет и культура – вещи несовместимые, что культура в начале третьего тысячелетия может существовать вне Сети. Это, однако, ничего не изменит. Процесс идет, и остановить его невозможно. Вопрос лишь в том, насколько мы в этом процессе будем присутствовать. Аудитория Интернета в России растет не по дням, а по часам. Свыше шести миллионов россиян получают информацию из Интернета. Порядка трех миллионов человек пользуются им каждую неделю. В разных видах аудитории устойчиво преобладает выход в Интернет на работе. Пока еще всего 18 % посетителей Сети имеют выход в Интернет дома. За неделю, закончившуюся 21 декабря, поисковой машиной Rambler было обработано 8 миллионов 809 тысяч поисковых запросов. Этот результат в три раза превысил средненедельные показатели осени 2000 года и на 76 % больше, чем в прошлом декабре. В каталоге Rambler's Top 100 в декабре 2001 года количество регистраций интернет-ресурсов перевалило за 300 тысяч. Общее же количество хитов, зарегистрированных рейтинговой системой, превышает 9 миллиардов [11]. По оценкам экспертов, к концу 2002 года максимальная интернет-аудитория составила 27 миллионов человек. По словам г-на Милехина, генерального директора Национального института психологических исследований, «российский Интернет напоминает туго сжатую спираль, которая быстро распрямляется. Этот процесс можно назвать прыжком в будущее» [12].

Таковы наиболее существенные факторы, детерминирующие сегодня культурный процесс в России. Особенность их состоит в том, что, существуя объективно, они самим своим существованием порождают среду для развития субъективизма при принятии управленческих решений. Дефицит средств провоцирует личную заинтересованность при их распределении. Неравенство регионов порождает лоббизм. Интернет до сих пор многими воспринимается как «происки Запада» и т. д.

Между тем, говоря о регулировании культурной жизни как о целенаправленном процессе осуществления некоей государственной культурной политики, следует иметь в виду, что существуют объективные пределы допустимого внешнего вмешательства в эту сферу. Другими словами, речь идет о приемлемой степени субъективности, наличие которой не влечет за собой негативных последствий в культурном процессе. Пото-

му что культура – это саморегулирующаяся сфера общественной жизни, имеющая собственную логику и присущие ей внутренние интенции. Так что внешнее вмешательство (управление, регулирование) будет продуктивным до тех пор, пока оно не искажает, не препятствует самореализации культурной жизни. Другими словами, в этой сфере велика роль правильного соотношения регулирования и саморегулирования. Эти оптимальные пропорции зависят как от вида культурной деятельности, так и от конкретной исторической ситуации.

Полностью избежать воздействия субъективных факторов в процессе государственного участия в культурных процессах не представляется возможным. Государственную культурную политику осуществляют конкретные люди, имеющие свои пристрастия, амбиции, интересы. В результате этого практически в каждом управленческом решении присутствует некий элемент субъективизма, отражающий личность того (или тех), кто данное решение готовил и принимал. Этому объективно способствует и то обстоятельство, что культура как сфера, мало поддающаяся формализации критериев, сама провоцирует субъективность оценок и решений.

Пытаемся обозначить основные потенциальные «зоны субъективизма» в культуре.

1. Субъективность оценки творчества художников, музыкантов, поэтов и прочих «культуроформирующих» личностей. Как правило, за назначением «лучшего художника» или «лучшего музыканта» следует раздача заказов, мастерских и премий, организация выставок и гастролей. При этом, как показывает история, действительная художественная ценность создаваемых «назначенными гениями» произведений зачастую не выдерживает испытания временем.

В сегодняшней России исследовательский институт, как институт в искусстве, дискредитирован. Если президент или мэр выбирают главного художника, или главного музыканта, или главного литератора, то эти институты уже не нужны. Во всем мире сегодня ни один политик не возьмет на себя прямое финансирование деятелей искусства. Оно осуществляется только через посредничество специальных культурных институций. Наши политики, делая это напрямую, полностью нивелируют значение культурных посредников. Самый яркий пример в нашей истории – Лысенко, великий ученый при Сталине. Вся наука становится отверженной только потому, что Сталин решил, что Лысенко – великий ученый. Умер Сталин, с ним исчез и Лысенко, наука снова выросла, но какой огромный ущерб она понесла! Фаворитизм – чудовищная болезнь нашей власти, потому что он уничтожает институты, которые очень важны для формирования нового языка, соединяющего прошлое и будущее.

У политической элиты есть свой способ формирования – выборы – и свой способ ротации. У культурной элиты он тоже есть: консенсус, критика. Иерархия в искусстве – понятие менее однозначное, чем в спорте или в политике, но она существует. Культурный механизм будет нормально функционировать только в том случае, если эти элиты начнут взаимодействовать между собой на равных, выработают способы такого взаимодействия, признают друг друга.

2. Субъективная расстановка приоритетов между подсистемами культуры и порождаемые этим перекосы в развитии инфраструктуры отрасли. Уже никого в новой России не удивляет то обстоятельство, что если какой-либо из уровней управления культурой возглавляет библиотекарь, то в фаворе оказывается библиотечная система, а если музейщик – то блок наследия. Исключения, когда руководитель с одинаковым вниманием относится ко всей инфраструктуре, к сожалению, достаточно редки.

3. Протекционизм по отношению к отдельным учреждениям. Традиция держать при себе «придворные» коллективы прижилась и в новой России. В качестве таковых, вне зависимости от их реальных творческих потенциалов и значимости в системе культуры, в разных регионах оказываются то театр, то симфонический оркестр, то команда КВН.

4. Субъективизм при назначении на руководящие должности – наиболее широко распространенное явление. Назначение руководителя сплошь и рядом производится не на основе принципа профессиональной компетентности – единственно легитимного в демократическом государстве, стремящемся к эффективности своего аппарата, а в лучших традициях старых времен: по принципу личной преданности, удобства, лояльности и т. д. Хотя нередко для оправдания такого назначения ему придается вид открытого конкурса. В результате у руководства культурой оказываются физики, юристы и экономисты, а ущерб несет не только отрасль культуры, а и все общество.

За каждым из перечисленных проявлений субъективизма следует столь же субъективное распределение бюджетных средств, предназначенных для поддержки культуры.

Особо выделяется протекционизм федерального центра в отношении к некоторым субъектам Федерации. Наиболее наглядно это печальное явление наблюдается при распределении средств федеральных целевых программ. В условиях жесткого финансирования для большинства регионов федеральные программы стали одним из основных (если не главным) источников для возмещения бюджетного дефицита, а для центра – способом «жаловать» или «держать в немилости» те или иные регионы.

Культурный суверенитет субъектов Федерации и культурно-национальная автономия, провозглашенные в России, вовсе не абсолютное благо. Ибо в дополнение к федеральному субъективизму вместе с полномочиями на региональный и муниципальный уровни ушли и возможности для распространения субъективизма на местах.

Очевидно, что полностью исключить субъективность как фактор при принятии решений в сфере культурной политики невозможно. Однако существуют подходы, позволяющие снизить его негативное влияние. Одним из них является создание такой структуры управления культурой, которая на каждом уровне имеет четкие обязанности и полномочия, а механизм принятия решения позволяет знакомить с результатами его обсуждения как нижестоящих, так и вышестоящих. В некоторых странах эта структура усложняется, поскольку государство в вопросах культуры придерживается принципа «отстранения на расстояние вытянутой руки». В этих случаях между сферой культуры и политикой устанавливается своего рода буфер из независимых промежуточных организаций.

В своих лучших проявлениях политика «отстранения на расстояние вытянутой руки» позволяет государству сконцентрироваться на выработке общей политики и избежать мелочной опеки учреждений культуры. Политический режим также избавлен от необходимости выражать свою точку зрения в вопросах эстетической ценности или пристойности произведений искусства, а это действительно дело публики, а не власти. Хотя, как отмечает президент Европейского форума по искусству и художественному наследию, директор Британской национальной компании в поддержку искусства Саймон Манди, «мы до сих пор не в состоянии свыкнуться с этой мыслью» [13]. **Руководство «на расстоянии вытянутой руки»** также позволяет учреждениям культуры демонстрировать свою независимость – до тех пор, пока рука на самом деле вытянута. Организация-посредник также может давать ценные советы в области направлений политики и распределения денежных средств другим органам власти. Если власти обязаны обосновать, почему они отказываются от претворения в практику такого совета, механизм принятия решения становится прозрачным и гласным. Такая процедура дает учреждению культуры возможность согласиться с принятым решением или попросить его пересмотреть, но в любом случае быть уверенным в его справедливости. Проведение культурной политики в атмосфере общественного обсуждения – единственный способ добиться как ее жизнеспособности и преемственности, так и ответственности перед всеми заинтересованными сторонами.

Литература

1. Щедровицкий П. Гуманитарно-технологическая перспектива, или Эпоха культурной политики. – <http://www.millenium.ru/2001/biblio/schedr1g.htm>
2. Щедровицкий П. Гуманитарно-технологическая перспектива, или Эпоха культурной политики. – <http://www.millenium.ru/2001/biblio/schedr1g.htm>
3. Там же.
4. Карпухин О. И. Культурная политика России: цели и способы реализации // Соц.-полит. журнал. – 1996, № 1. – С. 45.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – С. 410–412.
6. Соловьев С. М. Птенцы Петра Великого // Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – С. 628.
7. Там же. – С. 15.
8. Пресняков А. Е. Российские самодержцы. – М.: Книга, 1990. – С. 152.
9. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С. 37.
10. Чурбанов В. Федеральная культурная политика и культурное многообразие России. – <http://www.nasled.ru/analit/culture3/htm>.
11. Rambler: Российский Интернет вырос на полтора миллиона человек за полгода. – lenta.ru. – 30.12.2001. – <http://www.lenta.ru>.
12. Сафонова С. Всеобщая интернетизация России идет полным ходом. – <http://www.kultura-portal.ru>.
13. Манди С. Культурная политика: краткое руководство // Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. – М.: Издательство «Либерия», 2002. – С. 56.

Л. М. Туева (Кемерово, КемГУКИ)

Социокультурные проблемы современного чтения

Чтение и читательское поведение в современной России напрямую связано с теми переменами, которые происходят в современном обществе. Во-первых, в первые годы XXI века социальный и коммуникативный процесс, в котором создаются, обращаются, отбираются и воспринимаются тексты и книги (а именно система институтов разного уровня, публичное книжное пространство, структура масс-медиа) решающим образом изменились. Во-вторых, это существенно изменившееся состояние внутренней организации письменной культуры, художественной литературы. Здесь также произошли решительные перемены во взаимоотношениях между писателями, критиками, издателями и читателями.

И, как следствие, изменился и сформировался новый набор и содержание ценностно-нормативных образцов, которые через средства

массовой информации транслировались и закрепились в общественном сознании [1]. В этой связи вполне закономерно и очевидно влияние произошедших перемен на книгу, чтение и интересы читающей публики. Таким образом, новая социокультурная ситуация существенно изменила нынешнюю читательскую потребностно-мотивационную сферу, читательское сознание и поведение.

Новое читательское сознание и поведение обусловлено рядом факторов. Прежде всего, таким фактором выступает изменение культурных норм в обществе и, в частности, культурной нормы в чтении. Раньше в нашем обществе бытовал высокий престиж и статус чтения как вида деятельности человека в его свободное время – чтение, по данным социологов, всегда входило в тройку любимых занятий. Книги приобретались в домашние библиотеки по подписке, в домашних книжных собраниях находились произведения русской и зарубежной классической литературы. Была верность культурной норме – читать, а культура прежнего двадцатилетия была литературоцентричной. Именно книга и литература концентрировали и выражали идеи, распространяли нормативы культурного поведения. В кругу друзей, сослуживцев авторитет читательской деятельности был высок и престижен, люди стеснялись признаться, что они что-либо не читали. Сейчас же, по данным социологических исследований ВЦИОМ, 16 % детей в возрасте от 10 до 12 лет откровенно заявляют, что не любят читать. Доля нечитателей среди взрослого населения составляет уже более его трети – 37 %.

В настоящее время постоянно читают лишь 23 % опрошенного населения, тогда как 15 лет назад так отвечала половина – 50 % взрослого населения. Газеты сейчас постоянно читают 37 % взрослых, а 15 лет назад читательская аудитория газет составляла 78 % населения. В конце 80-х годов обыватель замечал: «сейчас интереснее читать, чем жить». Тогда на страницы газет выносились публикации о злоупотреблениях партийных руководителей, сенсационные расследования Гдляна и Иванова, приковывали внимание, активно читались и шокировали своими откровениями произведения М. Шатрова, В. Шаламова, А. Рыбакова, А. Гроссмана и др.

В настоящее время, по данным ВЦИОМ и социологического центра Ю. Левяды, журналы читают 17 % населения. И большинство из них читатели глянцевого, гламурного, как сейчас говорят, журналов. 15 лет назад к массовым журналам обращались и читали 89 % опрошенного населения.

Изменившаяся культурная норма по отношению к книге и чтению не могла не сказаться на содержании и характере чтения современной читающей публики.

Так, за последние 10 лет осуществляемый мониторинг охвата библиотечного обслуживания населения выявил его сокращение с 40 % до 18–20 % взрослого населения. Вместе с тем залы библиотек заполнены и высокая посещаемость библиотек обеспечивается преимущественно учащимися и студентами. Содержательные же доминанты чтения концентрируются на учебной, деловой и досугово-развлекательной литературе.

Другим значимым социокультурным фактором, бесспорно, выступает все большая интеграция и ассимиляция книжной культуры с экранной культурой в виде видеокассет и CD-ROM. **Изучение современного состояния** чтения в российском обществе невозможно без рассмотрения связи книги и чтения с искусством кино, телевидением, компьютеризацией общества и распространения средств массовой информации [2].

Заметим, что формы бытования печатной продукции и видеопродукции почти тождественны: момент обращения к видео, как и момент встречи с книгой, определяется по желанию пользователя, возможности выбора на рынке видео постоянно расширяются и скоро догонят предложения книжного рынка.

Как и чтение, просмотр видеозаписи можно по желанию прервать, сделать «стоп-кадр», ускорить или замедлить просмотр фильма, другими словами, общение человека с видеофильмом, воспроизведенным ныне на любом аппарате современной техники, оказывается столь же неприужденным, как и общение с книгой. Что же касается доходчивости, наглядности, выразительности, информативности, то здесь преимущества видеофильма очевидны – на его стороне не только письменное слово и застывшая иллюстрация, но и слово звучащее, музыка, движущееся цветное изображение. Книга есть синтез двух искусств – словесности и графики, видеофильм – это синтез всех искусств, это синкретичное мультимедийное сообщение. Экспансия мультимедийной культуры особенно заметна на подрастающем поколении, охотнее садящемся за компьютер, чем за традиционную книгу.

Медиатизация как факт современного потребления информации еще слабо изучена теоретиками чтения и книжной культуры, но уже воспринимается многогранным явлением в современной социокультурной ситуации.

Исследователи этой проблемы отмечают, что изучение современного состояния чтения в российском обществе невозможно без рассмотрения его в связи с искусством кино и телевидением в целом. Вместе с тем нельзя не заметить, что современные кино и телеэкран выполняют, с одной стороны, мощную популяризаторскую функцию, делая литературное произведение достоянием широких зрительских кругов. Так, экраниза-

ция классики как бы обновляет литературную основу, снимает временные границы и вызывает у зрительской публики связи с современными событиями и судьбами, отдаленными от нас десятками и сотнями лет. С другой же стороны, интеграция искусств разрушает привычные занятия, например, занятия чтением, сокращает читательскую аудиторию, переводят ее в аудиторию зрительскую. Не случайно поэтому социологические исследования современного содержания и структуры досуга показывают в целом его обеднение и привязанность людей к телеэкрану. Так, в течение недели 26 часов свободного времени отдается телевидению, а это четыре рабочих дня.

Таким образом, нельзя не заметить, что сегодня книга и литература перестают быть автономными продуктами, имеющими своего отдельного почитателя. Имеет место тесная связь между литературой, кино и телевидением. Книга сейчас живет, подпитываясь энергетикой других культурных практик, и прежде всего медиальных. Поэтому сегодня особенно ярко живет та книга, которая подпитывала себя другой энергетикой. Следует подчеркнуть, что сегодняшний процесс, который происходит в современной медиакультуре заставляет нас по-другому отвечать на вопросы: что такое литература? чем «низкая» массовая художественная литература отличается от высокой? Поэтому нынешняя судьба литературно-художественных журналов, судьбы книг замечательных наших современников, лауреатов Букеровских премий, издаваемых тиражом 5–6 тыс. экз., вероятнее всего, связываются с элитарной книжной культурой, и нужны новые усилия библиотечной, общественности по введению их в возможно более широкий круг чтения людей. Сегодня жизнь и судьба книг все более связываются с медиальной культурой. Это не трагично и не оптимистично: это наша новая реальность.

В связи с этим заметим, что нынешний расцвет массовой литературы проявляется не только в постоянном росте ее тиражей, но и в выработке точно рассчитанного ассортимента жанров и технологий. Анализ современной массовой литературы показывает, что она оперирует определенными, достаточно жесткими канонами построения романа-мелодрамы (или женского романа), детективного романа, фантастики, мистического романа ужасов, исторического и историко-биографического романа и др. В число особо популярных книг при этом нередко попадают произведения, подвергнутые экранизации, и новый издательский продукт – книги, написанные вслед фильмам, причем не собственно сценарии, а именно сделанные с экрана записи кинотекста, выходящие в свет как литературное произведение, вторичное по отношению к экранному тексту.

Таким образом, все сказанное позволяет сделать вывод, что кино становится частью создаваемой писателями художественной реальности, но есть и обратная связь – литература питает кино [3].

Действительно, мода на экранизации классических литературных произведений, установившаяся на российском телевидении, не проходит. Известный режиссер Павел Лунгин (фильмы «Луна-парк», «Олигарх» и др.) снимает сериал «Мертвые души» по роману Н. В. Гоголя. По словам самого режиссера, этот сериал – не прямая экранизация романа, а «квинтэссенция всего Гоголя».

Режиссер Сергей Соловьев экранизирует – «Анну Каренину» Л. Н. Толстого. С большим интересом телепублика приняла новую работу В. Бортко – сериал «Мастер и Маргарита» по роману М. Булгакова. Режиссер Дмитрий Месхиев экранизировал на телевидении «Героя нашего времени» по роману М. Ю. Лермонтова.

Популярные произведения, еще охраняемые авторским правом (но не экранизированные), также востребованы телевидением. По телеканалам недавно прошли «Московская сага» по роману Василия Аксенова, «Дети Арбата» по роману Анатолия Рыбакова. На первом канале с успехом прошли сериалы по романам А. Солженицына «В круге первом», Б. Акунина «Турецкий гамбит» и «Статский советник». Ю. Грыммов завершил работу над экранизацией для НТВ «Казуса Кукоцкого» Людмилы Улицкой.

Показ сериалов по популярным литературным произведениям, как правило, сопровождается ростом спроса читателей на книги-первоисточники. Уже стал классическим пример «Идиота», когда во время показа телесериала роман Ф. М. Достоевского просто исчез с прилавков магазинов. Во время показа «Московской саги» и «Детей Арбата» соответствующие книги также оказались в списках бестселлеров многих книоторговых предприятий. Кроме того, к показу экранизаций издатели часто выпускают «киноиздания» – книги, на обложках которых изображены популярные актеры, сыгравшие главные роли в сериалах. И теперь такие «киноиздания» получают распространение и на рынке классики.

Настоящее время требует охватывать необъятное в культуре, и этому способствуют экранизации, своеобразные дайджесты, которые дают представление о произведениях. Конечно, экранизации не всегда удачны, и их качество напрямую зависит от того, насколько их авторы понимают то, что собрались экранизировать. Если режиссер и актеры столь же талантливы, как и автор выбранной им книги, то фильм в итоге будет хорошим. Заметим при этом, что некоторые люди, просмотрев экранизацию, будут уверены в том, что они познали произведение полностью.

В этом случае им экранизация заменяет книгу, но на самом деле только когда читаешь книгу, то используешь всю свою фантазию, чтобы представить, как все происходит. С другой стороны, после прочтения какой-либо книги хочется увидеть это своими глазами, пусть и под сильным влиянием режиссера, драматурга [4].

Таким образом, современная социокультурная ситуация имеет новую реальность – медиакультуру, размывающую старые традиции чтения и формирующую нового читателя – зрителя. Медиатизация читательского сознания и поведения выступает сегодня веским фактором перемен в современном потреблении произведений искусства и литературы и существенно изменяет известные ранее характеристики чтения россиян.

Обозначим и другие факторы, влияющие на современное читательское сознание и поведение. Таким фактором выступает, на наш взгляд, явление читательской моды и влияние крупных социально-политических событий на читательские потребности и интересы.

Читательская мода является частным проявлением феномена моды, и поэтому ей свойственны общие признаки, характерные для формы модного поведения. Безусловны два признака моды: динамичность (быстрая сменяемость объектов моды) и стандартизированность поведения людей по отношению к этим объектам. Что сегодня модно читать в читающей среде? Прежде всего заметим достаточно большую множественность читательских сред. Это и читатели-дети, это школьники и студенты, взрослое население разных социальных групп, пожилые люди. Соответственно сегодня существует несколько институциональных контекстов, в которых так или иначе задаются свои представления о литературе и критерии оценки новых литературных образцов:

- школа, точнее, разные типы школ с относительными различиями литературных программ – государственные и частные, общие и специализированные, столичные и периферийные;
- литературное рецензирование и реклама «глянцевых» и «тонких» журналов, отдельных сайтов Рунета;
- жюри литературных премий и литературные презентации;
- общедоступные книжные киоски и прилавки в крупных городах – как центра, так и периферии страны – с их стандартным набором образцов литературных сенсаций и жанров словесности массового спроса: боевик и детектив, любовный роман, исторический роман и биография, научная фантастика и фэнтези и т. п.

Сегодняшнюю читательскую аудиторию тоже можно типологически представить следующим образом.

- Тонкий слой любителей толстых журналов и «проблемной» литературы. Чаще всего эту публику составляют люди старше 40, а нередко и старше 50 лет. На эту публику, ее видение литературы (литературную критику, выходящую из толстых журналов иногда в газеты, иногда – на радио, ТВ и в Интернет) и на соответствующие литературные образцы так или иначе ориентируются школы и, в определенной мере, библиотеки.

- Более молодая и образованная среда – люди 20–35-летнего возраста, тяготеющая к университетам, литературным клубам и публичным литературным мероприятиям, пользующаяся в качестве рекомендации, что читать, Интернетом, глянцево-прессой и так далее. Чтение для нее включено в контекст модного поведения (кино, клубы, выставки, концерты и прочее). Эта публика ориентирована на *моду*; интегрирована механизмами моды. В них входят несколько сенсационных и «раскрученных» российских писателей, примерно того же возраста, и, в большей степени, переводная новейшая литература, прежде всего – западная плюс японская.

И, наконец, наиболее многочисленные и анонимные, в этом смысле – массовидные читатели жанровой литературы, серийных и сравнительно дешевых книг карманного формата в мягких обложках, которые продаются на улицах и вокзалах городов по ходу движения и в местах скопления оседлого и приезжего городского населения.

Что же сейчас диктует моду? Кто является и являлся ли «властителем дум» у современного читателя? Ведь последние 15 лет характеризовались и характеризуются разрушением советской системы книгоиздания и трансляции культуры в обществе, с помощью которой литература вводилась в читательский оборот. На этот счет историко-функциональные исследования в области литературы позволяют назвать основной фактор современной читательской моды – это эпоха постсоветской жизни в России с ее социально-политическими и эстетическими особенностями. Ворвавшаяся новая коммерческая литература с ее героями-преступниками, сыщиками, закомплексованным подростком Гарри Поттером, решающим проблемы с помощью волшебной палочки, и др. определяет массовый читательский спрос на художественную литературу. В силу этого читательская направленность не сформирована, а появляющаяся новая хорошая добротная литература, издаваемая малыми тиражами, в библиотеки не попадает, а на книжных прилавках ее обходят, отдавая дань раскрученным именам.

Характерной чертой нынешней читательской моды является массовизация чтения, с одной стороны, и ее элитарность, с другой стороны. Так, для массовой моды характерен устойчивый спрос на произведения «раскрученных» авторов: Н. Леонова, А. Марининой, Д. Корецкого, В. Доценко, П. Дашковой, А. Бушкова, Т. Устиновой и др.

В круг узкого, элитарного чтения входят произведения авангардных и постмодернистских авторов: Д. Борхеса, М. Павича, У. Эко, В. Пелевина, В. Сорокина, Л. Рубинштейна и им подобных, классическая литература, книги о Востоке и восточной мысли и т. д.

В результате расширения репертуара издательской продукции и дифференциации читательских интересов сейчас почти нет (как это было раньше) книг общеизвестных, которые перечитывала бы большая часть читательского сообщества (романы А. Марининой, Д. Донцовой – редчайшее исключение). Ныне произведения, ставшие культовыми в одной читательской среде, могут совершенно не проникать в другую. Примером могут служить имена Олега Павлова, лауреата Букеровской премии, Алексея Слаповского, лауреата премии «Книга года-2005». Заметим, что произведений этих писателей нет и в краевых и областных библиотеках, т. е. изданы они тиражом 5–6 тыс. экз.

Исследования Всероссийского центрального института общественного мнения подтвердили прямую связь перемен в социальной жизни с переменами в картине чтения. Отечественная читающая публика резко изменила свои пристрастия, демонстрируя ряд устойчивых тенденций: от высокой литературы к литературе развлекательной; от переводных детективов как самого читаемого жанра к отечественным; от публицистических текстов к телевизионным ток-шоу В. Познера, В. Соловьева, А. Малахова и др. Выявлены и перемены в содержании чтения, связанные с изменением его функций. Здесь доминируют две тенденции. Они во многом носят равноправный характер и проявляются в разных читательских группах. У молодежи и у людей среднего возраста наблюдается прагматизация чтения. Теперь для работы в большей степени необходимы более углубленные и систематизированные знания, поэтому растет потребность в учебниках и учебных пособиях. Особенно это касается отраслей, в которых ощутим недостаток специалистов и по которым постоянно приходится переучиваться или овладевать дополнительными знаниями: право, экономика, маркетинг, менеджмент, пользование компьютером, бухгалтерский учет и т. д. Кроме того, все возрастает интерес к учебной литературе по овладению иностранными языками.

Что же касается читателей более старших возрастных групп, то их чтение стало менее проблемным, чем раньше. В традициях советского периода чтения массовые, формульные литературные жанры были не в чести. Читалась в основном социально-проблемная литература: как русская, так и советская классика.

Ныне же под влиянием раскрутки и моды людьми старшего возраста читаются произведения С. Лукьяненко, А. Бушкова, А. Марининой,

Д. Корецкого, В. Доценко, П. Дашковой, Л. Улицкой, Т. Устиновой. В этом еще раз проявляется тенденция массовизации чтения.

Наряду с существовавшими ранее, появились новые разновидности издательской продукции и, соответственно, новые читательские запросы: религиозная книга; издания по оккультизму, мистике, магии; психологические работы по самовоспитанию, налаживанию контактов с другими людьми; любовные романы; романы ужасов; эротическая литература и тому подобное.

На первый план в массовом чтении сейчас выходят не книги и толстые журналы, а иллюстрированные еженедельники: от «Аргументов и фактов» до специализированных женских, молодежных или типа «СПИД-Инфо», «Совершенно секретно» и так далее.

Симптоматичным явлением последнего времени стал крах «толстых» журналов («Знамя», «Новый мир», «Наш современник» и другие), которые утратили большую часть своей аудитории, резко снизили тираж и в настоящее время без государственной или спонсорской поддержки не смогли бы выходить. Аудитория их состоит сейчас преимущественно из читателей старших возрастных групп, выработавших у себя за много лет привычку читать «свой» журнал.

Таким образом, в настоящее время картина чтения, с одной стороны, достаточно мозаична и противоречива, а с другой – она задана модой и потому стереотипна.

Очевидным становятся новые процессы в формировании современного читательского сознания. Эти процессы связаны с медиатизацией художественной литературы, стереотипизацией текстов массовой литературы, примитивизацией процесса восприятия текстов литературных произведений. Отмеченные тенденции в новых условиях обеспечивают увеличение потока «массовой», «серой» литературы.

Исследованием установлено, что в чтении существует явление моды, которое проявляется в читательском спросе и в покупке книг, а также наличие стандартизованного массового поведения читателей, выражающееся в однообразных, банальных, шаблонных элементах читательского поведения, распространенных среди различных групп читателей.

За последние годы произошли изменения в потребностно-мотивационной сфере чтения: доминируют образовательные, деловые и досугово-развлекательные мотивы. Если раньше в числе доминантных, приоритетных мотивов проявлялись познавательные, самообразовательные мотивы, мотив эстетического удовольствия, мотив соперничества, то сегодня преобладают развлекательные мотивы.

В настоящее время, на наш взгляд, современное общество нуждается в национальной программе «Чтение», а библиотеки являются теми

социально-коммуникационными институтами, которые могут и должны возродить лучшие традиции отечественной читательской культуры.

Литература

1. Стельмах В. Д. Современная библиотека и ее пользователи // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 1 (69).
2. Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социс. – 2005. – № 11. – С. 37–47.
3. Зоркая Н. Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 2 (64).
4. Гусева Л. Н. Интернет или книга? (Электронный ресурс) // <http://www.socresonline.org.uk/socresonline/1/4/2.html>

Т. Т. Фисюк (Барнаул, АлтГАКИ)

Молодежная аудитория как субъект культурно-досуговой деятельности

В процессе организация культурно-досуговой программы (КПД) происходит непосредственное или опосредованное воздействие организаторов КПД и аудитории друг на друга, порождающее их взаимообусловленную связь. Сценарная организация взаимодействия участников молодежной КПД требует психолого-педагогического обоснования аудитории как субъекта культурно-досуговой деятельности.

Молодежная аудитория как субъект культурно-досуговой деятельности представлена в многочисленных исследованиях, анализ которых позволяет сгруппировать отличительные особенности молодежного досуга по следующим тенденциям:

- индивидуализация досуга предполагает наличие обращенности к отдельной личности, создание условий для реализации личных потребностей и ценностных ориентаций;
- камерность досуга, а отсюда – камерные, групповые формы и организация общения в режиме диалога;
- рационализация досуга предполагает создание условий для реализации потребностей, связанных с достижением целей, поиском путей разрешения проблем, перспектив и др.;
- интеллектуализация досуга вызывает необходимость создания условий для перехода от потребительства к самовыражению, инициативе, поиску своего решения, активной оценке и пр.;

➤ романтичность досуга требует создания особой, эмоционально-психологической, возвышенной, необычной обстановки действия.

Молодежная аудитория как участник культурно-досуговых программ учреждений культуры существенно отличается от других возрастных групп в силу присущих ей социально-психологических особенностей «молодежного сознания»: повышенной эмоциональности восприятия и реакции, динамики настроений, физической подвижности, зрительской и интеллектуальной восприимчивости, потребности быстрого освоения окружающей действительности, интереса к новому, неизведанному, стремления к «ореолу исключительности», потребности доказать свое «право на героическое» (прямое, косвенное, перспективное).

В качестве преобладающих особенностей общего характера для участника КДП выделяются: мобильность, активность, разнообразие, поисковый характер, творческое экспериментирование, склонность к игровой деятельности, увлеченность, поиск идеала.

Практический опыт и наблюдение за молодежной аудиторией в процессе ее участия в КДП учреждений культуры позволяют нам сделать вывод о том, что досуговая деятельность этой социальной группы имеет большую значимость, чем взрослых, так как идет активный процесс самопознания, самореализации в ситуации подчас не всегда комфортной, эстетически оформленной. Для проведения досуга часто предпочитается место дискомфортное, аскетичное, шокирующее, связанное с неудобствами, но дающее возможность для самовыражения: горы, лес, река, подвалы, чердаки, подворотни. К примеру, в Алтайском крае в начале 90-х годов прокатился бум молодежных землянок и заброшенных строений. В таких небольших городах, как Новоалтайск, Славгород и др., количество учреждений культуры ограничивается одним ДК и кинотеатром, а потребность в совместном проведении досуга у молодых людей ярко выражена. В этих городах появились: землянки молодежных клубов самодельной песни и поэзии, которые были сделаны собственными руками; объединения молодых художников при заброшенных строениях и пр. Когда журналисты пытались проникнуть и выяснить характер занятий, а к ним присоединилась милиция края, то на защиту своих досуговых объединений встали их создатели и родители. Данный пример самостоятельного решения проблемы организации досуга носит творческий, созидательный характер. Подобная тенденция организации досуга типична не только для Алтайского края, но и для других регионов страны.

Можно привести много примеров шокирующих молодежных КДП как результата творческих инициатив. Начиная с середины 90-х годов не

только столичная молодежь, но и периферийная (поселки и города от севера до юга, от Уральских гор до Дальнего Востока, включая Сибирь) ежегодно отмечает праздник хеллоуин. Так, в 1998 году молодежный клуб «Темная галерея» (г. Барнаул) приглашал на встречу под кроваво-мрачную музыку с жестоким и кровожадным Графом Дракулой, оказавшимся проездом из Трансильвании. В этом же году у молодежи был большой выбор для празднования хеллоуина: студенческий клуб АГУ приглашал на бал Маргариты (ДК химиков), а развлекательный канал «ТВ Плюс» шалил всю ночь в театре оперетты.

Московские молодежные клубы вслед за хеллоуином отметили широко коловерадо – итальянский праздник мертвых.

Стихийно популярными во всех городах России стали молодежные вечеринки-страшилки под названием «Пятница – 13». И здесь город Барнаул не стал исключением. Вот как, например, выглядит анонс молодежной ночной вечеринки в театре оперетты, проект информационно-развлекательного канала «ТВ Плюс»:

23.00 «Ужасная встреча» гостей с поздравлениями и вручением подарков. (1-й этаж).

23.00 «Концертная чертобесия» – выступление коллективов города (1-й и 2-й этажи).

23.00 Выставка молодых художников Алтая «13 кошек» (1-й этаж).

24.00 Начало театрализованного представления (зрительный зал).

00.40 **Dans-plas (2-й этаж, хаус+техно).**

00.40 «Нет ножек – нет танцев!» (Русские и зарубежные поп-хиты, 1-й этаж).

1.00 Игры толкиенистов (1-й этаж).

1.00 «Страсти-мордасти», конкурс на самую страшную гримасу (2-й этаж, малый зал).

1.30 «Здорово живешь!», конкурсная программа ассоциации «Здоровый образ жизни» (1-й этаж, фойе).

3.00 Вручение убийственных призов победителям всевозможных конкурсов.

4.00 Розыгрыш красных лотерейных меток (1-й этаж).

6.00 «Оставшиеся в живых» развезаются по домам.

Всю ночь работают бары и кафе, установки «караоке» и аттракционы, для особо неугомонных приготовлен специальный сюрприз – батут.

Не вызывает сомнений, что церковь, общественные организации встретили все идеи молодежных страшилок без особой радости.

Было несколько акций и попыток их закрытия, но это вызвало новую волну их популярности. Группы экспертов были направлены в места их проведения, в одну из них вошел автор данной работы вместе со студентами Алтайского института искусств и культуры. Экспертный просмотр показал, что ничего ужасающего и растлевающего на этих вечеринках нет. Это все довольно безобидно по содержанию, но с попыткой шокировать по форме. В этом случае всегда полезно обратиться к аналогии. Вспомним студенческие шалости в Москве и Петербурге в Татьянин день, которые описаны историками.

Скорее всего, особая волна популярности молодежных вечеринок-страшилок – это традиционная особенность настроений, посещающих общество в конце века. Вспомним ледяющие душу страшные истории, описанные в классической русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. К примеру: «Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова, «Концерт бесов» М. Н. Загоскина, «Странный бал» В. Н. Олина, «Латник» А. А. Бестужева, «Лафертовская Маковница» А. Погорельского, «Черный гость» Бернета и др.

Для молодежного досуга характерно соединение в содержании и форме контрастного, парадоксального, шокирующего. Так, в одной из молодежных программ Центрального телевидения было рассказано о совместной акции Московского музыкально-педагогического института им. Гнесиных и молодежной поп-группы «Ногу свело». Менеджер поп-группы обратился с предложением дать совместный концерт, состоящий из новинок репертуара группы «Ногу свело» и классических произведений, в исполнении учащихся института им. Гнесиных. Педагоги были в ужасе от этой идеи, но концерт состоялся. Как же все были удивлены тем обстоятельством, что молодежная аудитория, бурно реагирующая на репертуар поп-группы в абсолютной тишине воспринимала классическую музыку. Данный пример является характерным для молодежных КДП.

Образ жизни молодежи, ее проблемы – главный источник жизненной активности юношества в сфере досуга. В структурной схеме поведения личности выделяются следующие компоненты: потребность – фиксированная установка – направленность, которые соотносятся с системой реального поведения личности. Культурно-досуговая деятельность этой возрастной группы помогает выбору способа жизнедеятельности молодого человека: поиска и отбора целей, перспектив, путей и способов их осуществления.

Мы считаем, что при организации молодежной аудитории как участника КДП необходимо исходить из потребностей этой возрастной группы, а именно:

- в расширении жизненного опыта. С этой потребностью связано создание необходимых условий для нравственного, эстетического, психологического становления личности, условия для ее возмужания;
- в выборе профессии. Это требует помощи в ориентации, необходимости осознания важности, значительности, целесообразности и перспектив роста и т. п.;
- в общении (деловом, творческом, игровом и т. п.) как процессе взаимодействия, взаимообогащения, расширения круга знакомых, друзей и т. п.;
- в поиске любимого человека, будущего спутника жизни;
- в эмоциональной разрядке и отдыхе;
- в творческом самовыражении;
- в создании и распространении культурных ценностей;
- участия в социально-значимых событиях.

Можно отметить, что потребности и фиксированные установки молодого человека – это не замкнутый сам в себе абсолют. Молодежная аудитория, в силу наличия многообразия потребностей, корректирует их доминанту, с учетом целесообразности удовлетворения в ситуации, предложенной КДП. В качестве примера, можно привести аудиторию КДП – презентация идеи создания молодежного клуба общения, при театре-студии «Зеркало» г. Барнаула, которая формировалась по принципу наличия единой фиксированной установки.

Фиксированная ценностная ориентация отдельной личности или группы приобретает непосредственное практическое значение потому, что позволяет проследить механизм формирования и реализации жизненных планов отдельной личности в единстве мотивационно-личностных и социально-объективных факторов.

Системный подход к воспитанию, как отмечал Б. Г. Ананьев, имеет общий центр, в котором сходятся исследования социологов, психологов и педагогов. Этим общим центром является ценностная ориентация личности, групп, общность целей деятельности, направленности или мотивации поведения людей. Мы солидарны с высказанным мнением.

Ценностная ориентация представляет собой сложный психологический феномен дифференциации объектов индивидом по их значимости, зафиксированных в сознании социальных установок относительно тех элементов действительности, которые обладают высокой значимостью для данного субъекта.

Отличительной чертой ценностной ориентации является факт проявления аудитории КДП в социально значимой деятельности (в том числе и культурно-досуговой) как своеобразной доминанте, регулирующей и координирующей структуру отношений. Она содержит в себе:

- момент настоящего (участие в молодежной КДП);
- момент прошлого (свой опыт и опыт других, которые соотносятся друг с другом);
- момент будущего (перспективу осознания действия, способа достижения цели, ориентации в разрешении личных проблем и др.).

В процессе организации молодежных КДП ценностные ориентации внутри ее участников весьма подвижны и зависят от градации возраста. При этом наблюдается и внутреннее деление молодежной аудитории в рамках одной возрастной координаты. В качестве критериев выступают: уровень сознания, потребностей, мотивационной установки, активности, степени включенности по отношению к событию, проблеме и др. Еще раз обратимся к примеру создания молодежного клуба общения «Встреча» в ДК БМК г. Барнаула, где критерием стало отношение к проблеме дефицита реализации потребностей общения. Соответственно это проявилось во внутреннем делении участников группы: на отстающую, основную и опережающую.

➤ Практика убеждает, что в процессе организации аудитории как участника молодежной КДП происходит непосредственное или опосредованное воздействие организатора (или творческой группы) и аудитории друг на друга, порождающее их взаимообусловленную связь. Взаимодействие участников молодежной КДП выступает как интегрирующий фактор, способствует образованию новых структур. Мы выделили следующую последовательность изменения характера аудитории и тенденции ее трансформации: прогнозируемая аудитория, реальная аудитория, участники, ситуативная общность, спонтанное ситуативное объединение, постоянное культурно-досуговое объединение. Данное изменение и новые структурные образования зависят от следующих факторов:

- степени личной причастности к теме КДП;
- особенности восприятия;
- эмоционально-психологической реакции на воздействие информационной линии и т. п.

В данной статье мы только обозначаем общие тенденции трансформации аудитории, характерные особенности ее проявления и изменение фиксированных установок на участие.

Вышеперечисленные позиции представлены в таблице 1

Изменение характеристики аудитории КДП

Тенденция изменения аудитории	Характерные особенности проявления	Фиксированная установка на участие в КДП
1. Прогнозируемая аудитория	Предполагаемая возрастная группа, участие которой невозможно	Наличие потребителей возрастной группы, которая может быть реализована в предполагаемой КДП
2. Реальная аудитория	Группа лиц, вовлеченных в деятельность учреждений культуры, как конкретный объект формирующего влияния	Предрасположенность и причастность к ситуации, проблеме, факту, определяющих тему КДП
3. Участники КДП	Субъекты культурно-досуговой деятельности в конкретном активно-действенном проявлении Наличие групп: отстающей, основной, опережающей	Личная, ролевая функциональная готовность и предрасположенность присутствия, обеспечивающая целенаправленный характер протекания культурно-досуговой деятельности Степень включенности и готовности к участию в КДП формирует среди участников группы: отстающую, основную, опережающую
4. Ситуативная общность участников КДП	Причастность к событию, проблеме участников КДП, включившихся в процессы взаимодействия	Стремление ощутить личную причастность Готовность выразить свое отношение к происходящему Предрасположенность к участию в разнообразных формах общения

Тенденция изменения аудитории	Характерные особенности проявления	Фиксированная установка на участие в КДП
5. Спонтанное, ситуативное объединение участников КДП	Самопроизвольное объединение под влиянием внутренних побуждений участников процесса взаимодействия. Возникновение процессов самодвижения.	Предрасположенность и самопроизвольное объединение участников групп: отстающей, основной, опережающей.
6. Постоянно-культурно-досуговое объединение	Постоянное объединение участников КДП, имеющее перспективу функционирования и потребность в совместных формах КДД.	Готовность и предрасположенность участников к устойчивым связям и целенаправленному характеру протекания культурно-досуговой деятельности.

Таким образом, характеризуя молодежную аудиторию как участника КДП, мы обобщаем основные черты данной группы:

а) социально-психологические особенности «молодежного сознания» отличаются: повышенной эмоциональностью, быстрой сменой настроения, физической подвижностью, быстрым освоением окружающей действительности, зрительской и интеллектуальной восприимчивостью, стремлением к новому и ореолу исключительности и пр.;

б) личные потребности выступают как фиксированные ценностные ориентации в единстве мотивационно-личностных и социально-объективных факторов;

с) потребность в динамических формах деятельности;

д) установки на культурно-досуговую деятельность как на процесс самоутверждения, саморазвития, самореализации;

е) стремление к новым социальным образованиям, группировкам. Взаимодействие участников молодежной КДП выступает как интегрирующий фактор, способствующий образованию новых социальных структур и формированию творческих инициатив. Поэтому особую значимость приобретает психолого-педагогическое обоснование воздействия информационно-логической линии сценария молодежной КДП на ее участников, которая предполагает возникновение процессов взаимовлияния и взаимопроникновения.

Характер проявления молодежной аудитории КДП и тенденции ее трансформации вызывают необходимость формирования сценария КДП как педагогической программы организации ее участников.

Элитарные клубы как интеллектуально-креативные центры современного социокультурного пространства

Для любого человека немаловажное значение имеет то обстоятельство, с кем именно он отправляется в путешествие, с кем он сможет познакомиться в поездке. Конечно, можно надеяться на случай, что именно он пошлет туристу интересного и приятного попутчика, с которым туристический маршрут или деловая поездка принесет удовольствие не только от увиденных ландшафтов, памятников истории и культуры, необычных обрядов и экзотической кухни, но также и от радости свободного человеческого общения. Однако профессионалы не могут пустить решение этого вопроса «на самотек». В особенности, если дело касается организации туризма для представителей элиты.

Требования к качеству общения, если рассудить строго, ничуть не ниже требований к качеству транспортного, гостиничного, ресторанного и другого обслуживания. Качество общения предполагает, с одной стороны, определенный уровень культуры участников коммуникационного процесса и, с другой стороны, уровень организации этого процесса, который бы сам по себе был способен формировать культуру общения, его стиль, характер, эффективность.

Чаще приходится слышать о значимости проблемы повышения культуры обслуживания, а в ее рамках и общения, но по отношению к профессиональным работникам индустрии туризма: менеджерам, экскурсоводам, горничным, официантам, водителям и т. д. Это, конечно, важная тема. Мы же рассмотрим иной ракурс общения.

Для представителей элиты требуется создание специфических условий для качественного общения в своем относительно закрытом кругу. Только в его «рамках», которые могут быть весьма условными, можно удовлетворить эксклюзивные потребности в общении, в рекреации, а также эстетические, нравственные, интеллектуальные потребности и, что для элиты особенно важно, параллельно с досуговыми интересами – интересы деловые, профессиональные.

Одним из наиболее эффективных способов организации такого рода общения является клуб. Не просто клуб туристов, путешественников, а клуб как социальный институт избирательного локального межличностного общения. В Омске и области действует множество клубов самых разных видов и типов. Из всего многообразия мы выбрали для изучения из многочисленных объединений людей взрослого возраста те, которые,

на наш взгляд, организовывали слои населения, составляющие культурный слой омской элиты. Эти объединения, являющиеся по существу элитарными клубами, заключают в себе уникальный культурный потенциал региона, использовать который более эффективно можно и нужно.

Социокультурная деятельность элитарных клубов, художественных кружков, музыкально-литературных гостиных, ассоциаций, обществ и творческих объединений на территории Омского региона, ставшая объектом нашего исследования в период 1995–2005 гг., доказывает, что они являются наиболее значительными интеллектуально-креативными центрами современного социокультурного пространства региона. Посредством генерируемой в клубах системы культурных смыслов и ценностей, а также соответствующих им социокультурных форм оказывается существенное влияние на развитие культуры региона за счет трансляции вырабатываемых в клубном пространстве культурных ценностей во внешнюю среду. Базой для развития элитарных клубов сегодня служат, прежде всего, государственные учреждения культуры и искусства, а также творческие союзы и ассоциации.

Изучение документов (клубных уставов, планов работы, отчетов, справок, каталогов), публикаций периодической печати (в газетах, журналах, альманахах), непосредственное наблюдение, анкетирование и интервью с членами клубов, руководителями учреждений культуры, специалистами убеждает: «клубная» активность играет заметную роль в формировании культуры элитного слоя местной интеллигенции, творческих работников, всего населения региона.

Значительный культуроразвивающий эффект производит деятельность омского Дома актера им П. Д. Чонишвили, Музыкальной гостиной Г. И. Комаровского, омского отделения Международной ассоциации «Искусство народов мира», клуба «Музыкальные субботы» в Центральной библиотеке им. Ленина, клуба «Рисовальные понедельники» в музее Кондратия Белова, творческого объединения художников «Друзья и годы», клуба пушкинистов «Надежда» и областного Пушкинского общества, работающих на базе областной научной библиотеки им. Л. С. Пушкина. Представленный спектр объединений отражает интересы горожан к различным видам искусства и творчества, участие в процессе клубообразования учреждений социокультурной сферы различных типов, степень открытости элитарных клубов и объединений для контактов с внешней средой.

Омский Дом актера был открыт в 1974 г. Большую роль в том, чтобы это событие состоялось, сыграли Н. Н. Бревнова, начальник областного управления культуры, С. Г. Хлытчиев, председатель Омского от-

деления ВТО, Н. Д. Чонишвили, народный артист России, имя которого носит сегодня Омский Дом актера. С первого дня своего существования Дом актера стал одним из самых ярких и значительных явлений в культурной жизни не только тех, кто по роду своей профессии принадлежит к актерской или другой театральной профессии, но и в жизни всего города и области в целом. Юрий Ицков, народный артист России, председатель Омского отделения Союза театральных деятелей (СТД) в 1996–2001 гг., подчеркивал, что это не Дворец, не Дом культуры, а именно Дом актера, как уникальное, неповторимое явление, как центр творческой интеллигенции. Он говорил: «Дом актера – это градусник, измеритель давления – состояния творчества, это показатель того, что мы есть, что есть наша жизнь» [1].

В настоящее время председателем Омского отделения СТД РФ является актер и режиссер Омского государственного музыкального театра В. Э. Миллер. В правление СТД входят известные театральные деятели и уважаемые коллегами актеры: заслуженный артист РФ, художественный руководитель муниципального театра драмы и комедии «Галерка» В. Ф. Витько, народная артистка РФ, актриса Музыкального театра В. А. Шершнева, народный артист РФ, актер академического театра драмы В. И. Алексеев, заслуженный работник культуры РФ Л. В. Пивнева и другие. Работает совет по эстетическому воспитанию молодежи и школьников, совет по культурно-шефской работе по области, по военно-шефской, совет по театральной критике и информационному обеспечению деятельности СТД, совет по работе с творческой молодежью, совет по работе с народными театрами, совет по сценографии, совет ветеранов сцены.

В Доме актера размещается Музей театрального искусства г. Омска (с 1997 г.), работает библиотека, ресторан, функционируют и развиваются клубы по интересам, музыкальная гостиная, проходят многочисленные мероприятия: от театральных фестивалей до веселых капустников. Столь насыщенная культурная программа претворяется в жизнь активистами и членами СТД при участии артистов всех омских театров. Трудно сосчитать, сколько замечательных вечеров провели в Доме актера его законные обитатели – театральные деятели и их гости: творческие работники из других городов, омская и сельская интеллигенция. Тем не менее вся хронология мероприятий в Доме актера, начиная с первого сезона 1974 г., тщательно ведется и сохраняется методистами М. В. Аварницыной и И. В. Блискуновой.

Здесь традиционно проводятся бенефисы (причем не только в честь маститых актеров, но и молодых), фестивали, праздничные открытия и закрытия сезонов, вечера-встречи актеров разных театров, юбилейные

вечера, вечера памяти, новогодние праздники (в том числе детские), а также Всероссийская неделя «Театр и дети», Международный день театра и многие другие замечательные культурные акции. В разные годы в Доме актера активно работали (а многие продолжают работать) любительские объединения: клуб ветеранов сцены, клуб «Открытый кошелек», женский клуб, клуб интересных встреч, киноклуб «Зеркало», киноклуб «Другое кино», клуб юных любителей театра «Арлекин», актерский клуб, Музыкальная гостиная Г. И. Комаровского.

Музыкальная гостиная собирает поклонников и ценителей классической музыки уже на протяжении более 15 лет. Г. И. Комаровский и его талантливые сподвижники, артисты омских театров, филармонии, учащиеся музыкального училища им. Шебалина, студенты и преподаватели факультета культуры и искусств ОмГУ познакомили омичей с великолепным собранием музыкальных историй, вокальных и инструментальных произведений, с начинающими и опытными, заслуженными исполнителями омской сцены. Ряд вечеров был посвящен творчеству гениальных композиторов: В. А. Моцарта, П. И. Чайковского, С. Рахманинова, Ф. Мендельсона, И. Дунаевского, Д. Гершвина. Особым вниманием было отмечено искусство современных исполнителей: заслуженной артистки России Ирины Трусовой, солистов Омского государственного Музыкального театра Ирины Кожевниковой, Павла Краснова, Александра Хмырова, Елены Тихоновой, Татьяны Бобровой, мастерство концертмейстеров [2]. Начиная с 2006 г. роль хозяина и ведущего музыкальной гостиной продолжил молодой дирижер Музыкального театра Виктор Олин, который бережно сохраняет сложившиеся при жизни Г. И. Комаровского традиции.

Омский Дом актера, который замысливался и создавался как клуб работников искусства, стал значительно большим событием в масштабе Омска. Своей многогранной деятельностью Дом актера питает и формирует культуру города и области, в первую очередь, слоя интеллигенции. Здесь проявилась открытость и зрелость театральной интеллигенции, ее готовность и даже стремление выйти за рамки своего круга, «клана», чтобы дарить свое искусство, просвещать, общаться, шутить, играть, самовыражаться. Омские артисты, театральные деятели, самодельные и профессиональные поэты посвятили своему Дому и клубу немало искренних строк. Среди них наиболее емко выражают сущность и значение Омского Дома актера строки Е. Н. Злотиной:

О, Дом актера, Дом актера,
Обитель театральных муз!
Сюда стекается весь город
Взглянуть на дружный наш союз [3].

Центральная городская библиотека им. Ленина стала «колыбелью» клуба «Музыкальные субботы», который с 1997 г. действует на базе ее музыкально-нотного отдела. В отделе сформирована крупнейшая фоно- и видеотека, представляющая коллекцию лучших образцов русской и мировой музыкальной культуры. Это во многом способствовало не только эффективному решению отделом его основной задачи – содействию эстетическому развитию человека, созданию условий для комфортного и содержательного досуга, но и обеспечению оптимальных условий для создания редкого по содержанию своей деятельности клуба. Главный библиотекарь М. Э. Вронская в сотрудничестве с преподавателем музыкального училища им. В. Я. Шебалина Л. М. Ливийской инициировали его организацию.

Раз в месяц, по субботам, в музыкальном зале библиотеки собираются любители и ценители зарубежного оперного искусства. У них есть возможность, не покидая уютного зала библиотеки, «побывать» на лучших постановках известнейших театров мира, оценить искусство выдающихся дирижеров и исполнителей. Уникальность этих встреч в том, что в центре внимания членов клуба оказываются редко звучащие оперы, которые практически нигде больше в Омске услышать невозможно. Кассеты с записями опер, поставленных во Франции, в Италии, в Германии, проделывают весьма сложный путь из дальнего или ближнего зарубежья в Омск, а приносят их в клуб его участники. Видеопроектор сопровождается информацией об особенностях театральной постановки и творческих биографиях авторов опер.

Объединения культурной элиты осваивают также пространство городских и районных музеев. Например, клуб «Рисовальные понедельники» – в музее Кондратия Белова, литературная гостиная и учительский клуб «Музей и школа» – в Литературном музее им. Ф. М. Достоевского, «Общество коренных омичей», клуб Ротари, омское отделение Международной ассоциации «Искусство народов мира» – в областном музее «Либеров – центр», есть клубы интеллигенции, которые работают на базе ряда районных музеев и картинных галерей, например, в Таре, в районных поселках Тевриз и Тавричанка.

В 1996 г. на базе музея К. П. Белова был создан клуб «Рисовальные понедельники» по образу и подобию того, который существовал в дореволюционном Омске. Идея создания клуба принадлежит дочери художника В. К. Беловой, которую поддержали А. А. Савкин, художник, почитатель творчества К. П. Белова, и директор музея, внук знаменитого художника В. Д. Белов. Теперь, как и прежде, каждый понедельник профессиональные художники и художники-любители встречаются в здании музея,

общаются, рисуют натуру, слушают музыку, пьют чай за большим овальным столом. По вечерам музей превращается в музыкально-поэтическую гостиную. В январе 2006 г клубу исполнилось 10 лет, и в день своего рождения члены клуба преподнесли городу свой «креативный» подарок – новую выставку рисунков.

С одной стороны, клуб «Рисовальные понедельники» помогает художникам творчески реализовывать себя. В клубе идет подготовка художников к вступлению в члены Союза художников России, что способствует упрочению их положения в обществе, дальнейшему профессиональному росту. С другой стороны, систематическая выставочная деятельность клуба способствует трансляции художественных ценностей из локальной музейной и клубной среды в социокультурное пространство Омска и всей Омской области, выставки рисунков членов клуба проходят как в Омске, так и за пределами города.

Не менее интересна деятельность творческого объединения «Друзья и годы», которая стала заметным явлением омской культурной жизни. Министр культуры Омской области В. В. Радул во вступительной статье каталога выставки, посвященной десятилетию объединения, отметил. «Сегодня очень важно в процессе современного развития культуры и искусства разумно сочетать опыт прошлого с реализацией новых начинаний. Одним из таких убедительных примеров является деятельность творческого объединения «Друзья и годы», в которой успешно освоен опыт русских художников XIX века, создавших «Товарищество передвижных выставок» и во многом способствовавших «продвижению искусства в массы» [4]. Многочисленные выставки, проведенные не только в Омске, но и в музеях, картинных галереях, домах культуры районов нашей области, творческие встречи с художниками, просветительская деятельность, педагогическая работа, организация выставок в других городах России – все это направлено на возрождение лучших духовных и нравственных традиций отечественной культуры. А началось все с малого – с изостудии Дворца культуры «Нефтяник», в которой объединились художник и учитель Г. С. Катилло-Ратмиров и его ученики.

Спецификой государственного областного художественного музея «Либеров-центр» является то, что досуговая, культурно-просветительная и образовательная деятельность в нем является такой же важной и полноценной составляющей, как и все другие направления музейной работы. В музее «Либеров-Центр» под одной крышей гармонично сочетаются и музей, и художественная школа, и культурно-досуговый центр, в котором функционирует несколько студий и объединений. Здесь, в атмосфере музея встречаются участники омских отделений международного клуба

Ротари и Международной ассоциации «Искусство народов мира», студии эстетического развития «Солнышко», женского клуба, клубов арт-терапии, «Комарик», «Здоровье», «Общество коренных омичей».

Наиболее масштабные цели, созвучные целям музея, ставит омское отделение Международной ассоциации «Искусство народов мира». Среди целей – организация и поддержка литературного, художественного, научного и других видов творчества; просветительская деятельность в области науки и культуры; организация проведения выставок, конкурсов, концертов, конференций, семинаров; издательская деятельность; создание творческих центров, студий, кружков для детей и взрослых.

Международная ассоциация «Искусство народов мира» была основана в Москве Н. И. Корниловым. Н. И. Корнилов – заслуженный деятель искусств Каракалпакии, писатель, художник, журналист, издатель, коллекционер, профессор, создатель галереи «Никор» в Москве и ее филиалов в Петушках, Щучинске, Кокчетаве, Братске и Омске. В апреле 2003 г. Н. И. Корнилов передал в фонды музея «Либеров-центр» 300 графических и 200 живописных работ, более 100 предметов старины и огромную библиотеку. Коллекция произведений изобразительного искусства состоит из работ художников не только нашей страны, но и разных уголков ближнего и дальнего зарубежья: Германии, Италии, США, Прибалтики. Галерея «Никор» осуществляет активную выставочную и музейную деятельность. Через свою газету галерея информирует о новейших инициативах ассоциации, служит позитивному диалогу всех, кто видит в творчестве путь к взаимодействию людей и раскрытию их лучших человеческих качеств и способностей.

Омское представительство ассоциации «Искусство народов мира», председателем которого является Б. Я. Торик, существует с 2003 г. За это время число членов ассоциации в Омске выросло до ста человек. В основном это представители творческой интеллигенции. Популярными формами клубных встреч здесь являются концерты, тематические вечера в честь знаменательных дат общественной и личной жизни, юбилеи членов ассоциации, торжественные ритуалы, посвященные приему новых членов в ассоциацию или вручению почетных званий лауреатов, презентации выставок, книг, сборников стихов.

Клуб в музее или, иначе, музей, в структуре которого функционирует клуб, становится актуальной культурной формой современного этапа в развитии музеев. По мнению известного специалиста – музееведа Т. М. Назарцевой, «музеи начинают осваивать досуговую функцию, предлагая различные не только познавательные, но и развлекательные мероприятия, организуя клубы и творческие кружки. Уникальность му-

зейной информации, возможность ее широкого использования не только посредством традиционных форм работы, но и через новые технологии позволяют музеям в условиях рыночных отношений быть необходимыми широкому кругу населения» [5].

Интеллектуально-креативный потенциал элитарных клубов, развивающихся в пространстве учреждений культуры (музеев, библиотек, домов творческих союзов и др.) может проявляться в различных аспектах.

Во-первых, в педагогическом. Элитарный клуб характеризуется нами как стабильная групповая форма социально-культурной деятельности, повторяющаяся периодически. В этом случае познавательный, воспитательный, креативно-развивающий эффект выше, чем при разовых эпизодических формах работы с аудиторией (гостями, посетителями, участниками мероприятий).

Во-вторых, в организационно-управленческом. Клуб в целом и члены клуба в частности могут стать постоянными помощниками для штатных сотрудников учреждений в проведении разнообразных социокультурных акций. Таким образом, учреждение обретет организованную группу волонтеров.

В-третьих, в маркетинговом аспекте. Деятельность клуба будет способствовать пропаганде деятельности учреждения, росту его авторитета в тех социальных группах, к которым принадлежат члены клубных объединений, тем самым привлекая и к клубу, и к самому учреждению внимание новых посетителей. Если же члены данных клубов принадлежат к финансовой или властвующей элите, то учреждение может рассчитывать на помощь с их стороны в решении материальных вопросов или на содействие в реализации культурных проектов и программ.

В-четвертых, в информационном. В настоящее время это стало возможным благодаря развитию международных клубных организаций, активно обменивающихся информацией по своим внутренним «клубным каналам». Так, например, в Омске в середине 90-х годов прошлого века было организовано отделение международного клуба Ротари Интернэшнл. Клубы Ротари, функционирующие в полутора ста странах мира, активно общаются, информируя друг друга не только о событиях внутриклубного масштаба, но и о своем регионе, его культуре, экономике, социальной сфере. Кстати, любой член клуба Ротари, отправляясь в какое-либо путешествие, обязательно должен познакомиться с местными ротарианцами и работой их клуба. В Ротари Интернэшнл действуют обменные программы в отношении детей, молодежи, специалистов.

В-пятых, в стратегическом. Яркие креативные акции клубных ассоциаций могут послужить дополнительной рекламой не только непосред-

твенно для того учреждения, в котором функционирует клуб, но и для региона в целом. Действительно, в настоящее время, как столицы, так и провинциальные города усиленно занимаются поиском способов формирования имиджа города, региона, территории с целью сделать их привлекательными для партнеров и инвесторов в интересах развития политических, экономических и культурных контактов. Наличие собственных элитарных клубов или отделений престижных международных клубов может этому способствовать.

В-шестых, в психологическом. Взаимопонимание и доверие между людьми легче устанавливается в обстановке непринужденного свободного общения единомышленников. Именно такая обстановка является неотъемлемым атрибутом клуббинга и клубной атмосферы, независимо от того, где находится данный клуб в столице или в провинции, в России или за рубежом. Члены одного клуба или одной клубной ассоциации всегда имеют общие интересы, преследуют единую цель и могут общаться на равных.

Анализ деятельности элитарных клубов в Омском регионе (как в городе, так и в сельских районах) во многом соотносится с результатами исследования функционирования искусства, проведенного учеными Государственного института искусствознания в 1993–1994 годах. Вывод состоит в том, что «подлинное единение людей возникает на высотах духовности, именно здесь происходит сближение пластов общества. Наиболее продвинутые в личностном плане представители разных социально-демографических групп населения (рабочие, крестьяне, интеллигенция), проживающие в регионах и населенных пунктах различного свойства, очень близки между собой по многим показателям духовного, художественного и вообще социального развития. Во всяком случае, они больше похожи друг на друга, чем на представителей своего же социального слоя, но людей менее сформированных как личности. Духовность ломает социально-демографические перегородки и сближает характеристики лучшей части рабочих, крестьян, интеллигенции, причем независимо от того, где они живут – в столице, крупных региональных центрах, небольших городах или селах» [6]. Воспитание разносторонней личности остается важнейшей стратегической задачей российского общества в социальной сфере. Во всех социально-демографических группах населения существует достаточно заметный слой духовной элиты, обладающий свойствами разносторонне развитой личности.

Другой важный вывод заключается в том, что «люди вовсе не бессильны против обстоятельств своей жизни, не являются всего лишь их продуктом, а в значительной мере достигают результатов за счет усилий

в самовоспитании и напора в противостоянии среде. В населенных пунктах, где духовная жизнь победнее, наиболее продвинутая часть населения нередко превосходит по многим показателям духовную элиту более благополучных мест жительства» [7].

По-видимому, преодоление существующих ныне острых противоречий в духовной жизни страны, возникших на переломе ее истории, состоит не только в мобилизации политических и экономических ресурсов, но и культурного потенциала. Одним из сильнейших факторов при этом, несомненно, является искусство. Как показали исследования, «теснейшая связь духовного и социального развития человека с его отношением к искусству обнаруживается при рассмотрении самых разных аспектов чем более развиты в личностном плане люди, тем заметно чаще встречаются среди них интересующиеся искусством, больше посещающих учреждения культуры, читающих художественную и искусствоведческую литературу, занимающихся самостоятельным творчеством» [8].

Развивая данный тезис, обратим внимание на наличие возможных каналов распространения искусства. Среди них – деятельность элитарных клубов, которые как раз предоставляют возможность их участникам на основе самоуправления, самообразования и самовоспитания выразить себя в художественном, научном и социальном творчестве. Для элитарных клубов характерна развитая система вертикальных и горизонтальных социальных творческо-партнерских связей, в структуру которых обычно входят областные министерства и ведомства, городские и районные административные структуры; администрация учреждений, в которых действуют клубы; профессиональные творческие коллективы, образовательные учреждения, общеобразовательные и художественные школы, средне-специальные и высшие учебные заведения; творческие союзы; самостоятельные творческие и художественные кружки и клубы; средства массовой информации.

Формы деятельности в элитарных клубах условно можно разделить на две группы. К первой группе мы отнесем формы для «внутреннего пользования», предназначенные исключительно для членов клуба: беседы, дискуссии, репетиции, консультации, тренировки, видеопросмотры, чаепития, клубные обряды и праздники. Ко второй группе мы отнесем формы, посредством которых клуб популяризирует свою деятельность и своих участников в открытом социокультурном пространстве региона. Это выставки (в том числе передвижные), концерты, лекции, мастер-классы, гостиные, салоны, тематические вечера, а также участие в крупных городских культурных акциях.

Изучение социально-культурных инициатив элитарных клубов показывает, что в качестве таковых являются новые культурные проекты и программы, разработанные и воплощенные самими участниками клубного процесса при поддержке и участии специалистов государственных или ведомственных учреждений культуры; пока, к сожалению, малозаметной поддержке меценатов или спонсоров. В целом же коммуникативно-творческая деятельность в рамках элитарного клуба становится импульсом культурного развития региона, а сами клубы в современном социокультурном пространстве Омского региона играют роль инновационных интеллектуально-креативных центров в сфере эстетической, нравственной, научной и просветительской культуры.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на развитии элитарных клубов существенно сказывается ограниченность их ресурсов, невнимание органов власти, бизнес-структур, связанное с недооценкой той роли, которую клубы играют в социально-культурной, экономической и политической жизни общества. Сознывая значительный потенциал элитарных клубов, их способность помогать в решении культурно-просветительных, информационных, рекреационно-досуговых, а также социально-политических и профессионально-деловых задач, как в региональном, так и глобальном масштабе, следует, по-видимому, более пристально относиться к государственному и общественному регулированию процессов их рождения, развития и функционирования.

Литература

1. Ицков Ю. Дом, помогающий жить // Омская муза. – Омск, 1999. – С. 5.
2. Секретова Л. Гостиная в Доме муз. // Мир увлечений. – 2002. – № 7. – С. 36–37.
3. Омский Дом актера. День за днем. – Омск, 2001. – С. 10.
4. Радул В. Десять лет творчества и дружбы: Каталог выставки «От Москвы до самых до окраин...». – Омск, 2004.
5. Назарцева Т. М. Роль омских музеев исторического профиля в современном социуме // Проблемы культуры народов России: материалы Пятого всероссийского научно-практ. семинара / отв. ред Д. А. Алисов. – Омск. Издат. дом «Наука», 2004. – С. 173–174.
6. Художественная жизнь современного общества: в 4 т. 1 / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб., 1997. – Т. 2. Аудитория искусства в России вчера и сегодня. – С. 178.
7. Там же. – С. 179.
8. Там же. – С. 179.

Последствия глубокого погружения в неформальную среду движения авторской песни

Современные исследователи отмечают, что при всей безобидности, на первый взгляд, некоторых молодежных объединений вызывает определенную тревогу их воздействие на, еще не сформировавшееся, мировоззрение молодого человека. Как показывает практика, участники неформальных объединений обычно неагрессивны при контактах с окружающими, но, в то же время неформальная среда часто оказывает серьезное, порой негативное, воздействие на вовлеченных в нее молодых людей. Несомненно, что часть из них со временем возвращаются к нормальной жизнедеятельности, но часть, по разным причинам, уже не могут этого сделать, пополняя контингент маргинальных элементов общества. Говоря о последствиях такого воздействия необходимо акцентировать внимание, что особую опасность представляют неформальные объединения контркультурного типа. Но можно предположить, что такая проблема существует при глубоком погружении индивида в среду любого неформального объединения.

В этой связи необходимо проанализировать весь комплекс вопросов, связанных с последствиями участия индивида в неформальных объединениях. При этом необходимо учитывать наличие двух слоев в среде любого неформального объединения или движения в целом. «Новички» (в основном начинающие, совсем молодые люди), для которых неформальное объединение лишь одна из сфер жизни. И «старики», глубоко погружившиеся в неформальную среду, практически полностью порвавшие связи с социокультурными институтами. Говоря о контркультурных группировках, **М. В. Розин отмечает; «когда подросток попадает в среду контркультуры, ее сообщество давит на него, ориентируя на «погружение» в эту среду целиком: бросить учебу, уйти из семьи и т. д., ведь идеология контркультурных объединений требует порвать со всеми прежними формами существования»** [4, с. 157].

Несколько иначе дело обстоит с субкультурными объединениями. Субкультурная среда не диктует такой жесткой установки для членов своего сообщества, так как в отличие от контркультуры субкультура обособляется внутри родительской культуры только посредством системы мировоззрения, ценностей, норм и способа маркирования «своей» информации. В связи с этим, членам субкультурного сообщества нет необходимости полностью прерывать социальные связи.

В современной науке авторская песня рассматривается в рамках теории субкультуры, как обладающая целым рядом признаков, характеризующих ее как неформальное молодежное движение:

- наличие системного мировоззрения, норм и ценностей, транслируемых движением;
- особый способ маркировки «своей» информации (через кодирование в форме песни);
- особая форма самоорганизации сообщества (в виде иерархических «слоев»: «любители» авторской песни, «организаторы», «новички» и «метры»);
- наличие особого коммуникативного пространства.

В отличие от контркультурных сообществ движение авторской песни существует как совокупность локальных групп (клубов самодеятельной песни КСП), имеющих формальный статус и функционирующих, в основном, при досуговых учреждениях культуры. Взаимодействие этих локальных групп и отдельных авторов осуществляется через систему коммуникативных образований («коммуникативных гнезд»), формирующих коммуникативное поле авторской песни. Структура коммуникативного поля неоднородна. Она включает в себя: институциональные формы «коммуникативных гнезд» (клубы авторской песни, театры, центры, фонды, школы-клубы авторской песни), а также неинституциональные (локальные в пространстве и дискретные во времени) формы: авторская встреча, концерт, фестиваль, бард-лагерь, бард-сплав, и т. д.

Вхождение индивида в структуру движения осуществляется поэтапно, через систему «фестивалей». Получение статуса закрепляется через получение званий «участник» или «лауреат» фестиваля, которые имеют значение только в структуре авторской песни. В зависимости от статуса фестиваля, лауреатом которого становится отдельный автор, его статус в движении повышается.

Можно предположить, что никаких требований к прерыванию связей с внешним миром и социальными институтами членам движения авторской песни не предъявляется. Но, в зависимости от степени погружения в среду, индивиду приходится для себя делать определенный выбор. Количество и качество коммуникативных контактов с ростом «статуса» индивида в движении значительно увеличивается, что соответственно требует физических и временных затрат. В связи с этим происходит уменьшение контактов с социальной средой, что накладывает определенный отпечаток на взаимоотношения с окружением (семьей, друзьями, сослуживцами). Постепенно неформальная среда все больше затягивает молодого человека, и «на фоне новой жизни» прежняя теряет свою зна-

чимость и привлекательность. Уменьшение коммуникативных контактов с неформальной средой, и падение их качества, служит для движения определенным «сигналом». После чего происходит ослабление влияния индивида на жизнедеятельность структуры движения, а это влечет частичное или полное прекращение контактов с ним, со стороны определенных членов движения.

Описанный скрытый конфликт проявляется достаточно часто, но не всегда реализуется в пользу неформальной среды. Он может развиваться по другому сценарию. Постепенно интенсивность эмоциональных переживаний, связанных с участием в движении авторской песни, падает (в связи с созданием семьи, рождением детей, карьерным ростом), и, индивид сравнительно безболезненно выходит из него. Теперь он лишь изредка встречается со «старыми» друзьями, выезжает на фестивали (достаточно часто вместе с семьей) и посещает концерты авторской песни, иногда участвуя в качестве приглашенного гостя.

Возникает закономерный вопрос: почему в этом случае индивид может безболезненно выйти из неформальной среды? Можно предположить, потому, что у него есть выбор. К 20–25 годам «неформальная жизнь» теряет для него новизну. Действие на фестивалях происходит по однотипному сценарию, круг общения в рамках региона невелик. Интерес к творчеству того или иного автора можно реализовать через прослушивание аудио и просмотр видеозаписи. Собственный творческий импульс гаснет. К тому же, поездки на фестивали требуют определенных финансовых затрат. С другой стороны, по мере накопления знаний и жизненного опыта все более четко определяется социальная и личностная перспектива. В этом возрасте уже не так важно чувство «мы» (принадлежности к определенной группе, солидарности с ней, утверждение через нее). Человек становится самодостаточным и, как следствие, отдаляется от движения, а социальная жизнедеятельность, которая, собственно, не прекращалась, выходит на первый план.

Важно отметить, что участие в неформальном движении оставляет определенный психологический след на мировоззрении индивида. М. В. Розин считает; «В наиболее общем виде можно сказать, что сохраняется свойство личности, приобретенное именно в неформальной среде, которое психологи называют «склонность к театрализации». Это свойство имеет положительные и отрицательные аспекты. Бывший «неформал» легко принимает новые роли, способен эффективно переживать психологические напряжения, адекватно и своевременно разрешать свои проблемы» [4, с. 135]. В частности, его способности к написанию стихов и песен, выступают в качестве компенсаторного механизма, позволяющего ему освободиться от неприятных переживаний.

Если говорить об отрицательных аспектах глубокого погружения в неформальную среду в целом и авторской песни в частности, то иногда несостоявшийся автор производит впечатление «заигравшегося мальчика с гитарой», который не расстается с маской, с которым невозможно установить обычный человеческий контакт. Он остается актером и в кругу семьи, и когда к нему обращаются за помощью, и даже тогда, когда ему говорят в лицо неприятные вещи.

Исследователи отмечают, что если последствия глубокого погружения индивида в неформальную среду намного сложнее, то мотивы вхождения можно проследить достаточно четко. В результате проведенных исследований Т. М. Ершова выявила следующую группу мотивов: *преимущественно коммуникативные мотивы* («познакомиться с людьми, имеющими сходное увлечение», встречи с единомышленниками) – 63 %; *познавательные мотивы* («возможность интересно, содержательно проводить досуг») – 54 %; *преимущественно творческие мотивы* – 49,5 %; *рекреационные мотивы* («возможность отвлечься от забот, оглохнуть») – 13,5 %; *компенсаторные мотивы* («сменить вид деятельности», заниматься работой иного характера) – 13,5 %; *профориентационные мотивы* («желание стать профессионалом») – 9,0 %; *престижные мотивы* («добиться успеха, стать известным») – 4,5 % [2, с. 88].

Александр Городницкий в одном из своих интервью сказал: «Довольно давно я сказал, что в самодеятельную песню идут социально неустроенные мужчины и сексуально неустроенные женщины. А потом понял, что они идут не только в самодеятельную песню, именно они и образуют ту странную среду андеграунда, работавшую истопниками и ночными сторожами, потому что так сподручнее заниматься только тем, что им нравится. Главное ведь: возможность оставаться самим собой» [1, с. 13]. В данном случае налицо ярко выраженная роль компенсаторной функции творчества в целом и участия в неформальном движении авторской песни в частности.

Возвращаясь к вопросу о последствиях глубокого погружения в неформальную среду движения авторской песни, важно отметить тот факт, что у начинающих авторов-исполнителей возвращение в социум происходит естественным путем. Им не нужно прилагать для этого специальные усилия: просто одна сфера жизни (творчество) отходит на второй план, другая становится ведущей. Авторам, которые целиком и надолго включились в структуру и жизнь движения, вернуться намного сложнее. В данном случае у индивида, надолго выключенного из деятельности социальных институтов, навык нормальной жизнедеятельности в обществе уже во многом потерян. Поэтому, если «начинающий» автор, как прави-

ло, остается в движении до тех пор, пока не исчерпает свою потенциальную потребность в этой среде, после чего в состоянии порвать с ней, то «свободный художник», во многом «неформал» по нужде: если он и захочет вернуться к нормальной жизни, то обнаружит, что у него не так много предпосылок для этого. А такое желание достаточно часто возникает, хотя и не всегда отчетливо осознается. Оно проявляется в настроениях разочарования в образе жизни, чувстве утраты смысла жизни вообще, утраты духовной опоры. Все это выливается в стихи, тексты песен:

Сидим с тобою целый год
Над письмами друг другу.
Но почту почтальон несет
В соседние квартиры.
Все в мире, как всегда, идет
По замкнутому кругу,
События – наперечет [3, с. 1].
Осиротела моя птица-душа,
Куда по небу ей, бескрылой, бежать,
И как без неба этой птице дышать,
К чужой земле зимой прибило – не встать.
И я ее в тепло ладоней беру,
Согреть пытаюсь на недобром ветру,
Несу дрожащий беззащитный комок
На перекресток сотен тысяч дорог.. [3, с. 2].

Причем если у «начинающих» разочарование реализуется в действии «перестало нравиться – ухожу», то «свободные художники» переживают его, не имея возможности избавиться от неприятного состояния. В результате возникают проблемы, связанные с взаимоотношениями с определенной категорией людей, с возможностью находить контакт с социальными институтами. И, как следствие, ощущение, что индивид никто не понимает, все ему завидуют, желают навредить, занижают его творческую значимость.

Три пули мне отлили до утра
Мои друзья – они вчера так звались.
Три пули: ложь, предательство и зависть.
Я выхожу из дома. Мне пора [3, с. 5].

Возникает очередная «причина» для локализации общения в рамках неформальной среды.

Несомненно, нельзя сказать, что автор-исполнитель, имеющий статус «свободного художника», полностью выключен из социума. В отличие от «хиппи», для которого возвращение к нормальной жизни на оп-

ределенном этапе уже невозможно, автор адаптирует себя посредством своего творчества. Он включен в социум локально в рамках выполнения своих «профессиональных обязанностей». В остальном на процесс ресоциализации креативного индивида накладывает отпечаток неформальный образ жизни, который остается на долгие годы. Здесь сказывается разница в ценностях (приоритет «дороги», особая манера общения, доминирование при общении на значимость собственного «Я» – «звездная болезнь»). В результате окружающие обычно не очень активно вступают в эмоционально близкие отношения с таким индивидом, и он чувствует это на работе (если таковая имеется), в быту и даже в своей семье.

Итак, глубокое и длительное погружение в неформальную среду любого неформального движения, как мы видим, ведет к достаточно тяжелым психологическим последствиям: человеку крайне сложно вновь нормально «вписаться» в социум. Но не все «свободные художники» стремятся к возвращению. Некоторые так и продолжают жить в неформальной среде. Видимо, существует определенный тип людей, для которых такой «спектакль», (и игра в нем) до конца остается самооценностью. Однако необходимо отметить, что таких «свободных художников» среди исполнителей авторской песни немного. Большинство успевают потерять творческий импульс, испытать разочарование и тем не менее продолжают двигаться «в никуда», не возвращаясь в социум.

Психологи выделяют здесь несколько причин:

1. Сожженные мосты. Некоторые «свободные художники» к моменту разочарования в своем образе жизни не имеют социальных и материальных возможностей для самостоятельного возвращения в социум. Препятствием могут выступать отсутствие постоянного места жительства и средств для приобретения жилья, а также неспособность организовать свое время, привязанность к алкоголю.

2. Пассивность как альтернативная идеология. Индивид, разочаровываясь в своем образе жизни, понимает, что, стремясь следовать путем отречения от обычной жизни, он не достиг ничего, а попал в плен красивых слов, приведших в тупик. Внутренний голос подсказывает суррогат выхода: *перестань стремиться, перестань ожидать, успокойся, существуй, впадай в спячку*

3. Изменение временной перспективы. Контекстом собственного существования становится не вся жизнь, а лишь участие в фестивальном движении, которое ценно само по себе, существует не «ради» чего-то в будущем, а ради самого себя. Неформальная среда переносит основную тяжесть во временной перспективе на *сегодня*, и это дает, на время, удовлетворение: жизнь становится полноценной, насыщенной событиями

(фестивалями, концертами, встречами), исчезают бесконечные приготовления к *будущему*.

Попытка проанализировать последствия глубокого погружения индивида в неформальную среду движения авторской песни позволила сделать некоторые предварительные выводы:

- Непродолжительное пребывание в неформальной среде авторской песни, как правило, не имеет негативных последствий. Более того, она выступает как социокультурная площадка, на которой происходит социализация индивида в креативной среде и которая стимулирует развитие личности.

- Что касается тех индивидов, кто на длительный период прервал процесс взаимодействия с социумом в призрачной надежде найти «райский сад», то здесь ситуация неизмеримо тяжелее. Такой индивид кардинально меняет структуру своей личности, что ведет к значительным сложностям в процессе ресоциализации.

Несомненно, точка зрения, высказанная в статье, носит субъективный характер, автор считает необходимым лишь обозначить некоторые аспекты, выявленные в результате проведенных исследований. Необходимо отметить также, что в статье затронуты лишь частные моменты, объясняющие механизмы функционирования такого сложного коммуникативного и социально-культурного образования, каким является движение авторской песни.

Литература

1. Городницкий А. Только Автор и Слушатель // АП АРТ. – 1996. – № 3. – С. 10–13.
2. Ершова Т. М. Самодетельная песня – выразитель духовных запросов населения // Межвуз. сб. научн. трудов. – Челябинск, 1991. – С. 84–94.
3. Орищенко И. В. Непутевочка: Приложение к CD. – Томск: Азиатский проект, 1997. – 14 с.
4. По неписаным законам улицы / под ред. М. В. Розина. – М.: Юридическая литература, 1991. – 239 с.

Проблемы социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции в регионе (на примере Кузбасса)

В настоящее время российскому обществу необходима система воспроизводства родной национальной культуры, познания культурного кода в условиях современного мира с его засильем развлекательной музыки, кино, усиливающейся коммерциализацией искусства.

Отдавая должное классике и ее влиянию на формирование личности, мы, тем не менее, считаем, что основой при формировании эстетического сознания подрастающего поколения, начиная с самого юного возраста, должны стать художественные ценности традиционной национальной культуры каждого народа, источником и фундаментом которых является фольклор и его неотъемлемая составная часть – инструментальный фольклор.

Восстановлению духовной культуры России путем целенаправленного культурно-эстетического и художественного воспитания подрастающего поколения нет альтернативы. Эта социальная идея заслуживает самого широкого общественного и государственного признания. Формирование и реализация социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции – это значительный шаг на пути утверждения в современном обществе нравственных идеалов.

Предлагаемая нами концепция социально-культурного обеспечения русской инструментальной фольклорной традиции представляет собой не только результат теоретического обобщения эмпирического опыта познания проблемы (изучения проблемы по литературным источникам), но и обобщение опыта многолетней практической работы. Направлена она на расширение форм активного сотворчества людей, на пробуждение заложенного в сознании генофонда, на разносторонние контакты, общение, взаимоуважение людей, максимальное развитие творческой свободы и раскрепощенности, отвечающие сегодняшним реалиям и соответствующие запросам социальной среды. Народные музыкальные традиции, русский инструментальный фольклор, в частности, его многовековой опыт и наследие представляют собой богатейший и не освоенный до конца фактор развития личности.

Многолетний опыт работы в фольклорных коллективах г. Кемерово (детский фольклорный ансамбль «Верюшки», школы № 80; детский фольклорный ансамбль «Солнышко», «Новичок», дома детского твор-

чества Рудничного района, детский фольклорный ансамбль «Посиделочки», школы-интерната № 64; народный коллектив фольклорный ансамбль «Русская песня», ДК Шахтеров; детский фольклорный ансамбль «Балагуры», ДШИ № 46; заведование фольклорным отделением в ДМШ № 14), а также длительный педагогический эксперимент в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, на кафедре народного хорового пения (предмет «Русские народные инструменты фольклорной традиции») позволили автору диссертационного исследования проверить на практике основные методологические положения своей педагогической концепции и дееспособность предлагаемых программ, а также выявить ряд проблем в социально-культурном обеспечении развития русской инструментальной фольклорной традиции Кузбасса, определить его цели, задачи и перспективы развития.

Что же такое социально-культурное обеспечение?

Социально-культурное обеспечение – это специально и системно организованная деятельность социальных институтов культуры и образования и, прежде всего, деятельность социально-культурных организаций и учреждений, направленная на содействие, поддержку, разностороннюю помощь и развитие социально значимых процессов и объектов. Иначе говоря, это такое социальное внимание, социальное сопровождение определенного вида социально значимой деятельности, которая действительно обеспечивает его развитие социально-культурными ресурсами (средствами, кадрами, инвестициями), социально-культурными технологиями, методиками и информацией, управленческими решениями, наиболее эффективно способствующими количественному и качественному росту объекта обеспечения. По отношению к объекту нашего исследования социально-культурное обеспечение развития инструментальной фольклорной традиции – это социально-культурное сопровождение и поддержка развития в России инструментального фольклорного творчества на традиционной основе. Это активное включение социально-культурных учреждений (клубов, библиотек, музеев, парков, центров досуга, культурно-образовательных учреждений, методических центров, органов управления социально-культурной сферой) в социально-культурную поддержку развития русской инструментальной фольклорной традиции. Эта поддержка, на наш взгляд, может выражаться в программировании и планировании деятельности социально-культурных учреждений по развитию фольклорных коллективов, традиций, в формировании определенной репертуарной политики, в подготовке и повышении квалификации кадров, организующих развитие фольклорной традиции в учреждениях культуры и образования, в семьях, в повседневном быту и досуге.

Социально-культурное обеспечение формирует систему деятельности для возможности успешной реализации задуманного, преодолевает ситуации, когда процессы создания и внедрения научных разработок разобщены, включает их во взаимодействие с другими социально-культурными системами и институтами более общего порядка.

Необходимое условие социально-культурного обеспечения – развитие адекватных представлений о процессе реализации предлагаемого проекта и его практической разработке, которое подразумевает постоянный поиск новых возможностей для успешной реализации проекта, одновременно с обновлением методических и технологических принципов. Развитие социально-культурного обеспечения предполагает разработку рефлексивного аппарата и выработку ее норм, ее определенную институционализацию. Оно призвано решать финансовые и организационные трудности, которые большей частью связаны с различным характером знаний и навыков, непосредственно участвующих в работе людей. Задача организации совместного взаимодействия как раз и состоит в отыскании путей конструктивных диалогов и компромиссных решений.

При разработке социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции особое внимание мы уделили тому, что решение поставленных задач связано с поддержанием традиционных форм народной культуры, а реализация этого проекта будет зависеть от реалистичности поставленных целей, задач и от целесообразности предлагаемой системы социально-культурной деятельности.

Основные цели социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции:

- 1) возрождение, обновление и развитие русской бесписьменной традиции музицирования как самобытного и неотъемлемого элемента народного художественного творчества;
- 2) содействие, через руководящую идею социально-культурной деятельности в сфере русского инструментального фольклора, духовному возрождению и подъему культуры народа;
- 3) воспитание творческой личности, обладающей художественным вкусом;
- 4) формирование национального стиля мышления у подрастающего поколения;
- 5) выдвигенке неиссякаемого родника народного творчества в качестве альтернативы увлечениям молодежи.

Задачи:

- 1) подбор и подготовка исполнителей программ;
- 2) подготовка необходимых условий для функционирования и развития традиции русского фольклорного музицирования;

3) организация процессов приобщения, просвещения и обучения на всех уровнях (дошкольное, начальное, среднее, высшее музыкальное образование) и для всех социальных слоев населения;

4) предоставление социально-культурным институтам программ, необходимой информации (научной, методической), технологий обучения (приобщения, просвещения), а также поиски путей их оснащения материально-техническими средствами, необходимыми для функционирования в них русского инструментального фольклора;

5) формирование системы управления и контроля за социально-культурными процессами, развивающими русский инструментальный фольклор;

6) безусловное обеспечение конечного результата (успешное функционирование и развитие огромного, значимого национального пласта культуры – русского инструментального фольклора).

Принципы СКО:

- опора на квалифицированных специалистов и государственную поддержку;

- вовлечение в процесс инструментального творчества всех желающих, независимо от возраста, социального положения и степени музыкальной одаренности;

- обновление традиции через возрождение фольклорной инструментальной импровизации и актуализацию аутентичности фольклорного музицирования;

- использование огромного потенциала народной педагогики;

- укрепление народного интереса к русскому инструментальному фольклорному творчеству через организацию концертов, фестивалей, конкурсов, досуговых мероприятий, массовых праздников;

- поддержка и поощрение ученых, методистов, организаторов, занимающихся проблемами бесписьменной инструментальной культуры, руководителей фольклорных инструментальных коллективов и их активистов.

Постановка целей, задач, определение принципов реализации социально-культурного обеспечения развития русской инструментальной фольклорной традиции имеет установку на естественный органический характер решения социально-культурных проблем, позволяет учитывать приоритеты, интересы и ценности, существующих институциональных и проектируемых социально-культурных Систем, создать возможности развития инструментальной традиции. В то же время возможен конфликт с консервативными руководителями социально-культурных учреждений, или социальными институтами, принимающими только академическую музыку.

Если прежние социальные изменения происходили в форме радикальной реорганизации сложившихся структур, то, на наш взгляд, сегодня важное направление изменений – создание структур, альтернативных существующим, выполняющих сходные с ними функции, но на другой социальной и организационной основе. Так, реорганизация существующего социально-культурного обеспечения фольклорной традиции в стране не требует немедленной ликвидации многочисленных социально-культурных институтов, существующих в системе народного художественного творчества, хотя они мало эффективны и не оказывают действенной поддержки развитию русского традиционного музицирования. Предпочтительнее создание параллельной альтернативной сети независимых фольклорных объединений или внедрение в существующие инфраструктуры нового проекта социально-культурного обеспечения, с предоставлением консультаций и возможностью обучения новым технологиям.

Одно из основных требований к первому этапу формирования социально-культурного обеспечения – анализ основных социальных сил, участвующих в проекте (личности, группы, объединения и т. д.), выявление людей, прямо заинтересованных в проекте или включенных в объект, подлежащий проектированию и реализации. В процессе реализации важная роль отводится налаживанию контактов со всеми заинтересованными в проекте лицами и теми, кто может оказать проекту помощь или финансировать его. Все эти лица по возможности должны быть вовлечены в проект.

С точки зрения этого требования современная ситуация в инструментальном фольклоре в некоторой перспективе выглядит так: в системе существующего начального музыкального образования (детские музыкальные школы, детские школы искусств, фольклорные школы) появилась возможность глубокого и всестороннего изучения русского инструментального фольклора. В системе средне-специального музыкального образования (музыкальные училища, колледжи, училища культуры) эта преемственность сохраняется, но пока что инструментальный фольклорный потенциал используется весьма ограниченно – в качестве просвещения, ознакомления, факультативных занятий. В системе высшего музыкального образования примерно та же ситуация, за исключением возможности научного исследования проблем фольклорной инструментальной традиции. Таким образом, образовательная традиция фольклорного направления, первоначально обретаемая в начальном музыкальном учебном заведении, в средне-специальных и высших музыкальных учебных заведениях, прерывается и разрушает преемственность музыкального образования детей.

Мы полагаем, что существующий дисбаланс в развитии непрерывного фольклорно-инструментального образования может быть разрешен в условиях реализации социально-культурного обеспечения русской инструментальной фольклорной традиции. Несмотря на существующие проблемы, все же наши училища и вузы выпускают специалистов народного хорового пения, имеющих возможность овладеть навыками игры на русских музыкальных инструментах фольклорной традиции. И если со временем социальная востребованность традиционного музицирования не ослабнет, то впоследствии эти специалисты будут заинтересованы в передаче полученных знаний и навыков детям. Такая преемственность будет способствовать сохранению и передаче русской инструментальной фольклорной традиции от поколения к поколению.

Клубные учреждения все более основательно обращаются к инструментальному фольклору по причине востребованности его в досуговой практике. По мере накопления в регионе информации, опыта и знаний о русских традициях музицирования, которые становятся в последние годы все более доступными для людей, интересующихся этим самобытным пластом национальной культуры, постепенно складываются предпосылки для формирования в фольклорном движении следующих объединений: «фольклорная ассоциация», «фольклорная школа», «фольклорная семья», «фольклорное товарищество», «фольклорное любительское объединение» («клуб любителей фольклора»), «фольклорные мастера» (музыканты), «любители фольклора». Для фольклорных сообществ (ассоциации, школы, семьи, любительские объединения) должен быть характерен ряд особенностей. Прежде всего это – добровольные, самоуправляемые коллективы, имеющие демократическую открытую ориентацию. Как правило, подобные сообщества должны на себя брать определенную миссию или задачу в сфере фольклорной культуры или фольклорного движения. Это может быть, например, задача развития определенного жанра фольклорного искусства или распространение фольклорной культуры, или обучение детей фольклорному ремеслу (искусству), или изучение фольклора и т. д. Немаловажно и требование терпимости к другим фольклорным сообществам, а также установка на сотрудничество (что не отрицает полемику и соревнование). Наконец, фольклорные сообщества фактически должны брать на себя посильные, но достаточно широкие культурнотворческие задачи (возрождение, сохранение, обновление, развитие и ретрансляция русского инструментального фольклора). В них могут войти не только представители фольклорного движения, но и социологи, культурологи, экономисты, специалисты по управлению и т. д.

Фольклорные сообщества различаются между собой. Фольклорная ассоциация – это добровольный союз фольклорных сообществ, школ, любительских объединений, товариществ и отдельных членов, мастеров, любителей, имеющий широкий спектр задач, союз, проводящий политику в сфере фольклора, осуществляющий в фольклорном движении функции самосознания и помощи. Для фольклорной школы характерно наличие фольклорной традиции и обучения. Фольклорное товарищество (клуб, любительское объединение) – это добровольное сообщество, имеющее инициативное ядро и ставящее своей целью решение определенных задач. Примером фольклорной школы может выступить фольклорный ансамбль или научная фольклорная школа; примером фольклорного товарищества – группа любителей фольклора, объединившаяся для местного творчества

При поэтапной реализации социально-культурного обеспечения необходимо привлекать заинтересованных лиц в научно-исследовательских и проектных институтах, в административных учреждениях областного города, района и села, а также опираться на местное население, которое следует привлекать к активному участию в мероприятиях, вошедших в проект. С этой целью следует постепенно подготавливать население к реализации проекта.

В настоящее время фольклорное движение в Кемеровской области развивается по трем основным направлениям:

1) возникают автономные фольклорные группы, многие из которых не знают оптимальных механизмов организации своей деятельности, «варятся в собственном соку»;

2) формируется «фольклорное искусство», тяготеющее к эстраде и даже театру, и «фольклорное ремесло» с полупрофессиональной ориентацией;

3) через организацию и профессионально-управляемую деятельность, а также на конференциях, семинарах, в личных контактах постепенно складывается слабо ассоциированное фольклорное общество.

В чем видятся основные проблемы современного этапа развития инструментального фольклорного движения?

Мы полагаем, что инструментальное фольклорное движение не имеет необходимой для своего развития социальной инфраструктуры. В социальную инфраструктуру должны входить самые разные образования: инициативные фольклорные общества и фонды, органы печати и информации, специализированные музеи и выставки, научная и административная службы, различные формальные и неформальные учреждения фольклора (фольклорный центр, дом фольклора, фольклорные театры, клубы, мастерские и т. д.).

Эта проблема может получить свое разрешение при формировании определенной политики в области русского инструментального фольклора. Суть ее в поддержке и обеспечении всех фольклорных инициатив: создании фольклорных «сообществ», «товариществ», «школ», «ассоциаций», печатных и информационных материалов, музеев и выставок, научных исследований и экспедиций, учреждений фольклора, отдельных помещений и площадок, фольклорных праздников и пр. Обеспечение фольклорных инициатив включает в себя, по меньшей мере, три плана: обеспечение знаниями (информацией), финансовыми средствами и материально-технической базой.

Что нужно сделать, чтобы социально-культурное обеспечение русской инструментальной фольклорной традиции стало эффективным и действенным средством обновления и развития фольклорной жизни региона? На наш взгляд, важными моментами в решении этого вопроса являются:

Фольклор, как искусство синкретичное, может полноценно реализовать все свои функции только в том случае, когда он не разобчен на отдельные слагаемые. Только комплексный подход к его изучению и формированию (реформирование существующих) таких социально-культурных институтов, где все его слагаемые могут быть представлены вместе, сможет поддерживать, передавать и развивать живую неиссякаемую традицию национальной самобытности. Например, детская школа искусств за счет своих отделений и формирований может автономно, без затраты больших средств обеспечить значительную часть материально-технической базы для класса или отделения фольклорного музицирования. Учащиеся отделений «декоративно-прикладное искусство» «народные промыслы», «изобразительное искусство» под руководством консультантов и педагогов могут оформить помещение для фольклорных занятий: нарисовать картины в фольклорном стиле, сделать фольклорную куклу, резные стулья, предметы старинного обихода, простейшие музыкальные инструменты и т. д.

Не менее важно и то, что обучение русскому инструментальному фольклору должно носить традиционный характер, основанный на принципах народной педагогики, а не искаженный академическим музыкальным образованием, а критерии его оценки должны быть дифференцированы от академических, только в этом случае русская бесписьменная инструментальная традиция сможет в полной мере отвечать современной социальной востребованности.

В последние годы в Кузбассе подход к организации культурно-досуговой деятельности становится все более системным, его современная

стратегия – это долговременная система мероприятий, акций, включающая концепции, цели и методы их реализации.

Исходя из этого, мы считаем, что процесс возрождения, трансляции, обновления, развития и сохранения русской инструментальной фольклорной традиции будет более эффективным, если социально-культурная деятельность, направленная на этот процесс, будет организована и реализована по ряду направлений:

- организация фольклорных инструментальных фестивалей и конкурсов, увеличение числа концертов, с использованием выразительных средств бесписьменной музыки;
- трансляция по радио лекций о бесписьменной музыке и записей лучших фольклорных инструментальных ансамблей;
- публикация авторских методических и учебных пособий по обучению игре на различных русских традиционных музыкальных инструментах, по фольклорной импровизации, аранжировке;
- обеспечение помощи в формировании новых ансамблей;
- организация гастрольных поездок по городам России для коллективов-победителей фольклорных конкурсов;
- для обмена творческим опытом и обогащения репертуара фольклорных ансамблей возможно привлечение к концертной деятельности ярких исполнителей на фольклорных инструментах из других коллективов.
- для активизации поисков индивидуальной самобытности музыкантов-народников в процессе фольклорной инструментальной импровизации возможно создание творческих фольклорных лабораторий при оркестрах русских народных инструментов.

Заметим, что существующие и создаваемые фольклорные объединения, ассоциации, социально-культурные институты, изучающие, развивающие и популяризирующие русский инструментальный фольклор, должны найти не только взаимодополняющие точки соприкосновения творческого, научного, методического, организационного характера, но и дать реальное общение этих объединений с городским населением.

Несомненно, для реализации исходного социально-культурного проекта необходимы дополнительные проекты (например, проект создания фольклорной ассоциации, или проект разработки форм ее самоуправления, или проект ее внедрения в существующие социально-культурные инфраструктуры). Но любые возникающие проблемы могут эффективно решаться только в том случае, если социально-культурное обеспечение их успешного решения осуществляется на основе следующих факторов:

- 1) наличие социального интереса к объекту (проекту);
- 2) актуальный и понятный проект;

3) программы, технологии с доступной возможностью их осваивать, методическое обеспечение;

4) группа энтузиастов (музыкантов-практиков, педагогов, ученых, менеджеров, управленцев и т. д.), способных решить эти проблемы несмотря ни на что, преодолев все мыслимые и немыслимые преграды;

5) поддержка со стороны органов власти.

Рассмотрим структуру предлагаемого социально-культурного обеспечения, т. е. области деятельности и функциональные аспекты, в которых может быть представлен в настоящее время русский инструментальный фольклор в Кузбассе:

- рекреационно-досуговая, клубная деятельность (любительские объединения, студии, кружки, мастерские);

- просветительно-образовательная деятельность (учеба, повышение профессиональной квалификации);

- организационно-концертная деятельность (фестивали, конкурсы, презентации, ярмарки, праздники);

- творческо-коммуникационная деятельность (творческие встречи, общение, обмен опытом, связь с общественностью);

- научно-исследовательская и методическая деятельность (семинары, научно-практические конференции, исследования, публикации, программы, концепции, проекты, методические рекомендации, учебные пособия);

- организационно-просветительная творческая деятельность (неформальные фольклорные формирования, детдома, школы-интернаты и др.)

- организационно-кадровая деятельность (подбор кадров, организация процесса обучения, открытие фольклорных сообществ);

- рекламно-информационная деятельность (информация о фольклорных мероприятиях, популяризация инструментального фольклорного творчества, распространение литературы, аудио-, видеоматериалов);

- управленческая деятельность (координирование и контроль деятельности всех структур, поощрение руководителей и активистов, утверждение и внедрение проектов);

- административная деятельность (обеспечение материально-техническими средствами, создание условий для творческой деятельности коллективов, хранение книжных, видео-, музыкальных фондов, реквизитов и т. д.)

Значительную роль в сохранении традиционной народной культуры играет проведение фестивалей, конкурсов, смотров как средство, активизирующее фольклорную память. Освоению русского фольклорного наследия, развитию в области народного художественного творчества положи-

ли начало популярные в Кузбассе художественно-спортивные «Молодецкие игры», фольклорно-этнический праздник «Сибирские самоцветы», творческо-исполнительский конкурс «Играй, гармонь, звени, балалайка», областной праздник частушки, фольклорный фестиваль «Вьюговей» и др. Все чаще стали появляться в фольклорно-хоровых, оркестрово-исполнительских конкурсах инструментальные фольклорные коллективы, но для устойчивого развития русской инструментальной бесписьменной традиции в Кузбассе нужна постоянная, а не случайная среда обитания. Это не только свои (фольклорно-инструментальные) фестивали и конкурсы, но и образовательные учреждения, клубы, лектории, специальные рубрики в газетах и журналах, на радио и телевидении и т. д. Организация фольклорных фестивалей и конкурсов в Кемеровской области нуждается в реструктуризации, так как обнаруживает ряд проблем и несоответствий. Прежде всего это касается критериев оценки.

На наш взгляд, фольклорные коллективы необходимо дифференцировать и по возрасту участников, и по году обучения, а также разграничивать понятия «солисты», «ансамбли», «фольклор», «фольклоризм», «неофольклор», «свободное народное музыкальное творчество». Необходимо поощрять и стимулировать активность людей, возрождающих традицию игры на редких фольклорных музыкальных инструментах, таких как гусли звончатые, варган, владимирский рожок, гудок и др. Это даст возможность вовлечения в процесс возрождения, развития и популяризации бесписьменной музыкальной культуры более широкого круга как музыкантов-любителей, так и профессионалов. Только тогда, когда усилия всех творческих, учебных, концертных, исследовательских, научно-методических организаций будут объединены и целенаправлены, русский инструментальный фольклор в нашей культуре станет тем, чем он может и должен быть.

Достоинства предлагаемого социально-культурного обеспечения русской инструментальной фольклорной традиции :

- полисоциальность охвата творческой деятельности и возможность работы с маргинальными группами;
- эффективность в обогащении национальной культуры и передаче традиции музицирования;
- альтернативность увлечениям молодежи;
- гибкость в проектировании инфраструктуры;
- экономическая доступность реализации СКО;
- соответствие государственному Закону «О культуре» и региональной социально-культурной программе «Возрождение народных традиций».

Эффективность предлагаемой концепции, структуры и совокупности действий по социально-культурному обеспечению развития русской инструментальной фольклорной традиции в конкретной социально-культурной среде была достигнута в процессе реализации авторских программ и методик, излагаемых в научно-педагогическом эксперименте, проведенном при нашем активном организаторском и творческом участии в Кемеровском государственном университете культуры и искусств и ДМШ № 14 г. Кемерово.

Сорокин А. В. (Кемерово, КемГУКИ)

Спонсорство как вид социально-культурной деятельности

В 1995 году Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников внедрили в научный, педагогический, а через это и в широкий практический оборот понятие «социально-культурная деятельность» (СКД) для замены ряда неадекватных новой российской реальности прежних понятий – культурно-просветительная работа, культурно-досуговая деятельность и др. Однако в работах 1995 г. [1] и 2001 г. [2] авторы не дали исчерпывающего определения нового термина, не оконтурировали соответствующее ему предметное поле. Версии, варианты, дефиниции и толкования понятия СКД, предложенные другими отечественными теоретиками, также пока не закрепились в качестве общепризнанных. Н. Н. Ярошенко в своей капитальной монографии «Социально-культурная деятельность: парадигмы, методология, теория» справедливо отметил, что «здесь, очевидно, предстоит еще не одно дискуссионное обсуждение» [3, с. 29].

Обстоятельный анализ существующих сегодня взглядов на феномен СКД можно найти в статье «Социально-культурная деятельность: понятие и предметное поле» профессора Кемеровского госуниверситета культуры и искусств В. В. Туева, который дает там и собственную трактовку понятия СКД, причем даже не в одной, а в четырех последовательных редакциях. Последняя из приведенных в этой работе формулировок В. В. Туева выглядит так:

«Социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и активного включения самого человека в этот процесс» [4, с. 32–33].

На наш взгляд, в определении В. В. Туева имеется по крайней мере один спорный момент. Он связан с общепринятым пониманием СКД как

совокупности неких усилий, опирающихся на традиционные гуманистические ценности (скажем, в дискурсе, заданном «Основами законодательства РФ о культуре», 1992 г.). Это, вероятно, должно быть отражено и в определении. В данном определении гуманистическая позитивность никак не отражена, она всего лишь подразумевается как бы негласной договоренностью об узости толкования в данном контексте термина «культура». Таковой тут, судя по всему, признается только позитивный тип культуры, который одобрен всем социумом или какой-то его частью в качестве цели «управляемого» приобщения.

Но если некий «марсианин» (термин психолога Эрика Берна) не будет осведомлен о необходимости именно такого узкого прочтения и в определении В. В. Туева придется трактовать термин «культура» в его традиционном широком понимании, то придет к нонсенсу. Получится, что, к примеру, собутыльники или приятели-наркоманы (они ведь тоже являются частью общества), доведшие добропорядочного инженера до того, что он стал маргиналом и «бомжем», заняты были социально-культурной деятельностью – целенаправленно приобщили личность к новому для нее типу культуры.

Нам представляется, что вполне корректное определение СКД должно отсекал возможность таких интерпретаций. Тем не менее мы будем отталкиваться в данной работе от определения, данного В. В. Туевым, просто потому, что ничего существенно лучшего по качеству ни у одного из прочих теоретиков не обнаруживается.

Итак, рассмотрим феномен спонсорства в контексте данного определения СКД.

Под спонсорством в российском Законе «О рекламе» понимается «осуществление юридическим или физическим лицом (спонсором) вклада (в виде предоставления имущества, результатов интеллектуальной деятельности, оказания услуг, проведения работ) в деятельность другого юридического или физического лица (спонсируемого) на условиях распространения спонсируемой рекламы о спонсоре, его товарах» [5, ст. 19]. При этом в трактовке Закона «О рекламе» спонсорский вклад признается платой за рекламу, а спонсор и спонсируемый – соответственно рекламодателем и рекламораспространителем.

В российском федеральном законодательстве проводится различие между спонсорством и благотворительностью. Благотворительная деятельность регулируется другим Законом – «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [ФЗ от 11.08.95 г.] [6], а также некоторыми нормами Конституции РФ [ст. 39] и Гражданского кодекса РФ. При этом под благотворительной деятельностью понимается

добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (по безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. Хотя в приведенных толкованиях «благотворительная деятельность» и «спонсорство» различны по своей сущности, однако на практике эти нетождественные друг другу явления подводятся обычно именно под «спонсорство», причем в самой упрощенной трактовке. Вызвано это, на наш взгляд, всего лишь простодушным стремлением российских нормотворцев упростить фискальную практику. Ведь если спонсорство, благотворительность и меценатство квалифицированы как «реклама», то и налогообложение спонсорских средств производится по законам налогообложения рекламных затрат.

Такой подход, к сожалению, блокирует в России стимулы к расширению объема спонсорских и благотворительных пожертвований. Скажем, в законе о рекламе, принятом на Украине в 1996 г., всего лишь оговорено, что при спонсировании тех или иных социокультурных акций допускается реклама только имени (названия) и торговой марки спонсоров, но «не разрешается делать ссылку рекламного характера относительно свойств продукции спонсоров» [Цит. по 7, ст. 5, с. 458]. Во многих развитых государствах спонсорство не только не сводится к рекламе, но регулируется отдельными законами и всячески стимулируется с помощью особых схем льготного налогообложения. Возможно, со временем будут внесены такого рода поправки и в российское законодательство. Вопрос этот уже не раз поднимался некоммерческими организациями России, существует несколько проектов соответствующих законов.

В теории маркетинга спонсорство обычно понимается как одна из маркетинговых коммуникаций. При этом часть специалистов относит спонсорские акции к системе мероприятий «паблик рилейшенз» (public relations, т. е. организация связей с общественностью). Такой подход присутствует, например, в капитальном труде «Современная реклама» американцев Кортлэнда Л. Бове и Уильяма Ф. Аренса [8, с. 604]. В британских руководствах по маркетингу и рекламе нередко трактуют спонсорство как особый вид рекламы, то есть способ привлечения внимания к продукту, прямая реклама которого в масс-медиа ограничена или запрещена [9, с. 108–110]. Скажем, производители табачных изделий и спиртного, спонсируя крупные спортивные и культурные мероприятия, получают возможность рекламировать свои брэнды не только на стадионах и в концертных залах, но и по ТВ (благодаря телетрансляции турниров, состязаний, концертов).

В одном из лучших, на наш взгляд, руководств по рекламе, которое принадлежит перу главного редактора украинского журнала «Маркетинг и реклама» Евгения Ромата, спонсорству посвящена специальная глава [7, с. 185–198]. Спонсорство (спонсоринг) здесь трактуется как «комплексное средство маркетинговых коммуникаций», причем подчеркивается, что спонсор, в отличие от мецената, небескорыстен. В той или иной мере он преследует достижение своих маркетинговых целей.

«Спонсорство, – указывает Е. В. Ромат, – можно рассматривать как систему взаимовыгодных договорных отношений между спонсором и субсидируемой стороной (реципиентом), общей целью которой является достижение коммуникативно-маркетинговых целей спонсора».

Е. В. Ромат рассматривает в данном случае ситуацию с позиций только одного из договаривающихся партнеров, а именно спонсора. Между тем совершенно ясно, что вторая сторона, реципиент, главной целью субсидий считает вовсе не обеспечение маркетинговых интересов спонсора, а решение собственных задач, вытекающих из социокультурных интересов общества.

Таким образом, в спонсорстве налицо все черты, которые, согласно определению В. В. Туева, присущи социально-культурной деятельности. Имеется сознательно управляемый (с помощью договорных отношений) процесс воздействия на человека (зрителя, участника) со стороны институциональных элементов общества (спонсирующая организация и организация-реципиент). При спонсировании решаются, как правило, задачи социокультурного плана – это проведение выставок, концертов, конкурсов, слетов, спортивных и благотворительных мероприятий. Следовательно, содержание спонсируемых мероприятий в большинстве случаев позволяет однозначно трактовать процесс активного включения в них человека как процесс приобщения к культуре.

Это позволяет нам сделать вывод: при соблюдении вышеперечисленных условий СПОНСОРСТВО МОЖНО И ДОЛЖНО РАССМАТРИВАТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

В статье «Благотворительность как точная наука» [10] нами была предложена система рационально организованной благотворительно-спонсорской деятельности. Она основывается на четырех базовых позициях, оценка которых позволяет коммерческим структурам обоснованно принимать решение о том или ином пожертвовании:

1. Каковы могут быть побочные нежелательные последствия для фирмы в случае оказания поддержки (либо в случае отказа).
2. Соответствует ли данное спонсорское пожертвование образу и философии фирмы.

3. Велика ли объективная необходимость данного пожертвования.

4. Может ли факт пожертвования (либо отказа) быть эффективно использован в интересах фирмы (в частности, для укрепления престижа).

В западной рекламистике модно изобретать аббревиатуры для обозначения комплексов рекламных и маркетинговых понятий (типа комплекса маркетинга «4П»), рекламной пирамиды «AIDA» и т. п.). Действуя в том же духе, можно, видимо, трактовать данные четыре пункта как «комплекс благотворительности» (или «спонсорский комплекс»), присвоив ему наименование «DIAP» по первым буквам соответствующих английских слов: DAMAGE – IMAGE – ACTUALITY – PUBLICITY.

При анализе ситуации по этим четырем позициям особенно важно осознавать многообразие и разнообразие именно социально-культурных возможностей спонсорства. Если фирма осознала себя, к примеру, как движителя высоких технологий, то, вероятно, и в спонсорской деятельности следует делать упор на поддержку науки, технического творчества. Если формируется образ, связанный с сохранением культуры и традиций, то прямой резон – поддерживать народные хоры и исторические изыскания, жертвовать на храмы. Ну а для того, кто хочет заслужить репутацию местного патриота, было бы разумно включиться в жизнь местной общины, направленно выделяя деньги, скажем, на обустройство парков и площадей, охранение природы и т. п.

Что касается оценки возможностей для использования факта пожертвования в интересах укрепления престижа фирмы, то вопрос сводится к рассмотрению баланса взаимных интересов: соответствует ли получаемая фирмой маркетинговая выгода понесенным спонсорским затратам? Долговременные выгоды с трудом поддаются оценке, хотя, быть может, они-то и являются самыми важными, поскольку формируют в глазах потребителей образ фирмы-спонсора как достойного и социально ответственного члена общества (в маркетинге есть понятие КСО – корпоративной социальной ответственности). Результативность же некоего конкретного пожертвования проще всего, на наш взгляд, оценивать по откликам прессы.

В упомянутой статье [10] нами был предложен принцип подсчета, который можно проиллюстрировать упрощенным примером. Допустим, некая фирма-спонсор подарила школе компьютер стоимостью 20 тыс. рублей и позаботилась о том, чтобы факт стал известен средствами массовой информации. Об этом упомянули в программах новостей областное радио и местная телекомпания, в двух газетах появились десятистрочные заметки, а популярный еженедельник спустя некоторое время опубликовал корреспонденцию о проблемах школьного образования, где с похва-

лой сообщил об этом даре. Нужно взять лист с рекламными расценками всех этих каналов и изданий и подсчитать, какую сумму спонсору пришлось бы затратить для размещения прямой рекламы такого же объема. Если величина гипотетических затрат превышает хотя бы половину стоимости подарка, то фирма в явном выигрыше. Ведь практика показывает, что косвенная реклама, исходящая из независимых уст, многократно эффективней, чем любое оплаченное рекламное самовосхваление.

Иногда приходится слышать от бизнесменов весьма высокомерные отзывы о фирмах, кичащихся своими благими делами. Немало такого рода оценок можно встретить в трудах по истории рекламы, предпринимательства и меценатства [11, 12, 13]. Принципиально не афишируют свои благотворительные акции и некоторые крупнейшие современные фирмы, как отечественные, так и транснациональные (например, «Проктер энд Гэмбл»).

Традиционный российский взгляд на функционирование социокультурной сферы сводится к тому, что государство, которое декларирует необходимость активного приобщения граждан к культуре, образованию, спорту, должно само и позаботиться о финансовом обеспечении социокультурных усилий. При этом под финансовым обеспечением понимается, прежде всего, финансирование из бюджетов всех уровней (федерального, регионального, местного).

В условиях, когда острейшие экономические проблемы страны не преодолены, а бюджеты не имеют удовлетворительного наполнения, такой подход обрекает социокультурную сферу на безрадостное существование. Если даже находятся средства для проведения масштабного праздника, фестиваля, спортивного шоу, часть общественности реагирует на это негативно («Чем выстреливать бюджетные деньги в виде фейерверков, лучше бы крыши починили и тротуары отремонтировали!»). Такого рода реакцию у многих россиян вызвали, к примеру, помпезные и крайне обременительные для казны торжества, устроенные в 2003 г. в честь 300-летия Санкт-Петербурга, что получило отражение в прессе.

Активное развитие и стимулирование государством спонсорства позволило бы реализовывать даже масштабные социокультурные проекты не на бюджетной, а на принципиально иной основе – за счет привлечения спонсорских инвестиций. Сейчас подобные попытки федеральными, региональными и местными органами государственной власти и управления предпринимаются, однако не носят системного характера. Организаторы – в отсутствие законодательной проработки этого вопроса – плохо умеют создавать для потенциальных спонсоров привлекательные стимулы, в результате чего спонсорская доля в общем объеме затрат либо

ничтожна, либо обеспечивается методами административного давления на бизнесменов, введением некоей спонсорской «повинности».

Между тем грамотное применение технологий так называемого «фандрейзинга» (fund-raising, сбор средств на некоммерческие проекты, избирательные кампании и др.) позволяет не только решать задачи социально-культурной деятельности, не обременяя затраты казны, но в ряде случаев даже «зарабатывать» дополнительные средства для местных бюджетов.

В последнее время публикации, рассматривающие различные аспекты работы со спонсорами, методы привлечения грантов для реализации социокультурных проектов, стали появляться как в отечественной специальной периодике, так и в виде отдельных изданий. Некоторые из них являются элементарной калькой на русском языке с зарубежных руководств по сбору средств (14), и поэтому изложенные в них методики нуждаются в дополнительной адаптации к отечественным реалиям и российским законодательным нормам. Тем не менее базовые подходы, с помощью которых решаются задачи привлечения ресурсов, универсальны для любого социума.

Технологии фандрейзинга позволяют эффективно реализовать следующие необходимые для спонсоринга функции:

1. Подготовка описания проекта, а также сопутствующей информации для представления спонсорам;
2. Определение круга потенциальных спонсоров;
3. Ведение переговоров или переписки с потенциальными спонсорами;
4. Проведение публичных акций и мероприятий по сбору средств;
5. Проведение «благодарственных» акций для спонсоров (с целью устранения возможного когнитивного диссонанса и создания возможности повторных обращений).

Не имея возможности в данной работе подробно анализировать всю совокупность методов и приемов фандрейзинга, отметим лишь один крайне важный для успеха аспект.

В известной книге Дэйла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» есть характерная сентенция: «Я лично очень люблю землянику со сливками, но обнаружил, что по какой-то странной причине рыба предпочитает червей. Поэтому, когда я еду на рыбалку, то не думаю о том, чего сам хочу. Я думаю о том, чего хочет рыба...» [15, с. 63]. В какой-то мере «ловлю» спонсорских средств можно уподобить обычной рыбалке. Если тот, кто пытается убедить спонсора выделить эти средства, будет исходить в аргументации лишь из собственных

(пусть даже очень важных) интересов, то на успех рассчитывать трудно. Необходимо опираться на базовые интересы спонсора, в частности, на те, которые описаны выше в качестве элементов «спонсорского комплекса» ДИАР.

Важно представить спонсору убедительные доводы того, что:

а) пожертвование ни в коем случае не породит для него каких-либо проблем и нежелательных последствий;

б) проситель не случайно пришел просить средства именно у этой фирмы, поскольку хорошо осведомлен о ее миссии и корпоративной философии, которые перекликаются с задачами именно того проекта, который желательно поддержать;

в) проект является чрезвычайно актуальным и уже поддержан местными властными структурами, авторитетными отечественными и международными организациями, является частью большого важного дела;

г) реализация проекта создаст спонсору широкие возможности для популяризации имени своей фирмы, получит массированный отклик в прессе.

Тщательная проработка просителем всех этих аспектов соглашения (договора) о спонсировании покажет спонсору, что он имеет дело с людьми серьезными, которые, решая собственные задачи социокультурного плана, обеспечат и маркетинговые интересы того, кто предоставит финансовые средства или иные ресурсы для реализации проекта.

Герой одной из новелл американского писателя О. Генри говорит: «Все филантропы, которых я знаю, всегда обладали большим капиталом. Мне бы давно следовало подумать об этом и выяснить, где здесь причина и где следствие». Если обоснование проекта убедительно показывает потенциальному спонсору, что для него это будет выгодно, можно с высокой вероятностью рассчитывать на благоприятный для просителя отклик.

В статье «Актуальные тенденции развития социально-культурной деятельности в России XXI века» [16]. В. В. Туев указывает, что одной из дихотомических пар, характерных для развития современных социально-культурных процессов, является динамическое соединение «коммерциализации» (через проникновение в культуру рыночных отношений) и «экологизации» (через подвижничество, спонсорство, благотворительность) в социокультурной сфере. Всякая дихотомия зиждется не только на противопоставлении, но и на диалектическом единстве противоположностей. В рамках данной работы мы стремились показать, что спонсорство, рассматриваемое как вид социально-культурной деятельности, способно нести в себе не только «коммерческую» (маркетинговую) компоненту, но и решать важные для общества задачи активного вовлечения людей в позитивные общекультурные процессы.

Литература

1. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – М.: МГУК, 1995.
2. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: Программа-конспект учебного курса. – М.: МГУКИ, 2001.
3. Ярошенко Н. Н. Социально-культурная деятельность: парадигмы, методология, теория: монография. – М.: МГУКИ, 2000.
4. Туев В. В. Социально-культурная деятельность: понятие и предметное поле // Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика: межвуз. сб. научных статей. – Кемерово: КемГАКИ, 2002. – С. 20–33.
5. Закон РФ «О рекламе», № 108-ФЗ от 18.07.1995.
6. Закон РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (ФЗ от 11.08.95 г.).
7. Ромат Е. В. Реклама. – Киев–Харьков: НВФ «Студцентр», 1999.
8. Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама: пер. с англ. – Тольятти: Издат. дом «Довгань», 1995.
9. Wilmshurst J. The Fundamentals of Advertising. – Butterworth-Heinemann Ltd., 1993.
10. Сорокин А. В. Благотворительность как точная наука // Рекламный мир. – 1996. – № 9.
11. Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. – М.: ПРИОР, 1998.
12. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. – М.: Современник, 1995.
13. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
14. Список Эмили (Emily's List). Руководство по сбору денежных средств. – М.: Нац. демокр. ин-т междунар. отношений, 1998.
15. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: Прогресс, 1990.
16. Туев В. В. Актуальные тенденции развития социально-культурной деятельности в России XXI века // Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика: межвуз. сб. научных статей. – Кемерово: КемГАКИ, 2002. – С. 70–79.

Елисеенков Г. С., (Кемерово, КемГУКИ)

Социокультурные аспекты моделирования современного дизайна

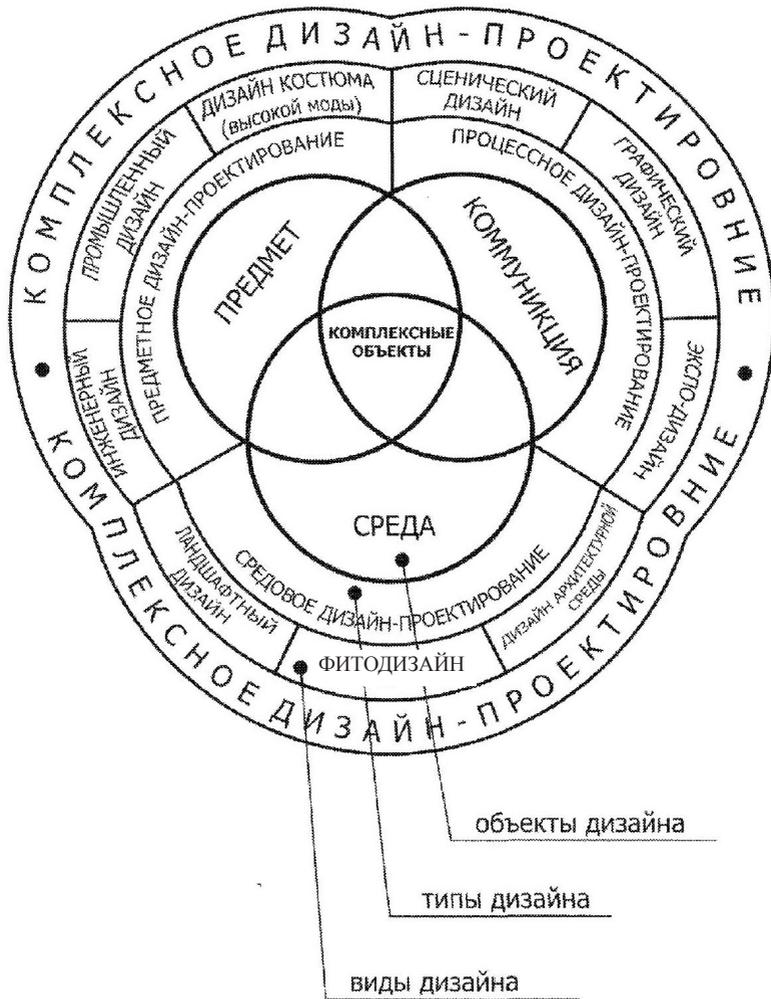
Обращение к анализу дизайна как феномена культуры актуализируется, с одной стороны, стремительным развитием этого вида проектно-творческой деятельности в отечественной культуре последних десятилетий

тий, расширением сфер функционирования объектов дизайна, а с другой стороны, недостаточным уровнем осмысления сущности, структуры, функционирования дизайна в социально-культурном контексте. В современной литературе, как правило, фиксируется лишь факт существования исторически сложившихся видов дизайна, причем их количественная сторона и качественная определенность трактуется различными исследователями по-разному.

В связи с этим возникает потребность в построении модели современного дизайна как комплексного объекта, задающей его принципиальные характеристики: типологические, морфологические, функциональные и другие. Таким образом, необходимость в построении модели дизайна диктуется как практическими потребностями, так и гносеологическими соображениями – познанием комплексного объекта на уровне его теоретического осмысления.

Вопрос о природе, сферах проявления и границах саморазвития дизайна связан с построением его структурной модели (см. рис. 1), которая базируется на объектных и типологических основаниях. В центре модели обозначены три основные и взаимосвязанные сферы функционирования объектов дизайна: предмет, среда, коммуникация (процесс), которые выступают одновременно объектными основаниями и фундаментальными понятиями, определяющими типы дизайн-проектирования. В соответствии с объектными и типологическими основаниями мы выделяем в структуре дизайна три типа проектирования: предметное, процессное и средовое. Каждый из названных типов дизайн-проектирования, обладая качественной определенностью, имеет свое собственное поле функционирования, интегрируясь и совпадая в определенной части с функционированием других типов дизайна.

Предметное дизайн-проектирование направлено на разработку искусственных объектов, предметов, вещей вне зависимости от их системной организации в рамках предметного универсума. Это уровень определенного предметного континуума, который составляет основу предметно-пространственных сред. Но категория «среда» не исчерпывается только предметными характеристиками, кроме искусственной среды, существует природная среда, а кроме этих компонентов, среда включает в себя процессные, коммуникативные компоненты.

Р и с. 1. Структура дизайна

Отсюда выводится диалектическая взаимосвязь предметной сферы и среды и, соответственно, предметного и средового проектирования. Средовое проектирование, являясь по своей природе более интегративным, чем предметное проектирование, тем не менее, не может его заменить. Предметному типу проектирования соответствуют исторически сложившиеся и профессионально обособившиеся виды дизайна: инженерный

дизайн, промышленный дизайн, дизайн костюма и высокой моды. Средовому типу проектирования соответствуют профессионально дифференцированные виды дизайна; объекты которого обнаруживаются как в естественной среде – ландшафтный дизайн и фитодизайн, так и в искусственной среде – дизайн внешней архитектурной среды, включая малые архитектурные формы, и дизайн интерьеров.

В отличие от предметного дизайн-проектирования в процессно-коммуникативном типе дизайна создаются артефакты, во-первых, обладающие высоким коммуникативным потенциалом, во-вторых, предназначенные только для функционирования в сфере коммуникации и вне этой сферы не имеющие никакого утилитарного значения, например, рекламные щиты, выставочные стенды. Процессному типу дизайн-проектирования соответствуют уже сложившиеся специализированные виды дизайна: графический дизайн, экспо-дизайн, сценический дизайн.

Действительно, типы и виды дизайна в рассматриваемой модели определяются в соответствии с типологией проектируемых объектов. Но их классификация не является одномерной (чисто объектной), а превращается в двухмерную, где представлен также субъектно-объектный признак, отражающий наличие субъектов в каждом из видов проектирования, а также интеграцию их деятельности в зависимости от вариативности решаемых задач.

Данная модель дает не только целостное представление о структуре и функциональных особенностях дизайна, но и определяет интеграционные связи дизайна с другими видами проектирования, прежде всего на основе парных взаимодействий: архитектурный дизайн - архитектурное проектирование, промышленный и инженерный дизайн – инженерное проектирование, коммуникативный дизайн – социальное проектирование и т. п. Вместе с тем с методологической точки зрения дизайн «встраивается» в общую систему проектирования не только в указанных «пограничных» областях, а как определенная подсистема в общей системе проектирования.

В этом плане представляется весьма важным с гносеологической точки зрения рассмотрение существующих моделей проектирования. На основе анализа традиционных моделей проектирования в инженерии и архитектуре, в частности, традиционной модели Ф. Ханзена, переходных моделей Д. Диксона и П. Хилла, а также системных моделей проектирования Д. Джонса, В. Гаспарского и Я. Дитриха, в результате их методологического осмысления П. И. Балабановым предложена системно-деятельностная модель проектирования [1, с. 28–79]. Применительно к дизайн-проектированию идеи системного подхода получили воплоще-

ние в модели дизайн-программы, разработанной сотрудниками ВНИИТЭ [2, с. 73–77]. Данная модель дизайн-программы, предназначенной для проектирования комплексного социально-культурного объекта, представляет собой единство четырех взаимосвязанных функциональных блоков: проблемно-целевого, концептуального, организационного, проектного.

При определенной тождественности ряда элементов системно-деятельностная модель проектирования, разработанная П. И. Балабановым, дает более целостное системное описание проектирования. Во-первых, в этой модели более четко представлен основной системообразующий фактор – цель проектирования, вытекающая из социального заказа, из осознания проблемной ситуации, и направленная на создание артефакта, приводящего к разрешению проблемной ситуации. Во-вторых, система проектирования, обусловленная проблемной ситуацией и спецификой артефакта, представлена как единство деятельностной и системной организации. В-третьих, проектирование представлено двумя уровнями – уровнем концептуального проектирования (сфера формирования идей) и уровнем перцептуального проектирования (сфера традиционного проектирования).

Рассмотрение особенностей системного проектирования ставит вопрос о том, каким образом разработанная нами модель дизайна коррелируется с указанными моделями проектирования. Она может быть соотнесена с системно-деятельностной моделью проектирования прежде всего на уровне социального заказа и на уровне функционирования артефактов. Социальный заказ, в интерпретации П. И. Балабанова, понимается как специфическая сфера духовно-практической деятельности субъекта проектирования, обеспечивающая связь проектирования с системой культуры через осознание проблемной ситуации и формулирование цели проектирования. Поэтому разработанная нами структура представляет собой своеобразный «онтологический слой» и поле проблематизации дизайна, источник возникающих и осознаваемых противоречий. Таким образом, рассматриваемая нами модель дизайна отражает сферы возникновения проблемных ситуаций, их осмысления и целеполагания, типологию и поле функционирования артефактов, разрешающих проблемную ситуацию.

Однако для всестороннего анализа сущности дизайн-проектирования как феномена проектировочной реальности недостаточно ограничиться рассмотрением только структурно-функциональных особенностей дизайна. Структура и функции дизайна должны быть соотнесены с его процессуальной моделью, отражающей основные стадии и уровни проектирования. В качестве исходного методологического основания была

взята системно-деятельностная модель проектирования, разработанная П. И. Балабановым. Но применительно к дизайн-проектированию данная модель была реконструирована не только с точки зрения ее визуальной формы, но и по содержательно-смысловым основаниям (см. рис. 2).

Основная идея разработанной модели дизайн-проектирования заключается в визуальном представлении взаимосвязанных процессуальных блоков: осознание проблемной ситуации, концептуальное проектирование, перцептуальное проектирование, функционирование артефактов. Эти компоненты, отражающие циклический характер проектирования, акцентируют внимание на основных этапах деятельности субъекта дизайн-проектирования. Поэтому деятельностная и системная структуры проектирования обеспечивают оптимизацию усилий субъекта, что соответствующим образом отражено в модели, где они создают своеобразное «поле», условия функционирования субъекта. Вторая особенность модели состоит в том, что процессуально-операциональные блоки взаимосвязаны между собой и взаимно обусловлены. В модели П. И. Балабанова концептуальное и перцептуальное проектирование представлено в виде дискретных единиц, связь между которыми осуществляется через деятельностную и системную структуры. В нашей модели эти уровни проектирования непосредственно взаимосвязаны, так как в дизайне между концептуальным и перцептуальным проектированием невозможно установить четкую границу, поскольку концептуализация очень часто сопровождается визуализацией и наоборот.

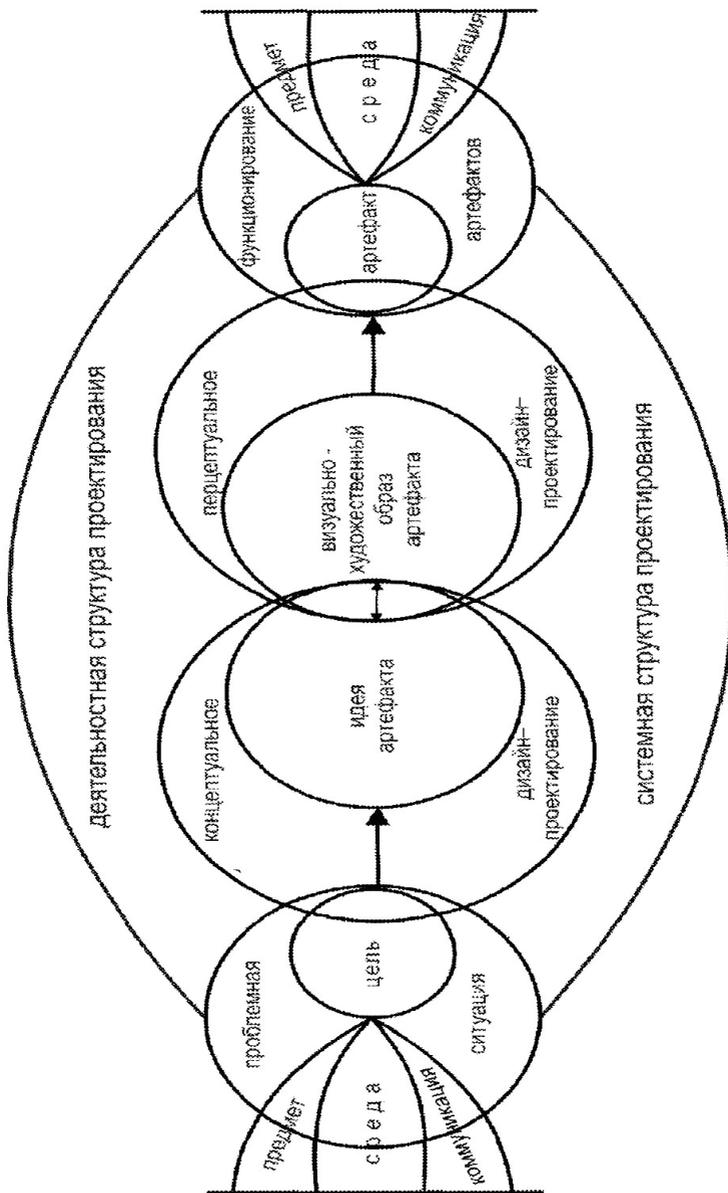
Третья особенность модели состоит в том, что в ней предпринята попытка визуализировать взаимосвязь процесса и результата на уровне каждого функционально-процессуального блока. Осознание проблемной ситуации в дизайне связано с установлением противоречия между сложившейся предметно-пространственной системой и общественными потребностями, личностным мироощущением дизайнера, не укладывающимися в эту систему. В результате сложных познавательно-аналитических процессов по осознанию проблемной ситуации формулируется цель дизайн-проектирования. Цель предполагает разработку и создание артефакта, функционирование которого приводит к желаемым изменениям в предметно-пространственной системе. Кроме того, цель является одним из основных системообразующих факторов, обуславливающих деятельностную и системную структуру проектирования.

На уровне концептуального проектирования целью и результатом выступает разработка идеи артефакта как основного ядра проектной концепции. В блоке перцептуального проектирования результатом следует считать создание визуально-художественного образа артефакта в процес-

се визуализации концептуальной идеи. Визуально-художественный образ артефакта материализуется и фиксируется в дизайн-проекте либо в графической форме, либо с помощью объемно-пространственных макетов в зависимости от объекта проектирования. В предметном дизайне проект отражает принципы и стилистику формообразования предмета, его конструктивное и колористическое решение, основные функции и материалы. В средовом дизайне проект представляет визуально-художественный образ ландшафтной территории, внешней архитектурно-художественной среды или образ интерьеров, выполненных с помощью перспективных или аксонометрических изображений, планов, разверток, макетов. В графическом дизайне проект, как правило, содержит плоскостные или объемные изображения: фирменные и товарные знаки, серии плакатов, образцы полиграфической продукции, рекламы, упаковки и т. п.

Как субъективная проектировочная реальность дизайн находит выражение в актах познания, мышления, творчества. Дизайн-проектирование можно рассматривать как единство познавательной и творческой деятельности. Причем особенность познания в дизайне заключается в том, что в познавательном процессе органично сочетается и научное, и художественное познание. Научное познание наиболее ярко может быть представлено на уровне осознания проблемной ситуации и на уровне концептуального проектирования. Более того, Е. А. Розенблюм считает, что наряду с различными трактовками дизайн может иметь и такую: «Одним из исходных принципов работы Сенежского семинара является убеждение, что проектирование может и должно быть особым видом экспериментально-теоретического исследования. Каждое успешное практическое решение должно открывать и новые перспективы в теории» [3, с. 24].

В дизайн-проектировании при сохранении относительной автономности художественное познание и художественное творчество самым непосредственным образом взаимосвязаны. Более того, целый ряд исследователей рассматривают художественное творчество как единство художественного познания объекта и его художественного моделирования, преобразования. Поэтому в дизайне художественное познание может выступать как относительно самостоятельный вид деятельности на отдельных этапах проектирования, например, на этапе осознания проблемной ситуации, а с другой стороны, художественное познание пронизывает творческий процесс и на уровне концептуального проектирования, и особенно на уровне перцептуального проектирования, когда формируется визуально-художественный образ артефакта и воплощается в знаково-символической форме дизайн-проекта. Визуально-художественные образы в

Р и с. 2. Системно-деятельностная модель дизайна

дизайн-проектировании формируются в соответствии с тремя основными объектными сферами: образы предметного мира, образы визуально-пространственной среды, образы визуальной коммуникации. Разумеется, выделение этих сфер функционирования визуально-художественных образов достаточно условно и диктуется, прежде всего, гносеологическими соображениями. В проектировочной реальности наметилась тенденция комплексного непрерывного дизайн-проектирования, интегрирующего объектные сферы и формирующего интегральный визуально-художественный образ предметно-пространственного окружения.

«Художественное познание – не наглядная иллюстрация научного познания, а самостоятельное освоение и постижение правды жизни. Искусство не является ни низшей формой и ступенью познания, ни гносеологической планетой, которая светит отраженным светом заемного знания... Противопоставление художественного и научного познания является необоснованным, ненаучным...» [4, с. 259–260].

Взаимосвязь в дизайн-проектировании научного и художественного познания обусловлена следующими факторами. Во-первых, сложностью и многокомпонентностью процесса дизайн-проектирования, наличием различных этапов, где формируются концептуальные идеи в результате аналитико-синтетической деятельности и вырабатываются визуально-художественные образы, воплощающие эти идеи. Во-вторых, проектным характером дизайна, требующим не только познания существующей реальности, но и постоянного моделирования будущего состояния объектов дизайна, что предполагает активное включение в познавательно-творческий процесс как научного, так и художественного воображения. В-третьих, отражением в проектном знании всеобщего и единичного, рационального и эмоционального, типического и индивидуального, что требует всестороннего подхода в единстве научного и художественного познания.

Литература

1. Балабанов П. И. Методологические проблемы проектировочной деятельности. – Новосибирск: Наука, 1990. – 200 с.
2. Рунге В. Ф., Сеньковский В. В. Основы теории и методологии дизайна: учебное пособие. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 252 с.
3. Розенблюм Е. А. Художник в дизайне. – М.: Искусство, 1974. – 176 с.
4. Лилов А. Природа художественного творчества. – М.: Искусство, 1981. – 480 с.

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Павлюк Н. С. (Кемерово, КемГУКИ)

Интенсивные программы обучения в вузе: опыт и перспективы организации

Размышляя о социально-культурном образовании, мы чаще говорим о нем, используя атрибуты «гуманитарное», «гуманистическое», «педагогическое», «технологическое». Но главным фактором, составляющей профессионального мастерства специалиста социально-культурной сферы является его умение строить субъектно-субъектные отношения. Поэтому важнейшей задачей профессионального образования становится задача развития коммуникативных, организаторских, креативных способностей будущих специалистов.

Как признают большинство исследователей, анализирующих эту проблему, ни в детском саду, ни в процессе обучения в школе, ни в семье, как правило, не выстраиваются подлинно партнерские отношения между ребенком и взрослым. Ребенок чаще всего является объектом педагогического воздействия со стороны взрослого. Естественно, что, вырастая, такой человек начинает реализовывать стратегию взаимоотношений с окружающими: стратегию руководства-подчинения, либо подчинения-руководства. С этим жизненным опытом человек приходит в наш вуз, где, как уже отмечалось выше, главной задачей является формирование коммуникативных способностей, умение и желание действовать на равных, поддерживая атмосферу коллективного сотворчества.

Многолетние наблюдения позволяют сделать вывод о том, что современная система организации учебного процесса в вузе не в полной мере располагает к подлинно личностным коммуникациям студент-преподаватель, студент-студент.

Как выйти из этой ситуации? Не вызывает сомнения, что кардинальное изменение системы подготовки кадров для социально-культурной сферы – процесс длительный и сложный, как и процесс реформирования всей отрасли культуры. Однако уже сегодня в структуре вуза можно выделить группы студентов, ориентированных на собственный личностный рост и технологии личностного роста своих будущих и настоящих посетителей. Наиболее готовы к такому типу образования студенты-практики, имеющие среднее специальное профильное и даже непрофильное образование. Они, в отличие от вчерашних выпускников школ, прошли ста-

дию профессионального самоопределения, имеют устойчивую профессиональную мотивацию, определенный технологический опыт, который могут подвергнуть в образовательном процессе критическому осмыслению. Большинство преподавателей, работающих с такими группами, отмечают, что основной мотив в обучении этих студентов – это информационно-эстетический. Однако следует учитывать, что именно эти студенты ориентированы на узкопрофессиональный подход, на усвоение конкретных технологий, а не на личностный рост и развитие коммуникативных (новых) знаний и способностей. Их отличает отсутствие интереса к самостоятельной исследовательской, поисковой работе. В основном они выступают активными потребителями знаний преподавателей. Поэтому именно эту группу студентов целесообразно выделять в особую группу интенсивного образования. Группа получает возможность в сокращенные сроки пройти обучение без отрыва от производства в пределах государственного стандарта. Сокращенные (ускоренные) сроки обучения не препятствуют выполнению учебного плана по заочному обучению в полном объеме. Обучение в таких группах необходимо строить на других подходах.

Рассмотрим десятилетний опыт работы в таких группах культурологического факультета нашего вуза. Образовательный процесс в таких группах строится по образцу «малых контактных групп». Причем такой подход в большей степени сложился не закономерно, а случайно из-за небольшой численности студенческих групп. Однако он оказался очень эффективным, т. к. в таких группах культивируется установка на диалоговые формы обучения, совместное планирование содержания и видов учебной деятельности по вузовскому блоку «Дисциплины специализации», специальных курсов, курсов по выбору, факультативов. Именно в таких группах проходит апробация задач организационного, психологического, технологического планов. Как правило, многие инновационные методики преподаватели испытывают здесь, и от полученных результатов зависит их последующее внедрение.

Эффективность образовательного процесса в таких группах повышается за счет того, что буквально с начала обучения каждый студент определяет тему своего будущего дипломного исследования, при этом выбирается и назначается научный руководитель. С этого момента каждый преподаватель исполняет роль «тьютора» и несет ответственность не только за подготовку дипломного проекта, но, по существу, курирует учебную деятельность студента в течение всего процесса обучения, помогая ему выстраивать конструктивные диалоговые отношения со всеми.

Особым образом идет и подбор преподавателей для ведения занятий в таких группах. Как правило, это не только высококвалифицированные специалисты, но и прекрасно знающие специфику профессиональной подготовки по данной образовательной программе и профилирующие свои курсы, умеющие выстраивать отношения на конвенциональном уровне. При описанных формах организации учебного процесса удастся достигнуть такого понимания студентом обучения, где каждый последующий блок учебного плана становится фундаментом для последующего, не только в плане содержания, но и формирования коммуникативных навыков.

Наш опыт убеждает, что обучение в таких группах дает положительный результат. Студенты, прошедшие обучение в группе ускоренной (интенсивной) подготовки, успешно защищают дипломные работы, демонстрируя при этом, по мнению государственной комиссии:

- более высокий уровень проектного мышления;
- умение осуществлять социологический анализ социально-культурных процессов;
- умение прогнозировать потребности в новых социально-культурных услугах;
- умение проектировать и осуществлять авторские методики обучения, воспитания, современные социально-культурные технологии.

Однако самым главным результатом мы считаем те изменения, которые складываются во взаимоотношениях как в профессиональной, так и в личностной сфере взаимодействия. У студентов складываются устойчивые эмоционально-личностные связи друг с другом и преподавателями.

Обобщая полученные результаты, хотелось отметить, что в основу организации образовательного процесса в группах ускоренной подготовки (мы назвали интенсивной) должны быть положены следующие идеи:

- 1) идея использования специфического профессионального потенциала и специфической мотивации работников социально-культурной сферы, желающих продолжить образование;
- 2) идея диалогичности, полилогичности образовательного процесса, ведущая к изменению содержания и форм организации образовательного процесса, архитектуры педагогического пространства;
- 3) идея сопровождения студента преподавателем, ведущая к изменению содержания и функций, форм работы преподавательского коллектива;
- 4) идея объективизации обучения, ведущая к внедрению системы менеджмента качества и рейтинговой системы оценки знаний студентов и преподавателей.

Реализации третьей и четвертой идеи обучения в таких группах требует создания коллектива преподавателей-единомышленников, которые принимают на себя ответственность за подготовку студентов. Коллектив преподавателей, работая по контракту, ведет работу по направлениям:

- разработка, совершенствование, корректировка, построенная по законам обратной связи, учебного плана, учебного графика, учебных программ;
- разработка специальных курсов, углубляющих, дополняющих основные курсы;
- планирование учебных курсов, дающих студентам возможность получить «веер» специализаций;
- приглашение для ведения занятий практиков-технологов, владеющих инновационными технологиями;
- осмысление проблем социально-культурных учреждений, направивших студентов на обучение, подготовка почвы для внедрения дипломных и курсовых проектов.

Цель работы коллектива преподавателей – эффективное и качественное удовлетворение потребностей социально-культурной сферы и, главное, студентов.

И самый главный итог такого обучения – это ориентация на образование на протяжении всей жизни. Получение высшего образования становится толчком к серьезному самообразованию, к постоянному интересу ко всему новому, к поиску и обогащению социально-культурных технологических моделей, в профессиональной практике специалиста.

Л. П. Салазкина (Кемерово, КемГУКИ)

Личностно-ориентированный подход к подготовке менеджеров социально-культурной сферы

Проблема подготовки специалистов социально-культурной сферы с каждым годом все более обостряется. Это связано, на наш взгляд, с тем, что сегодня квалификация – это не только профессиональные знания, умения и навыки, но и качества личности, востребованные данным видом профессионального труда менеджеров учреждений социально-культурной сферы. Следовательно, можно утверждать: современное высшее образование должно быть ориентировано на формирование личности, адекватной содержанию профессиональной деятельности. Реализовывать

такое профессиональное образование можно только при широком внедрении в практику *личностно-ориентированной концепции* образования [1]. Для этого необходима модель менеджера СКС. Студент должен знать, чему необходимо научиться, что освоить, чтобы стать профессиональным менеджером. Модель специалиста мы рассматриваем как норму или эталон общественно необходимых требований со стороны учреждений СКС, общества и личности к свойствам специалиста или норму требований к его квалификации. Эту норму требований можно квалифицировать по определенным признакам, например: что специалист должен знать; чем специалист должен владеть; о чем специалист должен иметь ясное представление; с чем специалист должен быть знаком; дополнительные требования (морально-этические, психолого-физиологические компетенции и т. п.).

Полученные глубокие теоретические знания студенту третьего курса дают право закрепить их на ознакомительной практике в учреждениях СКС или на предприятиях. Впервые встретившись с практической работой, студенту важно утвердиться в своем первоначальном выборе, не разочароваться. К сожалению, не все обучающиеся стремятся на ознакомительную, а затем и производственную практику в учреждения культуры сельских поселений.

В то же время, в связи с переходом многих учреждений культуры на новые экономические условия функционирования производственная практика в этих учреждениях клубного типа становится менее доступной.

В тех учреждениях культуры клубного типа, которые не возражали бы против проведения учебной, производственной и преддипломной практики студентов, наблюдается слабая профессиональная подготовка специалистов. В 2006 году в сельских учреждениях клубного типа Кемеровской области только 8 % специалистов имели высшее образование. Причем в отчетах не выделено высшее специальное образование.

В связи с обозначенными проблемами традиционное образование, при котором только на семинарах происходит закрепление теоретического материала, не позволяет студентам полностью освоить практические навыки.

Поэтому при подготовке специалиста на кафедре управления социальной сферы КемГУКИ используются личностно-ориентированные технологии обучения, создаются условия, при которых каждый студент может максимально реализовать свои возможности.

Освоение специальных дисциплин проходит с использованием ролевой игры. Создав «предприятия» на втором курсе, студенты в последующие годы обучения, «работая» на этих предприятиях, приобретают практические навыки, включаясь в игровую программу.

Методы игрового имитационного моделирования с использованием личностно-ориентированных педагогических технологий позволяют студентам разобраться в конкретных ситуациях деятельности учреждений культуры клубного типа, освоить основные элементы менеджмента и са-моменеджмента.

Личностно-ориентированное образование предполагает понимание и взаимопонимание. Истоки развития личностно-ориентированной технологии содержатся в положениях диалоговой концепции культуры Бахтина-Библера, которая объясняет отличие этих двух феноменов следующим образом: «при объяснении – только одно сознание, один субъект, монолог; при понимании два субъекта, два сознания, взаимопонимание, диалог» [Цит. по 2].

Фундаментальная же идея состоит в переходе от объяснения к пониманию, от управления к самоуправлению. Поэтому в используемом нами ситуационном обучении, когда перед группой студентов ставится бизнес-проблема или конкретная стратегия, требуется принятие правильного управленческого решения. Универсальность данной методики заключается в том, что разбор конкретных учебных ситуаций в аудитории и принятие управленческих решений позволяют студенту освоить методику воплощения теоретической концепции в практику клубной работы, развить навыки коммуникабельности, получить дополнительную информацию и практическую ориентацию обучения.

Не менее важным этапом освоения практических навыков является производственная практика студентов. На кафедре управления социальной сферы КемГУКИ разработана программа индивидуального практикума, которая состоит из двух частей: общей и частной.

В общей части представлено содержание практикума, которое обязательно должно выполняться всеми студентами. Частные программы составлены для практикума на конкретной должности студента-дублера: директора, заместителя директора, художественного руководителя, руководителей подразделений культурно-досуговой деятельности и детского отдела. Итоговым занятием прохождения практикума является «День самоуправления». В этот день студенты-дублеры занимают рабочие места руководителей учреждения, проводят плановые мероприятия этого дня. Они полностью решают все организационные и управленческие вопросы учреждения культуры.

Таким образом, мы убеждены, что инновационный личностно-ориентированный подход к получению квалификации менеджера с использованием индивидуального практикума позволяет активизировать притягательную силу творческой профессии работника учреждения культуры

клубного типа, развить умения решать вопросы управления комплексно на основе ситуационного и системного подходов, подготовить специалистов, умеющих проводить активные изменения в деятельности учреждений культуры клубного типа, а главное, помочь найти им свое место в этих учреждениях.

Литература

1. Сучков В. Модель инженера-строителя: компетентностный подход / В. Сучков, В. Иванов, Е. Корчагин // Высшее образование в России. – 2006. – № 12. – С. 110–115.
2. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов педагогических специальностей / под ред. В. С. Кукушина. – Серия «Педагогическое образование». – Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2002. – 66 с.

Курбатова Н. В. (Кемерово, КемГУКИ)

Преемственность в музыкальной подготовке учащихся немузыкальных специализаций (на примере кафедры СКД КемГУКИ)

Государственный образовательный стандарт 3-го поколения требует принципиально нового подхода к подготовке кадров работников социально-культурной сферы, направленности на формирование профессионального мастерства специалиста высшей квалификации.

За достаточно долгий срок существования на кафедре социально-культурной деятельности специализации «Педагогика детско-юношеского досуга» сложился определенный опыт работы по установлению взаимосвязей и преемственности в системе непрерывного образования школа-вуз. В этой статье речь пойдет о некоторых подходах в музыкальной подготовке абитуриентов – студентов данной специализации.

Вопросы музыкальной подготовки в системе непрерывного образования сегодня возникают не случайно, так как еще в 2002 году на заседании Совета при президенте РФ по культуре и искусству было отмечено, что уровень музыкальных пристрастий школьников крайне низок. По оценкам социологов, более всего дети слушают музыку с экранов телевизоров и аудиозаписи. Как показывают социологические исследования, это в основном так называемая «попсовая» музыка, крайне низкая по своему художественному и эстетическому содержанию, причем если раньше увлекались ею в основном старшеклассники, то сегодня этот возраст зна-

чительно понизился. Эта музыка буквально захлестнула эфир, рождает низменные инстинкты, разрушает неокрепшую психику детей, уродует их вкус. Таким образом, речь идет не только о музыкальном образовании, а о нравственном духовном воспитании подрастающего поколения.

К сожалению, сегодня наше государство в значительной степени утрачивает свое былое воспитательное влияние и его место незамедлительно занимает коммерция, преследующая только одну цель: всеми средствами извлечь из видео-, аудиозаписей финансовую выгоду и прибыль. По сути дела, в последние годы идет постоянная и неравная борьба за музыкальные вкусы и потребности детей со стороны образовательной школы, внешкольных музыкально-воспитательных учреждений, филармоний, телевизионного канала «Культура», радиостанции «Орфей» и, с другой стороны, – низкопробной музыкальной коммерческой продукции.

Музыка сама по себе, как явление, настолько сильна, что даже если в детстве она была для молодого человека за закрытой дверью, то в отрочестве он все равно распахивает эту дверь и бросается в рок- или поп-культуру, где насыщается тем, чего был лишен, а именно, подлинного самовыражения.

Необходимо спасать современного ребенка от «штампующей» среды массовой культуры: стандарт красоты, стандартный образ жизни, стандартные «бизнесмен» и «бизнесвумен». Вполне понятно, что бессмысленно, безнадежно просто «давать» детям в качестве альтернативы образцы высокой красоты и духовного образа жизни, не воспитывая в нем человека, способного противостоять стереотипам массовой культуры.

Никакого духовного очищения, глубокого познания музыки не произойдет, если детям просто начитать сведения о музыке, о композиторах, заучить что-то из биографий музыкантов, названия популярных произведений и т. п.

Так как же сделать, чтобы музыка, лучшие ее образцы, затронула самые глубокие струны души и сердце молодого человека, стала доступна и понятна, являясь отражением окружающей действительности, позволила понять эту действительность и самого себя в сложных жизненных обстоятельствах?

Важной ступенью в овладении детьми музыкальным искусством является школа, а уроки музыки – основная форма музыкального воспитания, которая не теряет своего значения.

Обратимся к некоторому опыту совместной работы Промышленновской муниципальной средней общеобразовательной школы № 56 и кафедры СКД (специализация «Педагогика детско-юношеского досуга») по музыкальной подготовке старшеклассников в системе непрерывного образования.

Начиная с 2001 года в созданном гуманитарно-культурологическом классе наряду с другими предметами («Режиссура детских культурно-досуговых программ», «Основы танцевальной культуры», «Досуговедение» и др.) преподается предмет «Основы музыкальной культуры» в 10–11-х классах.

Было сделано два выпуска: в 2003 и 2005 гг., 15 старшеклассников стали студентами нашей специализации. Курс рассчитан на два года по 36 часов, в основе лежат лекционные и практические занятия.

Исходя из концепции Д. Б. Кабалевского, подчеркивающего решающее значение развития у учащихся интереса к музыке, ее восприятия, формирования навыков выразительного исполнения музыки, а также опираясь на положения музыкальной эстетики, психологии, можно выделить три ведущие задачи: формирование эмоционального, сознательного и деятельно-практического отношения школьников к музыкальному искусству. Эти три задачи реализуются на основе развития восприятия музыки. Они подразумевают разные грани включения личности школьника в процесс овладения музыкальной культурой.

Первая педагогическая задача – формирование эмоционального отношения к музыке на основе ее восприятия. У школьников необходимо развивать эмоциональную отзывчивость на музыку, музыкальное чувство, тонкость эмоционального проникновения в образную сферу музыки; пробуждать активное стремление к усвоению знаний, приобретению умений и навыков; пробуждать интерес к выявлению связей между уроками музыки и жизнью. При решении этой задачи необходимо учитывать специфику эмоционального по своей природе музыкального искусства, значение эмоционального воздействия музыки в формировании у школьников потребности в общении с искусством.

Вторая педагогическая задача – формирование осознанного отношения к музыке. Школьнику важно приобрести опыт осознанного восприятия произведений; учить применять музыкальные знания; не только чувствовать и понимать характер музыкальных образов, логику их развития, а приблизиться к осознанию основы сочинения. Решение этой задачи связано с формированием у учащихся художественного мышления, с умением самостоятельно применять знания в новых ситуациях. Обе эти задачи реализуются в единстве: осознанное отношение к музыке формируется на основе опыта эмоционального, образного восприятия и наоборот.

Третья педагогическая задача – формирование деятельностно-практического отношения к музыке в процессе ее исполнения, прежде всего хорового пения, как наиболее доступной формы музицирования. Решение этой задачи предусматривает такую направленность формирования

музыкальной культуры школьников, которая связана у них с развитием конкретных музыкально-слуховых представлений и исполнительских навыков в процессе восприятия музыки. Важно предоставить учащимся широкую возможность почувствовать себя внутренне сопричастным к процессу музыкального творчества, воплощения художественного образа.

В практике занятий по предмету «Основы музыкальной культуры» все эти задачи взаимосвязаны, нельзя выделить ни одной из них, не затронув ее связи с другими.

На I этапе знакомства с учащимися 10-го класса необходимо выяснить их музыкальные предпочтения, музыкальные вкусы. Следует отметить, что современные сельские старшеклассники, так же как и городские, в основной своей массе предпочитают «попсу» во всех ее проявлениях, в меньшей степени народные песни, фольклор и лишь затем – классическую музыку, которую зачастую не воспринимают вообще. Вот почему на самых первых занятиях целесообразно обратиться к высоким образцам классической музыки для развития художественно-образного мышления различными приемами. Прежде всего, это система вопросов и заданий, помогающих раскрыть учащимся образное содержание музыкального произведения. Вопрос может выражаться через сопоставление музыкальных произведений между собой («Волшебное озеро» А. Лядова и «В пещере горного короля» из «Пер Гюнта» Э. Грига) или через сопоставление музыкальных произведений с произведениями других видов искусства («Картинки с выставки» М. Мусоргского с художественными иллюстрациями к ним).

Важна направленность вопроса: нужно, чтобы он заострял внимание ребят не на вычленинии отдельных средств выразительности (громко, тихо, медленно, быстро), а обращал бы его к внутреннему миру, чувствам, мыслям, впечатлениям, которые возникают под воздействием музыки. В этом плане возможны вопросы такого типа: «Помните ли вы свои впечатления, полученные от этой музыки на прошлом занятии?», «Что важнее в песне: музыка или слова?», «Каким ты себя чувствовал, когда звучала эта музыка?», «Где бы она могла звучать в жизни, с кем бы ты хотел ее слушать?», «Что переживал композитор, когда писал эту музыку? Какие чувства он хотел передать?», «Звучала ли у вас в душе подобная музыка? Когда?», «Какие события в своей жизни вы могли бы связать с этой музыкой?».

Важно не только задавать учащимся вопрос, но и услышать ответ, часто оригинальный, нестереотипный, возможно, противоречивый, не-

досказанный, но зато индивидуальный, личностно окрашенный, что для нас представляет несомненную ценность. Знакомство с жанрами музыкального искусства: вокальным, танцевальным, инструментальным, симфоническим – также происходит в сопоставлении с другими видами искусства – изобразительным, поэзией, прозой. Например: «Аве Мария» Ф. Шуберта – «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти – «Кто смел сказать, что не богиня ты?» Ивана Франко, перевод с украинского В. Звягинцевой, и т. п.

Первый год обучения заканчивается зачетом – практической работой – прослушивание классического симфонического произведения, его восприятие и ассоциативное воспроизведение его в сочинении (например, «Море» А. Глазунова).

Второй год преподавания предмета «Основы музыкальной культуры» посвящается творчеству великого русского композитора П. И. Чайковского. Содержанием занятий являются его бессмертные музыкальные произведения всех жанров, которые составляют золотой фонд мировой классической музыки. Практическая работа – подготовка и проведение литературно-музыкальной композиции «Природа в произведениях П. И. Чайковского».

Итак, восприятие музыкального образа школьниками должно быть педагогически организовано. При этом важнейшим ориентиром для преподавателя является эмоционально-образная сфера музыки, с учетом своеобразия которой он должен строить все звенья своей работы по развитию у ребят адекватного, тонкого и глубокого восприятия музыки. Особое внимание необходимо уделять подготовке учащихся к восприятию нового музыкального произведения. Обращение к родственным музыке видам искусства, живое поэтическое слово педагога о музыке являются средствами, которые помогают решению центральной проблемы музыкального обучения в школе – формированию культуры музыкального восприятия у школьников.

Вскоре некоторые из них становятся студентами специализации «Педагогика детско-юношеского досуга» кафедры СКД. Взаимосвязь предметов специализации – процесс целенаправленный и последовательный, основой которого является принцип «от простого к сложному». Именно такой подход к обучению открывает резервные возможности для решения профессиональной подготовки специалиста высшей квалификации. Конечная цель изучаемого курса «Музыка в культурно-досуговых программах» – научить студентов умелому, художественно полноценному использованию музыки, вооружить их практическими навыками, которые необходимы для музыкального оформления любого праздничного действия.

Этот курс тесно связан с такой дисциплиной, как «Сценарно-режиссерские технологии культурно-досуговых программ». Структурно он состоит из двух разделов: «Музыка как вид искусства» и «Музыкальная драматургия культурно-досуговых программ». Успешное изучение курса, понимание места и роли музыки как компонента культурно-досуговых программ возможно при условии знаний основ самой музыки как самостоятельного вида искусства, ее выразительных и изобразительных возможностей, знакомств с музыкальными жанрами и формами. Например: А. Петров, сюита № 3 из балета «Сотворение мира»; К. Дебюсси, «Три ноктюрна» (Облака. Празднества. Сирены); Р. Шедрин, «Романтическая музыка», «Анна Каренина»; П. Чайковский «Франческа да Римини» по «Божественной комедии» Данте, «V песнь Ада»; П. Чайковский, 6-я симфония «Патетическая»; С. Рахманинов, 2-й фортепианный концерт и т. п.

Систематическое и целенаправленное прослушивание и анализ таких музыкальных произведений на лекционных и практических занятиях не только позволяют развивать художественно-образное, ассоциативное мышление, фантазию личности, но и выступают как средство эмоционального, интеллектуального, нравственного развития студента.

I раздел, «Музыка как вид искусства», заканчивается индивидуальной работой над музыкальным оформлением прозы посредством привлечения для этих целей аудиозаписей, грампластинок, дисков и пр. Работа, озвученная подобным образом и записанная на магнитофонную ленту, представляется для анализа на практическом занятии.

Учебный материал II раздела предполагает изучение чрезвычайно важных тем курса, которые направлены на приобретение знаний, умений и навыков в музыкальном оформлении театрализованных игровых программ, композиций, обрядов и праздников.

Для разработок поэтических, литературно-музыкальных композиций студенты исследуют творчество поэтов, писателей, композиторов, музыкантов. Музыка здесь не является лишь художественным средством. Она наравне с литературным материалом оказывается частью действенной структуры каждого эпизода представления, а, следовательно, и драматическим элементом последнего. Музыка несет большие возможности для эмоционального возбуждения слушателей, воздействует на их воображение. Исследуя и отбирая музыкальный материал, студенты учатся правильно оценивать его жанровое и стилевое многообразие, понимать функциональное назначение музыки и наиболее эффективно использовать ее в своих программах.

На заключительном этапе изучения курса «Музыка в культурно-досуговых программах» студенты слушают и анализируют музыкальные спектакли, такие как «Незнакомка» (муз. Н. Богословского, текст и стихи

А. Блока;), «Маленький принц» Де Сент-Экзюпери, рок-оперу «Юнона и Авось» (муз. А. Рыбникова, сл. А. Вознесенского) и др.

Все это способствует ориентации студентов на профессиональную подготовку. При этом у них формируются навыки работы со специальной литературой научного и научно-методического характера, формируются творческая наблюдательность, эстетические чувства, эстетический вкус, эстетическое отношение к действительности.

Т. В. Зайцева (Кемерово, КемГУКИ)

Проблемы формирования коммуникативной культуры организатора досуга

Основным критерием оценки деятельности специалиста является его профессионализм. Человек, успешно овладевший профессией, осуществляет свою деятельность в соответствии с существующими в обществе нормами, требованиями, стандартами. На современном этапе развития социально-культурной сферы проблемы формирования профессионализма являются чрезвычайно актуальными. В настоящее время происходит научное переосмысление роли и места организатора досуга в социально-культурных процессах, уточняются функции, цели и задачи его деятельности; разрабатываются инновационные технологии досуга, осуществляется поиск эффективных средств и форм работы с целью повышения уровня всех структурных элементов профессионального мастерства специалистов сферы досуга.

Профессиональная деятельность организатора досуга осуществляется, прежде всего, через организацию двустороннего или многостороннего общения аудитории. В данном общении организатор досуга – это лидер, способный предложить предмет разговора, увлекательную задачу, поддержать угасающий интерес к происходящему действию, взять на себя инициативу, создать атмосферу взаимного доверия, непосредственности, доброжелательности, уважения. Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что значительная доля мастерства организатора досуга приходится на организацию общения, которое требует формирования высокого уровня коммуникативной культуры специалиста.

Под коммуникативной культурой организатора досуга мы понимаем специфический способ организации целенаправленного процесса получения, переработки и передачи информации в условиях межличностного

и массового общения по различным каналам с использованием различных коммуникативных средств (вербальных и невербальных).

В современной науке большое внимание уделяется вопросам психологии общения, рассматриваются психолого-педагогические основы лекторской деятельности, изучаются вопросы культуры речи, культуры общения. В работах Ж. Н. Смеловой, В. Е. Новаторова, Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, Ю. А. Стрельцова, Е. В. Руденского рассмотрена специфика досугового общения.

Однако в научной литературе нет единого подхода к определению понятия «коммуникативная культура». Чаще всего его подменяют понятием «культура общения», описывая технологии и методики организации общения, а не коммуникативной культуры. Поэтому, на наш взгляд, данная проблема требует доработки. И, прежде всего, в уточнении данного понятия.

Наибольший интерес вызвали работы Г. М. Андреевой, А. В. Петровского, А. В. Соколова, С. В. Бориснева, в которых общение рассматривается как совокупность трех различных процессов: перцепции, коммуникации и интеракции. Каждый из процессов несет определенную смысловую направленность. Так, коммуникация определяется как процесс передачи информации эмоционального и интеллектуального содержания, перцепция – процесс восприятия, способствующий взаимопониманию, интеракция – организация взаимодействия между участниками общения. Данная позиция позволила нам сформулировать рабочее определение интересующего нас понятия.

Мы считаем, что в изучении проблемы формирования коммуникативной культуры организатора досуга необходимо использовать результаты, полученные в смежных областях исследования. Коммуникативная культура всегда была объектом пристального внимания философов, психологов, педагогов, культурологов. В настоящее время каждая из этих наук рассматривает общение относительно главного объекта своего исследования. Философов интересуют проблемы, связанные с потребностями современного общества в различных формах общения, механизмы использования навыков общения в разнообразных ситуациях, а также пути повышения уровня коммуникативной культуры. Социологи изучают общение с точки зрения процесса, способствующего приобщению человека к той или иной социальной группе. Рассматривают законы, по которым организовывается процесс общения, описывают разновидности форм данного процесса и их структуру. Психологи и педагоги исследуют вопросы влияния общения на формирование личностных качеств человека. Культурологи разрабатывают приемы повышения уровня культуры речи, культуры общения, этикета в культуре общения.

Исследование данной проблемы, на наш взгляд, должно основываться на целостном осмыслении деятельности организатора досуга, основными компонентами которой являются его личностные и профессиональные качества. Согласно принципу системного подхода, прежде всего, следует акцентировать внимание на структуре и функциях частей в их отношении к целому. Перед нами стоит задача выделить коммуникативную культуру из системы совокупности и взаимодействий качеств организатора досуга, рассмотреть ее структуру и функции, а также системно-образующие связи между компонентами коммуникативной культуры и пути повышения их уровня.

Как системное образование коммуникативная культура выступает в диалектическом единстве с деятельностью организатора досуга, создающего материальные и духовные блага в контексте социально-культурной деятельности. Невозможно определить уровень профессионального мастерства организатора досуга, а следовательно, и коммуникативной культуры, без анализа процесса и результатов его профессиональной коммуникативной деятельности. Это определяет еще один аспект в изучении проблемы формирования коммуникативной культуры организатора досуга.

Специалист, обладающий коммуникативными навыками, способен регулировать свое поведение и отношения со всеми участниками организации и проведения культурно-досуговых программ, что является важным фактором в достижении поставленных целей, а также удовлетворения потребности аудитории в общении. Поэтому, на наш взгляд, коммуникативная культура требует анализа всей полноты ее проявлений в профессиональной деятельности организатора досуга.

Важным показателем уровня коммуникативной культуры, по нашему мнению, являются навыки речевой деятельности, как устной, так и письменной. Способность формулировать свои мысли, создавать авторский текст всегда рассматривалась как наиболее ценное качество организатора досуга. Изучение текста как канала связи между специалистом и аудиторией определяет еще одно направление в изучении коммуникативной культуры.

В культурно-досуговой деятельности некоторые высказывания способствуют регуляции деятельности и поведения зрительской аудитории. Для того чтобы организовать эффективное общение, организатор досуга должен уметь строить особые конструкции высказываний, способствующих достижению запланированного результата воздействия на аудиторию. Причем это может быть не только убеждение, но и сопереживание, сочувствие, активное включение в действие.

Полученные результаты исследования позволяют разработать модель коммуникативной культуры организатора досуга, а также технологию ее формирования в процессе получения образования. Наиболее актуальным подходом к формированию коммуникативной культуры организатора досуг в современных условиях модернизации содержания образования, оптимизации способов и технологий организации образовательного процесса и, конечно, переосмысления цели и результата образования является компетентностный подход.

В последнее время появились крупные научно-теоретические и научно-методические работы, в которых анализируются сущность компетентностного подхода и проблемы формирования ключевых компетентностей, однако понятийный аппарат, характеризующий смысл компетентностного подхода в образовании, ещё не устоялся. Тем не менее можно выделить некоторые существенные черты этого подхода.

Практическая направленность компетентностного подхода предполагает, что для результатов образования важно знать не только ЧТО, но и КАК делать. Другими словами, компетентностный подход усиливает практико-ориентированность образования, его прагматический, предметно-профессиональный аспект. Для обновления содержания образования необходимо отобрать универсальные, переносимые компетенции, которые имеют надпредметный характер. Эта проблема становления ключевых компетенций является одной из центральных в реализации компетентностного подхода.

А. В. Хуторской рекомендует разделять понятия «компетенция» и «компетентность», имея в виду под компетенцией заданное требование (норму) к образовательной подготовке обучаемого, а под компетентностью – уже состоявшееся его личностное качество (совокупность качеств) и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере. Компетентность это не столько совокупность знаний, умений и навыков в отношении к реальным объектам и процессам, а сколько готовность и способностью применять их.

Организатор досуга – это, прежде всего, специалист, свободно ориентирующийся в мировом информационном пространстве, имеющий необходимые знания и навыки для того, чтобы осуществить поиск, хранение и использование информации, трансформировать информацию, видоизменять её форму, представление, знаковую систему, работать с разнообразными носителями информации, переводить вербальную информацию в невербальную и наоборот, использовать для этих целей современные информационные технологии, компьютерные коммуникации и системы.

Поэтому коммуникативная культура специалиста должна включать такие ключевые компетентности как:

1) вербально-когнитивная компетентность (способность обрабатывать, группировать, запоминать и при необходимости вспоминать сведения, знания, фактические данные, прибегая к языковым обозначениям, художественным и музыкальным образам, игровому материалу и т. п.);

2) лингвистическая компетентность (наличие большого активного словарного запаса специалиста, способность ясно и четко излагать мысли; способность убеждать, аргументировать, строить доказательство; способность выносить суждения, анализировать высказывание.);

3) коммуникативная компетентность (способность слушать и слышать, способность понять чувства и настроение другого человека, способность к эмпатии, способность к рефлексии и саморефлексии, способность взаимодействовать в процессе общения, способность увлечь за собой, способность общаться в конфликтных ситуациях, способность управлять своим поведением в общении).

Анализ слагаемых коммуникативной компетентности дает возможность сделать вывод о том, что владение ими действительно позволяет организатору досуга реализовать себя в профессиональном общении. Коммуникативная культура – сложное многоуровневое понятие, формирование которого тесным образом связано с технологизацией процесса обучения. Проектирование обучения в вузе не только предусматривает овладение студентом теоретических основ профессиональной деятельности, но в ходе ее рефлексивного анализа предполагает осмысление практики для дальнейшего обучения.

Основными критериями эффективности использования компетентностного подхода можно назвать следующие:

- соответствие проектируемого содержания коммуникативной подготовки для обеспечения профессиональной деятельности специалиста;

- соответствие форм организации учебного процесса в вузе формируемым коммуникативным способностям профессиональной деятельности;

- соответствие уровня коммуникативных навыков для обеспечения эффективного общения.

Преимуществами компетентностного подхода к формированию коммуникативной культуры являются:

- развитие коммуникативной компетенции и самостоятельной научно-исследовательской деятельности;

- технологическая ориентация специалиста на конкретное место работы.

Изучение и применение коммуникативных технологий в процессе своей деятельности позволит организатору досуга быстро и эффективно организовывать разнообразные виды общения (зритель-герой, участник игры – зритель, между участниками игры, между зрителями, между героями) за небольшой временной промежуток. А именно, просчитывать все возможные варианты общения, выбирать из них наиболее приемлемые для данной аудитории, изменять тактику своего выступления относительно выбранного варианта, добиваться доступной формы изложения материала, используя оригинальные, нестандартные, привлекающие к себе внимание зрителей фразы, выстраивая свое выступление с учетом возраста аудитории, глубины знаний зрителей, готовности к восприятию ими информации.

Насонова М. Е. (Кемерово, КемГУКИ)

Социально-культурные аспекты формирования творческого мышления дизайнеров и архитекторов

Архитектурно-дизайнерское проектирование – соединение науки и искусства. Учебное проектирование – интеграция учебной деятельности студента и профессиональной деятельности педагога-архитектора. Оптимальным методом перехода от учебной к профессиональной деятельности представляется педагогическая технология теории контекстного обучения.

Логический центр – ее развивающаяся личность будущего специалиста, как активная сила мыслительных и поведенческих стратегий, для решения профессиональных проблем.

Педагогическая технология теории контекстного обучения состоит из трех типов взаимосвязанных обучающих моделей:

- 1 – семиотическая
- 2 – имитационная
- 3 – социальная.

Семиотическая модель включает систему творческих заданий при работе с «текстом» (термин приводится в «историческом» значении и предполагает любой объект: здание, парк, картину, либо реальный текст, либо изображение). Дисциплины – история архитектуры и история искусства предполагают использование в курсе средств мультимедиа, зрительного ряда, вызывающих эмоциональный отклик, затем описание профессиональной проблемы, ее анализ и определение возможных путей решения. Это база профессионализма, объединенная межпредметными связями.

Рассматриваемый текст, например, картина (подлинник в музее или иллюстрация в книге, экран видео или монитора), является средством развития творческого, профессионального мышления. Встречаясь лицом к лицу с образами и чувствами автора, преподаватель старается стать «невидимкой», создать атмосферу, не навязывая вкусов и мнений. Он всего лишь посредник между искусством и учеником. Цель состоит в том, чтобы ученик вообрал всю красоту, всю боль и страсть и воспринимал искусство как свое открытие, чтобы поднялся с колен стереотипов обывателя до вершин профессионализма, разглядел то, что до него никто не видел, и это понимание донес до других в своем профессиональном будущем.

Основное внимание обращается на анализ, сравнение, осмысление и обоснование своей точки зрения. Главное – научить мыслить критически, свободно, иметь свое лицо. Дизайн – это прежде всего идея, замысел. Для этой цели используется форма комбинированного урока с системой развивающих вопросов-задач.

Традиционная подготовка сообщений и рефератов способствует развитию теоретической и информационной базы будущего специалиста, но не дает навыка практического использования знаний. Для этого и служит следующая модель – имитационная.

Имитационная модель имеет цель – достижение практического результата в формах учебного профессионального моделирования, и здесь помимо традиционных методов графического моделирования используется компьютер и профессиональные программы, такие как 3D studio MAX, Archicad. **Акцентируя внимание на творческой индивидуальности, оригинальности при решении профессиональной задачи, являющейся прототипом учебного задания на проектирование, моделируется процесс аналогично реальному процессу проектирования специалистом.**

Опыт практического применения теории контекстного обучения при подготовке техников-архитекторов и дизайнеров рассматривается на примере творческой работы по дисциплине «История искусства» (тема: «Проблемы создания гармоничного произведения на примере изучения архитектурного пропорционирования древнегреческого храма Парфенон с использованием ПК»), выполненной студентом 1-го курса, отделения дизайна и архитектуры Кемеровского архитектурно-строительного техникума Кузнецовым А. В., под руководством преподавателя специальных дисциплин Насоновой М. Е.

Творческая работа, выполненная как самостоятельный углубленный поиск истины в рамках дисциплины «История искусства», ставит своей целью понять и возобновить в виртуальной реальности, каким образом

древние греки добились создания столь гармоничного произведения, как Парфенон.

История искусства – теоретическая дисциплина, закладывающая базу профессиональных знаний и умений будущих дизайнеров. Такие фундаментальные понятия, как стиль и стилизация, пространство и композиция, пластика, ритм, цвет, свет, контраст и нюанс, поверхность и фактура, формируются на начальных этапах образования и по мере углубления в профессиональную практику становятся приемами и принципами преобразования среды.

Особенностью такой специальности, как «Дизайн», является ее существование как бы в двух мирах – в области чистого искусства и техники. «Техническая» группа не случайно занимает место после «художественной». Она означает перевод художественных ценностей на практический язык, претворение замысла в жизнь.

Главной задачей дизайнера является сохранение «красоты», всего того, что наработано вековым опытом человечества, и как бы ни хотелось каждому последующему поколению подняться выше, найти свои законы красоты, сменяются эпохи, но снова возвращается гениальная в своей простоте и элегантности колонна Древней Эллады.

Возрождение классического искусства Греции на рубеже XIV–XV веков дало название целой эпохе в истории человечества. А затем классицизм, а позже и неоклассицизм повторяли уроки прошлого.

Понятие «классический» подразумевает глубокую цельность, не позволяющую ни добавить, ни убавить, не разрушив целостности произведения. Простота и ясность форм и планов, рождающая ощущение гармонии и достигшая совершенства в знаменитом Парфеноне, привлекает и в настоящее время художников, архитекторов, дизайнеров.

Рассматриваемая творческая работа была проведена в несколько этапов согласно теории контекстного обучения.

Семиотическая модель позволила углубиться в теоретические изыскания – изучить архитектурные детали ордера, мулюры, историю создания и место Парфенона в ансамбле Афинского акрополя, скульптурное убранство храма. Она настолько эмоционально наполнена личными чувствами общения с Парфеноном, что невозможно не цитировать автора, постигшего «тайнство лучшего дома в мире»:

«Архитектурное пропорционирование в Древней Греции носило двойной характер. Оно отвечало не только эстетическим, но и утилитарным потребностям строительства. Пропорциональная система храма определяла и гармоничное построение его общих архитектурных форм, являясь основным средством гармонизации архитектуры, и простую их разбивку

на строительной площадке, служила своеобразным инструментом при выполнении строительных работ. И что самое удивительное – отвечает нашей системе построения чертежей! Все три пропорциональные схемы находятся в четкой проекционной связи.

Когда сам принимаешь участие в создании Парфенона, или хотя бы его модели, тогда можешь представить всю сложность его создания. Любая его часть живет своей жизнью, но в то же время является составляющей единого организма, ведь Парфенон словно живой человек, он многое может рассказать о себе, о своих создателях и о своем времени, не промолвив и слова. Парфенон не подавляет своими размерами... Храм с самых первых дней говорит о том, что он создан для чего-то божественного и великого. Полуметровые ступени Парфенона называют ступенями богов. Божественность Греции не абстрактна. Греческие боги – мы сами. Небоскреб подавляет, до ступени Парфенона хочется дорасти. Можно ли описать Парфенон? О нем сказано много. Сказанное правильно. Но слово однозначно, а он многообразен, как человек. Сказать «мой Парфенон» – пошло. Он свой для каждого, но один для всех. Есть забытое слово «тайнство». Таково личное общение с Парфеноном. Это лучший дом в мире».

Приступить ко второму этапу имитационной модели контекстного обучения на 1-м курсе в первом семестре на теоретической дисциплине «История искусства» могла подвигнуть только эта эмоциональность, этот неподдельный интерес к искусству.

На основе исторических знаний, основных понятий и приемов архитектурной композиции, архитектурно-планировочных решений, полученных на уроках истории искусства, и большой самостоятельной работы по изучению архитектурного пропорционирования древних греков Кузнецов Антон, используя персональный компьютер, как бы заново проектирует древнегреческий шедевр – храм Парфенон.

Воплощая замысел в трехмерной графике, проводит огромную планомерную работу, причем прорисовка и расчет изображения в окнах проекции программы происходит невероятно медленно из-за недостатка мощности аппаратных средств компьютера. Окна проекции являются одним из основных элементов интерфейса, позволяющие представлять при проектировании трехмерную сцену с различных ракурсов, добиваясь наилучшего соответствия образа объекта замыслу. Инструменты управления окнами проекции позволяют как бы перемещаться вокруг моделируемой сцены. Используя примитивы стандартных средств программы, создаются базовые составные части храма с дальнейшим видоизменением и пропорционированием, что является дизайнерским подходом к фор-

мообразованию. Досконально изучив возможности визуализации в программе 3D Studio MAX, **Антон детально прорабатывает все приемы построения пространственной композиции, формообразования, восприятия, учитывая приемы устранения оптических иллюзий и другие профессиональные секреты зодчих Эллады.** С помощью виртуальных видеокамер, находящихся в трехмерном пространстве, подобно человеку, стоящему рядом с греческим храмом, можно наблюдать с желаемых ракурсов созданную автором модель Парфенона.

Данная работа требует очень мощную современную техническую базу. Кузнецов Антон использует домашний компьютер, который очень далек по техническим характеристикам от профессиональной аппаратной системы, но добивается (при больших затратах времени на визуализацию) воплощения своего творческого замысла в жизнь. Постигнув личное «таинство» общения с Парфеноном и подарив нам возможность прикоснуться к вдохновившему его шедевру, он выполнил самостоятельно задуманную, творческую работу на высоком профессиональном уровне.

Социальная модель контекстного обучения предполагает защиту полученного результата в коллективных формах, лучшая форма для этого деловая игра – социальная модель профессиональной среды. Прежде всего это традиционная для архитектурного образования форма защиты курсовых проектов, предполагающая активное участие и преподавателей и студентов, в форме свободного микрофона в зале. Эффективна и интересна форма театрализованной персонифицированной деловой игры «Машина времени».

Например, со студентами третьего курса проводится открытое заседание градостроительного совета, в ходе которого разыгрывается тендер на застройку в конкретных градостроительных ситуациях реального времени и места в городе Кемерово. При подготовке были выбраны лучшие проекты по темам: коттедж, общественное и многоэтажное здание, созданные такими великими архитекторами, как Ле Корбюзье, Франк Ллойт Райт, Иосиф Хоффман, Иорн Уотсон. Их роли разыгрываются студентами, представляющими и графический материал в конкретной номинации. Градостроительный совет в составе приглашенных специалистов-консультантов: конструктора, экономиста, мэра, в лице студентов и архитекторов-преподавателей заслушивает авторские концепции, задаются многочисленные практические вопросы, в том числе и из зала. Подводя итоги заседания, градостроительный совет вручает победителям тендера права на застройку и «премии».

Социальная обучающая модель в творческой работе Кузнецова А. В. также проводилась в форме деловой игры в виде традиционной для проектировщиков защиты проекта от имени Иктина и Калликрата (зодчих Парфенона) на экране монитора. Доказывалось, что пропорционирование-основное средство древнегреческой архитектурной композиции и в то же время – инструмент для осуществления замысла на строительной площадке. А храм – это гармония совершеннейших размерных соотношений. Визуализация подтверждает это.

Творческая работа представлялась на городском конкурсе научных разработок студентов вузов и ссузов «Студенты в науке» в городе Кемерово, рассматривалась городской экспертной комиссией и получила высокую оценку.

В заключении на данную работу главного архитектора города Кемерово О. Г. Ражева отмечается: «Виртуальная реставрация памятников архитектуры, в отличие от реальной, требует меньших финансовых вложений, этот принцип можно использовать для восстановления и сохранения памятников истории и архитектуры в городе Кемерово».

На конкурсе методических разработок Кемеровского архитектурно-строительного техникума творческая работа рассматривалась как результат практического использования теории контекстного обучения при подготовке специалистов среднего звена – техников-архитекторов и дизайнеров. Данная разработка экспертной комиссией конкурса была рекомендована к печати и дальнейшему совершенствованию в практике применения современных профессиональных технических средств при овладении дисциплинами исторического и проектного направления. Их актуальность и взаимосвязь, преумноженная средствами ПК, позволяет получить профессиональный, аналитический и эмоциональный опыт творчества.

Творческое содружество, выросшее из традиционного: «преподаватель – студент» к профессиональному: «архитектор – техник-дизайнер» продолжается не только в рамках учебного процесса, но и при реальном проектировании, еще раз доказывает, насколько теория контекстного обучения сокращает сроки и улучшает качество подготовки будущих специалистов.

В этой же модели на таких предметах, как история искусства и архитектуры, проводятся деловые игры либо творческие работы «Встреча с заказчиком», закрепляющие полученные знания о важнейших исторических стилях и являющиеся подготовительным этапом к курсовому проектированию по теме «Коттедж» и архитектурно-дизайнерскому проектированию общественного здания и его интерьера.

В ходе использования этих моделей включается потенциал активности студента от уровня восприятия до принятия совместных решений. Творчество, полет фантазии, вдохновения, азарт поиска решений позволяют выйти на профессиональный уровень. Педагога привлекает сократовский метод обучения: совместный поиск истины, в диалоге учителя и ученика, будь то, история искусств или архитектурное проектирование; методика полноценного сотрудничества, демократический стиль отношений, развитие креативности мышления, общение с творческой личностью студента на профессиональном уровне.

Архитектура, дизайн – это сплав науки и искусства, а объединение этих двух начал создает неповторимый и многогранный облик специалиста с искрометной фантазией, способностью удивляться и радоваться, гибкостью и оригинальностью мышления, беглостью и разработанностью, критичностью и интеллигентностью, способностью открывать новое и находить выход из безысходного положения, то есть способностью творить.

В результате применения теории контекстного обучения на практике наилучшим образом моделируется профессиональное будущее техника-архитектора, дизайнера в Кемеровском архитектурно-строительном техникуме. «Архитектура – это не профессия, а образ мышления», – сказал Ле Корбюзье.

А. Д. Плюснин, В. И. Лукьянчиков (Барнаул, АлтГАКИ)

Социально-культурные технологии организации и оформления выставки

Выставка является важнейшей социокультурной формой, приобщающей человека не только к отдыху, культурному (интеллектуальному) способу проведения досуга, но и к экспонированию культурного наследия. Анализ социокультурного процесса в данной области дает основание сделать вывод об активизации выставочной деятельности в современных условиях. Это требует внимания к изучению феномена выставки. Известно, что термин «экспозиция» переводится как показ произведений искусства, исторических материалов, подобранных и выставленных (отсюда – «выставка») по определенной системе.

Разработка данной системы включает в себя организационные, технологические, методические, технические и содержательные аспекты. В данной статье представлена попытка авторов проанализировать организационную, технологическую, техническую основу оформления выставок, а также соотношение содержательной (имеющей отношение к содержанию) и формализованной (имеющей отношение к форме) сторон такой социокультурной формы, как выставка. Содержание выставки определяется ее жанрово-видовым и тематическим наполнением, делая всякий раз одну и ту же форму выставки особенной, уникальной, непохожей на все другие формы. Диалектика существования формы сложнее, поскольку проявляется в двух плоскостях: как статика формы и как ее динамика. Статика формы определяется ее структурой – своеобразным поэлементным «каркасом», у которого есть главный системообразующий признак, не дающий форме «рассыпаться» и определяющий типологическое или родовое своеобразие этой формы. Динамика формы – это, с одной стороны, процесс подготовки, разработки, конструирования этой формы, а с другой – процесс функционирования формы, который, несомненно, влияет на содержание формы, причем самым существенным образом.

Понятно, что процесс разработки и реализации формы должен быть технологичен, т. е. разбит на этапы и профессиональные операции организаторов и исполнителей, работающих над созданием выставки. Этот процесс требует строго упорядоченного мастерства (одно из значений термина «технология» – именно мастерство), поэтому в социокультурной деятельности сейчас наблюдается такое внимание к технологиям. Понятие «технология» пришло на смену, постепенно вытеснило (или вытесняет) понятие «методика», еще недавно широко и повсеместно употреблявшееся в науках о человеке, обществе и культуре. Задачей данного материала является вполне обоснованная означенной проблемой попытка выявить в такой форме социокультурной деятельности, как выставка, соотношение содержания и формы, в их технологическом и методическом аспекте.

Понятие «технология» многозначно. В широком своем значении оно шире, чем понятие «методика», в узком – оба понятия почти совпадают, но некоторая, и довольно существенная, разница даже на этом уровне между понятиями все-таки имеется.

Выставка как форма СКД относится к «технологии СКД». Понятие «технология СКД» может быть представлено тремя аспектами: научным (имеющим отношение к науке об СКД), процессуально-описательным (алгоритм процесса СКД и алгоритм конструирования, проектирования

выставки – как целое и его часть), процессуально-действенным – осуществление технологического процесса функционирования СКД и выставки в том числе. Все это технология в широком смысле слова.

Объектом нашего научного анализа является процессуально-описательная технология проектирования выставки как формы СКД, которая как алгоритм целеполагания включает в себя совокупность целей, содержания, методов и средств, направленных на достижение результата. Всю эту совокупность элементов данного алгоритма называют методикой. В нашем случае – методикой организации социокультурной выставки. Технологией в узком и точном значении этого слова данная методика становится, когда ее результат диагностируется и просчитывается на эффективность, когда этот результат повторяется и тиражируется без изменений или с некоторыми незначительными изменениями, когда процессуальная сторона раскладывается на ряд системных последовательных и одновариантных организационных операций, т. е. представляет собой именно алгоритм – строго упорядоченную последовательность действий.

Методика, таким образом, больше относится к содержанию, качеству объекта, его вариативно-оценочной стороне. Технология в узком смысле слова – воспроизводима, устойчива по результату, в ней более выражен процессуальный, количественный и расчетный компонент.

Наши теоретические размышления необходимо подтвердить анализом практики организации выставок в Алтайском крае, где принимали участие авторы данного материала и студенты АлтГАКИ разных специальностей. Анализируемый массив составил более 100 выставок.

По содержанию это были тематические выставки (дифференцированные на политические, отраслевые, торговые, научные, учебно-методические и т. д.). Это были и выставки произведений искусства, где экспонаты группируются по авторам, видам и жанрам. Наконец, это были юбилейные выставки, выставки достижений учреждения к юбилейной дате. Раскроем тему данной статьи на примере анализа двух выставок: выставки произведений живописи художников Алтайского края и юбилейной выставки Алтайской государственной академии культуры и искусств.

Процесс подготовки выставки распадается на стадии организации, проектирования и оформления экспозиции.

Технология (в узком значении) организации выставки работ художников Алтайского края представлена в таблице 1:

Поэтапная технология организация выставки

Структура		Задачи структурных элементов
Этапы	Элементы действия	
Организационно-проектировочный	<ul style="list-style-type: none"> - получение задания; - уточнение задания, - создание инициативной группы 	<ul style="list-style-type: none"> - ввести в курс дела; - психологически настроить; - обеспечить административную функцию; - уточнить цели, задачи, условия
Организационно-педагогический	<ul style="list-style-type: none"> - проведение заседания инициативной группы; - встреча с виновником события 	<ul style="list-style-type: none"> - осмыслить задание, ситуацию, проблему; - перевести социально-политические задачи в организационно-педагогические; - уточнить адрес воздействия; - разработать структуру выставки; - уточнить детали, условия и т. д.
Организационно-распорядительный	- организация отделов выставкома	<ul style="list-style-type: none"> - подобрать организаторов, ответственных за отделы; - уточнить списки исполнителей по отделам; - сформировать проект документов на утверждение
	- утверждение выставкома	<ul style="list-style-type: none"> - представить документы на утверждение руководству; - разослать документы в необходимые инстанции; - разослать информацию о сборе выставкома
	- проведение оргзаседания выставкома	<ul style="list-style-type: none"> - проинформировать о целях и задачах мероприятия; - представить членов выставкома; - озадачить отделы выставкома; - утвердить график работы отделов выставкома, отчетов о ходе подготовки

Структура		Задачи структурных элементов
Этапы	Элементы действия	
Организационно-исполнительский	- разработка тематического плана	- определить перечень вопросов, раскрывающих содержание выставки
	- разработка экспозиционного плана	- определить последовательность показа; - дать описание экспонатов; - определить художественно-образное решение
	- создание эскизного проекта	Определить: - план размещения выставки в интерьере; - график движения посетителей; - развертку интерьера; - размеры и размещение выставочного оборудования; - монтаж освещения; - цветовое решение
	- отбор и обработка экспонатов	- просмотреть экспонаты; - дать художественную и педагогическую оценку экспонатов; - классифицировать экспонаты; - доставить к месту выставки; - принять, обеспечить сохранность; - провести аннотирование
Конструкторско-технологический	- проектирование выставочного оборудования	- разработка эскиза оборудования - разработка технических чертежей - копирование чертежей - выдача готовых чертежей для выполнения
	- подготовка конструкций, оборудования	- изготовление конструкций, стендов и т. д.
	- установка конструкций	- сборка конструкций; - оформление помещения

Структура		Задачи структурных элементов
Этапы	Элементы действия	
	- расстановка экспонатов	- размещение экспонатов в соответствии с замыслом; - уточнение размещения, исходя из натуре
Рекламный	- работа с аудиторией до открытия выставки	- дать сведения об авторах, организаторах выставки; - сформировать отношение к выставке, к представленным авторам; - активизировать аудиторию на участие в выставке; - познакомить с программой выставки, с авторами
Сдаточный	- предоткрытие выставки	- осмотр выставки; - знакомство с выставкой специалистов
	- подведение итогов предоткрытия	- приглашение представителей заинтересованных организаций
Проведение выставки (встреча посетителей, открытие выставки, движение по маршруту экспозиции, ударный экспонат, завершение осмотра)		
Посторганizationalный	- сбор экспонатов	- разобрать экспонаты; - установить порядок отправки экспонатов; - приготовить к отправке
	- демонтаж конструкций, стендов	- разобрать конструкции, стенды; - подготовить к отправке, хранению и т. д.; - освободить помещение
Организационно – обобщающий	- подведение итогов работы	- проанализировать итоги выставки; - дать оценку деятельности отделов; - поощрить, наградить

Структура		Задачи структурных элементов
Этапы	Элементы действия	
Организационно – практический	- работа с реальной и потенциальной аудиторией	- информирование о результатах (статья, рецензия и т. д.); - активизировать работу с художниками (приглашение в трудовые коллективы, организация заявок на заводы); - закрепить эмоциональный настрой, полученный на выставке, в практической деятельности посетителей (создание любительского объединения и ряд других мероприятий)

Такой подход к организации выставки дает возможность скоординировать основную работу по технологическим этапам, вести ее четко, целенаправленно, планомерно, а значит – эффективно, позволяет объем работы рассчитывать по времени, тиражировать результат и выделять в данной организационной схеме наиболее важные технологические узлы. Таким узлом является организационно-исполнительный этап, который распадается на ряд взаимосвязанных технологических операций (на схеме это «элемент действия»): разработка тематического плана выставки; разработка ее экспозиционного плана; создание эскизного проекта; сбор, отбор и обработка экспонатов. Не менее важен и конструкторско-технологический этап-узел, который в таблице также разбит на систему последовательных операций.

Дадим методические указания, краткую методику подготовки важнейших технологических операций указанных этапов.

Работа над тематическим планом начинается с выбора названия выставки. Тема разбивается на подтемы и далее на вопросы. После изучения литературы, изобразительного материала, фотографий и т. п. формируется целевая установка и задачи, с тем чтобы была ясна не только тема, но и аспекты ее раскрытия.

Далее переходим к разработке экспозиционного плана, т. е. к описанию изобразительно-выразительных средств, которые должны наглядно раскрыть содержание каждой подтемы, каждого вопроса.

Если тематический план раскрывает содержание выставки, то экспозиционный план содержит сведения о средствах показа: фотографиях, рисунках, символах и эмблемах, схемах и диаграммах, а также о размещении текстового материала (заголовках, подзаголовках, цитатах, подписях) и характере шрифтов.

Сбор иллюстративно-текстового материала – дело нелегкое. Иногда первоначальным толчком для организации экспозиции служат уже готовые экспонаты, тогда составление тематического плана становится вторым этапом.

Экспозиция – наиболее сложное дело в организации пространственной композиции. Есть несколько принципов выставочной драматургии:

1. **Разделение наглядных материалов на зоны вокруг ударных экспонатов**, динамичных установок, получивших название принципа ударных экспонатов.

2. **Принцип вариантности экспозиции** заключается в сочетании плоскостных и объемных экспонатов, когда, в зависимости от точки осмотра, вносится элемент новизны и тем самым активизируется внимание зрителей на главном.

3. **Принцип символа-лейтмотива** – это повтор эмблемы, декоративной заставки, конструкции с целью соединения частей экспозиции, что укрепляет их образное и тематическое единство.

Есть немало приемов построения экспозиционного пространства, позволяющих направлять и удерживать внимание зрителей:

- многоярусная компоновка, которая позволяет четко делить экспозиции на основные разделы. Например, верхний ярус – крупные фотографии, эмблемы, заголовки; в середине размещается основной материал; внизу (на уровне стола) – витрины с экспонатами;

- эвристичность находки в композиции, изображении, цветовом сочетании, освещении;

- прием контраста: большое-малое, высокое-низкое.

Непременным условием хорошего оформления тематической выставки является композиционная четкость, стилистическое единство, лаконизм и простота форм.

Временный характер и частая сменяемость рассматриваемых экспозиций требуют гибких универсальных средств. Отсюда следует, что оценкой качества того или иного решения могут быть: модульность (мерность), унификация (единообразие), сборно-разборность конструкции, взаимозаменяемость отдельных элементов.

Мы видим, что приемы и средства этих этапов – это приемы и средства методики, так как они вариативны и относятся к качественной стороне экспозиции.

Завершая статью, необходимо отметить, что переход в науках о человеке, культуре и обществе от методических подходов к технологическим не случаен: технология в широком смысле слова как технология сферы или отрасли позволяет связать методологию с практикой, выявить прикладной, практический характер теоретической системы любой сложности; технология в узком смысле слова позволяет ее организаторам быть экономичными, поскольку процесс организации можно рассчитать по времени и по количеству операций, что очень важно в рыночных условиях, когда такая социокультурная форма, как выставка, теперь продается, входит в рыночный механизм социально-культурной сферы. И за примерами ходить далеко не приходится: по всей России, в Восточной и Западной Сибири действуют торговые выставочные комплексы, в Барнауле это закрытое акционерное общество (ЗАО) «Алтайская ярмарка», где экспонирование является одним из ведущих видов основной деятельности, а персонал специально обучают технологии и методике организации различных по содержанию крупномасштабных выставок.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1991.
2. Лукьянчиков В. И. Основы декоративного искусства: учеб. пособие / В. И. Лукьянчиков. – Барнаул: АГИИК, 1998.
3. Плюснин А. Д. Мастерство организатора социально-культурных программ: метод. пособие / А. Д. Плюснин. – Барнаул: АГИИК, 2002.
4. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии / Г. К. Селевко. – М., 1998.
5. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991.

Учебный театр как форма профессионального становления студентов творческих вузов

Наступивший век в соответствии с прогнозом развития и общества, и образования будет характеризоваться двумя основными тенденциями: гуманистичностью и технологичностью. Необходимость гуманизации как основной тенденции в модернизации образования точно сформулирована Д. Лихачевым: «Двадцать первый век должен стать веком гуманитарного мышления или его не будет совсем».

Таким образом, проблема становления культурно-, социо- и личностнообразной системы образования становится одной из важнейших общенациональных проблем, поскольку отражает усиливающиеся противоречия между возрастающими требованиями к общественному интеллекту и нравственности человека, его способности к прогнозированию и творению будущего и фактическим качеством всего перечисленного.

Можно сказать, что будущая система образования потребует коренного пересмотра большинства наших представлений о традиционной общеобразовательной практике, соответствующей социальному заказу – подготовке специализированного, функционального человека.

Сегодня нужна такая модель учебного процесса, которая позволила бы в массовом порядке раскрывать и развивать творчество обучающихся, формировать у них готовность действовать: ведь, чем больше видов деятельности с меньшими затратами может осуществлять обученный, тем идеальнее система его подготовки с точки зрения общества.

Кафедра социально-культурной деятельности (СКД) АлтГАКИ вот уже много лет исследует формы СКП, наиболее полно удовлетворяющие потребности сегодняшнего дня, и наиболее эффективные методы и формы подготовки специалиста «Организатор-постановщик СКП».

Проектирование модели будущего специалиста включает несколько этапов, содержание которых определяется целями и задачами всех заинтересованных сторон; состоянием уровня культуры в данном пространстве, потенциала вуза, структурой спроса на специалистов, организацией учебного процесса.

Рассмотрим эти этапы:

1. **Профессиональная профориентация.** На уровне определения трудовой направленности личности, ее интересов и склонностей, осознания общественной необходимости труда. Цель этапа – трудовое допрофессиональное обучение и воспитание, которое должно предшествовать

профессиональному образованию. Оно осуществляется, как правило, в школе и направлено на формирование ценностных индивидуальных представлений о труде как об одной из важнейших возможностей человека состояться как личности. Первичная профориентация включает в себя определение общей профессиональной направленности личности, интересов, склонностей, способностей и т. п.

2. **Начальный** этап связан с введением молодых людей в специальность формированием целостных представлений о культурно – досуговой деятельности, будущей профессии. Основное назначение этого этапа состоит в том, чтобы ознакомить студента в процессе обучения со спецификой работы по избранной специальности. При изучении курса акцент делается на получение знаний, необходимых для будущей работы. Студент должен четко представлять, какой результат и какими средствами предполагается получить, чтобы его оценили работодатели. На данном этапе решающее влияние оказывает сфера практической профессиональной деятельности.

3. **Общеобразовательный этап** – это общенаучная, общепрофессиональная подготовка как фундаментальная основа адаптации, соответствующая современной структуре культурно-досуговой деятельности.

4. **На этапе специализации** осуществляется специальная теоретическая и практическая подготовка к различным видам профессиональной деятельности. Основная цель данного этапа – формирование основ профессиональной культуры, целевых установок специалиста. Здесь закладываются профессиональные знания и навыки во взаимодействии с уже полученной им подготовкой, с учетом его личностных качеств и предпочтений. Далее идут по структуре, предложенной М. Брагиной [3], этапы практической подготовки специалиста в условиях производства, трудоустройство, непосредственная профессиональная деятельность и анализ результатов.

Нас будет интересовать этап специализации, получение знаний и умений по выбранной профессии; формы, способствующие профессиональному становлению.

Здесь на первый этап выходят формы самостоятельного творческого и учебного процесса, такие как различные творческие объединения и студии: цирковые, вокальные, хореографические, театральные и др.

Учебный театр «Миг», организованный с 1996 года при кафедре СКД, со временем стал решать учебно-творческие задачи, становясь неизменным участником и победителем конкурсов и фестивалей, проходивших в районе, городе, крае, регионе.

За годы своей работы театр стал обладателем Гран-при, 1 и 2-х мест фестивалей студенческого творчества в городе, крае, Сибирском регионе (фестиваль «черного юмора» в г. Бийске, краевой и региональной фестиваль «Феста», фестиваль юмора в г. Томске, г. Омске и т. д.).

Форма учебного театра эстрадных миниатюр пользуется популярностью среди студенческой молодежи Алтайского края и России. Причины заключаются в следующем:

- доступность
- зрелищность
- лаконизм и простота восприятия.

Учебный театр, являясь формой театрального творчества, позволяет студенту специализации «Организатор-постановщик СКП»:

- развивать способности к анализу, мышлению и импровизации;
- формировать мировоззрение, принципы, ценности, коммуникативные способности, речь, пластику;
- закреплять на практике теоретические знания и умения;
- самореализоваться на стадии окончательного формирования личности;
- активно участвовать в творческой и общественной жизни вуза, города, края, региона, России.

Кроме этого, учебный театр в процессе обучения студентов специализации КДД выполняет следующие функции:

- просветительская – передача совокупности знаний, сведений, социального опыта от одних людей к другим;
- воспитательная – как процесс социального, целенаправленного и систематического формирования личности, осуществляемый под воздействием студенческого театра;
- гедонистическая – получение удовольствия, наслаждения от работы в составе коллектива и от работы с аудиторией;
- образовательная – функция обучения, приобщения к знаниям по профессии и расширяющим кругозор, развивающая потребность к самообразованию;
- коммуникативная – развитие коммуникативных способностей, освобождение от комплексов и внутренних зажимов;
- развивающая – процесс развития сферы социальных отношений;
- креативная – обогащение творческих способностей человека, обеспечивающее более активное включение его в деятельность по преобразованию окружающей среды.

Учебный театр формирует развитую личность посредством организации творческого процесса. Этот процесс состоит из нескольких этапов.

Первый этап – возникновение учебного студенческого театра. Учебный театр создается на основе объединения студентов и педагога-режиссера с целью создания условий для обучения профессиональным знаниям и умениям, самоутверждения, самосовершенствования, самореализации и приобретения актерских и режиссерских знаний.

Второй этап является самым важным в становлении коллектива и направленности его творческой деятельности. Это определение целей и задач театра.

Цель-миссия:

формирование ценностных, мировоззренческих установок на основе ценностей и традиций национальной культуры, преемственности поколений.

Организационно-практическая цель: обновление содержания и структуры учебного процесса в театре.

Задачи:

1) создание условий для творческой самореализации студента, овладение актерским и режиссерским инструментарием;

2) знание теории и практики театральной и эстрадной режиссуры.

Третий этап (не менее значимый) – это формирование репертуара. Студенты и режиссер должны сознательно отбирать образцы, обладающие высокой идейной, художественной и эстетической ценностью и соответствующие личным данным и уровню подготовки актеров. Участники театра должны использовать сплав опыта руководителя, его чувство времени – это может помочь в организации творческой деятельности, в системе обучения и отборе репертуара.

Четвертый этап. Подготовка номера, программы, создание спектакля. Сюда входят подготовительные и репетиционный этапы. На этих этапах очень важна системность работы, продуктивность поэтапных репетиций (каждая – на шаг вперед) и жизнерадостная атмосфера внутри коллектива.

Пятый этап – этап реализации программы: выбор помещения; изыскание финансовых средств; проведение активной рекламной кампании, распространение билетов и пригласительных; проверка технического оборудования; прогон-показ.

Шестой этап. Обсуждение. После показа номеров программы, спектакля участники театра должны обязательно обсудить ошибки, допущенные во время показа. Таким образом студенты учатся самостоятельно видеть позитивные и негативные стороны показа, а также анализировать их профессиональным языком.

Идея создания театра нашла свое отражение в практике и дала возможность студентам специализации «СКД» реализовать теоретические знания на практике, создавая многочисленные эстрадные программы: «Утро студента» или «А у нас все хорошо», «Накануне лета», «Мужчина и женщина», «Река на асфальте», составленные из эстрадных монологов, миниатюр, интермедий, скетчей, объединенных единым сценарно-режиссерским ходом и полноценный спектакль – мюзикл по пьесе К. Гоцци «Принцесса Турандот».

Выпускники театра «Миг», прошедшие через такую форму обучения, как учебный театр, более адаптированы к условиям профессиональной деятельности, выбирают наиболее соответствующую их интересам сферу деятельности с учетом полученной в вузе специальности и включаются в работу с наименьшими стартовыми издержками.

Результаты деятельности учебного театра позволяют сделать вывод, что это одна из эффективных форм профессионального становления студентов творческих вузов, использования которой дает возможность решать задачи более качественной подготовки специалистов.

Литература

1. Лихолетов В. Инвариантные компоненты деятельности знаний в профессиональном образовании – Alma mater: Вестник высшей школы. – № 2. – М., 2002.
2. Высшее образование в России. № 5. – М., 2002. – С. 29–33.
3. Высшее образование в России. № 5. – М., 2002. – С. 116–118.

V. ИНТЕГРАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ ПРАКТИКУ

Брижатова С. Б. (Барнаул, АлтГАКИ)

Типология и эффективность технологий разработки программ социокультурного развития в современной России

Типология (от греч. – отпечаток, форма, образец и слово, учение) – это: 1) метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа; 2) результат типологического описания и сопоставления. По способу построения различают эмпирические и теоретические типологии. В основе первой лежит количественная обработка и обобщение опытных данных, фиксация устойчивых признаков сходства и различия, находимых индуктивным путем, систематизация и интерпретация полученного материала. Теоретическая типология предполагает построение идеальной модели объекта, обобщенное выражение признаков, фиксацию принципов таксономического описания множества изучаемых объектов. Теоретическая типология опирается обычно на понимание объекта как системы, что связано с вычленением системообразующих связей, с построением представления о структурных уровнях объекта; такая типология служит одним из главных средств объяснения объекта и создания его теории.

Выделяют различные формы типологии, применяемые в научном знании: а) морфологическая; б) сравнительно-историческая, цель которой – отображение системы в ее развитии.

В XXI в. осознается значение типологии как особого методологического средства, с помощью которого строится теоретическое объяснение. При этом тип трактуется как результат сложной теоретической реконструкции исследуемого множества объектов, объединенных с помощью методов типологии. В рамках такого понимания типологии можно вычленить: 1) структурную типологию; 2) метод идеальных типов, где тип – абстрактная конструкция, с которой сопоставляются изучаемые объекты; 3) метод конструированных типов, где тип – некий объект, выделяемый по ряду критериев из всего множества и рассматриваемый в качестве представителя этого множества объектов.

Переход к толкованию типа как методологического средства способствовал отказу от трактовки типологии как полного и однозначного

отображения системы: множеству конкретных типологических процедур соответствует и множество различных типологий для данной системы.

Современные социологические исследования показывают, что общественным мнением осознается многоплановость целевого предназначения социальных и социокультурных технологий. По мнению опрошенных, пишут В. Герасимов и А. Гусева, социальные технологии направлены на регулирование взаимоотношений как между людьми, так и между социальными институтами. В зависимости от того, на каком уровне общественных отношений разрабатываются и внедряются социальные технологии, можно выделить три группы технологий:

- крупномасштабные, т. е. технологии макросистем (общество в целом, его основные подсистемы, большие социальные группы и т. п.);

- мезотехнологии, т. е. технологии на уровне мезосистем (общественные институты, крупные трудовые коллективы, территориально-поселенческие системы и др.);

- микротехнологии, т. е. технологии, рассчитанные на небольшие объединения людей, общественные процессы на микроуровне, а также технологии самоорганизации, направленные на развитие и рациональное использование личностного потенциала.

Возможна классификация социальных технологий по основным сферам общественной жизни, выделение групп социальных технологий по основным видам человеческой деятельности: производственно-трудовая; подготовительно-трудовая или образовательная деятельность; социокультурная деятельность; занятия спортом; деятельность в семейно-бытовой сфере и т. п. Л. Я. Дятченко отмечает, что «в полной мере убедительной системы видов человеческой деятельности пока еще не имеется, и, следовательно, неизбежны дискуссии по поводу правомерности выделения тех или иных видов технологий в соответствующую группу».

В современных условиях России расширяется сфера применения социальных и социокультурных технологий, необходимо проектирование, программирование и внедрение технологий создания «малых предприятий», новых отношений собственности, в том числе в сфере образования, культуры, технологий управления социальными, социокультурными инновациями и т. п.

По нашему мнению, возможны различные основания для классификации инновационных социальных технологий, среди которых наиболее общими следует считать: – тип новшества, – механизм осуществления, – особенности социальных технологий.

Для проектирования социальных технологий представляет интерес классификация, предложенная В. И. Патрушевым. Он предлагает различать базовые и частные социальные технологии. К базовым социальным

технологиям относятся: 1) технологии оперативного и стратегического планирования социального развития общества; 2) социальное конструирование; 3) стимулирование труда и духовного возвышения личности; 4) развитие творческой активности людей; 5) индивидуальная работа с людьми; 6) регулирование морально-психологического климата коллектива; 7) повышение культуры труда и производства.

Безусловно, может быть и другой подход к выделению основных базовых технологий. В. И. Патрушев и Л. Я. Дьяченко правы, утверждая, что практическое освоение названных базовых технологий является своеобразным условием для успешного создания и внедрения других частных технологий, например, технологий коммуникационного общения; использование социологических и социально-психологических методов сбора и интерпретации информации, формирование делового имиджа руководителя, организации культурного досуга людей и т. п. Вместе с тем это не означает, что частные, как их определяет В. Патрушев, технологии в реальной практике являются второстепенными. Их значимость для повышения эффективности социальных процессов, решения задач рационального использования человеческих ресурсов не менее важна, чем базовых социальных технологий.

Анализ основных видов социокультурных технологий – не отвлеченная теоретическая процедура, он нужен в практике для ответа на вопрос, какие технологии наиболее актуальны, необходимы («что программировать и проектировать»), а также для осмысления логики программирования и проектирования и разработки программ социокультурного развития и эффективной процедуры их внедрения.

О проблемах разработки и внедрения социальных и социокультурных технологий в настоящее время пишут многие исследователи. Но в большинстве случаев они ограничиваются или постановкой вопроса, или общей схемой процесса. «Основной вопрос теории и практики проектирования и внедрения технологий, – отмечает Н. Стефанов, – их связь с научным знанием».

К теоретическим проблемам, возникающим в связи с проектированием социальных технологий, относится и обоснование его принципов. По мнению Л. Я. Дятченко, можно выделить следующие принципы: варианты, дополненности, саморегуляции и умеренности. Характеризует принципы ученый следующим образом: 1) вариантность предполагает высокий уровень динамичности и адаптивности социальных технологий к меняющимся условиям, нестандартным ситуациям; 2) саморегуляция выражает способность социальных технологий к самонастраиванию, самокоррекции; 3) дополненность означает, что социальные технологии не исключают, а дополняют друг друга. Иными словами, заключает уче-

ный, «никакая социальная технология не может быть абсолютной, не может претендовать на исчерпывающее решение тех или иных социальных проблем, ситуаций».

В проектировании социокультурных технологий важно определить последовательность перехода от знания к практическому действию. Выбор цели – это сложное социальное действие, включающее в себя несколько этапов: анализ ситуации; анализ основных проблем; прогноз развития основных тенденций и вариантов новых ситуаций, складывающихся либо стихийно, либо вследствие включения технологии. Важно различать социокультурные ситуации по группам: объективные и субъективные. Объективная ситуация – это когда совокупность действий зависит не от субъекта, а от объекта социокультурной деятельности. Субъективные социокультурные ситуации могут быть двух типов: вынужденные и престижные, когда выполнение отдельных действий поощряется субъектом, а невыполнение, которое может привести к отрицательным последствиям, осуждается.

Анализируя социокультурную ситуацию, определяя возможные выходы из нее, исследователь осуществляет фактически процедуру социокультурной диагностики. Это, во-первых, анализ состояния социокультурных объектов и процессов, выявление проблем их функционирования и развития; во-вторых, совокупность принципов и методов установления социокультурного диагноза, исследования социокультурных процессов.

В литературе выделяется два вида социального прогнозирования:

1. Поисковое прогнозирование – это определение возможных состояний в будущем. Имеется в виду условное продолжение в перспективе тенденций развития данного явления в прошлом и настоящем. Такое прогнозирование отвечает на вопрос: что вероятнее всего произойдет при условии сохранения данных тенденций? Поисковое прогнозирование строится на определенной шкале возможностей, на которой затем устанавливается степень вероятности прогнозируемого явления.

2. Нормативное прогнозирование – это определение путей и сроков достижения возможных состояний, социальных явлений, принимаемых в качестве цели, прогнозирование достижения желательных состояний на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов, целей. Такое прогнозирование отвечает на вопрос: какими путями достигается нужный результат деятельности? При нормативном прогнозировании также проводится распределение вероятностей по определенной шкале, но уже в обратном порядке: от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям. Нормативное прогнозирование предполагает выработку нормативных разработок в сфере управления, направленных на повышение уровня объективности и эффективности принимаемых решений.

В настоящее время социальная и социокультурная технология выступает в двух формах: как программа, содержащая процедуры и операции (содержание которых – способы и средства деятельности), и как сама деятельность, построенная в соответствии с этой программой. Специфика программы состоит в ее объемлющем характере, в том, что она существенным образом предопределяет направленность и содержание технологизируемой деятельности.

Социальная технология является элементом человеческой культуры и возникает двумя путями: «вырастает» в культуре эволюционно либо строится по ее законам как искусственное образование.

«Технология разработки программ социокультурного развития» – данная категория имеет особое значение для решения проблем оценки эффективности технологии. Это значение определяется той ролью, которая принадлежит технологии в осуществлении управляемого социокультурного процесса. Технология как бы концентрирует в себе избранные принципы и методы при разработке программ, на ее содержании существенно сказывается применение средств управления; в ее осуществлении принимают непосредственное участие управленческие работники и коллективы. Здесь, в конечном счете, сходятся многие составляющие, связывающие отдельные элементы процесса разработки программ социокультурного развития и оказывающие влияние на ее эффективность. «Технология разработки программ социокультурного развития» – это совокупность способов выполнения управленческих, организационных операций и задач в ходе осуществления этапов управленческого процесса социокультурного развития.

Экономический смысл эффективности, как известно, в соизмерении произведенных затрат и полученных результатов. В латинском языке *effectivus* означает производительный, действенный, дающий нужные результаты. Такое толкование эффективности применительно к разработке программ предполагает включение в это понятие результативности работы, действия, процесса. Однако результативность не полностью характеризует эффективность, так как результат может быть неудовлетворительный – дорогой, несвоевременный и др. Современное понимание эффективности предполагает учет экономичности произведенных затрат. Поэтому при рассмотрении эффективности технологий под эффективностью следует понимать еще и экономичность. Но и экономичность тоже недостаточно характеризует эффективность, так как могут быть минимальные затраты при невысоких или неудовлетворительных результатах. При оценке эффективности необходимо учитывать обе ее стороны.

Таким образом, наиболее полно эффективность технологии характеризует степень получаемого совокупного эффекта, вследствие чего она должна выражаться через сопоставление результатов разработки программ социокультурного развития и затрат на нее. В соответствии с этим положением экономическая эффективность технологии является результатом функционирования системы социокультурного развития, обеспечением достижения стоящих перед управляемой системой целей при наименьших затратах.

Теоретические аспекты оценки эффективности управления экономическими системами, а в нашем случае социокультурного развития, разработаны в науке управления недостаточно, и научные основы ее пока не созданы. К числу основных в этой области относятся следующие проблемы: слабая разработка терминов, понятий и определений, использованных в работе по оценке эффективности управления, технологий программ, отсутствие глоссария теоретической оценки; отсутствие системы категорий оценки эффективности управления социокультурными системами.

Далее в своем исследовании мы попытаемся определиться с классификацией и дать характеристику факторов эффективности технологий разработки программ социокультурного развития. По определению Р. А. Белоусова, «факторы эффективности – это причины, условия, обстоятельства, влияющие как на результаты, так и на издержки производства. Ими являются все основные элементы способа производства, а также те социальные, политические, духовные процессы и явления, которые находятся с ними в причинно-следственной связи». Ряд ученых отмечает факторы, влияющие на эффективность системы управления и труда. Так, И. Л. Бачило называет факторы политического, экономического, организационного, правового и этического характера. О. А. Дейнеко отмечает экономические, организационные, физиологические, социально-психологические и технические факторы. Р. А. Белоусов объективные (материальные) и субъективные (политические, правовые, идеологические) факторы.

Таблица 1

Матрица классификации факторов эффективности технологий программ

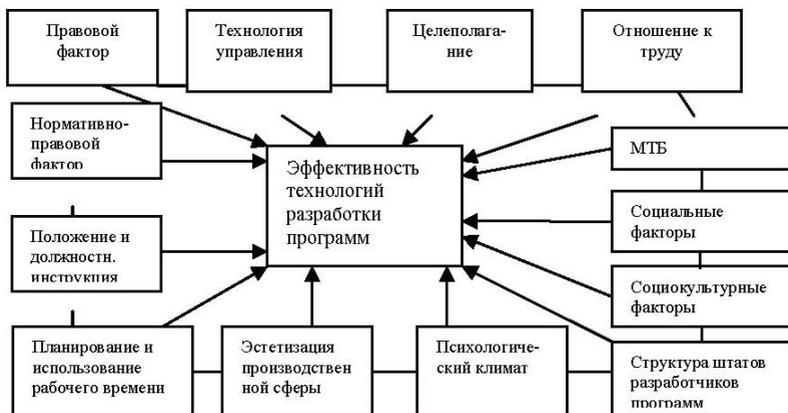
Классификационный признак	Классификационная группа					
1. По содержанию						

а) без учета взаимосвязи	Политические	Правовые	Организационные	Экономические	Технические	Социальные
б) с учетом взаимосвязи	Организационно-правовые	Организационно-технические	Технико-экономические	Организационно-экономические	Социально-экономические	
2. По видам эффектов	Экономический	Социальный	Политический	Психологический	Социальный	
3. По категории	Простой	Мультипликационный	Диффузный	Резонансный		
4. По способу воздействия	Внешние	Внутренние	Прямые	Косвенные		
5. По характеру	Объективные	Субъективные				
6. По времени действия	Долгосрочные	Среднесрочные	Краткосрочные			
7. По объему капиталовложений	Капиталоемкие	Некапиталоемкие				

Следует, однако, учитывать, что всякая классификация есть научная абстракция, и в зависимости от целей исследования могут использоваться различные ее варианты.

Одним из основных факторов повышения эффективности технологий является совершенствование и рациональное использование материально-технической базы учреждений, многоканальность их финансирования. Непосредственное влияние на эффективность технологий оказывает планирование, разработка и внедрение этапов программы. Учет социальных и социокультурных факторов позволяет, с одной стороны, определить ее эффективность, а с другой – выступать в качестве результатов, последствий этой деятельности, оказывающих влияние на весь ход общественного воспроизводства.

Эффективность технологий разработки социокультурных программ

Р и с. 1

Схема модели эффективности технологий

Р и с. 2

Специфика территориального комплекса подводит нас к необходимости исчисления затрат и эффекта на конечную продукцию данной системы. Итоговой социокультурной продукцией территориально-региональной системы можно назвать средства социокультурного производства и предметы социокультурного потребления, которые создаются в течение определенного периода времени, но одновременно идут на дальнейшее производственное и личное потребление как в рамках региона, так и за его пределами. Своеобразие подхода к оценкам производимых

затрат и результатам проявляется в том, что он производится не в расчете на отдельно взятое предприятие и учреждение, а на конечный результат деятельности всех составляющих региональной программы социокультурного развития.

Разработку структуры показателей необходимо выполнять в соответствии с методологией целевого подхода, который является полной противоположностью оценкам показателей от достигнутого тенденцией базисного состояния. Прежде всего исследуются главные цели решения региональной социокультурной проблемы, которые дифференцируются по различным системам и по возможности оцениваются количественно. Потом к этим целям подбираются программные мероприятия и определяется их эффективность. Неординарность обоснования оценок программы состоит в разработке перспективных документов на достаточно продолжительный период (5–10 лет). И появляется задача определения суммарного эффекта и общих затрат на весь период, а также вариантность количественной оценки многих мероприятий социально-экономического и социокультурного развития.

К тому же программно-целевое планирование имеет особенности состава работ по выполнению экономических обоснований. Прежде всего разрабатывается целевой блок и определяется эффективность его показателей, затем целевой блок дополняется программным, который обеспечивается блоками ресурсным и организационным. Переход от одной стадии к другой сопровождается решением новых проблем, формированием новых показателей. Каждый этап (или вариант) общей процедуры программно-целевых проработок региональных программ следует дополнять расчетом эффективности затрат.

По утверждению С. Е. Домбровского, «основное внимание на всех стадиях расчета надо отдавать абсолютной эффективности. Высокая абсолютная народнохозяйственная эффективность затрат, удовлетворяющая требованиям нормативной окупаемости капитальных вложений, – важное условие практического управления реализацией территориально-целевых программ» [1].

Выделим важное методологическое положение о том, что, поскольку абсолютная эффективность программ определяется на стадиях их разработки, затем «разверстки» показателей в отраслевые и региональные планы, следовательно, ее можно представить в трех видах: проектном, плановом и фактическом.

Первый может определяться разработчиком с учетом целевых задач и состава ограничений на ресурсы, которые имеются в задании на разработку программы, выданном заказчиком.

Расчет эффективности программы на этапе проектирования начинается с целевого блока региональных программ. Здесь производится численная оценка экономического и социокультурного эффекта по каждому варианту, определяется требуемая для программных заданий экономия затрат. Сопоставляя поэтапный эффект регионального социокультурного развития на расчетный период с имеющейся численностью занятых в отрасли и базисной результативностью труда, можно определить необходимую общую эффективность реализации региональной программы по каждому варианту.

Определение и количественная оценка общего нормативного эффекта каждого варианта программных мероприятий составляют комплекс работ по обоснованию эффективности программы на этапе уточнения ее целевого блока.

Абсолютный эффект программы имеет несколько особенностей. Предполагается, что расчет нормативных абсолютных эффектов выполняется на конечную продукцию программы. Для этого, прежде всего, высчитываются отдельные эффекты всего комплекса мероприятий, а затем они относятся на конечный результат. Таким образом выводится обобщающий нормативный абсолютный эффект программ, особенность которого – комплексный подход, т. е. учет не только отраслевых, но и региональных эффектов, экономии и потерь, возникающих и в сфере производства, и в сфере потребления продукции региональных программ. Здесь же должны отражаться как социальные и социокультурные, так и экономические аспекты. Их учет достигается самой процедурой программно-целевого планирования, которая предполагает методы прямого и косвенного отражения социально-экономических и социально-культурных эффектов в общем экономическом эффекте программы.

Нынешний этап управления территориально-региональным развитием характеризуется все более широкой практикой разработки и реализации региональных программ социокультурного развития. Опыт показывает, однако, что в тех регионах, городах, автономных округах, где ведется такая работа, общим звеном являются методические и организационные основы реализации программ. Важной составляющей в этом вопросе должно быть понятие, как экономического потенциала территории региона, так и социокультурного, который определим как совокупность экономической и социокультурной оценки имеющихся в регионе трудовых ресурсов, основных производственных фондов, оборотных средств, уровня развития производственной, социальной и социокультурной инфраструктуры, кадровой обеспеченности и т. д.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем свои рекомендации по методике распределения. Будем исходить из того, что нам известен суммарный объем средств, которые регион в состоянии направить в течение определенного времени на развитие социокультурной сферы. Требуется установить пропорции, которые было бы желательно соблюдать при распределении этих средств между различными подсистемами социокультурной сферы. Раздробим всю социокультурную сферу региона на несколько блоков, каждый из которых представляет собой относительно независимую систему условий:

- макросреды проживания (поселения);
- рекреации (туризм, санаторно-курортное лечение, спорт и т. п.);
- физического развития населения;
- духовного развития населения;
- художественно-эстетического развития населения;
- социального развития населения;
- социокультурного развития населения и т. д.

Возможно и иное дробление социокультурной сферы на блоки, но желательно выполнение двух простых условий. Во-первых, поскольку информацию о состоянии и желательных перспективах развития выделенных блоков предстоит использовать для принятия решения об их развитии, их количество не должно быть слишком велико. Во-вторых, блоки должны по возможности иметь мало взаимных пересечений.

Следующим направлением деятельности должно стать описание каждого из секторов с помощью тех основных агрегированных показателей, на базе которых впоследствии предстоит производить сопоставление ресурсных потребностей различных секторов. Уже сама задача последующего сравнения требует, чтобы искомые агрегированные показатели были выражены в сопоставимых единицах. Что же касается содержательного наполнения искомых показателей, то при его определении следует исходить из того, что:

- не следует вводить какие-либо формализованные показатели, описывающие сравнительную важность столь различных сторон жизни населения;
- желательно иметь показатели, отражающие внутрисистемную эффективность экономического стимулирования различных систем социокультурной сферы, понимая под эффективностью ожидаемое изменение состояния каждой системы при расходовании единицы ресурсов.

Требование сопоставимости показателей означает, что изменения состояний каждой системы должны измеряться не в натуральных показателях (они различны для разных систем), а в относительных единицах.

Каждой системе присущи только два состояния, с которыми можно соотносить ожидаемое изменение: это существующее состояние и целевое. Последнее, однако, может быть качественно различным для разных систем, ибо сильно зависит от конкретных допущений о масштабах желательных состояний каждой системы. Ожидаемые изменения будут, как правило, не слишком велики, т. е. это будут изменения в режиме малых приращений – и не только из-за ограниченности средств, но и потому, что рассматриваемые временные отрезки (год и более) слишком малы, чтобы на их протяжении произошли резкие изменения в системе. Учитывая эти обстоятельства, следует соотносить ожидаемые изменения каждой системы с ее современным состоянием.

Следовательно, в качестве искомого показателя, отражающего внутрисистемную эффективность расходования средств в каждом секторе социокультурной сферы, целесообразно принять приращение значения целевого показателя данной системы, отнесенное к текущему значению этого показателя в расчете на единицу затраченных ресурсов. Если, допустим, вложить в отрасль 140 млн. руб. и, распределив их оптимально, добиться роста указанного индекса на 15 %, то показатель внутрисистемной эффективности составит 0,140 млн. руб. Подобные показатели эффективности, рассчитанные для каждого из секторов всей социокультурной сферы, должны стать одним из источников информации для распределения ресурсов. В первую очередь эти показатели важно применять к распределению текущих ассигнований на бюджетное финансирование различных систем, а также капитальных вложений в расширение систем.

Таким образом, в централизованный фонд региональной социокультурной системы из регионального бюджета передается доля, соответствующая коэффициенту приоритетности культурно-досугового сектора по сравнению с другими секторами этой социокультурной сферы.

Предложенная методика дает возможность осуществить экспертные оценки приоритетности развития отраслей социокультурной сферы и на основе этих оценок осуществлять распределения ресурсов как федерального, так и региональных, местных бюджетов.

Однако действенное управление качеством социокультурного развития региона предполагает не столько его точное измерение, сколько создание организационно-экономических условий и своевременное удовлетворение социокультурных потребностей населения. Несомненно, действенное управление эффективностью и качеством в социокультурной сфере предполагает высокую степень авторитетности и ответственности администрации и руководителей на местах.

Для эффективной реализации региональной программы, ее управленческих звеньев необходима концентрация в руках единого органа функций по согласованию, координации, стимулированию и финансированию объектов программы. Целевая направленность выделяемых средств и ресурсов должна контролироваться органом управления программы и его рабочими группами. Осуществление такого контроля предполагает наличие программного блока, определяющего нагрузку на данную сферу в связи с реализацией программы. Формирование уровня показателей достигается в процессе согласования между руководством программы и заинтересованными ведомствами, учреждениями и организациями, с учетом долговременных интересов отрасли и региона.

Системный и технологический подход к социокультурным процессам позволяет раскрыть их стороны, а именно:

- характерные особенности любого социокультурного процесса как объекта системы и технологизации;
- управляемые и неуправляемые переменные социокультурного процесса;
- механизм направленного воздействия на социокультурный процесс;
- направления, способы и методы оптимизации социокультурного процесса;
- типичные отклонения в социокультурном процессе, вызываемые некомпетентным вмешательством.

Социокультурные технологии региональных программ нацелены на реализацию и оптимизацию управленческой деятельности посредством ее расчленения на определенные операции с их последующей синхронизацией и координацией, выбора оптимальных средств и методов их осуществления. Конечная цель социокультурных технологий – эффективное воздействие на общественные процессы.

Литература

1. Домбровский С. Е. Научные основы разработки и методы реализации территориальной целевой программы. – М., 1989.
2. Информатизация и технологизация социального пространства / под ред. В. Н. Иванова. – М., 1994.

Социально-культурные технологии: понятие, теория, условия практической реализации

Анализируя современное состояние и основные тенденции развития социально-культурной деятельности, а также обращаясь к изучению научных разработок в этой области, можно констатировать наличие новых подходов в изучении закономерностей функционирования этого вида деятельности в современном обществе. Сегодня представляется важной научно-исследовательская работа не только по выявлению, анализу и сопоставлению концепций развития социально-культурной деятельности в целом, но вместе с тем обращение к вопросам методики и технологии организации досуговых форм, т. е. к изучению конкретных закономерностей создания продукта социально-культурной деятельности, изучения его востребованности и условий реализации в практику.

Современная социально-культурная деятельность находится на переломном этапе своего развития. Происходящий на наших глазах цивилизационный сдвиг предполагает изменение способов деятельности, а значит, разработку новых технологий педагогического и развивающего воздействия. Человек перестает быть, прежде всего, объектом воздействия со стороны безличных экономических и политических структур и становится субъектом, активно реализующим право выбора, посредством которого самореализуется личность. В этих условиях предъявляются новые требования к институтам социально-культурной сферы. Новый уровень развития, когда культурные факторы становятся паритетными с прежде безусловно доминировавшими социально-экономическими, диктует качественно иные требования к характеру, целям, методам и формам СКД, ее статусу, системе социальных институтов. Виды социально-культурной деятельности складывались исторически, постепенно оформлялись в систему, выполняющую посреднические функции между личностью и миром культуры. Цель этих видов деятельности – приобщение личности к миру культурных ценностей, включение ее в развивающий и культууроформирующий процесс. Особенность этой деятельности состоит в том, что она мотивируется потребностями личности в свободной, нерегламентированной деятельности, которая диктуется не принуждением извне, а внутренней потребностью в духовном развитии, творчестве, общении. Вместе с тем социально-культурная деятельность представляет собой сложный общественный феномен, охватывающий различные стороны жизнедеятельности общества, результаты которой имеют как личностный, так и общественный смысл.

Овладевая культурой, знакомясь с достижениями прошлых поколений и с настоящим культурным опытом, непосредственно участвуя в художественном процессе и проявляя свою социальную активность, включаясь в культурную коммуникацию и игровую деятельность, человек формирует свое субъективное начало. Освоение культурного опыта, его поддержание, сохранение, многочисленные интерпретации, включая многообразные формы воспитания и образования, – все эти виды культурной детерминации нуждаются в социальном регулировании и управлении.

Решение данной проблемы возможно посредством использования социально-культурных технологий разного уровня и направленности. Сегодня «социальные технологии» разного направления начинают активно разрабатываться и внедряться в практику функционирования культурно-досуговых и др. учреждений социально-культурной сферы. Понятие «технология СКД» в системе досуговых учреждений имеет свою специфику, определяемую содержанием деятельности и условиями организации; культууроформирующим, творческим, рекреационным потенциалом деятельности учреждений этого типа.

В целях дальнейшего анализа необходимо остановиться более подробно на понятии «социально-культурная деятельность». Основываясь на современных концепциях СКД [1], ее сущностные черты можно определить следующим образом. Социально-культурная деятельность – это общественно-целесообразная, определяемая нравственно-интеллектуальными мотивами личности деятельность, содержанием которой является созидание, освоение, сохранение, распространение, интерпретация ценностей культуры. Социально-культурная деятельность носит социализирующий, развивающий, творческий, нормативный характер. Заслуживает особого внимания определение СКД, сделанное В. В. Туевым в статье «Социально-культурная деятельность: понятие и предметное поле», где автор понимает СКД как «управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культуре и активного включения самого человека в этот процесс» [2, с. 32–33]. Управляемый процесс – значит проектируемый, прогнозируемый, осуществляющийся поэтапно, в соответствии с определенными технологиями.

Прежде чем обратиться к понятию «технология СКД», имеет смысл рассмотреть структуру СКД, так как это позволит выйти на проблему социально-культурного моделирования с помощью специальных технологий.

Основываясь на анализе структуры культуры как социального явления, предложенной Л. Н. Коганом [3, с. 9–10], можно данный принцип структурирования применить и к социально-культурной деятельности,

с целью систематизации содержательного наполнения. Соответственно структуру социально-культурной деятельности можно представить как состоящую из трех основных блоков: когнитивный – характеризует СКД как совокупность социально-культурного опыта, накопленного человечеством (знания, значения, смыслы, ценностные установки и представления); поведенческий – определяет СКД как нормативную систему, предписывающую человеку определенные социальные требования (обряды, обычаи, ритуалы, поведенческие модели); праксеологический – понимается как регулирование социально-культурной деятельности через досуговые общности, объединения и организации; государственные и общественные социально-культурные институты. С этим блоком тесно связано понятие «технологии СКД» как механизма движения от цели к результатам поэтапно, посредством организации управления через систему специальных социально-культурных институтов.

Термин «технология» заимствован из области технических дисциплин. Но тем не менее все чаще используется в гуманитарных дисциплинах: культурологии, социологии, педагогике [4, с. 94–107; с. 146–166].

Введение этого понятия в терминологический аппарат социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, как утверждает А. Д. Жарков, «представляется целесообразным, поскольку оно отражает совокупность оснований профессиональной, информационной, социально-педагогической и инициативной систем» этой деятельности [5, с. 24].

Социально-культурные технологии необходимо рассматривать с различных сторон. Во-первых, как средство практического и даже прагматического достижения поставленных целей культурного, нравственного развития личности с применением результатов социального моделирования, анализа эффективности, учета различных форм обратной связи, внесением корректив и поправок. Во-вторых, социально-культурные технологии – это деятельность людей (профессионалов и любителей), реализация их социальной энергии, интеллекта, выражение способностей, умений. Эти социально-педагогические действия осуществляются в конкретных социально-культурных условиях через специфические институты социально-культурной деятельности (научно-просветительные, культурно-досуговые, концертно-зрелищные и др.).

В-третьих, социально-культурные технологии – это вид операционального социально-культурного самопознания. Можно сказать, что социально-культурные технологии – это социальный институт инноваций и социально-педагогического, социально-культурного творчества, организации и самоорганизации, диагностики, тактики и стратегии развития. С этим связано понимание технологии как искусства и мастерства. Технология не просто комплекс операций, она полагает и авторское решение,

и отношение, тем самым связана с мировоззрением, ценностными ориентациями и установками личности – организатора-постановщика социально-культурных программ.

В-четвертых, социально-культурные технологии – это знание необходимого механизма конструирования форм СКД, определенные требования к информационно-художественному материалу, процессу организации и управления; операции и этапы; требования к организатору СКД с точки зрения социально-профессиональных характеристик.

С учетом всего вышеуказанного социально-культурные технологии не только моделируют определенные социально-культурные формы и программы, но и социально-культурную ситуацию в целом.

Социально-культурная технология является продуктом человеческой деятельности, поэтому представляет собой не только комплекс технологических операций, но и результат, отражающий мировоззрение позиции личности, индивидуальное видение и собственную интерпретацию, может быть, уже сложившейся структуры формы.

На наш взгляд, понятие «социально-культурные технологии» имеет два значения. Во-первых, социально-культурные технологии – это, прежде всего, процесс целенаправленного воздействия на социальный объект–аудиторию (массовую, групповую, индивида), обусловленный необходимостью и потребностью получения результата (культуроразвивающего, творческого и т. д.), и в этом плане технологичность воздействия отвечает таким понятиям, как этапность, процедурность, операциональность. Исходя из такого видения, СКД можно охарактеризовать как определенную социальную прагматику, выстраивающую в один ряд цель, средство и результат. Координация и субординация цели, средств и результатов предполагает вариантность, учет множества факторов, систему критериев и оценок. Социально-культурная деятельность, как и всякая другая разновидность социальной деятельности, имеет свою структуру, благодаря которой она может поэтапно расчленяться и последовательно реализовываться. Основными компонентами деятельности выступают целеполагание, выбор способов действия и его инструментария, оценка результатов деятельности:

Таким образом, технология СКД предполагает системный анализ, отбор, конструирование и контроль всех компонентов педагогического процесса в их взаимосвязи с целью достижения педагогических результатов.

С другой стороны, социально-культурные технологии представляется возможным рассматривать как механизм создания форм социально-культурной деятельности, их разработку и моделирование в соответствии с закономерностями функционирования, целевыми установками и назначением той или иной формы. Так, например, праздник, обряд, конкурс и другие формы СКД имеют устойчивую внутреннюю структуру, состоящую из ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных устойчивых элементов, которая выражает специфичность той или иной формы. Содержание формы (информационно-логическое, художественно-образное) меняется в зависимости от замысла автора, условий воплощения, но некая изначально заложенная структура, как основа формообразования, сохраняет стабильность, при внешней динамичности и наполняемости различным материалом. Каждая социально-культурная форма имеет свою специфику, свою внутреннюю структуру, присущие только ей закономерности организации материала. Технология предполагает знание общих и частных закономерностей построения той или иной формы, способов и приемов воплощения информационно-художественного материала в адекватную содержанию структуру (обряд, конкурс, вечер отдыха, тематический вечер и др.). Так, например, конкурс как форма может быть разным по содержанию («КВН», профессиональный конкурс и др.), но такие устойчивые элементы, как «приветствие команд», «визитная карточка участников», конкурсы-задания, составляющие основное действие («домашнее задание», «разминка», «выездной конкурс», «конкурс болельщиков», «творческий конкурс» и т. д.), составляют его формообразующую структуру при условии меняющегося содержания.

Необходимо рассмотреть соотношение понятий «технология» и «методика», так как имеют место представления о том, что «технология» в социально-культурной деятельности избыточное понятие, так как методики, как системы организации субъектно-объектных отношений и целе-

направленного формирующего воздействия на личность, достаточно для того, чтобы реализовать многообразные цели этой деятельности. Имеет смысл остановиться специально на различии этих понятий. Методика понимается нами как совокупность средств, форм и методов, объединенных общей педагогической целью; посредством методики осуществляется воздействие субъекта (организатора-постановщика социально-культурных программ, руководителя творческого коллектива) на объект (досуговую аудиторию разного уровня стабильности). А «технология» – это не только сложный, многоплановый, целенаправленно организованный процесс воздействия субъекта на объект с культуроразвивающими целями, но и создание продукта социально-культурной деятельности – формы. Форма воплощает в своей структуре инструментарий воздействия и разрабатывается с учетом материально-технических и кадровых условий.

Методика исходит из активности того, кто ее применяет, использует или внедряет, и пассивности того, в отношении кого она применяется. В отличие от этого «технологии социально-культурной деятельности» проистекают из логики функционирования и развития объекта воздействия, учитывают не просто этапы воздействия, но и все факторы, условия, особенности реализации социально-культурных программ.

Отличием социально-культурных технологий от методики воздействия является то, что технологии вариативны, т. е. предполагают высокую степень динамичности, обобщенности, адекватности меняющимся условиям, новым, в том числе нестандартным ситуациям. Социально-культурные технологии строятся на основе принципа саморегуляции, самонастраивания и самокоррекции. Использование социальных технологий предполагает своеобразную интерпретацию принципа дополнительности, полагая под этим то, что разные социально-культурные технологии не исключают друг друга, а, наоборот, дополняют.

Таким образом, социально-культурная деятельность реализуется посредством «методики» и «технологии» – двух взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов. Целью методической деятельности является разработка тактики подготовки и проведения социально-культурной формы, психолого-педагогических приемов воздействия субъекта на объект (аудиторию); моделирование развивающих ситуаций, реализация целей педагогического воздействия, коррекция результатов. Целью технологической деятельности является разработка конкретных методов и приемов организации материала в социально-культурную форму в соответствии со спецификой и закономерностями ее структуры с учетом социально-демографических и социально-психологических особенностей аудитории; необходимых материально-экономических условий (материально-техни-

ческое и кадровое обеспечение). Исходя из практики социально-культурной деятельности, основываясь на теоретических исследованиях в этой области, можно выделить следующие социально-культурные технологии: информационно-публицистические, информационно-просветительные, празднично-обрядовые, информационно-художественные, рекреационно-развлекательные.

Изучение вопросов разработки, освоения, применения социально-культурных технологий в современной досуговой сфере является актуальной проблемой для дальнейших научных исследований в этой области знания.

Литература

1. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб.: «ЭГО», 2001; Киселева Г. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – М., 1995; Социально-культурная деятельность: поиски, проблемы, перспективы. – М., 2000; Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика. – Кемерово, 2002; Стрельцов Ю. А. Культурология досуга. – М., 2002.
2. Туев В. В. Социально-культурная деятельность: понятие и предметное поле // Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика. – Кемерово, 2002.
3. Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург, 1992.
4. Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование. – Ростов н/Д: Феникс, 2001; Социальная педагогика / под ред. М. А. Галагуровой. – М., Владос, 2002.
5. Жарков А. Д. Технология культурно-досуговой деятельности. – М., 2002.

Булатова С. Н. (Кемерово, КемГУКИ)

Целевая комплексная программа в социально-культурной сфере: технологии разработки

Развитие рыночных отношений в сфере культуры потребовало технологии освоения части бюджетных средств, выделяемых для организаций культуры, необходимости привлечения средств из других источников финансирования и организации этих средств в соответствующий документ, которым стала целевая культурная программа.

Освоение приемов разработки целевых программ неразрывно связано с применением современных технологий. Анализ литературных источников по проблеме показывает, что большинство программ разраба-

тывается без достаточной технологической проработки. Отсюда многовариантность их структур и содержания, излишняя детализация элементов или, наоборот, слишком укрупненные блоки, не позволяющие эффективно управлять их реализацией.

Программный подход может дополнить разработку отраслевых и территориальных планов, позволить скоординировать усилия различных партнеров и соисполнителей. Он является экономической (конкретная смета, обосновывающая возможность реализации программной деятельности) и правовой (в виде договора) гарантией защиты интересов конкретных групп населения и потребителей. Кроме того, он защищает профессиональные права работников учреждений культуры, давая возможность работать им на конкретный культурный проект. Этим же договором защищаются права работника культуры как исполнителя.

Следовательно, программа выступает нормативным актом, требующим четкой структуры и взаимосвязи элементов, что обеспечивается верно выбранной технологией [1, с. 14]. Технология трактуется Л. И. Рудич: - как совокупность производственных процессов в определенной сфере производства продуктов или услуг; - как последовательность потока работ: «кто» и «что» делает, «зачем», «когда» и «где», «как часто»; - как любое средство преобразования исходных материалов, будь то люди, информация или физические материалы для получения желаемых продуктов и услуг; - как научное описание способов производства [1, с. 14].

Из приведенных характеристик видно, что эта дефиниция рассматривается как технология производственного процесса, определенный способ осуществления культурно-досуговой деятельности по достижению целей, рациональное расчленение деятельности на процедуры и операции. Это понятие применимо в определенной мере к любой области человеческой деятельности.

Мы склонны принять точку зрения Г. Л. Тульчинского [2, с. 120], который считает, что технология разработки программы должна давать ответы на такие вопросы, как:

1. Кому и зачем нужна конкретная программа?
2. Какая необходима программа (по объему и содержанию)?
3. Как будет разрабатываться программа?
4. Кто будет разработчиком и реализатором программы?
5. Каким образом будет организована реализация программы?

Далее Г. Л. Тульчинский представляет технологию в виде ответов на поставленные вопросы, иллюстрируя это на примере подходов к проектированию региональных культурных программ:

1. Кому и зачем нужна программа? Заказчиком разработки культурной программы могут быть самые различные социальные субъекты

(органы власти, общественные организации и т. п.). Однако чаще всего, необходимость в разработке программы возникает у местных органов государственного управления, нуждающихся в определении приоритетов развития культурной деятельности в регионе на определенную перспективу. Разработка программы может быть обусловлена также необходимостью координации и интеграции сил и средств различных субъектов для решения какой-то общей комплексной задачи. Кроме того, культурная программа является важнейшим условием и предпосылкой привлечения средств из различных источников, дает конкретный материал для организации рекламной деятельности, паблик рилейнз и т. д.

2. Какая необходима программа? Рассматривается два варианта программ. Один в американском духе – «мягкий вариант» – сводит программу к совокупности поступивших заявок и проектов. Другой – «жесткий», который предполагает трудоемкое исследование, конкретизацию приоритетов в расписанные по конкретным срокам виды работ на перспективу.

Следует только помнить, что в любом варианте материалы как «большой» программы (в «жестком» варианте), так и конкретные вопросы в рамках схемы приоритетов (в «мягком» варианте) должны иметь не только полное рабочее исполнение, включающее подробно прописанные: проблему, идею, цели, задачи, содержание, обоснование обеспечения, схему контроля реализации и т. п. Необходимо также иметь аннотацию программных документов, их краткий вариант для использования в качестве раздаточного, рекламного материала, используемого в акциях по созданию общественного мнения.

3. Кто будет разрабатывать программу? Разработкой программы могут заниматься непосредственно сами работники аппарата управления соответствующего государственного органа. Они лучше владеют информацией, знают проблемы и т. д. Опыт показывает, что у такого пути имеются существенные недостатки. Во-первых, разработка перспективной программы требует серьезного отвлечения от текущих дел, что зачастую не идет на пользу ни текущим делам, ни разработке. И во-вторых, чиновник, остающийся в кругу хорошо ему знакомых текущих проблем, с большим трудом может выйти за их горизонт, что принципиально необходимо при такой разработке.

Поэтому в высшей степени целесообразно привлекать для такой разработки независимых специалистов, хорошо ориентирующихся в современных культурных процессах, их динамике, местных особенностях и традициях. Опыт показывает, что небесполезным оказывается привлечение специалистов из гуманитарных вузов, научных центров. Однако полностью перепоручать разработку сторонним специалистам не следует

– разработка может оказаться излишне абстрактной, вариантом безответственного прожектерства, игрой ума, представляющей, в лучшем случае, теоретический интерес, не более. Поэтому в группу разработчиков обязательно должны войти также местные работники культуры, как наиболее опытные и компетентные из них, так и молодые, инициативные и перспективные специалисты. Существенно облегчит разработку программы и ее последующую реализацию привлечение к ее разработке представителей местной законодательной и исполнительной власти (депутатов – членов комиссии, ведущих чиновников соответствующих служб), а также представителей общественности (творческих союзов, общественных организаций), ведущих журналистов, интересующихся проблемами местной истории традиций и культурной жизни.

Организационно привлечение всего этого круга лиц может быть оформлено в виде комиссии по разработке программы, создания временного трудового коллектива и т. д. С активными участниками разработки могут быть заключены конкретные договоры подряда, трудовые соглашения, договоры на куплю-продажу интеллектуальной собственности и т. п.

4. Как будет разрабатываться программа? Сама разработка может включать в себя анализ состояния сферы культуры в регионе, проведение специального исследования (опросов, анкетирования, наблюдений, контент-анализа документов и прессы), проведение семинаров, конференций и т. п. Такой путь, однако, серьезно задерживает и удорожает разработку. На основе исследований (по которым представляется аналитический отчет) надо выработать рекомендации, и только на их основе – собственно проектную часть программы.

Однако, на наш взгляд, описанные возможные варианты ответов на поставленные вопросы – это еще не технология целевых программ в полном смысле этого понятия. Наше представление о технологической модели ассоциируется с сетевым графиком, который представляет собой графическое изображение плана разработки проекта, где в определенной технологической взаимосвязи показаны все операции, выполнение которых необходимо для достижения конечной цели, предусмотренной планом проектных работ.

В практике учреждений культуры сетевые модели используются в информационных технологиях, в мероприятиях клубов и домов культуры, для проведения экспозиций в музеях и др. Сетевое планирование более всего нашло применение в инженерных и строительных проектах. Оно также применимо к таким предпринимательским проблемам, как проведение маркетинговых кампаний, координация и планирование

всей деятельности, необходимой для проведения акций (фестивали, ярмарки, праздники).

В основе сетевой модели может лежать «событие» и «мероприятие» – это момент принятия решения или выполнения задачи. События считаются также контрольными ориентирами. События и мероприятия, включенные в сетевую модель, можно представить шестью этапами:

1 этап. Подготовка и составление полного перечня всех мероприятий и работ, необходимых для завершения проекта. На этом этапе вся планируемая работа расчленяется на операции, и составляется полный перечень этих операций с указанием их длительности (в рабочих днях, часах или месяцах – в зависимости от характера плана). От обычного плана-перечня мероприятий такой перечень отличается только тем, что вместо даты, к которой та или иная операция должна быть исполнена, указывается именно рабочее время, необходимое для ее выполнения. Главное на этом этапе – не пропустить ни одной из необходимых операций. Характер и масштаб членения планируемой работы на операции полностью зависят от кадровых возможностей, масштабов планируемой работы, накопленного опыта.

2 этап. Составление сетевой модели с расположением всех мероприятий в соответствующей последовательности друг к другу (вычерчивание сетевой модели). Сетевой график представляет собой графическое изображение упорядочения запланированных в перечне операций; структуру, состоящую из кружков с цифрами и соединяющих их стрелок.

3 этап. Упорядочение работ в зависимости от их длительности. Время, необходимое для выполнения каждого мероприятия, должно определяться очень осторожно, так как главное в системе сетевого планирования – это определение всего времени, необходимого для выполнения проекта в целом. Так как определение времени является ключевым фактором, необходимо, чтобы несколько человек ориентировочно рассчитывали оптимальное, вероятное, максимальное время. Эти три варианта времени затем усредняются, чтобы определить расчетное время.

4 этап. Расчет критической кривой – это кривая диаграммы сетевой модели, обозначающая максимальный срок выполнения программы. Время, выполнения всего проекта определяется кривой, фиксирующей самый длительный период времени. При этом определяется то минимальное количество рабочего времени, которое необходимо для реализации всей программы.

5 этап. В качестве контрольной меры разработчики проекта должны обратить особое внимание на то, чтобы все критические события осуществлялись точно в срок. Если работа, обозначенная на критической

кривой, требует слишком много времени для выполнения, то проект не будет завершен вовремя. Руководитель должен предпринять корректирующие действия для продолжения работы. Такие действия могут включать: наем дополнительных рабочих рук, увольнение не оправдавших надежд работников и покупку более производительного оборудования.

6 этап. Разработчики проекта могут отложить начало мероприятий, которые не указаны в критической кривой.

Используя предложенную нами технологию, мы предлагаем один из вариантов сетевой модели, включающей 44 элемента (таблица 1).

Таблица 1

Перечень операций технологии разработки целевой программы

Операция	№ элемента	Примечания
1. Выявление проблемной ситуации	0	
2. Заказчик	1	
3. Разработчики программы	2	
4. Создание рабочей группы	3	
5. Бизнес-план программы	4	
6. Ресурсы для разработки программы (расчет технико-экономического обоснования)	5	
7. Определение источников информации	6	
8. Сбор информации	7	
9. Анализ исходной информации	8	
10. Апробационно-поисковая деловая игра по проектированию	9	
11. Принципы программы	10	
12. Паспорт	11	
13. Цель	12	
14. Подцели	13	
15. Стратегия достижения	14	

Операция	№ элемента	Примечания
16. Задачи программы	15	
17. Структура	16	
18. Содержание программы	17	
19. Элементы содержания	18–26	
20. Ресурсы программы 4 элем. (объем)	27	
21. Источники ресурсов	28	
22. Обоснование содержания	29	
23. Обоснование ресурсов «цель-средства»	30	
24. Определение конечного результата	31	
25. Сшивание программы	32	
26. Механизм реализации	33	
27. Пояснительная записка	34	
28. Резюме	35	
30. Альтернативные варианты программы	36	
31. Независимые эксперты	37	
32. Рецензенты	38	
33. Доведение до заказчика (исполнителя)	39	
34. Согласование программы (финансисты, юристы, общественность)	40	
35. Утверждение программы	41	
36. Деловая игра по внедрению целевой программы (адаптационная игра)	42	
37. Пропаганда программы	43	
38. Контроль реализации (обратная связь)	44	

Мы исходили из того, что наличие проблемной ситуации (номер элемента 0) формирует заказчика (1), который определяет разработчиков, и формируется рабочая группа (команда). Именно команда начинает свою деятельность с разработки бизнес-плана, как документа содержащего технико-экономические характеристики проекта необходимых затрат и ожидаемых результатов. Эти данные предназначены для инвесторов и разработки программы, а не для самой программы. С момента определения ресурсов и затрат на проектирование начинается работа над самой программой (позиции 6–35). Сбор информации и ее анализ (6 и 7) осуществляются параллельно, а проблемно-поисковая игра позволит определить принципы и паспорт программы (10 и 11). Вся подготовительная работа обеспечивает выработку целей, подцелей, стратегии и задач. Их реализация обеспечивается содержанием, ресурсами и ожидаемыми результатами. Заканчивается работа «сшиванием» нескольких альтернатив программы и определением механизма реализации.

Известно, что резюме или пояснительная записка помещается в начале программы, а пишется на стадии ее завершения (34, 35) т. к. требуется синтезировать все, что в ней представлено, в максимально точном и сжатом тексте.

Подготовительные альтернативные варианты программы должны пройти оценку независимых экспертов или рецензентов. После этого программа представляется заказчику на присвоение ей статуса законности. После ее утверждения она становится нормативным документом для исполнителей программы и требует мер по внедрению. Первым элементом, обеспечивающим внедрение программы, является адаптационная деловая игра. Она во многом позволяет исполнителям понять идею, цели и пути реализации программы, делает участников игры активными сторонами, т. к. ускоряет адаптационный процесс для работников. Кроме игры, должна вестись пропаганда программы, ее реклама. Заключительным элементом является контроль или обратная связь в реализации программы. Однако этот элемент скрыто присутствует во всех этапах и операциях модели. Предложенная технология может быть применена при разработке целевых программ в организациях культуры.

Литература

1. Рудич Л. И. Менеджмент СКС. Основы технологии: учеб. пособие для студентов институтов искусств и культуры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996.
2. Тульчинский Г. Л. Технология менеджмента. – СПб., 1999.

Технологическое единство функций менеджмента в социально-культурной сфере

Сегодня людей остро волнуют пути экономической реформы, перспективы межнациональных отношений, состояние окружающей среды, рост преступности и т. д. В сфере культурно-досуговой деятельности все вышеуказанные проблемы приобретают особо острый характер. Возникают многие процессы, связанные с активной общественной и творческой деятельностью, потреблением ценностей духовной культуры, интеллектуальным и физическим формированием личности. Это, в свою очередь, предъявляет возрастающие требования к повышению эффективности работы. Для решения нового типа задач нужен новый тип руководителя: владеющий современной и объективной информацией и информационными технологиями, умеющий сочетать тактические и стратегические вопросы решения проблем и достижения результатов, знающий технологию культурно-досуговой деятельности. Технологический процесс культурно-досуговой деятельности – это целая система, в которой взаимодействуют все компоненты, преобразуясь согласно содержанию и структуре. Целостная система технологии культурно-досуговой деятельности в учреждениях социально-культурной сферы состоит из нескольких подсистем. Они связаны между собой и представляют единство идеальных и предметных компонентов.

Управление организациями в условиях рыночной экономики значительно сложнее, чем в централизованной командно-административной системе. Это связано как с разрешением их прав и ответственности, так и с необходимостью более гибкой адаптации к изменениям в окружающей среде. Возникают новые цели и задачи, которые раньше организации самостоятельно не решали и даже не ставили; создается много новых предприятий, под влиянием процессов приватизации меняются формы собственности, устанавливаются новые хозяйственные связи; формируются рыночные механизмы управления.

Все возникающие в связи с этим проблемы невозможно решить без современного профессионального менеджмента. Более того, по мере укрепления новых социальных и экономических отношений его роль будет расти, так как это вид управления, полностью отвечающий потребностям развития рыночной экономики. Он представляет собой особый вид профессиональной деятельности, направленной на достижение организацией, действующей в рыночных условиях, оптимальных хозяйственных

результатов на основе применения многообразных принципов, функций и методов социально-экономического механизма менеджмента.

Для решения задач менеджмента менеджер устанавливает цели, каковыми они должны быть, определяет задачи каждой группе целей и решает, что должно быть сделано, чтобы достичь этих целей. Он планирует конкретные действия по развитию учреждения, достижению поставленных целей и распределению для этого ресурсов. Результатом планирования являются стратегический, досрочный или текущий план, программа, прогноз или модель. Все управленческие действия менеджера оформляются документами: целевые и др. программы; план работы на год, план работы на квартал, план работы на месяц и т. д., проекты, сметы.

Кроме того, менеджер определяет условия и организует, анализирует виды деятельности, принимает управленческие решения, устанавливает отношения, необходимые для достижения целей, определяя трудовые и материальные ресурсы, необходимые для выполнения плана и достижения поставленных целей, устанавливая задачи перед сотрудниками, организуя работу. При этом менеджер пользуется такими документами:

- штатное расписание,
- должностные обязанности,
- план работы сотрудников,
- инструкции,
- методические указания,
- приказы, распоряжения,
- учетная политика предприятия,
- устав, положение.

В процессе работы менеджер осуществляет контроль и анализ деятельности учреждения по достижению целей. Это сбор, обработка, анализ и хранение информации о фактическом состоянии учреждения и внешней среды. Контроль и анализ позволяют сопоставить данные учета о фактическом состоянии учреждения с ожидаемым, выявляют расхождения и дают их оценку. Всем этим действиям сопутствуют следующие документы: отчеты, оперативная информация, план работы на конкретный период, сбор сведений о проделанной работе в письменном виде, предварительная отчетность, составление анализа.

Таким образом, мы видим, что менеджмент – это важнейшая составная часть совместной общественной деятельности в любой области труда, поскольку главное-взаимодействие людей для решения конкретных задач. Менеджмент позволяет решать свои задачи и достигать поставленные цели в наиболее полном объеме, с наименьшими затратами, при контролируемых последствиях. Деятельность любой организации связана

с созданием и переработкой огромного количества документов. Именно документы, т. е. зафиксированная на материальном носителе информация, имеющая юридическую силу, служат основным доказательством того или иного факта при решении хозяйственных споров с партнерами по бизнесу в арбитражном суде или при рассмотрении трудовых конфликтов с работниками предприятия в народном суде.

Управление организацией неизбежно требует создания многих видов управленческих документов, без которых невозможно решать задачи планирования, финансирования, кредитования, бухгалтерского учета и отчетности, оперативного управления, кадрового обеспечения деятельности организации и т. п. Коллегиальная деятельность учредителей фиксируется в протоколах, распорядительная деятельность директора – в приказах и распоряжениях по основной деятельности и по личному составу; работа ревизионных комиссий – в актах; производственно-хозяйственная деятельность – в договорах, контрактах, коммерческой переписке и т. д.

Многие виды управленческих документов организация обязана предъявлять при проверках со стороны Государственной налоговой службы, при комплексных документальных ревизиях, проводимых аудиторами.

Документы организаций, отражающие производственно-хозяйственную деятельность, представляют определенную историческую ценность, относятся к памятникам культурного наследия нашего времени, являются частью Архивного фонда России и подлежат сдаче в государственные архивы.

Особое значение имеют документы по личному составу, отражающие трудовую деятельность работника и подтверждающие трудовой стаж, необходимый для начисления пенсии. Важнейшая роль этих документов в жизни каждого человека зачастую недооценивается руководителями негосударственных структур, в результате чего кадровая документация либо ведется с грубыми нарушениями соответствующих требований КЗоТ и Инструкции по ведению трудовых книжек либо не ведется вообще. Согласно основам законодательства РФ об архивном фонде собственности документов негосударственной части Архивного фонда РФ обязаны обеспечивать постоянное хранение документов в создаваемых для этих целей архивах или структурных подразделениях организаций.

Как правило, руководители организации несут персональную ответственность за документальный фонд, образующийся в организации.

Нужно отметить, что непосредственное влияние на показатели эффективности управления, такие как экономичность, оперативность, результативность деятельности организации, оказывает выполнение технологических операций, связанных с документной информацией.

В настоящее время происходят качественные изменения в документировании и документационном обслуживании деятельности организации, требующие совершенствования форм, методов и технологии работы менеджеров с документами. Так как технология – это производственный процесс, в котором при выполнении работ следует ответить на вопросы «кто?» и «что делает?», «зачем?», «когда?» и «где?», «как часто?», то она применима и необходима при любых управленческих решениях.

В последовательном применении технологии управленческой деятельности организации социально-культурной сферы следует постоянно, отвечая на вопросы, соблюдать следующие элементы:

- 1) зачем делать (идея, цель)?
- 2) что делать (количество и качество объекта)?
- 3) как делать (по какой технологии)?
- 4) для кого делать (потребители)?
- 5) с какими затратами (ресурсы)?
- 6) где делать (место)?
- 7) когда делать (время)?
- 8) кому делать (исполнители)?
- 9) что это дает (экономический, социальный и другие виды эффекта)?

В социально-культурной сфере подавляющее большинство технологий нематериального производства в качестве конечного элемента имеют нематериализованный продукт, именуемой услугой. При этом услуга чаще всего может быть произведена в рамках системы «человек-человек» или «человек-техника-человек». Именно такие технологии называют социальными. В силу этого такие области, как культура, искусство, образование, управление, в качестве основного элемента технологии имеют человека с его интеллектуальными ресурсами и информацией, а также действие преобразования, хотя в отдельных случаях социальная технология может иметь конечным продуктом материализованную информацию. Тогда она совмещается с технологией материальной сферы.

Составными частями любого технологического процесса управления являются функции управления. К функциям менеджмента М. Месхон относит: планирование, организацию, мотивацию, контроль, коммуникации, принятие решений.

З. П. Румянцева предлагает еще одну центральную функцию – координация. Все эти функции взаимосвязаны в любом управленческом процессе и дополняют друг друга.

Любая функция менеджмента сопровождается совокупностью операций по составлению, приему, регистрации, передаче, отправке, контролю, хранению и уничтожению организационно-распорядительной

и другой служебной документации, т. е. функциями делопроизводства. К основным функциям делопроизводства относятся:

- прием и обработка документов;
- регистрация документов;
- контроль исполнения документов;
- учет документов;
- обеспечение хранения документов;
- классификация документов;
- составление номенклатуры дел,
- формирование дел,
- оформление дел для сдачи в архив.

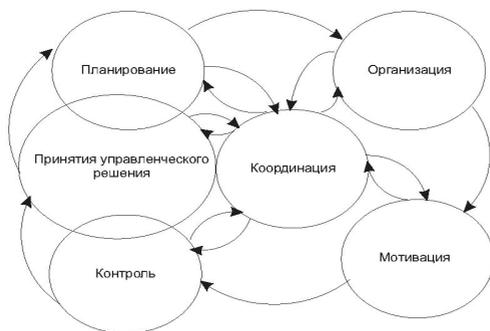

Рис. 1. Взаимосвязь функций менеджмента

Для того чтобы выработать определенные принципы составления, оформления документов, формы и методы работы с ними, сотрудник организации, отвечающий за ведение документов, выполняет функцию делопроизводства – классификацию документов, которая способствует повышению оперативности работы аппарата управления и ответственности исполнителей. Классификация документов обеспечивает быстрый их поиск, ускоряет исполнение и контроль. Кроме того, одной из основных функций в делопроизводстве, обеспечивающей систематизацию документов, является составление номенклатуры дел.

Номенклатура дел фактически предопределяет всю систему хранения документов в текущей работе с документами. Она служит для расширения и группировки исполненных документов в дела, для установления сроков хранения дел и является учетным документом в архиве организации дел временного хранения.

Таким образом, из приведенных примеров мы видим, что высокая исполнительская дисциплина всех сотрудников этой организации обеспечивает надежную сохранность документов и их быстрый поиск, повышает результативность труда работы, т. к. все формы управленческой деятельности находят отражение в документах, где планы, программы организации выступают как предмет и результат труда, тем самым осуществляется технологическое единство функций менеджмента и делопроизводства.

Нами был проведен анализ состояния технологического единства функций менеджмента и делопроизводства в учреждениях культуры г. Кемерово. Респондентам (44 человека) были предложены две анкеты: одна руководителям учреждений культуры, вторая – специалистам и главным бухгалтерам учреждений культуры.

По результатам анкетирования руководителей установлено, что нормативные документы по ведению делопроизводства изучаются редко (32 %), 19,5 % пользуются только по мере необходимости. Половина опрошиваемых (51,5 %) подтвердили, что для ведения документационной базы назначен специалист, но 33,3 % указали, что работа с документами не поставлена на должный уровень, и еще 15,2 % указали на низкое решение этого вопроса, а в результате при увольнении 21,2 % передают документы не по приказу, а в неофициальной форме или вообще не передают. Еще болеестораживающий ответ мы получили, уточняя, всегда ли способствуют совершенствованию деятельности получаемые документы от вышестоящих организаций. Только 24,3 % опрошенных склонны считать, что документ иногда способствует повышению эффективности, так как содержание документа связано с работой руководителя.

Большое число респондентов (66,7 %) считают, что документ не способствует совершенствованию деятельности руководителя, т. к. отсутствует единство функций назначения документа и функций руководителя. И основная причина в том, что иногда документы (приказы) оформлены не по стандарту (9 %) 57,6 % респондентов считают, что поступает излишняя документация, содержание которой не соответствует функциям деятельности данного учреждения. В то же время 70 % респондентов подтверждают, что в информационном потоке отражено единство функций менеджмента и делопроизводства, но часто содержание документа неоднозначно, некорректно, что отнимает большое количество времени на его обработку.

Анализ поступившей документации также показал несоответствие формулировки документа с данными, которые необходимо было представить в вышестоящие органы, т. е. нарушено технологическое единство

функций менеджмента и документа. Основная причина указанных отклонений – отсутствие систематической работы по совершенствованию делопроизводства, по изучению нормативных документов.

По результатам исследования были разработаны предложения по совершенствованию функций делопроизводства. Мы полагаем, что этого единства можно достигнуть, повысив квалификацию по информативному обеспечению руководителей внешнего звена. Нами разработана программа «Основы делопроизводства», которая предназначена для целенаправленного обучения управленческих кадров, с практическим анализом издаваемых организационно-управленческих документов.

Литература

1. Основы законодательства РФ об Архивном фонде Российской Федерации и архивах. – М., 1993. – 10 с.
2. ГОСТ Р 6.30–97. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документа. – М.: Госстандарт России, 1997. – 27 с.
3. Кузнецова Т. В. Делопроизводство в бухгалтерии. – М.: ЗАО Бухгалтерский бюллетень, 1997. – 208 с.
4. Мескон М., Альберт М, Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. вступ. ст. М. И. Евтушенко. – М.: Дело, 1994. – С. 163–433.

Сабуцкая С. В. (Кемерово)

Деятельность методического центра по распространению и внедрению передового опыта работы социально-культурных учреждений (на примере Крапивинского района Кемеровской области)

В практике и научной литературе утвердилось положение о методической деятельности как процессе накопления информации и знаний, осмысления, переработки и отбора, распространения и внедрения лучших достижений работы в практику.

По существу, изучение, распространение и внедрение передового опыта составляют основной смысл деятельности научно-методических центров. Процесс анализа, обобщения и распространения опыта культурно-досуговой деятельности имеет свою структуру и определенные этапы. Остановимся на этапе, который заключается в распространении и внедрении обобщенного опыта, причем на примере практической деятельности

районного методического центра. При этом будем руководствоваться теоретическими положениями, изложенными в книгах «Методическое руководство культурно-просветительной работой» авторов Г. М. Бирженюк, Л. В. Бузене, Н. А. Горбуновой, «Научно-методические основы культурно-просветительной работы» Ю. А. Стрельцова и учебнике «Культурно-досуговая деятельность» под редакцией А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова. Эти труды, на наш взгляд, вооружают творческого человека хорошими знаниями о многогранной методической деятельности, предоставляют широкий простор для применения их на практике.

Каждое культурно-досуговое учреждение имеет определенный опыт и постоянно накапливает его. Вместе с тем совершенно не обязательно всегда и до всего доходить своим умом, игнорируя при этом сделанное и апробированное другими. Опыт не только наживается, но и заимствуется. Однако умелое использование опыта других учреждений культуры – не такой простой процесс, как это может показаться на первый взгляд. Мы прекрасно понимаем, что лишь одобрить и обобщить опыт, полагая, что он будет внедряться сам собой, недостаточно. Практикам для освоения чужого опыта после ознакомления, необходимо критически отнестись к нему и самостоятельно проверить применительно к местным условиям и возможностям.

Буквально перенести найденное в одних условиях в другие удастся редко – творчество не поддается тиражированию. Но опыт лучших нужен не для точного воспроизведения форм и приемов. Разве не представляет ценности то, что он дает пищу для размышлений? Талантливые практики обязательно найдут для себя что-то ценное в чужом опыте и применят в своей работе. Однако мы убеждены, что обмен опытом, его распространение должны быть тщательно организованы и методическим центром, и отделом (управлением) культуры.

Формы распространения передового опыта достаточно разнообразны. Наиболее эффективными из них являются семинары работников культуры, обучение в институте и на курсах повышения квалификации, научно-методические и научно-практические конференции, консультации, выезд методистов непосредственно на места. В распространении опыта большую роль играют местная печать, специализированные журналы по проблемам культурно-досуговой деятельности, издания, методические разработки методцентра, создание базовых и опорных учреждений культуры, художественных коллективов и т. д.

Все эти формы распространения интересного опыта работы широко применяются и у нас в районе. Крапивинский РДК, Зеленогорский ГДК, Борисовский, Банновский, Попереченский, Каменный, Перехляйский

СДК по праву считаются базовыми учреждениями культуры Крапивинского района Кемеровской области. На их основе проводятся семинары и совещания по обмену опытом работы, эксперименты.

Наглядная демонстрация того или иного опыта содержит большую познавательную и воспитательную ценность, поднимает авторитет тех, кто достиг вершины мастерства. Пропагандируя опыт лучших работников клубных учреждений, мы не ограничиваемся показом только их служебной деятельности, перечислением достигнутых результатов. Всем, например, интересно и полезно знать, что каждый из них представляет собой как личность, как характер.

Важно ведь не только назвать идущих впереди, главное – зажечь других, вызвать у них желание следовать примеру лучших. Глубина проникновения в «тайны» мастерства – вот что имеет самую большую методическую ценность.

Задача методиста заключается в том, чтобы донести передовой опыт до широкой аудитории. В арсенале районного методического центра немало форм и средств для яркой, убедительной популяризации интересного опыта, в том числе формы устной пропаганды – методические совещания, выступления с докладами, рефератами, семинары, научно-практические конференции, которые знакомят практиков с лучшим, новым, интересным, что есть в культпросветработе.

Наши методисты всячески стараются избежать ситуации, когда на такого рода мероприятиях выступающие пытаются вести речь не об опыте, а по поводу опыта. Вместо делового разговора о конкретных путях и методах улучшения работы пересказываются общеизвестные истины, в поверхностную информацию вставляются три-четыре фамилии лучших руководителей. Получается обмен сообщениями, а не опытом. Такое занятие – пустая формальность.

Проведение занятий непосредственно в клубных учреждениях, где накоплен положительный опыт, – весьма эффективная форма его изучения и распространения. Она позволяет приблизить учебу к жизни, на месте изучить интересный опыт работы, увидеть своими глазами, что и как нужно делать. Такие занятия повышают активность культработников в восприятии нового, учат анализировать увиденное, дают возможность меньше рассказывать и больше показывать, объяснять и учить на конкретном примере. При подготовке таких занятий методисты РМЦ заранее выезжают на место и помогают клубным работникам осмыслить, обобщить их опыт.

Это могут быть открытые репетиции коллективов художественной самодеятельности, семинары-практикумы, разнообразные показатель-

ные мероприятия. Чаще всего работники культуры просматривают разовые, эпизодические мероприятия (тематические вечера, конкурсные, концертные программы), а затем их обсуждают. Речь идет в основном об увиденном мероприятии. Но ведь по одному мероприятию трудно судить обо всей работе клубного учреждения. В дополнение к увиденному методисты всегда готовят подробный рассказ о работе клуба, с ее разбором, глубоким анализом, информируют, как те или иные приемы, использованные в показательном мероприятии, применяются в других формах работы.

Каковы секреты Борисовского и Каменного СДК? Как им удалось в течение трех лет подряд завоевывать звание «Клуб отличной работы»? Эти вопросы подробно освещали руководители этих учреждений культуры на семинаре «А ну-ка, менеджер!», действительно обладающие «секретом», как организовать, настроить коллектив на творческую работу, применяющие на практике основы маркетинга и менеджмента. Банновский СДК славится работой с семьей, Зеленогорский ГДК – различными видами платных услуг, Крапивинский РДК – внедрением новых форм работы и высоким качеством проведения мероприятий.

Интересно работают с пожилыми людьми, ветеранами Крапивинский и Зеленогорский клубы ветеранов, Максимовский СК. А Междугорский СДК поражает всех присутствующих необыкновенным художественным оформлением мероприятий и сценическими костюмами из доступных материалов. Опыт вышеназванных учреждений культуры пропагандировался на районных семинарах и «школах интересного опыта».

Очень плодотворной в плане распространения лучшего опыта работы была научно-практическая конференция «Новые формы и методы клубной работы». Всего было представлено 10 докладов, и в каждом – своя «изюминка».

Чтобы познакомиться с лучшим опытом сельского клуба, заведующие выезжали в Максимовский СК, дизайном клубного учреждения любовались в Междугорском СДК. С организацией выставок декоративно-прикладного творчества знакомилась на примере Крапивинского клуба ветеранов, с опытом работы с детьми в летний период – в Попереченском СДК. Работа кружка «Папье-маше» Каменного СДК пропагандировалась путем проведения передвижной выставки по району.

Среди действенных форм пропаганды, распространения передового опыта можно назвать смотры учреждений культуры, конкурсы и фестивали самодеятельных коллективов. Их организация и проведение, кстати, одно из важнейших направлений деятельности районного методического центра.

Из года в год проводится смотр-конкурс среди клубных учреждений культуры на звание «Клуб отличной работы», среди работников культуры – на звание «Лучший культпросветработник года». Ежегодно организуется районный конкурс среди учреждений культуры на лучшую постановку работы по какому-либо конкретному направлению или программе. Например, на лучшую постановку работы среди подростков и молодежи, с пожилыми людьми, по выполнению программ «Ключи от лета», «Дети. Кино. Культура», «Кино и школа», «Юные дарования Крапивинского района» и т. д.

Наряду с традиционными конкурсами проводятся и новые интересные конкурсы. Так, в 1999 году был организован районный конкурс «Клуб XXI века» по номинациям: «Клубный интерьер XXI века» и «Директор XXI века». Конкурс прошел очень успешно, было много претендентов на победу. Главное, что в результате родилось немало интересных идей, изменился, преобразился интерьер учреждений культуры.

Стало традицией в районе проводить конкурс хореографических коллективов «Крапивинские узоры». Вначале он проводился ежегодно. Затем, когда хореографический жанр набрал силу, чтобы оставить место в календаре для «подтягивания» других жанров самостоятельного творчества, стали проводить через год. Победители конкурса определяются в двух номинациях: «Профи» и «Хобби». Это дает возможность руководителям танцевальных коллективов, не имеющих специального образования, не чувствовать себя ущемленными, претендовать на победу среди равных себе.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что пульсирует живая сценическая традиция, делающая театр необходимым. Театральный жанр популярен и любим в народе. Этому способствует ежегодно проводимый в районе фестиваль театральных коллективов «Крапивинские зори». Районный фестиваль творчества молодежи «Шанс», конкурс эстрадных коллективов «Весенний микрофон», фестиваль рок-групп «Рок против наркотиков», фестиваль творчества ветеранов «Вернемся в молодость свою» и другие районные мероприятия – это красивые праздники для зрителей, а для культработников – своеобразная творческая лаборатория.

Проведение районных смотров, конкурсов, фестивалей способствует активизации деятельности учреждений культуры, а также позволяет выявлять и широко демонстрировать все лучшее в их работе. Подведение итогов по окончании смотров и конкурсов и обсуждение их на конференциях и есть не что иное, как изучение и пропаганда лучшего опыта

коллективов художественной самодеятельности. Но ведь не только об успехах идет речь на конференциях, говорится и о неудачах, ошибках. Наверное, это правильно, что, пропагандируя лучший клубный опыт, методисты стараются проанализировать и показать, почему одно клубное учреждение, самодеятельный коллектив постоянно набирают темпы, а другие топчутся на месте или даже сдают завоеванные позиции.

В методической работе по пропаганде и распространению передового опыта важно, чтобы каждый клубный работник, руководитель самодеятельного коллектива постоянно работал со специальной литературой, сделал ее своим помощником в подготовке и проведении различных мероприятий. В нашем районном методическом центре большое внимание уделяется учету и систематизации книг, брошюр, журналов, методических выпусков. Все подшито, аккуратно хранится, занесено в картотеку. Так должно быть и в каждом клубном учреждении культуры. Иначе ценная для практиков литература будет использоваться малоэффективно или вообще может потеряться. Бывая в учреждениях культуры, мы всегда обращаем внимание на хранение методической литературы.

В целях широкой информации о новой литературе по организации культурно-досуговой деятельности наши методисты регулярно проводят тематические обзоры и собеседования по вновь поступившей методической литературе, индивидуальные и групповые консультации.

В таких печатных изданиях, как «Клуб», «Встреча», «Народное творчество», «Молодежная эстрада», «Читаем, учимся, играем», «Клубный репертуар», дается анализ, ведется поиск правильного решения проблем культпросветработы, показывается процесс рождения, развития передового опыта, намечаются пути его широкого распространения, предлагаются сценарии мероприятий.

Методисты РМЦ стараются практически использовать те или иные рекомендации, крупницы опыта, которые содержатся в печатных изданиях. Обращая внимание не только что появившееся в литературе и практике интересное, полезное начинание, они подчеркивают, в чем же состоит суть этого нового, его специфика, по возможности пытаются показать метод, форму, средства его творческого применения с учетом тех групп населения, на которое рассчитано мероприятие, местных условий и возможностей клубного учреждения.

На страницах журнала «Клуб» в 1998 году была развернута очень интересная дискуссия по теме «Клуб XXI века». РМЦ решил вынести эту тему на обсуждение культработников района. Были сделаны ксерокопии

статей журнала с самыми различными точками зрения и заранее предложены для обдумывания культработникам. Затем состоялась встреча «За круглым столом». Обсуждались следующие вопросы:

- Точку зрения автора какой статьи вы разделяете? Почему?
- Какие досуговые учреждения нам необходимы в следующем веке?
- Каков ваш проект сельского Дома культуры XXI века?
- Кто они, культработники будущего?

Результатом встречи «За круглым столом» стали предложения:

1. Провести в 1999 году конкурс «Клуб XXI века» по номинациям: «Клубный интерьер XXI века» и «Директор СДК XXI века».
2. Провести учебу кадров по темам: «Культура и рынок» и «Менеджмент в культуре».
3. Провести социологическое исследование клубного потребителя в районе.

Все это впоследствии было выполнено.

Интересным получился разговор на совете директоров клубных учреждений по поводу большого материала «Культура псковского села», опубликованного в журнале «Клуб». Нас очень заинтересовала Программа «Сельский клуб», направленная на создание правовой, организационно-методической и экономической основы для формирования сельского клуба как центра культурной жизни села, развития основных направлений народной культуры Псковщины. Программа носит комплексный инновационный характер и призвана стимулировать адаптацию сельского клуба к современным рыночным отношениям, создание новых перспективных типов (моделей) клуба, отвечающих требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня.

Таким образом, обзор новых книг, брошюр, журнальных статей, сценарных материалов не ограничивается пересказом прочитанного. Речь постоянно идет о том, как можно использовать новый опыт в своей практике, применителен ли он к условиям наших Домов культуры и клубов.

Одним из важнейших факторов активного распространения передового опыта является издание научно-методическими центрами информационных материалов, методических разработок и т. д. Разработка и выпуск методических материалов занимает большое место и в деятельности нашего районного методического центра. Данная деятельность основана на повседневном изучении конкретного практического опыта лучших учреждений культуры. Уверены, что многие издания являются хорошим средством положительного воздействия на содержание работы учреждений культуры, самодеятельных коллективов, любительских объединений и клубов по интересам.

Методические материалы – это разнообразные печатные издания, содержание которых способствует распространению и внедрению передового опыта культурно-досуговой работы, новых направлений и форм деятельности учреждений культуры. Виды методических материалов достаточно разнообразны. Это методические рекомендации, инструктивные письма, различные положения, буклеты, сборники сценариев, брошюры, информационные сборники и т. д.

Каждое печатное издание методического центра носит методический, инструктивный и информационный характер. Независимо от вида методического материала в каждом из них, в большей или меньшей степени, заложена методика культурно-досуговой деятельности, рекомендуются новые формы, методы и средства их осуществления.

Основными из видов методических материалов являются методические рекомендации. Это печатный методический материал, в котором четко и ясно в концентрированном виде изложена методика рекомендуемого практикам процесса в виде определенных мероприятий культурно-досуговой деятельности с постановкой конкретных задач и целей. Среди других видов методических материалов методические рекомендации являются достаточно сложным и трудоемким в разработке документом. Сложность в том, что они должны отличаться в высшей степени актуальностью, злободневностью темы, быть в фокусе тех проблем, которые тормозят дальнейшее совершенствование деятельности учреждений культуры, и отвечать потребностям практических работников на местах. Проблематику методических рекомендаций следует соотносить с целевыми установками органов управления культурой, которые изложены в постановлениях и директивных документах.

Хорошим подспорьем для работников культуры являются приложения к методическим рекомендациям. Это сценарии и сценарные планы, эскизы художественного оформления, фактический материал в виде сравнительных таблиц, цифр, фактов, плакатов, афиш, репертуар коллективов художественной самодеятельности. Это могут быть программы семинаров, планы работы учреждений культуры, библиографические указатели, перечень кинофильмов, слайдов, фонограмм, рекомендуемой литературы и др. Все это мы активно применяем в своей работе.

Большое распространение в деятельности РМЦ получили материалы инструктивного характера, такие как положения о смотрах, конкурсах, выставках, тематические планы, отчеты, аналитические справки, репертуарные сборники, сценарии. Ежегодно разрабатывается методистами более десятка различных положений.

К информационным материалам можно отнести плакаты, листовки, буклеты, брошюры, информационные письма. Они несут информацию об опыте работы лучших учреждений культуры, коллективов, лучших работников культуры, о деятельности отдела культуры, районного методического центра. Несомненно, указанные издания, кроме информации, содержат также и методические советы и рекомендации.

Методистами разработаны комплексные районные программы:

- «Народное творчество» (программа развития самостоятельного народного творчества, народных традиций и обрядов, художественных промыслов и ремесел Крапивинского района на 2001–2005 годы);

- «Поколение XXI века» (комплексная программа культурно-массовой работы с детьми, подростками и молодежью);

- «Семья»;

- «Ключи от лета» (ежегодная программа организации летнего отдыха детей);

- «Юные дарования Крапивинского района»;

- «Дети. Кино. Культура».

Эти методические материалы – серьезная основа для деятельности учреждений культуры на перспективу.

Одной из задач, лежащих в основе работы учреждений культуры района, является сохранение исторического наследия. Как зарождалась сфера культуры в районе, с чего она начиналась? Когда, где возникли первые избы-читальни, клубы, киноустановки, самостоятельные коллективы? Кто внес наибольший вклад в развитие культуры? Чтобы ответить на эти вопросы, перед культработниками района в 1998 году была поставлена цель – собрать исторический материал, отражающий развитие культуры в селах и поселках района. В 2002 году удалось выпустить в свет сборник «Наши корни».

С 1999 года районным методическим центром издается и распространяется в клубах района сборник «Анализ работы клубных учреждений культуры Крапивинского района за год».

Наше любимое детище – информационный сборник «Вестник культуры», который издается методистами РМЦ с января 2002 года ежемесячно. Предназначен он для работников культуры и широкого круга читателей. В зарисовках, интервью, фоторепортажах рассказываем мы о событиях культурной жизни района, о лучших работниках учреждений культуры, о коллективах художественной самостоятельности, интересном опыте работы. В помощь работникам культуры публикуем в сборнике различные методические материалы, положения о смотрах, конкурсах, фестивалях, сценарные разработки.

Хорошим подспорьем в деятельности работников культуры являются методические пособия. В них раскрывается опыт работы учреждений культуры, самодеятельных коллективов, объединений и клубов по интересам и их руководителей. На сегодняшний день методистами РМЦ выпущено более двух десятков буклетов и брошюр. Это – «Из опыта работы Крапивинского сельского клуба с ветеранами», «Из опыта работы учреждений культуры в рамках киномарафона «Пошли в кино, ребята!», «Из опыта работы кружка папье-маше Каменного СДК», «Каникулы без скуки» (Из опыта работы Крапивинского РДК с детьми в летний период). В методическом пособии «Встреча друзей» рассказывается об опыте работы народного коллектива хора ветеранов Крапивинского СК, а в книжечке «Восславим танца красоту» – о работе детского образцового хореографического коллектива «Жарки» Зеленогорского ГДК. В брошюре «Ключи от лета «обобщен опыт работы учреждений культуры района с детьми в летний период. В 2002 году подготовлено два новых издания – сборник «С песней неразлучны», посвященный 35-летию ансамбля «Сибирский сувенир», и сборник песен А. Костенко «Песни, рожденные в Кузбассе».

Из года в год пополняется сценарная копилка РМЦ. Этому способствуют ежегодно проводимые конкурсы на лучший сценарий по определенной тематике. Так, в 1998 году был подготовлен сборник «И с каждой осенью я расцветаю вновь», посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в 1999 году – «Наследие», куда вошли лучшие сценарии фольклорных праздников и обрядов. В 2000 году сценарная копилка пополнилась сценариями культработников района, посвященными 55-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 2001 году – сценариями, представленными на конкурсе «Праздники нового тысячелетия», а в 2002 году – сценариями мероприятий, проведенных в рамках конкурса среди ведущих развлекательно-игровых программ для молодежи «Час веселых затей».

При помощи ксерокса размножаются сценарии, небольшие брошюры, нотный материал. Удалось издать и размножить сборник стихов местных поэтов «Давным-давно была война». Богатый фотоматериал оформляется в альбомы: «Районные мероприятия», «Областные мероприятия», «Еще не вечер» (клуб ветеранов культуры), «Народные умельцы района», «Выставки», «Учимся весело» (об учебе культработников). Оформлен большой альбом с фотографиями о всех ветеранах войны, оставшихся в живых в районе. Это все бесценное сокровище для истории.

Это относится и к накопленному видеоматериалу. Снимаются на видеокамеру и сохраняются кассеты о всех значительных событиях, происходящих в районе. Это богатый материал для будущего районного те-

левидения, о котором мы, культурработники, пока только мечтаем. А такие видеоматериалы, как подготовленные к юбилею народного коллектива ансамбля песни и танца «Сибирский сувенир» Крапивинского РДК или запечатлевшие интерьер Дома культуры и клубов, ставших участниками конкурса «Клуб XXI века» в номинации «Клубный интерьер», являются хорошими учебно-методическим пособиями.

Логическим завершением всех этапов в системе изучения, обобщения и распространения передового опыта выступает его **внедрение в практику**. Это наиболее важный этап, который требует от методиста и практика активной творческой мысли, потому что самый лучший опыт, самые совершенные методические рекомендации воплотятся в жизнь только при умелом, творческом подходе к нему. Только критически оценивая передовой опыт, переосмысливая, сопоставляя его со своим собственным, клубный работник и методист придут к новым идеям и найдут пути его реализации в конкретных условиях.

Внедрение передового опыта нередко связано с ломкой сложившегося стереотипа в работе, устаревших представлений, преодолением психологического барьера. Не одно и не два занятия нам пришлось, например, провести по теме «Культура и рынок», пока большинство работников не осознало в полной мере, что мы живем в совершенно новых социально-экономических условиях, что нужно рассчитывать в большей степени на себя, что нужно активно развивать платные услуги. Вот почему методисту важно развивать у клубных работников стремление к новому, передовому, без чего нельзя успешно вести культурно-досуговую деятельность.

Сложность внедрения опыта заключается и в том, что конкретный опыт необходимо соотносить с возможностями клубных учреждений, наличием у клубных работников определенных способностей, соответствующих условий в клубе. От этого во многом зависит успех его внедрения. В тех случаях, когда перенесение опыта носит формальный характер, когда опыт просто копируется, когда берутся лишь внешние технические приемы, но не понята и не воспринята суть, методическая идея, он не принесет положительных результатов.

Бывает и так, что причиной неудачного заимствования методических достижений опыта является практическое неумение. В этом случае важны разные формы живой передачи, личное участие авторов, методистов. При такой постановке дела устраняются возможности поверхностного восприятия опыта и всякие искажения при его перенесении. Одновременно решается вопрос о методической помощи и методическом контроле над правильностью внедрения его в массовую практику.

Усвоить опыт – значит, сделать его составной частью своей работы, органическим элементом своей творческой деятельности.

Внедрение опыта требует кропотливой, постоянной организаторской работы, которая складывается из многих элементов. Для этого недостаточно сделать доклад, напечатать статью, выпустить методичку. Часто бывает так, что публично – на совещаниях, семинарах – одобряются те или иные творческие находки, опыт, и этим все кончается. Главное же – не останавливаться на показе методических приемов и их эффективности, а организовать практическое обучение клубных работников. В этой связи важное значение приобретают квалификация, стаж методиста, клубного работника, развитие их профессионального мастерства, овладение эффективными действенными формами и методами работы.

Творческий подход к внедрению передового опыта проявляется, когда при ознакомлении с ним у практического клубного работника, методиста возникает мысль: «Это можно еще лучше сделать, по-иному», «Это в опыте можно усовершенствовать, переделать». Но нельзя забывать и о том, что любой порыв в области методического творчества должен иметь под собой реальную почву, быть научно обоснованным, теоретически и практически приемлемым.

Мы не устаем повторять своим коллегам, работникам клубных учреждений культуры, что при внедрении в практику наиболее интересных методических рекомендаций надо помнить, что на местах их необходимо творчески перерабатывать, дополнять, развивать, обогащать своим местным материалом, с учетом особенностей данной аудитории, своего опыта.

Оперативной формой внедрения передового опыта является наглядный показ процесса или методов работы. К таким формам относятся творческие лаборатории и школы интересного опыта. Основу каждого занятия составляет конкретный материал – опыт лучших клубных учреждений, ведущих самостоятельных коллективов, а рассказывает о нем, как правило, сам создатель. Хотелось бы подчеркнуть, что эффективность занятий в них во многом зависит от подбора их руководителей из числа ведущих клубных работников. Почему коллеги буквально ловят каждое слово, когда с сообщениями выступают Т. М. Иванова, директор Попереченского СДК, Т. В. Кудряшова, заведующая Зеленогорским клубом ветеранов, Л. В. Жаворонкова, художественный руководитель народного хора ветеранов? Потому что они, преподнося конкретный опыт, всегда обращают внимание на элементы нового в практическом решении поставленных задач.

Полезна и такая форма передачи передового опыта, как шефство опытного над начинающим клубным работником. Это практикуется у нас повсеместно, в каждом клубном учреждении, куда приходит молодой работник. Ценность такого наставничества (хотя, если честно, мы слова «шефство». «наставничество» не употребляем в разговоре) в том, что опытный работник практически знакомит начинающего со своей системой работы. Он рассказывает и показывает, как проводится подготовка к тому или иному мероприятию, занятию, встрече, как осуществляется это мероприятие. Но ни тот, ни другой не смогут выполнить своей задачи полностью без творческого отношения к своему труду.

Нам, методистам, очень важно знать: а не напрасны ли наши усилия по выявлению интересного опыта работы, его внедрению? Насколько эффективна наша работа? Чтобы выяснить это, один из семинаров мы посвятили итогам по изучению, обобщению и распространению опыта работы за 5–7 последних лет. Накануне провели анкетирование среди руководителей клубных учреждений культуры. Выяснилось, что со своей главной задачей районный методический центр справляется неплохо.

За последние годы работники культуры района познакомились с опытом работы более чем по 20 направлениям.

Графу в анкете «Опыт, который не представляет никакого интереса» заполнили немногие руководители клубных учреждений, так как большинство мудро рассудило: во всем можно почерпнуть что-то полезное для себя.

На вопрос «Нужна ли сегодня учеба кадров?» все руководители ответили: «Да, и для всех категорий клубных работников без исключения». Это правильно, без учения нет движения вперед.

Методисты районного методического центра учли все пожелания культработников, высказанные в анкете и на семинаре. Был разработан «Перспективный план работы по изучению, обобщению и распространению интересного опыта на 2001–2003 годы».

В рамках конкурса на звание «Лучший культросветработник года» был проведен аукцион идей на тему «Лучшая культурно-досуговая акция». Все идеи, представленные на аукцион, были раскуплены коллегами.

Методисты Крапивинского районного методического центра – активные участники межрайонной «Школы интересного опыта». Полезными были выезды в Мариинский, Чебулинский, Топкинский, Промышленновский районы, знакомство с работой методических служб, учреждений культуры. И у себя мы с удовольствием принимали коллег из Промышленновского, Ленинск-Кузнецкого, Гурьевского районов, делились опытом работы.

Таким образом, изучение, обобщение, распространение и внедрение передового клубного опыта является действенным методом научно-методического руководства и дальнейшего совершенствования теории и практики организации культурно-досуговой деятельности. Плановая и систематическая работа в этом направлении способствует постоянному совершенствованию профессионального мастерства, творческого роста методистов и практиков клубной работы.

Мы, методисты районного методического центра, убеждены, что нет пределов для творчества, профессионального роста, совершенствования своей работы. При внедрении достижений передового клубного опыта важно руководствоваться двумя принципиально важными положениями. Первое: недопустимо механическое перенесение опыта из одного клубного учреждения, самостоятельного коллектива в другое. Второе: ни одно педагогическое средство не может быть признано всеобщим или, наоборот, неприемлемым вне зависимости от конкретных условий его применения.

Литература

1. Бирженюк Г. М., Бузене Л. В., Горбунова Л. А. Методическое руководство культурно-просветительной работой. – М.: Просвещение, 1989.
2. Жарков А. Д., Чижиков В. М. Культурно-досуговая деятельность. – М.: МГУК, 1998.
3. Стрельцов Ю. А. Научно-методические основы культурно-просветительной работы. – М., 1988.

Клюева Ю. С. (Кемерово, КемГУКИ)

Коммерческая деятельность как новая форма работы музейных учреждений

Начиная с 90-х гг. XX в. российские музеи стали работать в новых, ранее неизвестных им условиях. С одной стороны, для них открылись новые возможности, интересные перспективы развития. Музеи получили свободу действий, которой, возможно, многие годы им не хватало. С другой стороны, новые экономические отношения в нашей стране создали такие условия для работы музейных учреждений, к которым они еще не были готовы. Резкий скачок от полного финансирования к почти полному нефинансированию поставил многие музеи России на грань выживания. Все эти события происходили на фоне колоссального падения посещае-

мости музеев, дефицита ресурсов и смены культурных и идеологических предпочтений.

Самой опасной тенденцией в 90-х годах XX века являлась потеря общественного интереса к музеям. Сокращение диапазона контактов с населением побуждает музеи расширять спектр деятельности, организовывать новые, ранее никому неизвестные формы работы.

В этой связи особая роль стала принадлежать музейному менеджменту, в задачу которого входило организовать работу музея таким образом, чтобы он не только смог выжить в новых условиях, но и иметь возможность развиваться. Менеджмент, как известно, подразумевает управление четырьмя основными видами ресурсов: производственными, финансовыми, кадровыми, информационными.

Особую трудность в управлении сегодня представляют финансовые ресурсы музейного учреждения. Тем более что при их нехватке управлять ими становится еще труднее. В этой связи хотелось бы заострить внимание на такой новой форме работы музеев, как коммерческая деятельность.

По поводу самого понятия «коммерческая деятельность», в частности о правомочности его применения соотносительно с музеем, всегда существовало и существует по сей день множество разногласий. Многие музеееды могут подумать, что коммерция и музей – несовместимые понятия. Позволим себе развеять это заблуждение. Вышестоящим понятием коммерческой деятельности является предпринимательство. Такое утверждение основано на изучении ряда работ по предпринимательству [1, 3], в которых сказано, что предпринимательство бывает трех видов: 1) производственное (производство товаров (услуг), реализация их и получение выручки); 2) коммерческое (коммерция) – это перепродажа товаров; 3) финансовое – вид предпринимательства, при котором объектами купли-продажи становятся деньги, валюта, ценные бумаги.

Поскольку в Законах [8], регулирующих деятельность музеев, разрешена предпринимательская деятельность, можно сделать вывод о том, что коммерческая деятельность (как вид предпринимательской) также не является запрещенной. Стоит заметить, что если принимать за коммерческую деятельность торговлю покупными товарами, оборудованием, а коммерция есть не что иное, как торговля, то разрешение заниматься коммерческой деятельностью прописано в самом Законе РФ о культуре, который говорит, что к предпринимательской деятельности, помимо прочих, относится деятельность по торговле покупными товарами и оборудованием.

Мало того, в Кодексе профессиональной этики ИКОМ от 4 ноября 1986 г. [6] говорится именно о коммерческой деятельности, т. е. еще в 1986 г. международный документ вводит такое понятие.

Теперь необходимо разобраться, что представляет собой коммерческая деятельность? Для этого стоит уяснить понятие коммерческой деятельности вообще. Это понятие впервые было сформулировано Гарвардской школой бизнеса в 1985 году: «Коммерческая деятельность существует для того, чтобы с прибылью удовлетворить потребительские требования». Суть данной логики можно представить как куплю-продажу товаров, нацеленную на рыночный (покупательский) спрос и получение заслуженной прибыли. Весьма поучительны высказывания А. Файоля: «Коммерческая искусность характеризуется глубоким знанием рынка и силы соперников, далеким предвидением и практикой соглашений. Коммерческая функция заботится о том, чтобы цены, назначаемые высшим управлением, не были источником опасных заблуждений» [7].

Итак, попытаемся дать определение коммерческой деятельности музея. Коммерческая деятельность музея – это вид деятельности музейного учреждения с целью получения дохода, не противоречащий его функциональному назначению и связанный с торговыми операциями. Основной функцией организации коммерческой деятельности является производство всей массы товаров и/или услуг для индивидуальных и общественных потребностей личности.

Смысл коммерческой деятельности сегодня состоит в том, чтобы создать условия для протекания технологического и творческого процессов. На сегодняшний момент перед музеями стоит задача – выжить в новых экономических условиях. Выживание музеев, уже ставших для нас необходимостью, зависит от их способности выполнять возложенные на них обязанности, приспосабливаться к постоянно меняющемуся социальному, интеллектуальному и экономическому контексту.

Стоит заметить, что не только отечественные музеи столкнулись с трудностями перехода к рыночной экономике. Например, в 1979 году с приходом к власти правительства М. Тэтчер музеи Великобритании начали работать в условиях рыночной экономики, где у них не было иного выбора, как стать более экономически самостоятельными и меньше рассчитывать на государственное финансирование. Музеям пришлось научиться зарабатывать деньги, находить спонсоров, самим предлагать свою продукцию и заниматься коммерческой деятельностью, с тем чтобы по возможности сократить разрыв между объемом субсидий, поступающих от национальных или местных органов власти, и суммой расхо-

дов. На сегодняшний момент музеи Западной Европы являются одними из самых богатых музеев по зарабатыванию собственных денежных средств [2].

Мы должны понять, что в настоящее время ни один музей мира не имеет бюджетных ассигнований, а если и имеет, то они составляют не более $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ доли бюджета музея.

Доходы музея складываются из следующих источников [4]:

- государственных дотаций ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ бюджета музея);
- спонсорской и меценатской поддержки;
- пожертвований;
- участия в грантах, фондах;
- собственной предпринимательской деятельности (и как ее вида коммерческой деятельности).

Рассмотрим положительные и отрицательные стороны всех видов доходов музейных учреждений. Итак, государственные дотации – самый давний и малозатратный для музейного учреждения вид доходов. Однако государственное финансирование, как правило, не способствует росту инициативы музейных работников. Уверенность в стабильности завтрашнего дня не является в этом смысле двигателем прогресса. В момент, когда государственное финансирование не превышает заработной платы работников музейных учреждений, приходится задумываться и о других источниках доходов, таких как спонсорская поддержка, пожертвования, участие в грантах, предпринимательская деятельность.

Для того чтобы получить спонсорскую поддержку, музеям необходимо разрабатывать новые выгодные в экономическом плане проекты. Но, получая средства из сферы бизнеса, музеи могут стать жертвой давления со стороны спонсоров и потерять свою основную образовательно-воспитательную функцию, став больше коммерческими, чем культурными учреждениями. Хотя без поддержки спонсоров музеям прожить нелегко.

Участие российских музеев во всевозможных грантах и фондах позволяет интегрировать музеи нашей страны в мировое сообщество и получить средства на дальнейшее развитие своей деятельности. Однако такой вид дохода не является постоянным и не может быть ежедневной поддержкой музея, также как и пожертвования.

Как известно, наибольшую стабильность и уверенность в завтрашнем дне может дать только та деятельность, которой занимаешься каждый день, вкладываешь в нее свои средства и результаты которой можешь контролировать. Можно предположить, что такой деятельностью является предпринимательство (и как его вид коммерческая деятельность).

В то же время коммерческая деятельность – это наиболее уязвимый из всех источников доходов музеев, потому что нелегко найти грань между коммерцией и истинным назначением музейного учреждения. Зарабатывание денег может стать для некоторых музеев первостепенной задачей, нежели выполнение им надлежащих музейных функций. В этой связи встает вопрос о необходимости найти оптимальное соотношение между коммерческой и культурной деятельностью музейного учреждения и правильными критериями оценки ее эффективности. Результаты коммерческой деятельности прежде всего должны служить целям просветительской деятельности музея, а не наоборот. Необходимо помнить, что оценка эффективности работы музея должна базироваться прежде всего на удовлетворении культурных потребностей посетителей. По мнению Л. С. Жарковой [5], на современном этапе нашего социального развития важнейшими общественными потребностями являются:

- формирование такого уровня общественного сознания, который исключал бы неуважение к человеческой личности и вместе с тем содействовал развитию индивидуальности в сочетании с высоким чувством коллективизма;

- возвышение духовных потребностей людей;

- формирование здорового нравственного климата и т. д.

До сих пор концепция деятельности музеев была построена по простейшему линейному принципу и ориентирована либо на «культурное обслуживание» населения, либо на просветительство, что в обоих случаях не способствовало использованию духовного потенциала населения в целях саморазвития. На этапе перехода музеев в режим самоорганизации роль коммерческой деятельности в регулировании творческих и технологических процессов должна стать достаточно существенной.

В заключение хотелось бы заметить, что в коммерческой деятельности нужно постоянно накапливать опыт, иметь информированность о проблемах общества в целом и человека, чтобы уметь быстро познать насущные потребности потенциального потребителя, выработать потребительские требования к производству услуг и программ в музейных учреждениях. Вскрытие глубинных, иной раз даже неосознанных потребностей людей играет в коммерческой деятельности чрезвычайно важную роль в разработке идей новых услуг и товаров, организации их рекламирования и предоставления. Практика показывает, что развивать коммерческую деятельность могут лишь те музеи, в которых трудятся люди, умеющие что-то конкретно делать, способные работать на благо удовлетворения потребностей других людей.

Литература

1. Баранников М. М., Воробьев В. А. и др. Основы предпринимательства: учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 512 с.
2. Бурсевич М., Джоунз И. Восточная и Западная Европа: обмен идеями // Museum. – 1996. – № 1. – С. 46–50.
3. Бусыгин А. В. Предпринимательство. Основной курс: учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М., 1997. – 608 с.
4. Воронова Е. Н. Экономика культуры: учеб. пособие. – Рязань: «Узорочье», 1997. – 192 с.
5. Жаркова Л. С. Коммерческая деятельность учреждений культуры: учеб. пособие. – М.: МГУК, 1994. – 87 с.
6. Кодекс профессиональной этики ИКОМ от 04 ноября 1986 года.
7. Управление – это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. – М.: Республика, 1992. – С. 10.
8. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 года № 3612-1 (с изменениями и дополнениями на 23 июня 1999 года); Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 24 апреля 1996 года; Федеральный закон РФ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 года. № 3-ФЗ; Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 24 апреля 1996 года.

Верещагина И. М. (Томск, ТГАСУ)

Иницирующая роль хобби в социально-культурной деятельности

Социально-культурная, в частности, любительская среда – это пространственное окружение, вводящее человека в мир культурно-эстетических, художественных ценностей и отношений, обеспечивающих культурно-формирующие условия его развития.

В этих условиях особое значение приобретает иницирующая роль хобби, так как она побуждает человека активно использовать и творчески преобразовывать культурно-досуговую среду.

Свободное время дает человеку возможность заниматься любительским (непрофессиональным) творчеством и тем самым расширять свою деятельность за пределами профессии.

Содержанием любительского творчества могут быть всевозможные интересы и увлечения, поднимающие личность на новую ступень – от потребителя духовных ценностей до их создателя.

Конкретные виды любительской деятельности называются хобби.

Существует несколько толкований значения слова «хобби».

Так, например, в «Большом словаре иностранных слов» (составитель А. Ю. Москвин) хобби в переводе с английского («hobby») означает «игрушечная лошадка», «увлечение, любимое занятие человека».

Современное дополнение к «Словарю русских синонимов и сходных по смыслу выражений» (составитель Н. А. Абрамова) выстраивает слова «любительство», «увлечение», «хобби» в синонимический ряд. Еще в одном «Словаре иностранных слов» (под ред. В. В. Иванова) «хобби» толкуется как «увлечение, любимое занятие для себя, на досуге».

Большинство современных исследователей считают, что хобби – это деятельность по интересам.

Более полное определение дается в Большой советской энциклопедии: «Хобби (от англ. hobby) – разновидность развлечения, некое занятие, увлечение, не несущее особой материальной выгоды, которым занимаются на досуге, для души».

Сравнивая дефиниции «хобби», следует отметить, что в «Словаре иностранных слов» (под ред. В. В. Иванова) и БСЭ в понятие «хобби» включаются важные уточнения: «на досуге», «для себя», «для души», говорящие о том, что любительство, увлечение, хобби призвано восполнять насущные жизненные потребности индивида:

- психологические (личность испытывает удовлетворение от процесса или результата творческой деятельности);
- эмоциональные (хобби реализует потребность в сильных, ярких переживаниях, являясь в том числе средством от депрессии);
- духовные (удовлетворяет потребность в реализации высших ценностей);
- материальные (может являться средством дополнительного заработка);
- физические (развивает физическую культуру человека);
- творческие (реализует творческие способности, являясь формой самореализации);
- коммуникативные (выступает как средство общения);
- семейные (хобби сближает членов семьи);
- познавательные (является средством познания и саморазвития);
- религиозные (может являться средством религиозного общения);
- политические (удовлетворяет потребность участия в политической жизни).

Выбор видов любительской деятельности индивидуален. Тем не менее можно выделить типичные для данного этапа развития общества тенденции в использовании каждой социально-демографической груп-

пой населения своего свободного времени. Они обусловлены характерными для этих групп населения образом жизни, традициями, уровнем образования, бытовыми условиями, потребностями и ценностными ориентациями.

Так, например, малообеспеченные слои населения выбирают для досуга незатратную и доступную любительскую деятельность: игру в шахматы, шашки, нарды; слушание популярной музыки, просмотр телесериалов; вязание, рукоделие; рисование, танцы; садоводство, цветоводство; рыбалка, в спорте – занятия боксом, лыжами, футболом; коллекционирование простых предметов и вещей – марок, кукол, открыток разной тематики, спичечных коробков, винных пробок, бумажных салфеток, конфетных оберток, солонок, этикеток, «счастливых» автобусных билетов и т. д.

Люди среднего достатка больше стремятся к интеллектуальным видам хобби или увлечениям, нередко дублирующим их профессиональную деятельность, – это изучение иностранных и «мертвых» языков, занятия разными видами искусства, кроссвордами, головоломками, чтение художественной литературы, поэзии или создание собственных сочинений; техническое конструирование, «интеллектуальные» настольные и компьютерные игры, в том числе блоггинг, чаттерство, создание сайтов; спортивные занятия аэробикой, восточными единоборствами; коллекционирование миниатюрных книг или произведений определенной тематики; пластинок, дисков, журналов, театральных программ, часов и т. д.

Обеспеченные и состоятельные люди предпочитают дорогостоящие хобби в виде недвижимости, антиквариата (картин, икон, оружие, монет, мебели), а также хобби, связанные с экзотикой или модой: к ним относятся виды спорта, требующие специальной экипировки (дайвинг, серфинг, горные лыжи); фитнес, бодибилдинг; экстремальный туризм и развлечения, например, пилотирование спортивных самолетов или охота в сафари, путешествия в разные концы света, домашний зоопарк; посещение элитных клубов, закрытых салонов, казино, курение сигар и кальянов и т. п.

Таким образом, данный пример демонстрирует тенденцию принадлежности людям разного материального достатка определенных видов любительства.

Другим проявлением социально-демографической тенденции является дифференциация хобби по тендерному типу.

Отмечено, что для досуга мужчин характерны силовые и боевые виды спорта; динамичная музыка: рок, рэп, металл, хип-хоп, а также шансон и джаз; увлечение автомобилями, техническим моделированием;

занятия фото-и видеосъемками, ремеслами, декоративным искусством, рыбалкой, охотой, карточными играми; коллекционированием монет, марок, наград, гармошек, алкогольных напитков, в том числе пустых бутылок, оригинальных скульптурных фигурок и т. д.

Женщины больше тяготеют к рукоделию, шитью, вязанию; астрологии, нумерологии; цветоводству, садоводству, флористике; в спорте – аэробике, шейпингу; танцам; театру, пению, рисованию, коллекционированию кулинарных и народных лечебных рецептов, фотографий киноактеров, игрушек, статуэток, пуговиц и т. д.

Однако отметим, что деление хобби на мужские и женские весьма условно, так как в последнее время наметилась тенденция к взаимозаменяемости увлечений. Женщины перенимают у мужчин их исконные увлечения: рыбалку, охоту, вождение и ремонт автомобилей, в спорте – культуризм, бокс, тяжелую атлетику, бои без правил и т. п.

Мужчины занимаются макраме, вышивкой, вязанием, выращиванием цветов и т. п.

Как правило, и мужчины, и женщины не замыкаются на своем интересе в одиночестве, а стремятся непременно найти единомышленников, таких же увлеченных людей, чтобы, объединившись, продвигать, распространять и внедрять свое хобби в любительскую среду города, региона, страны и даже за ее пределы.

В этом ярко проявляется инициативная природа хобби, поэтому мы можем заключить, что иницилирующая роль хобби – это проявление хобби как инициативы в досуговом пространстве.

Опираясь на сложившийся научный подход к определению инициативы, выступающей в качестве новаторского почина, и инициативности, проявляющейся в психологическом свойстве личности быть готовой к инициации, полагаем, что иницилирующая роль хобби может быть определена как проявление способности личности иницилировать новые виды хобби и одновременно как способность и стремление увлекать других своим почином.

Важность иницилирующей роли хобби заключается в пробуждении и росте инициативности у отдельной личности и, как следствие, в развитии инициативного потенциала общества в целом.

Необходимо отметить, что в разных видах хобби его иницилирующая роль различается по степени активности. В этой связи все увлечения можно условно разделить на две категории: а) активные и б) пассивные.

Активные виды хобби выступают как действие-процесс, где происходит изменение объекта любительской деятельности. К ним относятся увлечения танцами, театром, спортивные хобби, цветоводство, садовод-

тво и др. Активные занятия по интересам характерны в большей степени для экстравертной личности, стремящейся объединиться с единомышленниками или увлечь своим хобби окружающих.

Пассивными видами хобби (без изменения объекта любительства) – вязанием, кроссвордами, астрологией, телесериалами и другими зрелищами, разного рода коллекционированием – предпочитают заниматься интроверты, больше сосредоточенные на своем внутреннем мире, необщительные и малоактивные.

Иницирующая роль больше проявляется в активных хобби, связанных с преобразованием действительности и постоянными поисками нового, в то время как пассивные хобби связаны с созерцанием уже существующего объекта интереса, хотя и они также могут пробуждать инициативу, например, направленную на развитие новых видов пассивных увлечений.

Инициатива по организации новых любительских занятий, хобби может быть представлена в виде классификации. Принимая во внимание уже имеющуюся систему деления инициатив на репродуктивные и творческие [1], предлагаем свою классификацию хобби-инициатив по отношению к новизне самого хобби:

1. Инновационные хобби-инициативы – это предложение новых, нетрадиционных видов хобби, которых ранее не существовало. К ним относятся: серфинг, байкерство, экстремальные виды спорта, разнообразные компьютерные увлечения (чаты, блоггерство).

2. Реконструкционные хобби-инициативы – это возрождение тех увлечений, которые с течением времени были утрачены, например, плетение из бисера, бой на мечах, хороводы, народные промыслы и т. д.

3. Консервационные хобби-инициативы – инициативы по поддержанию уже существующих традиционных видов хобби.

Это шахматы, балльные танцы, рисование, фотография, литература, кино, видео и т. д.

В разные исторические эпохи и в разных культурах могут преобладать те или иные виды хобби-инициатив. Так, для средних веков в основном были характерны инициативы по консервации существующих видов хобби (фехтование, народные танцы; на Востоке – икебана, чайные церемонии). В модернистскую эпоху двадцатого века было много инновационных инициатив: новые виды спорта (бодибилдинг, фристайл, серфинг); кино, видео; автомобильные хобби. Современная эпоха постмодернизма характеризуется большим количеством реконструкционных хобби, ориентированных на культурно-историческую полифонию (толкиенизм и другие реконструкционные движения: цигун, ушу; народные танцы, пение старинных песен).

Все виды хобби-инициатив представляют собой феномен, влияющий на социальную и культурную сферы жизни. Они способствуют интеграции людей, являются способом поддержания коммуникативных связей, а значит, иницирующая роль хобби ведет к образованию разного рода любительских объединений, клубов по интересам, инициативных клубов, в которых деятельность «для себя» перерастает в деятельность «для других». А значит, пассивные потребители культуры превращаются в активных; активные - в распространителей; распространители – в создателей.

Таким образом, можно констатировать, что особенностью иницирующей роли хобби является творческое поведение (взаимодействие с окружающей средой) людей в свободной для выбора рода занятий и степени активности пространственно-временной среде, детерминированной внутренне (потребностями, мотивами, установками, выбором форм и способов поведения) и внешне (факторами, порождающими творческое поведение).

Литература

1. Говоров М. С. Психологическая характеристика инициативы школьников-подростков: дис... канд. пед. наук / Говоров Михаил Сергеевич. – М., 1962. – 261 с.

Оленина Г. В. (Барнаул, АлтГАКИ)

Игровые технологии как средство профилактики вредных привычек у детей

Проблема профилактики вредных привычек у детей активно решается в рамках социальной педагогики. Эта отрасль педагогической науки официально зарегистрирована в России с 1991 года. Хотя корни уходят в начало XX и в конец XXI века и простираются как на зарубежную, так и на российскую почву.

Основная функция социальной педагогики: помощь детям с индивидуальными особенностями социализации (сиротам, инвалидам, девиантам, делинквентам) и профилактика возможных социокультурных отклонений в адрес тех детей, кто находится в состоянии социокультурной нормы.

В качестве науки молодой, а следовательно, интегративной, социальная педагогика широко использует идеи, технологии других наук о человеке и передовой психолого-педагогической и досуговой практики, где опирается, например, на идею о ведущих видах деятельности ребенка, одним из которых является игра.

Так, из психофизиологии в социально-педагогические профилактические технологии по вредным привычкам пришла идея о ранней профилактике последних, в основе которой лежит учение А. Ухтомского о доминанте как очаге возбуждения в коре головного мозга.

Первый, второй, третий год жизни ребенка – основа закладки фундамента его характера, его нравственности. И если с рождения начать вырабатывать у ребенка положительные условные рефлексы – в основе которых лежит работа доминанты мозга – любовь к животным, природе, людям и с каждым годом подкреплять их, то вырабатывается нравственный иммунитет. И тогда в будущем отрицательное влияние окружающей среды отразится на ребенке незначительно.

Чем раньше вырабатываются привычки – рефлексы, тем они прочнее. Важно, чтобы эти привычки были позитивными и подкреплялись в течение дошкольного детства, т. к. подкрепление необходимо.

Начинать профилактическую работу по выработке отрицательно-го отношения к табаку у детей надо с полутора-двух лет, когда ребенок впервые фиксирует внимание на сигарете или коробке из-под сигарет, на рюмке или бутылке из-под спиртного. Работу эту ведут родители, в частности, мать, как наиболее психологически близкий ребенку человек, от которого он впервые узнает о мире, людях, их хороших и плохих поступках. Главное условие успеха в ранней семейной профилактике: искренность (личное устойчивое желание матери не допускать, чтобы ее ребенок употреблял табак, алкоголь), чувство меры (не испугать, но и не вызвать преждевременный интерес), владение словесно – образным материалом (умение ярко, эмоционально рассказать, что табак и алкоголь – это ловушка, из которой не вырваться, а попасть в нее легко).

Идею о доминанте А. Ухтомского в своей лечебно – профилактической работе апробировала Санкт-Петербургский (тогда еще – Ленинградский) педиатр и психотерапевт Н. П. Иванова.

Из анализа методики Н. П. Ивановой следует, что оптимальный возраст ребенка для начала профилактической работы в семье 1,5–2–3 года. И с учетом принципа постепенности профилактическую работу в семье надо заканчивать, когда ребенку исполнится 6–7 лет. Именно в эти ранние годы профилактическая работа попадает на «благодатную почву», т. к. информация о вреде табака и алкоголя воздействует не столько на со-

знание, сколько на подсознание, определенную доминанту его. А значит, усваивается прочно и надолго, практически навсегда.

Для профессионалов, занимающихся воспитательной и валеологической работой с детьми, вывод из этой идеи может быть однозначным: от раннего дошкольного до начала младшего школьного, т. е. до 6–7 лет, – вот психофизически правильные хронологические рамки ведения профилактической работы.

В 10–15 лет впервые «на миру» говорить подростку о том, что курить и пить, употреблять наркотики опасно – дело бесполезное, нерезультативное. Но вот парадокс: приблизительно с этого возраста в наших образовательных учреждениях и начинается профилактическая работа. Да к тому же организована она как массовые акции дискотечно-развлекательного характера под девизом: «Скажем «нет» наркотикам». Всякий практик знает: от таких «массовок» вреда гораздо больше, чем пользы.

В практике новых досуговых технологий с целью профилактики вредных привычек у детей информационно-просветительные методики (т. е. воздействие словом) эффективно соединяются с игровыми технологиями, к которым, кроме игр в общепринятом смысле, относится и игра сценическая, т. е. искусство театра.

По мысли Л. С. Выготского, игра и искусство родственны друг другу по своей природе и адекватны природе детства. А следовательно, игра и искусство воздействуют не только на сознание ребенка, но и на его подсознание, «включая» нужную доминанту мозга. Это очаг наиболее сильного психоэмоционального возбуждения, который прочно формирует в подсознании рефлекс избегания какого-либо действия, например, курения, иногда даже вопреки уже сформированному интересу к сигарете.

Переходя к анализу культурно-досугового опыта по профилактике вредных привычек у детей и подростков, мы остановимся лишь на одном тематическом направлении содержания данного опыта: – ранняя (дошкольное детство) профилактика табакокурения средствами театра и игры. На актуальности данной темы подробно останавливаться нет смысла. Такое впечатление, если поглядеть окрест, что в современной России не курят только «деревья, птицы и облака»... А все остальное живое в дыму рождается, в нем живет и умирает.

Главная трудность в преодолении табакокурения (а оно сейчас резко помолодело, как и остальные вредные привычки) в том, что моральное оправдание табака входит в коллективное народное бессознательное, в наш национальный менталитет. Вспомним пословицу: «кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет».

И в современной России, жестоко страдающей от алкоголя и наркотиков, табак, следовательно, не является главной опасностью, злом № 1.

Но в действительности табак в реальной практике формирования у каждого конкретного ребенка вредной привычки – реальное зло. Начинается путь вверх по лестнице, ведущей вниз, именно с табака. Вспомним цепочку: сначала сигаретка в первом – втором классе в закоулках школьного двора, затем первая рюмка перед дискотекой в средних классах, потом травка или таблетка... Данное обстоятельство и обусловило следующий подход специалистов кафедры СКД при разработке профилактических программ по вредным привычкам: начать именно с ранней профилактики табакокурения.

Технология сценарного проектирования КДП по ранней профилактике табакокурения

Переходя к анализу процесса сценарного проектирования КДП о вреде табакокурения, мы должны обозначить следующие технологические «узлы» этого процесса:

1. Формирование замысла сценария КДП. На него влияют следующие моменты:

- выбор аудитории: по возрасту; по масштабу;
- обоснование выбора: подготовительная группа детского сада или, в крайнем случае, первый класс школы. Это по возрасту та аудитория, где еще можно достигнуть результативной профилактики. Всякая работа, впервые начатая позже, вряд ли затронет подсознание ребенка, а значит, и не даст нужного результата.

Масштаб детской аудитории – дети одного небольшого коллектива, собранные в маленьком зале или большой групповой комнате. Такая территория располагает к психологически оправданному индивидуально – групповому общению.

2. Сверхзадача сценариста и режиссера КДП: в работе с 6–7-летними детьми нужно вызвать такое психоэмоциональное состояние детской аудитории, которое получит разрядку в форме физических действий каждого ребенка, направленных на уничтожение реальной сигареты. Эти сигареты – до момента их уничтожения в ходе спектакля – ребенок видел в ситуациях эстетически приподнятых (красивая упаковка) или, по крайней мере, ситуациях, не вызывающих опасений, нейтральных.

Физический акт уничтожения реальной сигареты, подкрепленный ритуальными действиями наших предков, связанными с моментами избавления от темных сил (в зависимости от фантазии режиссера и сценариста КДП), – вот организационно-практическая цель программы.

3. Продолжительность программы. Психофизиологическое обоснование выбранного времени отрезка. Состояние высокого эмоционально-действенного «заражения» аудитории, его активного отношения к сигарете как злу, источнику опасности нужно вызвать в короткий срок: в ходе 20–25 минутной программы. Детям 6–7 лет психологически трудно будет удерживать внимание и активно сопереживать и участвовать, если программа будет рассчитана больше, чем на 40 минут.

4. Обоснование выбора формы культурно-досуговой программы.

Наиболее адекватной формой решения комплекса поставленных задач может стать мини-спектакль с включением в него игр для зрителей. Это предполагает драматургизацию событийного общения с детьми.

Дети в этом возрасте любят театрализацию, театр, сказочный сюжет, игры. Все это несет в себе элемент необычности, а поэтому – интересно, будит фантазию, воображение. Таким образом, культурно-досуговой инструментарий адекватно и естественно, через эмоцию, помогает донести образную мысль о вреде курения и закрепить ее в сознании.

А реальные ритуальные действия, связанные с преодолением козней воображаемых магических чар, исходящих от олицетворенных в ходе спектакля сил Зла, – все это «включает» подсознание ребенка, мифопоэтический «контекст» его психики.

5. На сценарном уровне идейно-тематически такой замысел можно решать по-разному. Приведем один из вариантов такого решения.

Тема сценария «Петя Привычкин против царя Никотина» – вред курения, его разрушительное, губительное воздействие на детский организм.

Идея спектакля: показать детям, что происходит с организмом Пети, с главными органами в результате курения.

Поэтому при конструировании сюжета используется прием олицетворения, образного выражения идеи, когда «оживают» и начинают действовать как герои Сердце, Легкие, Желудок Пети Привычкина, борясь за него против царя Никотина.

Что делает в это время Петя? Он спит. Все это ему снится во сне: как он впервые закурил, как его организм стал погибать, хотя до курения все у Пети было хорошо, как его Сердце, Легкие, Желудок решают бороться за Петю с царем Никотином и двумя его слугами.

В финале Добро побеждает Зло. Но происходит это с помощью детей, которые из зрителей превращаются в участников спектакля. Они помогают добрым героям, используя игровые приемы, победить и спасают Петю, окруженного магическим кольцом из реальных сигарет. Из этого магического кольца Пете бы не выбраться, если бы дети не уничтожили

сигареты, и остался бы он на Болоте в плену у царя Никотина. (Болото – символ жизненного болота курящего человека...)

С целью вербально-речевой активизации аудитории введен образ Ведущей, которая выясняет у детей в начале спектакля, знают ли они, что такое никотин. Далее она дает детям игровые задания в помощь положительным героям, выручает в трудную минуту, предлагая детям разорвать сигареты, уничтожить магический круг из сигарет.

В целях действенно-психологической активизации зала в мини – спектакль о вреде курения вводится комплекс из четырех игр.

Все они по сюжету отнесены к тому моменту в развитии действия, когда Сердце, Легкие и Желудок курящего первоклассника Пети Привычкина объединяются для борьбы с царем Никотином и его Слугами, живущими на Болоте.

Выстраиваются игры в определенной последовательности и конструируются по определенным принципам.

Чем объясняется такое вмонтирование игр в ткань спектакля?

1-я игра. Ее смысл: дети (несколько добровольцев из аудитории) должны помочь положительным героям (Сердце, Легким, Желудку) перебраться через Болото, используя для передвижения гимнастические обручи, чтобы вступить в схватку с царем Никотином за здоровье Пети.

Принципы конструирования смыслового содержания данной игры: принципы объединения детей с положительными героями и реальная, т. е. действенно-игровая, помощь этим героям.

2-я игра. Ее смысл: дети должны помочь положительным героям и Ведущий разбудить Петю от сна, чтобы он силой собственной воли смог сломить силу Никотина и его Слуг.

А для этого дети должны топтать – одна часть зала; хлопать – вторая часть зала.

Принцип игры тот же – объединение, помощь положительным героям и Пете, но уже – звуковая, шумовая.

3-я игра. Дети вместе с Петей и положительными героями меряются силой с Никотином и его Слугами. А для этого обе «команды»:

- прыгают (кто дольше пропрыгает на одной ноге?);
- приседают (кто больше?);
- перетягивают канат (кто сильнее?).

Эти игры построены на принципе соревнования добрых и злых сил.

4-я игра. Помогаем Пете – ломаем реальные сигареты. А они выложены по кругу. Герой находится внутри этого сигаретного кольца и не может поэтому победить Никотина.

Принцип наглядно-действенного уничтожения Зла. Причем Зла, внешне красивого: изящная белая сигарета внешне так привлекательна!

Общий смысл конструирования содержания данных игр основан на принципах российской ментальности: перед лицом беды надо объединяться: прийти на помощь погибающему другу – герою; но уничтожить символ беды – сигарету должен каждый из детей – это реальный вклад каждого в общее доброе дело.

5. Данный мини-спектакль с игровой активизацией аудитории следует рассматривать как часть профилактической технологии вредных привычек у дошкольников. Любая культурно-досуговая технология, если не путать ее с методикой, предполагает цикл обоснованно связанных между собой культурно-досуговых акций с предварительной диагностикой аудитории по решаемой проблеме и диагностикой на завершающем этапе, после проведения всех мероприятий по проблеме.

Педагогический смысл такого построения профилактической технологии для детей очевиден: сначала надо выяснить степень информированности детской аудитории по проблеме вредных привычек; затем – рассказом, беседой, мини-опросом подвести детей к необходимости решения проблемы борьбы с вредными привычками; потом – включить их в основное, в нашем случае театрально-игровое, действие, чтобы сформировать отрицательное отношение к вредным привычкам (на уровне сознания и глубже – на подсознательном уровне – вот здесь и нужны искусство и игра); далее – закрепить это отношение, предложив детям нарисовать (на следующий день после спектакля) то, что они поняли, просмотрев спектакль; и, наконец, – организовать беседу и предложить нарисовать плакаты на тему, например, «Как помочь папе бросить курить».

Что нарисовали дети д/с № 174 г. Барнаула после спектакля «Петя Привычкин против царя Никотина»? Каждый – свое, но общий смысл рисунков: бедное, маленькое, но очень яркое красное сердце в клубах черного, синего, серого зловещего дыма.

Успех в деле профилактики и изживания вредных привычек у детей и подростков ждет тех специалистов, кто силен внутренней убежденностью, личностной мотивацией по поводу того, что дело это – по очистке душ наших детей – делать надо.

Третьякова Н. В. (Барнаул, АлтГАКИ)

Развлекательно-игровые программы как средство реабилитации инвалидов

Государственная политика в отношении инвалидов как одной из наименее социально защищенных категорий населения является важной

составляющей социокультурной политики страны. В кризисных ситуациях положение инвалидов ухудшается, у них обостряются чувства зависимости, неустроенности, ущербности, усиливающие как пассивные, так и агрессивные реакции. Вследствие этого связь такой группы населения с другими становится источником повышенного социального напряжения, влекущим за собой угрозу социальной безопасности как ее самой, так и ее окружения. Эти зоны отношений требуют усиления внимания со стороны ответственных за них субъектов государственного управления. В России интеграция инвалидов в общество требует переоценки и корректировки в соответствии с изменениями, обусловленными как внутренними для страны, так и глобальными факторами. Для этого необходим анализ проблемной ситуации, связанной с инвалидами, определение современных принципов и организованных подходов к ее решению, в частности, оценку функционирования имеющихся возможностей для создания новых институциональных средств.

Сама по себе инвалидность – это не только физическое ограничение трудоспособности. Это потеря личностью возможности полноценного функционирования на равных в обществе. Инвалидность – это сильное сужение возможностей социального равноправного партнерства. Устранить ограничения в жизнеобеспечении, коммуникации, социализации и рекреации и компенсировать эти ограничения поможет реабилитация инвалидов.

Источниками роста численности инвалидов можно считать:

- Социальное напряжение и социальные конфликты. Ускорение процесса социального расслоения, сопровождающегося выделением бедных и беднейших слоев, ведет к интенсификации агрессивных проявлений наркомании, алкоголизма, бытового травматизма. Вооруженные конфликты, стихийные бедствия увеличивают число инвалидов в общей численности населения страны.

- Модернизация производства. Она связана с усложнением условий труда, применением некоторых вредных для здоровья людей искусственных материалов, интенсификацией трудовых процессов, ухудшением экологии. В России охрана труда, техника безопасности, природоохранные меры находятся на низком уровне, производственные процессы и их негативные экологические последствия становятся серьезным источником инвалидности.

Положение инвалидов в обществе зависит от следующих факторов:

- Обособленность, сегрегированность. Значительные группы инвалидов испытывают в связи с этим чувство собственной неполноценности и не имеют возможности включиться в обычную социокультурную жизнь.

- Маргинальность. При возрастающей численности инвалидов их оттесненность на периферию социального расслоения, в группы беднейших слоев населения чревата ростом социальной нестабильности, угрозой разрушения нормативных структур в культуре.

- Низкая социальная адаптированность, недостаточная квалификация, слабая правовая защищенность делают этих людей одним из социально значимых факторов воспроизведения культуры бедности.

Положение инвалидов в ближайшем социокультурном окружении обусловлено следующими факторами:

- разрушение традиционных семейных структур, в результате которого резко ограничивается участие инвалидов в полноценной семейной жизни;

- выпадение заботы об инвалидах из круга обязанностей церквей, что лишает инвалидов помощи со стороны священнослужителей и местной церковной общины;

- неразвитость социальных служб, ориентированных на инвалидов, из – за чего последние не имеют возможности для участия в социальной жизни, в особенности по месту жительства.

Социокультурная адаптация инвалидов в сложных современных условиях предполагает модернизацию существующих институтов и средств освоения знаний и навыков, необходимых для полноценного участия в обычной социокультурной жизни. Решение данной проблемы означает установление соответствия между социокультурными нуждами и качеством деятельности организаций (институтов), предназначенных для их удовлетворения.

Необходимо признать, что полная интеграция инвалидов в обычную социокультурную жизнь недостижима. Нет и не может быть медицинских, технических, социокультурных средств, которые компенсировали бы серьезные дефекты (глухота, слепота, умственная отсталость, нарушение опорно-двигательного аппарата) настолько, чтобы они не замечались в обычной жизни. Поэтому культурная специфика социальных связей и отношений инвалидов в обществе будет сохраняться. Следовательно, по ходу изменений в общественной жизни на уровне социокультурной политики в отношении инвалидов следует постоянно отыскивать адекватные пропорции сегрегации и интеграции инвалидов, не нарушающие интересов ни одной из социальных групп.

Процессы включения в социокультурное пространство, адаптации к сложившимся в нем устоям, использования и развития накопленных человечеством ценностей, самореализации и утверждения себя в той или иной форме – все эти важнейшие условия полноценного существования

человека, не дающиеся автоматически и здоровому, для лиц с ограниченными возможностями нередко представляют собой подлинные барьеры, преодоление которых возможно лишь с помощью и во взаимодействии с другими людьми.

Сфера культурной деятельности инвалидов рассматривается скорее как некоторое второстепенное «приложение» к таким областям, как медицинское обслуживание и профессиональное обучение лиц с ограниченными возможностями, их материальное обеспечение. Следует акцентировать внимание на особой, ничем иным не компенсируемой роли деятельности, связанной со сферой художественного творчества, освоения культурных ценностей и приобщения к культурным традициям, включения в различные формы социокультурной практики.

Термин «реабилитация» означает процесс, имеющий целью помочь инвалидам достигнуть оптимального физического, интеллектуального, психического или социального уровня деятельности и поддерживать его, предоставив им тем самым средства для изменений их жизни и расширения рамок их независимости.

Процесс реабилитации не предполагает лишь оказание медицинской помощи. Он включает в себя широкий круг мер и деятельности, начиная от начальной и более общей реабилитации и кончая целенаправленной деятельностью, например, восстановлением профессиональной трудоспособности.

Реабилитация – совокупность мер, направленных на компенсацию или устранение функциональных ограничений у инвалидов с опорой на совокупность его физических и психических способностей и задатков.

Интеграция граждан с ограниченными возможностями в социальное общество будет достигнута через эффективную реализацию различных составляющих реабилитации:

- медицинской,
- профессиональной,
- социальной.

Остановимся подробнее на социокультурной реабилитации инвалидов.

Социокультурная реабилитация – процесс, имеющий целью помочь инвалидам достигнуть и поддержать оптимальную степень участия в социальных взаимодействиях и необходимый уровень культурной компетенции, что обеспечивает им средства для позитивных изменений в образе жизни за счет расширения рамок их независимости. Социокультурные проблемы инвалидов имеют глубинные социальные причины. При разработке программы социокультурной адаптации инвалидов в современных

условиях основное внимание следует уделять основным проблемообразующим группам факторов.

В результате социологических исследований было выявлено, что инвалиды различных категорий и возрастов желают:

- активного межличностного общения;
- самореализации, самоутверждения;
- реализации творческого потенциала.

Анализ практики работы с инвалидами показывает, что одним из направлений в организации социальной реабилитации, наиболее действенным, является социальная технология рекреационной терапии. Досуговые учреждения, работая с методами рекреационной терапии в направлении социальной реабилитации инвалидов, направляют социально-культурные мероприятия на активизацию инвалидов, превращая их в активных участников социальной реабилитации. Одной из основных форм рекреационной терапии является развлекательно – игровая программа. Очень важно отметить особенности игровых отношений.

- Неофициальность, раскрепощенность, демократизм игрового общения способствуют быстрому установлению контактов, возникновению новых знакомств.

- Игра создает наиболее благоприятный тип общения, характеризующийся простотой, доброжелательностью, уступчивостью.

- Игровое сообщество – это самостоятельный микроколлектив, выступающий применительно к каждому участнику игры как организующее начало, поддерживающее установленный стиль взаимоотношений.

- Игра способствует творческому развитию личности. Успех здесь зависит от способности находить нестандартные пути, способы достижения цели. Необычность игровых задач заставляет человека по-новому оценивать привычные взгляды и представления. Нередко игрок напоминает такие сведения, производит такие мыслительные операции, с которыми в обыденной жизни почти не сталкивается.

- Игра способствует активизации аудитории, вовлекает ее в действие, насыщает мероприятия импровизационно-творческими элементами.

Один из важнейших социальных и педагогических аспектов игры – включение человека через игровую деятельность в систему межличностных контактов в наиболее благоприятной, доступной форме, желаемой им роли. Межличностное общение в условиях игры характеризуется большой степенью непринужденности. Такое общение имеет особенности, необходимые для избирательных контактов: оно субъективно, эмоционально, индивидуально.

Структуру игрового занятия можно представить следующим образом.

- Игровые действия, носящие обобщенный характер, посредством которых играющие реализуют свои способности, потребности в самоутверждении и самовыражении.

- Процесс межличностного общения между играющими, состоящий из трех основных компонентов: восприятие, взаимодействие, взаимоотношение.

- Стремление к межличностному общению, установлению контактов в ходе игровой деятельности.

- Стремление к рекреации, мышечному освобождению и эмоциональной разрядке.

- Гедонистические переживания, т. е. участник игры рассматривает игровое действие как источник радости и эстетических наслаждений.

- Удовлетворение инстинктивных человеческих потребностей: стремление к конкуренции, соперничеству, соревнованию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что игры и развлекательно-игровые программы важны для реабилитации инвалидов, т. к. они способствуют быстрому установлению контактов, развивают у инвалидов творческие способности, стимулируют их к активному отдыху, помогают развивать потребность в самовыражении и самореализации. Люди с ограниченными возможностями хотят и могут реализовать свои социокультурные потребности в любом виде игрового действия, естественно, с дифференцированным подходом к данной категории населения.

Под руководством автора данной статьи выпускница специализации «Организатор – постановщик социально – культурных программ» Олейник Л. К. разработала и апробировала программу реабилитации инвалидов средствами игры в АКОО ВОИ. В программу под названием «Хорошее настроение» были включены различные виды развлекательно – игровых программ:

- развлекательно – игровой детектив «Найдите колобка»;
- музыкальная развлекательно – игровая программа «Музыка в нашем доме»;
- интеллектуальная игровая программа «Буквы и цифры»;
- спортивная программа «Одинокий всадник» и др.

В разработке программ, подготовке реквизита, в музыкальном и художественном оформлении принимали активное участие инвалиды. Хочется отметить, что уже на этом этапе отмечалась заметная активизация, сплочение инвалидов, появилось чувство уверенности, желание общаться и жить полноценной жизнью. В спортивной программе «Одинокий

всадник» принимали участие инвалиды с нарушением опорно-двигательной функции на колясках. Соответственно их физическим возможностям подбирались и конкурсы. Участникам предлагались конкурсы с мячами, гириями, метание дисков, с которыми они успешно справлялись и получали от этого огромное удовольствие.

Программа «Хорошее настроение» получила положительную оценку не только среди инвалидов, но и среди окружающих их людей, которые радовались успехам дорогих им людей. Исходя из полученных результатов, можно смело использовать развлекательно-игровые программы для реабилитации инвалидов.

Литература

1. Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями и попавших в кризисную ситуацию в учреждениях социальной защиты населения: методическое пособие. – Новосибирск, 1999. – 213 с.

Черняк Е. Ф. (Кемерово, КемГУКИ)

Внедрение PR-технологий в коммуникативное пространство социально-культурной деятельности

В последней четверти XX в. человечество вступило в новую стадию своего развития – стадию построения информационного общества, ведущую к существенным трансформациям в системе современных культур. Развитие средств массовых коммуникаций и появление новых информационных технологий превращают информацию в наиболее ценный продукт и основной объект экономических отношений. На протяжении многих столетий человечество использовало для передачи информации устную речь, письменность, живопись, скульптуру, музыку, хореографию. Начиная с XV века вплоть до наших дней в общественной социально-культурной практике появляются печатные книги, газеты, журналы, фотография, телефон, киноискусство, телевидение, компьютеры и т. д., что открывает широкие возможности для межкультурной коммуникации, обмена идеями, опытом, информацией. И на первый план выдвигается разработка коммуникативных технологий, обеспечивающих формирование структурных связей социальной сферы.

В этой связи не случаен рост внимания ученых к расширению информационного пространства, без которого невозможно органичное развитие социально-культурной сферы. Проблемой здесь выступает наличие развитой информационной технологии, позволяющей создавать культур-

ную информацию, и отсутствие коммуникативной технологии в социально-культурной сфере, позволяющей на основе этой информации строить устойчивые социальные связи.

Нельзя отрицать возрастающего влияния такого мощного социально-культурного института, как интегрированные маркетинговые коммуникации, включающие рекламу, маркетинг и **PR, которые по праву признают** новой сферой реализации мировоззренческих, эстетических, эмоциональных и творческих потребностей современного человека.

И теоретики, и практики системы паблик рилейшнз постоянно подчеркивают, что она является наукой и искусством формирования общественного мнения в желаемом направлении. **В PR тоже есть свои мифы**, свои основоположники, своя методика, осознание своей ответственности и ощущение влиятельности. **PR - это сумма накопленных знаний об устройстве общества**, его функционировании, экономических и психологических причинах поведения людей, средствах воздействия на их установки и убеждения.

PR находится на стыке многих научных и практических сфер деятельности. Третье издание международного Вебстерского толкового словаря определяет паблик рилейшнз как «науку и искусство налаживания взаимного понимания и доброжелательности между личностью, фирмой или учреждением и общественностью».

Несколько иной акцент определение паблик рилейшнз имеет у тех авторов, которые стремятся подчеркнуть особенности задач и уровень ответственности, возлагаемый на эту систему. В итоге предлагается ряд операциональных определений того, что составляет ее содержание и функциональную нагрузку. Одной из подобных попыток можно считать определение, предложенное бюллетенем «Паблик рилейшнз ньюз» и получившее широкое одобрение специалистов: «Паблик рилейшнз – это функция управления, призванная оценивать отношение публики, идентифицировать политику и действия частного лица или организации относительно общественных интересов и выполнять программу деятельности, направленную на достижение понимания и восприятия ее массами».

Исследователи пришли к выводу, что **PR – это постоянно развивающаяся система**, а разнообразие в ее описаниях свидетельствует лишь о некоторых тенденциях, которые доминируют в определенные периоды времени либо у определенных групп ученых и практиков.

Определений **PR множество**, но есть несколько жестких конструкций, задающих ориентиры при любых действиях специалистов этой области:

- PR – это всегда функция управления, это часть деятельности первых лиц организации, лидеров, которые могут прибегать к знаниям

- PR – это всегда действия продуманные, целенаправленные, спланированные и эффективные

- PR – это всегда двустороннее общение, это установление взаимопонимания

- PR – всегда подразумевает достижение социально значимых результатов, общественное благо – его сверхзадача.

В социально-культурной сфере трудно переоценить огромную роль воспитательного воздействия PR-технологий, т. к. они прямо или косвенно влияют на трудовую и общественно-политическую активность человека, его участие в общественной жизни, организацию досуга. PR как особый вид социальной практики вырастает из умения делать публичными необходимые человеческие реакции. Для того чтобы полнее выявить социально-культурный потенциал PR-технологий, нужно отчетливо представлять их социальную сущность и специфику.

PR – деятельность осуществляется с целью побуждения целевых групп к совершению определенных действий. Чтобы побуждение имело реальный эффект, необходимо оказать влияние на следующий комплекс позиций:

ценности управляют потребностями,
потребности влияют на интересы,
интересы формируют отношения,
отношения проявляются во мнениях,
мнения мотивируют действия.

Ценности – это устойчивые компоненты, которые формируются в течение длительного периода и определяют поведение людей. Полностью изменить ценностные ориентации вряд ли способна даже самая масштабная PR- кампания. Но пытаться оказать на них влияние можно и необходимо, поскольку ценностные ориентации управляют потребностями, т. е. определенным комплексом материальных и духовных желаний. В то же время совокупность потребностей, их иерархия носит гибкий, подвижный характер и PR – методы вполне способны оказать воздействие на их формирование.

Близки к потребностям интересы – то, что не только осознается как необходимое, но воспринимается как собственное, свое, во имя чего стоит предпринимать конкретные действия. Способствовать лучшему пониманию интересов – это уже профильное направление для PR- специалистов.

Но за интересами еще не следуют действия. Между ними существуют отношения и мнения. Из огромного числа объектов человек выделяет те, которые его касаются, и начинает оценивать их с той или иной мерой симпатии или антипатии. Первостепенная задача PR- **стать «маркером»** в формировании мнений, разъяснить, «что хорошо и что плохо». Отсюда недалеко до действий: поддержать (купить, проголосовать) или отвергнуть.

Чем дальше от финального звена цепочки («действия») начинается PR – влияние, тем более значимый результат может быть достигнут; и наоборот: прямой призыв к совершению немедленных действий имеет очень низкий эффект.

Таким образом, через сформированную функциональную PR-структуру, разветвленную сеть средств ее создания и массового распространения связи с общественностью все активнее интегрируются в социокультурные процессы, становясь неотъемлемой частью культуры россиян.

Социально-культурная деятельность представляет собой широкую разнообразную область человеческой деятельности, которая отличается особой сложностью взаимоотношений компонентов своей внутренней структуры. Необходимость межличностного общения в процессе этой деятельности в сочетании с большим духовно-интеллектуальным напряжением и высоким тоном работы предъявляет повышенные требования к деятельности специалиста по связям с общественностью в этой сфере. Число людей, активно пользующихся услугами социально-культурных учреждений, а также специалистов, работающих в них, постоянно растет. Деятельность специалиста PR в социально-культурной сфере по своей природе уникально. Оно определяется высоким уровнем художественного мастерства и нравственным воздействием на личность, коллектив, большие и малые группы людей. Именно специалисты PR способны оказывать колоссальное воздействие на формирование, оценку и развитие общественных отношений, на процесс социализации личности; вырабатывать рекламный стиль, имидж и корпоративную культуру; заниматься взаимодействием организации со средствами массовой информации – с редакциями, изданиями, журналистами. Цель профессиональной деятельности специалиста PR в социально-культурной сфере обусловлена также необходимостью формирования духовно-нравственных ценностей личности, ее эмоционально-эстетическим, интеллектуальным потенциалом, развитием творческих способностей в непростых социально-экономических условиях.

Каждое учреждение культуры включается в так называемые «социальные отношения»: с другими организациями и учреждениями, ад-

министративными органами, СМИ, жителями района. Международный опыт работы служб PR в сфере социальных отношений рекомендует при составлении плана PR-кампании изучать социальную среду, общественное мнение и отношение внешней среды к деятельности учреждения культуры, продумывать систему мер воздействия на общественное мнение. Иметь ответы на три группы вопросов:

1. Структура города: состав населения, формальные и неформальные лидеры, господствующие ценности и системы коммуникаций.

2. Сильные и слабые стороны: специфические проблемы, экономическая и политическая ситуация, человеческие, культурные ресурсы.

3. Что местное сообщество знает о политике учреждения, об его услугах? Что оно ожидает от учреждения? Есть ли искаженные или ложные оценки его деятельности?

В конечном счете, PR-технологии активно способствуют выработке и активному проведению в жизнь общей социокультурной политики как на региональном и локальном уровнях, так и на уровне отдельно взятого учреждения культуры – клуба, музея, парка, библиотеки. Конечным результатом этих технологий является создание общественной популярности и имиджа для каждого социально-культурного учреждения или предприятия, для продвижения на рынке производимых ими культурных продуктов и услуг.

Фоменко Н. К. (Кемерово, КемГУКИ)

Клубные формы общения в театре: поиск новых технологий организации юношеского досуга

Роль театра в духовном развитии личности доказана, и эта истина в дополнительных аргументах не нуждается. Обоснованным считается и суждение о том, что для развития души подростка наличие даже посредственного театра много лучше, нежели его полное отсутствие. Однако механизмы формирования театральной культуры зрителя, и в частности юного зрителя, исследованы явно недостаточно.

Заполняемость театральных залов, как свидетельствует статистика, сегодня остается актуальной проблемой, особенно для периферийных театров. Низкий уровень культуры организованных просмотров в периоды школьных культпоходов огорчает создателей спектаклей даже в столичных театрах.

О своем постоянном зрителе, обладающем устойчивым опытом общения с театром, развитым художественным вкусом, мечтает каждый театр. Кем и как воспитывается такой зритель? Театры, в большинстве своем, считают, что это прерогатива семьи и школы, оставляя за собой право «учить» и «воспитывать» зрителя на просмотрах спектаклей. О бесперспективности однонаправленной, линейной коммуникации «театр-зритель» говорили и писали многие театральные деятели. Известный режиссер 50–60-х годов Н. П. Акимов с тревогой отмечал в качестве основных причин «разрывов» в театральной коммуникации снисходительное отношение театра к своему зрителю как объекту коммуникации, забвение театральных традиций в программировании встреч со зрителем.

В статье «О театре настоящем и будущем» Н. П. Акимов писал: «Рассматривая роль театра в наше время, мы часто уделяем все наше внимание одной половине театра – сцене и мало задумываемся над запросами другой половины – зрителей. Помимо стремления к тому, чтобы общение сцены и зала было самым тесным... есть еще одна важная сторона вопроса. Людям свойственно встречаться и стремиться к общению между собой» [1, с. 92].

В этой статье выдающегося театрального деятеля возникают контуры своеобразного театра-клуба, в котором собираются люди для общения. Клубные формы общения не чужеродны природе театра, напротив, они органично вливаются в систему театральной коммуникации, предшествуя и завершая традиционную форму общения театра и зрителя во время спектакля.

Признавая приоритетность театрального спектакля как традиционной формы общения со зрителем, мы хотели бы заметить, что даже самый хороший спектакль, по нашим наблюдениям, далеко не всегда способен вовлечь юного зрителя в процесс активного восприятия, а тем более соучастия и сотворчества. Дело в том, что профессиональный театр, за редким исключением, пытается установить контакт с неподготовленным зрителем сразу на уровне синхронной коммуникации, игнорируя очень важный уровень общения зрителя до начала спектакля, т. е. опускает подготовительный период в коммуникации «театр – зритель». На этом уровне контакт со зрителем достигается нетрадиционными средствами взаимодействия.

На кафедре социально-культурной деятельности КемГУКИ в течение многих лет отработывались технологии приобщения к театральному искусству подрастающего поколения. В рамках «Театральной гостиной» при Доме актера г. Кемерово и студенческого клуба КемГУКИ «Диалог» преподаватели кафедры и студенты проводили театральные вечера,

встречи с артистами, вечера-портреты артистов и режиссеров, обсуждения спектаклей, дискуссии по различным аспектам проблемы «Театр и зритель». Апробация проекта проходила в Кемеровском театре драмы.

Для участия в эксперименте нами были выбраны две «нетеатральные» школы города.

Предложение подготовить театрализованную викторину или театральный вечер было встречено старшеклассниками без энтузиазма. Зато популярная игра «Что? Где? Когда?» и КВН оказали магическое воздействие на ребят, и в обеих школах начался процесс по формированию команд для состязания сразу в двух играх, которые нами были интегрированы в одну, новую, модифицированную игру «ВИК-КВН».

Этапы предыгры определялись структурой проекта. В программу включалось 11 заданий:

1. Приветствие команд (Нужно представить визитку театра драмы и Театра оперетты Кузбасса).

2. Вопрос по истории русского театра (Вопрос в конверте).

3. Зрелищный вопрос от Кемеровского Театра драмы. (Актеры против зрителей. Проверка знаний репертуара и исполнителей ролей в предложенных фрагментах из идущих спектаклей).

4. Зрелищный вопрос от Театра оперетты Кузбасса.

5. Театральный календарь (Календарь персонифицирован).

6. «Черный ящик» – вопрос в предмете (по предметам реквизита нужно назвать спектакль, главных героев, сцену, в которой этот реквизит был использован).

7. Конкурс гримеров (Команда – команде. Нужно отгадать, из какого спектакля загримированный персонаж, его имя и т. д.).

8. Конкурс театральных художников.

9. Конкурс капитанов.

10. Аукцион для болельщиков.

11. Домашнее задание (Конкурс на самую эффективную методику привлечения школьников к театру).

В течение трех месяцев команды школьников посещали театральные спектакли, встречались с артистами и режиссерами, побывали за кулисами и познакомились с работой различных цехов, изучали литературу по истории театра и знакомились по архивным материалам с историей кемеровских театров. Визитки-приветствия и домашнее задания школьникам помогали готовить наряду со студентами молодые актеры. Так происходил процесс узнавания и сближения «оппонентов» в репетициях, беседах и дискуссиях.

Итак, наш проект опирался на уже известные формы: «Что? Где? Когда?» и КВН.

Нами были использованы также другие формы:

- Концерт-загадка – актеры предлагали в качестве вопросов «знатокам» песни, стихи, монологи из идущих спектаклей («зрелищные вопросы»).
- Конкурс – творческие состязания художников и гримеров.
- Аукцион – состязание болельщиков.
- Викторина – театральный календарь.

Вполне понятно, что из простого арифметического сложения всех этих известных компонентов новое качество родиться не может. Нужно было «переплавить» все выше названные «заемные» элементы в единое целостное и увлекательное действо.

«Природа видовой условности, – пишет Я. В. Рагнер, – требует органического включения заемных элементов, при котором зрелищный стимулятор становится посредником между замыслом художника и мыслью, и чувством зрителя» [2, с. 104].

Важную роль в процессах модификации любых программ играет точное определение основной структурной единицы – конфликта и предмета борьбы. В нашей программе конфликт развивался по следующим направлениям.

1. Театр против знатоков.
2. Команды друг против друга.
3. Знатоки (команды) против театра и друг против друга.

По своей природе конфликт театра со «знатоками» носил характер диалектического диспута, поскольку спор в своем содержании заключал возможность неожиданного синтеза взглядов.

В этом диспуте происходит следующий процесс синтеза позиций театра и зрителей.

Тезис от театра: «Чтобы иметь право судить о театре и его актерах, надо чаще бывать на спектаклях. Нельзя отрицать то, что плохо знаешь».

Антитезис от команд «знатоков-школьников»: «Традиционные способы общения театра с юными зрителями требуют пересмотра и обновления. Зрители – не объект воспитательного воздействия со сцены, а субъект сотворчества. Если театр хочет иметь понимающего зрителя, он должен, как минимум, с ним познакомиться».

Синтез: чтобы найти общий язык, чтобы подружиться, нужно лучше узнать друг друга. А для этого необходим богатый и разнообразный репертуар форм общения и взаимодействия.

Собственно подготовительный период и был спрограммирован таким образом, чтобы полемика перешла в русло диалога. Мы стремились на всех этапах работы над проектом расширить сферу контактов театра со школьниками и вызвать у «оппонентов» чувства удивления и удовлетворения от сделанных открытий в процессе узнавания (или знакомства).

На сцене, обозначая противоборство двух команд, стояли два круглых стола с волчками (одна из моделей игры В. Ворошилова). Игра по жестким правилам обостряла конфликт всего действия. Но ведущие программы, умело «размыкая игровую замкнутость» и подключая игру «ролевою», обеспечивали развитие сюжета по законам сценического представления. Зрелищные вопросы, элементы концерта-загадки, конкурсы художников и гримеров, фрагменты из спектаклей, яркие, остроумные эпизоды команд в духе лучших традиций КВНа, активное включение дублеров и болельщиков – все это создавало на сцене и в зале атмосферу динамично развивающегося праздника.

В зрительном зале все чаще звучали аплодисменты в адрес выступления артистов, юные зрители открывали для себя новые имена талантливых служителей Мельпомены.

А режиссеры и артисты, в свою очередь, с удивлением всматривались в переполненный юными зрителями праздничный зал, из которого за два с половиной часа игрового действия, проводившегося без антракта, не ушел ни один человек. В финальных эпизодах программы вместе со школьниками играли ведущие артисты театров драмы и оперетты. Наш ВИК-КВН оказался созвучен природе театрального искусства. Создавалось ощущение, что сам театр захотел выйти на такой уровень общения с юными зрителями.

И театр, и зрители, школьники и учителя, приняли наш проект. Эксперимент получил положительную оценку специалистов, и вскоре ВИК-КВН «Любите ли вы театр?» прошел апробацию в Новокузнецком драматическом театре. На этот раз и команды игроков, и команды болельщиков были сборные из разных школ двух районов города – Центрального и Заводского. За счет такого укрупнения команд значительно обострился конфликт борьбы, болельщики спрашивали лишнего билетик задолго до входа в театр.

В культурной ситуации г. Новокузнецка ВИК-КВН «Любите ли вы театр?» был воспринят как значительное событие, и неоднократно он включал проводимую театром Всероссийскую неделю «Театр – детям и юношеству». Новокузнецкий ВИК-КВН был дважды показан по областному телевидению.

Наш проект развития театральной культуры у школьников органично вписался в систему работы со зрителем, которую в течение многих лет создавали заместитель директора Новокузнецкого драматического театра по работе со зрителем О. Л. Павловец, выпускник нашего вуза, и заведующая литературной частью театра С. Э. Бондаревская.

Работа театра по развитию контактов со школами города программировалась по следующим направлениям:

- создание в каждой школе города актива юных любителей театра;
- создание при театре клуба организаторов внеклассной работы;
- открытие театрального клуба директоров школ города (в этой работе активную помощь театру оказали городские органы образования);
- театральные вечера в каждой школе, посвященные Дню театра и открытию Недели «Театр – детям и юношеству»;
- работа зрительского жюри из числа юных любителей театра в период Недели.

Наряду со школьными встречами в Новокузнецком драматическом театре родилось еще одно направление – театральный абонемент «Папа, мама, я – театральная семья». Один раз в месяц для детей и родителей, преимущественно в воскресные дни театр помимо спектакля предлагал программу внеспектаклевых клубных форм общения. Это направление в работе со зрителем представляется нам наиболее актуальным, поскольку сегодня не так часто можно встретить в театральных залах детей с родителями. Этот аспект проблемы развития духовной культуры нашего общества заслуживает специального рассмотрения. На базе Новокузнецкого драматического театра при содействии Кемеровского отделения Всероссийского фонда культуры создается творческое объединение по эстетическому воспитанию «Театр – Семья – Школа». Первым большим событием в работе объединения явился подготовленный им фестиваль драмколлективов школ и внешкольных учреждений на сцене Новокузнецкого театра. Фестиваль проходил в три этапа и завершился большим театральным праздником «Когда встречаются друзья».

В программе творческого объединения «Театр – Семья – Школа» ежегодное проведение «Рождественских встреч», музыкальные вечера, праздничные концерты, литературные вечера, вечера-встречи «Театр + зритель».

Внутри творческого объединения «Театр – Семья – Школа» родился и вырос в самостоятельное направление работы с юным зрителем театр детского творчества «Юность» (театр, где играют дети). В этом театре юные артисты играли вместе с профессиональными актерами Новокузнецкого драматического театра в профессиональных спектак-

лях на большой сцене, удивляя и радуя своих сверстников, их родителей и учителей.

Вполне понятно, что такая многоуровневая программа работы по развитию театральной культуры зрителя требовала больших материальных затрат. И при театре создается еще один клуб – «Театральный клуб деловых людей». В его состав вошли мэры г. Новокузнецка, руководители всех районов, а также директора крупных промышленных предприятий и банков. Члены клуба оказали значительную финансовую помощь в реализации многих проектов долгосрочной программы «Театр + зритель».

Осмысление опыта работы со зрителем Новокузнецкого драматического театра и многолетнего опыта кафедры социально-культурной деятельности по внедрению клубных технологий в театральную жизнь города, в социально-культурные процессы развития духовной культуры молодежи убеждают нас в том, что природа клуба имманентно присуща театру и, наоборот – там, где нет магии театра, и клуба нет.

«Что же касается театра как храма искусства, как творческого художественно-зрелищного учреждения, – пишет В. В. Туев, – то, вовсе не пытаясь отождествить его с «культпросветским» клубом, тоже учреждением, но выполняющим несколько иные, специфические, но не менее существенные социальные функции, смею утверждать, что и театр начинается с клуба, с добровольного объединения людей» [3, с. 196–197].

Подведем итоги. Интересный и конструктивный опыт, начатый еще в 90-х годах энтузиастами Новокузнецкого драматического театра, преподавателями и студентами Кемеровского института культуры и широкой театральной общественностью гг. Кемерово и Новокузнецка, имевший вначале, казалось бы, только локальное, местное, экспериментальное значение, сегодня, уже в начале XXI века, широко распространяется как в театральной жизни Кузбасса, так и в его образовательных учреждениях.

Продолжает развитие плодотворных идей этого эксперимента и наша кафедра.

Литература

1. Акимов Н. П. Театральное наследие // О режиссуре: Режиссерские экспликации и заметки: кн. 2. / под ред. С. Л. Цимбала; сост.: В. М. Миронова. – Л.: Искусство, 1978. – 287 с.
2. Ратнер Я. В. Эстетические проблемы зрелищных искусств. – М.: Искусство, 1979. – 144 с.
3. Туев В. В. Технология организации инициативного клуба: учеб. пособие для вузов искусств и культуры. – М.: МГУКИ, 1999. – 250 с.

Арт-терапия как метод социально-культурной адаптации детей в коррекционно-образовательном учреждении интернатного типа

Процесс адаптации детей с выраженным нарушением центральной нервной системы наряду с педагогическим воздействием предполагает влияние специалистов и других направлений. Очевидна необходимость оказания социально-культурной помощи аномальному ребенку для эффективности решения задач по адаптации его в обществе.

Одним из наиболее доступных и продуктивных направлений социально-культурной адаптации является арт-терапия, то есть метод психолого-педагогического лечебного воздействия коррекции личности при помощи различных средств искусства. Первые опыты арт-терапии появились в 40–60 гг. благодаря развитию психодинамической теории, с которой связано представление о том, что спонтанная творческая деятельность способна выражать неосознаваемые содержания психической жизни. Бессознательное, воплощенное в определенной социально значимой форме, становится доступным для самоанализа, осознания собственных мотивов поведения и изменения его. Арт-терапия является чрезвычайно важным фактором при работе с аномальными детьми, так как позволяет без морализаторства, давления и репрессий установить психотерапевтический контакт, помочь им обрести психическую целостность и душевное равновесие. Это также важный воспитательный метод, помогающий детям постигать общечеловеческие духовные ценности. Кроме того, данная форма работы является привлекательной для ребят, так как позволяет им говорить о себе, своих желаниях, потребностях, в игровой и художественной форме, которая может стать социально значимой, открытой миру взрослых, которые не всегда хорошо понимают, чем живут их дети.

Использование арт-терапии в условиях коррекционно-образовательного учреждения позволяет решить важные задачи социально-культурной адаптации детей:

- формирование понятий и представлений об окружающем мире и их обогащение;
- преодоление проблем, возникающих при контакте с окружающим миром;
- развитие психических процессов и речи ребенка,
- развитие позитивных и исправление негативных моделей социального общения и поведения ребенка;
- совершенствование эмоционально-волевой сферы ребенка с умственной отсталостью.

Изучив опыт использования различных методик арт-терапии (Дж. Морено. «Психодрама», Леман. «Импровизация сказки», А. И. Захарова. «Игровая коррекция с элементами драматизации» и др.), мы разработали адаптированный вариант арт-терапии, который был применен при работе с нестандартными детьми на базе специальной коррекционно-образовательной школы-интерната № 104 г. Кемерово. Специфика организации арт-терапии для детей с выраженной патологией центральной нервной системы заключается в соблюдении следующих требований:

- 1) первоочередность формирования элементов театрализованной деятельности;
- 2) умение отождествлять себя с театральным персонажем;
- 3) выполнение ролевых действий в соответствии со сценарием,
- 4) выбор доступного по содержанию и объему материала,
- 5) индивидуальный подбор доступных форм участия в арт-терапевтической акции всех детей,
- 6) ограничение продолжительности акции.

Анализируя опыт использования адаптируемой арт-терапии в практике работы с детьми с отклонениями в развитии, можно условно выделить шесть основных этапов практической арт-терапии:

Первый этап – «Контакт». Он предполагает знакомство педагога с детьми; взаимное изучение друг друга, формирование межличностных взаимоотношений; поиск возможных форм взаимодействия организаторов и детей.

Второй этап – «Пассивная арт-терапия». На этом этапе осуществляется привлечение детей к пассивному участию в школьных праздниках.

Третий этап – Выбор приоритетных направлений творчества детей в работе педагога-организатора.

Четвертый этап – «Разработка индивидуальных программ». Он включает определение задач, выбор содержания и форм организации досуга на определенный временной промежуток с учетом психофизических и коммуникативных взаимодействий каждого ребенка.

Пятый этап – «Активная терапия». Предполагает проведение культурно-досуговых программ с постепенным снижением опосредованности участия и усложнением содержания материала (от готовых сценариев простых сказок до импровизированного диалога при инсценировках различных жизненных ситуаций). Формы организации работы при этом могут быть разнообразны. Шестой этап – «Анкетирование». Производится тестирование детей с целью выявления динамики развития личности, изменений во взаимоотношениях с окружающим миром, наступивших в результате участия в арт-терапии. Продолжительность каждого этапа может

быть различной в зависимости от индивидуальных особенностей состава участников арт-терапии и степени реализации поставленных задач.

Отработанный во время арт-терапии материал отображается в театрализованных программах, демонстрируемых на общешкольных праздниках. Это позволяет подчеркнуть арт-терапевтический эффект и привлечь новых участников.

В специальном коррекционно-образовательном учреждении школе-интернате № 104 г. Кемерово, где нами проводится научно-педагогический эксперимент по социально-культурной адаптации с аномальными детьми, мы апробировали метод арт-терапии, поэтапно организуя целенаправленные специфические социально-культурные акции. Так, на этапе «Пассивная арт-терапия», на котором нами внедрялись праздничные формы досуга, большинство детей было задействовано в качестве зрителей, и только некоторые из них (самые активные) стали участниками театрализованного действия. Далее в своей работе мы подошли к следующему этапу – «Активная арт-терапия», предварительно наметив приоритетные направления в творчестве детей. Таковыми стали:

- театральное, развитие творческих способностей детей средствами театрального искусства (кукольный театр «Теремок»);

- музыкальное, развитие творческих способностей детей средствами музыкального искусства (хор, вокал, оркестр народных инструментов);

- хореографическое, развитие творческих способностей детей средствами пластики и танца (ансамбль танца «Ветерок»),

- художественно-прикладное творчество, развитие творческих способностей детей средствами изобразительно-прикладного искусства (кружки мягкой игрушки «Чебурашка», деревообработки, швейного дела, вязания и вышивания «Очумелые руки»).

По каждому направлению творческой работы с детьми были разработаны индивидуальные программы по арт-терапии под общим названием «Дарим детям радость».

В результате намеченной и проведенной нами поэтапной арт-терапевтической программы были достигнуты следующие результаты:

1. Участие детей в совместной творческой деятельности, что способствовало их общению.

2. Расширение представления детей об окружающем мире.

3. Воспитание устойчивого интереса к творческой деятельности.

4. Развитие эмоциональной сферы детей, привитие им чувства прекрасного: снижение эмоционального напряжения, коррекция настроения.

5. Стимулирование развития различных видов творческой деятельности: театрально-игровой, музыкальной, танцевальной, изобразительно-прикладной.

Арт-терапия способствовала развитию положительных эмоций, обогатила словарный запас, помогла ребенку увидеть рядом с собой других людей (прежде всего сверстников), произошла оценка поступков героев праздничного действия, их объяснение с точки зрения общественных норм поведения. Ребята смогли почувствовать переживания другого человека, сопоставили разные формы поведения и выделили среди них значимые и предпочтительные в социально-нравственном смысле (с точки зрения человечности, гуманности, отзывчивости). Другими словами, арт-терапия помогает обучить аномальных детей жизни в обществе, что очень важно.

Таким образом, практика показала эффективность выбранной нами методики арт-терапии.

Головки Т. И. (Барнаул, АлтГАКИ)

Специфика деятельности учреждений дополнительного образования в системе культурно-воспитательного воздействия на детей и подростков

Анализ проблем бывших внешкольных учреждений показывает, что основное внимание в их деятельности уделялось формированию практических навыков школьников (изготовление поделок, моделей и т. д.).

Вместе с тем ранее устраивавшие всех взаимоотношения между субъектами (педагогом и участником кружка) сегодня вызывают внутренний протест. Для получения конечного результата в качестве образованности личности одной практической деятельности недостаточно, необходимо делать акцент на серьезную теоретическую подготовку и развитие личности в целом. Педагогический процесс продолжает функционировать в новом облике образовательного процесса учреждений дополнительного образования (УДО). Особенностью деятельности системы дополнительного образования является практическая направленность, ведущая к учебной и исследовательской деятельности. Приоритетными формами остаются коллективная творческая деятельность, клубы, студии, мастерские, которые предполагают как индивидуальную, так и групповую работу с учащимися.

Спецификой современных требований к УДО является:

- оснащенность образовательного процесса педагогическими программами, помогающими школьникам овладеть функциональной грамотностью;
- предоставление каждому школьнику свободного выбора образовательной области, профиля программ, времени их освоения, многообразия видов деятельности, удовлетворяющих самые разные интересы;
- личностно-деятельностный характер образовательного процесса;
- профориентация, возможность получения допрофессионального образования;
- социокультурная направленность всех мероприятий.

Таким образом, в целом дополнительное образование рассматривается как особо организованный процесс, который изначально ориентирован на свободу выбора школьником совместно с педагогом образовательной области профиля программ, времени их освоения, разнообразие видов деятельности, социализации и создание благоприятных условий для реализации имеющегося природного потенциала школьника в соответствии с его потребностями.

Образовательный процесс УДО способствует решению смысловых проблем, которые выражаются в системе вечных вопросов человеческого бытия: «кто я?», «зачем я пришел сюда?», «каково мое место в нем?», «каков смысл моей жизни?». Специфика же выражается в необходимости конструирования в образовательной программе особой методики творческого сотрудничества, совместной продуктивно – разделенной деятельности педагога и школьника, педагога и творческого объединения, методики активного и интенсивного обучения.

По мнению В. А. Горского, «потребность в творческой деятельности, в жизненной активности возникает на определенном витке развития человека как социального существа. Но обязательность ее проявления далеко не закономерна. Задача образования – зафиксировать эту проблему для человека, превратить ее в его потребность, импульс движения и поиска» [1, с. 8].

Прежде всего это предполагает отказ от авторитарных отношений и переход к отношениям творческого соучастия в едином процессе деятельности коммуникации, в достижении общей цели. В такой организации участники, дополняя друг друга, образуют систему отношений содействия, в которой творческие возможности и способности партнеров реализуются наиболее полно. Дополняя друг друга, они достигают качественно нового уровня развития в сфере общественных отношений, разработке новых ценностей, переориентации на новые идеалы, изменения характера общения.

Решение творческих задач в сотрудничестве с педагогом изменяет психологическую структуру учебно-воспитательного процесса в целом, ибо создается надежная система внутренней стимуляции самого широкого спектра взаимодействий. Отношений, общения между всеми участниками (нравится быть со всеми, увлекает общее дело, удовлетворяется честолюбие, появляется гордость за себя). Система внутренних мотивов, возникающих при таком взаимодействии, переориентирует, в свою очередь, мотивы и процессы решения репродуктивных задач (без которых не может состояться ни одна цель образовательной деятельности) за счет создания целостного смыслового поля в пространстве творческих взаимодействий (когда школьник пришел в коллектив только потому, что он движим потребностью по типу стихийного неосознанного выражения «хочу» или желания своих родителей) к диалогу партнеров («я умею и хочу»). В результате происходит становление интеллектуальных, коммуникативных, мотивационных компонентов личности. Изменяются уровень ее самоорганизации, способы понимания, общения, возрастает свобода не только в принятии цели, но и в переформулировании ее и смыслов своей деятельности, в выдвижении новых смыслов и целей (что с полным правом можно назвать становлением актуальной продуктивности личности). Из ведомого школьник превращается в ведущего инициативного партнера, способного к широкому диалогу. Эти способности – показатель высшей, развитой формы самоорганизации личности. Ситуация совместной продуктивно-творческой деятельности педагога и школьника, педагога и творческого объединения выступает смысловой и конструктивной единицей инновационного характера процесса активного становления продуктивности личности. Продуктивность означает, что человек сам себя ощущает в качестве преобразователя своих сил, своей социализации, культурного, профессионального самоопределения и в качестве действующей силы позитивных преобразований общества.

Характер образовательной деятельности в УДО предполагает:

1. Выдвижение на первый план творческих и продуктивных заданий, определяющих смыслы и мотивы выбора репродуктивных задач.
2. «Погружение» в деятельность предшествует ориентировке, последующей отработке отдельных элементов и действий, умений, запоминанию информации, накоплению знаний.
3. Формирование смыслов и целей деятельности опережает простую и неизбежную тренировку в способах достижения результатов.

Для облегчения процесса осмысления действий синтез должен предшествовать анализу.

4. Следование учебных заданий логике возрастающей креативности, социальной значимости и культурной полноценности получаемого результата, побуждение к реализации себя в деятельности, выдвижению новых целей, к смене смысловых установок. Тем самым задания расширяют зону ближайшего и перспективного развития для всех участников образовательного процесса. Дополнительное образование тесно связано с самоопределением, стимулированием занятости подрастающих поколений. Главное – создание среды мотивационного выбора и серьезной пробы своей профессиональной занятости, социальной роли, предоставление исходных условий, определяющих ответственный и осознанный поиск личностной карьеры, самоорганизацию.

Одно из характерных особенностей дополнительного образования является поддержка «экологии детства», защита растущего человека в поиске смысла жизни, своего места в ней, снятия напряженности перед неопределенностью, неустойчивостью окружающего мира.

Образовательный процесс в УДО предполагает не только специфическое осмысление высшего мира, но и субъективный процесс осмысления и передвижения своего внутреннего мира и взаимодействие человека с миром внешним. В УДО накоплены оригинальные образовательные технологии выявления и развития различных видов одаренности детей:

- **общая интеллектуальная;**
- **конкретно-предметная;**
- **конструктивно-продуктивная;**
- **музыкально-художественная;**
- **организаторская;**
- **коммуникативная;**
- **общая творческая.**

Совершенствование содержания дополнительного образования ориентировано на динамичность образовательного процесса как социального явления, выступающего естественной составляющей жизни человека, обретающего возможность для развертывания и реализации его жизненного пути; стимулирование творческой активности школьника, развитие его способности к самостоятельному решению возникающих проблем и удовлетворению потребностей; активное и деятельное усвоение содержания образования, прогнозирование возможностей его применения в различных ситуациях; обобщение жизненного опыта школьника, соотнесение его с исторически сложившейся системой ценностей, самостоятельную оценку им тех или иных действий, событий, ситуаций и ответственное построение своего поведения; новое восприятие научного знания с его ярко выраженной тенденцией к многообразию и овладение

специализированными языками наук в малых группах юных исследователей; преемственность содержания различных видов образования с учетом эволюции личностного сознания ребят и развитие многообразия форм их жизнедеятельности.

Специфика организации современного учреждения дополнительного образования, направленная на удовлетворение познавательного интереса, осуществление индивидуализации обучения, при неформальном характере общения и практической направленности обучения дает возможность следовать природе развития потребностей школьника [2, с. 6].

Иллюстрацией инновационного подхода к организации учебно-воспитательного процесса в системе УДО является экспериментальная программа Дома детского творчества «Гармония» (г. Курган) «Пансион как форма социализации личности» для девочек 7–15 лет.

При разработке экспериментальной программы пансиона был использован опыт женского отечественного образования. С этой целью в пансионе проведено историко-педагогическое исследование. Из исторического опыта были выявлены формы, методы, способы, приемы, которые можно использовать в современной практике пансиона домашнего воспитания.

Направление деятельности экспериментальной площадки

Исследования показали, что динамика исторических форм и содержание женского образования в нашей стране всегда имели стержневую задачу – формирование нравственности, целомудрия, женского достоинства.

Ориентация на женское воспитание в школе-пансионе не столько копирование пансиона благородных девиц, сколько насущная потребность времени. Совместное обучение молодежи не позволяет в полной мере решать специфические женские вопросы, касающиеся семьи, брака, воспитания подрастающего поколения, формирования женской нравственности. Созданный в Доме творчества «Гармония» пансион домашнего воспитания является одной из попыток решения данной проблемы.

Ориентация пансиона на допрофессиональное педагогическое образование помогает ранней профессионализации подростков с целью выхода на рынок труда, помогает в профессиональном выборе, обеспечивает непрерывные формы образования. Модель пансиона предусматривает непрерывное педагогическое образование воспитанниц: пансион – педагогический колледж – педагогический институт. В данный момент эта задача реализуется через передачу выпускниц в училище культуры, где девочки получают профессию педагога-организатора.

Комплексные, интегрированные программы культуры быта, педагогики и психологии, валеологии и экологии позволяют воспитанницам получить большой объем знаний о семье и возрастных особенностях детей, основах гуманной педагогики, что позволяет им успешно совмещать учебу в вузах и работу домашними наставницами. Организация совместной деятельности разновозрастного коллектива воспитанниц, взаимопомощь, наставничество, проведение уроков в младших классах, творческие мастерские, постановочные занятия формируют у девочек интерес к педагогической профессии.

Важное место в модели пансиона отводится изучению принципов народной педагогики, христианским традициям и ритуалам. Изучение детского музыкального и поэтического фольклора, народного календаря, истории родного края позволяет приобщиться детям к русским народным традициям, познакомиться со своей родословной, выстроить свое генеалогическое древо.

Преодолеть «наивность в житейских вопросах и оторванность от проблем обыденной жизни», присущую воспитанницам пансионов благородных девиц XVIII века, позволяет открытый характер деятельности нашего учреждения, трехсубъектная форма образования. Работа проводится педагогическим коллективом пансиона совместно с семьей. Для этой же цели служат «Школа семейного воспитания», клуб «Семей-

ный досуг». Организация трехсубъектного образования помогает компенсировать родителям недостающие знания о семейной жизни, формировать устойчивый интерес к национальной культуре, укреплять отношения со своими детьми.

Реализация комплексной образовательной программы пансиона позволяет решать следующие задачи:

- 1) развитие творческих и познавательных способностей воспитанниц;
- 2) обучение навыкам ведения домашнего хозяйства;
- 3) обучение основам женских ремесел (художественная вышивка, вязание, шитье);
- 4) воспитание на традициях русской народной культуры;
- 5) осуществление профессиональной педагогической подготовки.

Литература

1. Горский В. А. Программное обеспечение образовательного процесса в учреждениях дополнительного образования: метод. рек. – М., 1998.
2. Вестник дополнительного образования. – 2002. – № 1. – С. 3–8.

Сведения об авторах

1. Брижатов С. Б. (Барнаул) – профессор кафедры СКД Алтайской государственной академии культуры и искусств (АлтГАКИ), доктор педагогических наук, профессор.
2. Булатова С. Н. (Кемерово) – доцент кафедры управления социальной сферой КемГУКИ, кандидат педагогических наук.
3. Волк П. Л. (Томск) – директор Томского областного колледжа культуры и искусств, доктор культурологии.
4. Волощенко Г. Г. (Омск) – доцент кафедры СКД Омского государственного университета, кандидат педагогических наук.
5. Головкин Т. И. (Барнаул) – доцент кафедры СКД АлтГАКИ, кандидат педагогических наук.
6. Елисеенков Г. С. (Кемерово) – заведующий кафедрой дизайна КемГУКИ, доцент.
7. Зайцева Т. В. (Кемерово) – старший преподаватель кафедры СКД КемГУКИ, аспирантка кафедры.
8. Кацюба Д. В. (Кемерово) – профессор кафедры отечественной истории Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.
9. Киселев А. В. (Кемерово) – доцент кафедры истории, музееведения и краеведения КемГУКИ, кандидат исторических наук.
10. Ключева Ю. С. (Кемерово) – старший преподаватель кафедры управления социальной сферой КемГУКИ
11. Клявина И. И. (Кемерово) – доцент кафедры СКД КемГУКИ, кандидат культурологии, доцент.
12. Коргожа Н. С. (Кемерово) – доцент кафедры СКД КемГУКИ, кандидат педагогических наук.
13. Курбатова Н. В. (Кемерово) – доцент кафедры СКД КемГУКИ, кандидат педагогических наук, доцент.
14. Курочкин И. Л. (Кемерово) – профессор кафедры СКД КемГУКИ, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
15. Литовкин Е. В. (Рязань) – профессор кафедры СКД Рязанского заочного института (филиала) МГУКИ, доктор педагогических наук.
16. Логунова Л. Ю. (Кемерово) – доцент кафедры философии КемГУКИ, кандидат социологических наук.
17. Лукьянчиков В. Л. (Барнаул) – доцент кафедры режиссуры праздников АлтГАКИ.
18. Медведенко В. В. (Барнаул) – режиссер продюсерско-концертного зала АлтГАКИ, старший преподаватель кафедры СКД.
19. Насонова М. Е. (Кемерово) – старший преподаватель кафедры дизайна КемГУКИ, член Союза архитекторов России.
20. Оленина Г. В. (Барнаул) – доцент кафедры СКД АлтГАКИ, кандидат педагогических наук.

21. Павлюк Н. С. (Кемерово) – декан культурологического факультета КемГУКИ, доцент кафедры СКД КемГУКИ, кандидат педагогических наук.
22. Первушина О. В. (Барнаул) – проректор по научной работе АлтГАКИ, кандидат культурологии.
23. Плюснин А. Д. (Барнаул) – проректор по учебно-творческой, воспитательной работе и общественным связям АлтГАКИ, заведующий кафедрой СКД, доцент, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
24. Сабуцкая С. З. (Кемерово) – заместитель главы Крапивинского района Кемеровской области по социальным вопросам, кандидат педагогических наук.
25. Салазкина Л. П. (Кемерово) – доцент кафедры управления социальной сферой КемГУКИ, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
26. Секретова Л. В. (Омск) – старший преподаватель кафедры СКД Омского государственного университета.
27. Соколов А. В. (Санкт-Петербург) – профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
28. Сорокин А. В. (Кемерово) – доцент кафедры дизайна КемГУКИ, член Союза журналистов Российской Федерации.
29. Сущенко Л. А. (Кемерово) – доцент кафедры СКД КемГУКИ.
30. Третьякова Н. В. (Барнаул) – доцент кафедры СКД, заместитель декана факультета художественного творчества АлтГАКИ.
31. Туев В. В. (Кемерово) – заведующий кафедрой СКД КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
32. Туева Л. М. (Кемерово) – доцент кафедры технологии документальных коммуникаций КемГУКИ, кандидат педагогических наук, доцент.
33. Фисюк Т. Т. (Барнаул) – доцент кафедры СКД АлтГАКИ, кандидат педагогических наук, доцент.
34. Фоменко Н. К. (Кемерово) – доцент кафедры СКД КемГУКИ, заслуженный работник культуры Российской Федерации.
35. Чардынцев В. С. (Кемерово) – старший преподаватель кафедры СКД КемГУКИ, кандидат педагогических наук.
36. Черняк Е. Ф. (Кемерово) – старший преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников КемГУКИ, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ.
37. Ярошенко Н. Н. (Москва) – проректор по научной работе, заведующий кафедрой СКД Московского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Межвузовский сборник научных и учебно-методических статей

Редактор *О. А. Семилетко*
Дизайн обложки *Я. А. Кондрашовой*
Компьютерная верстка *Я. А. Кондрашовой*

Подписано к печати 28.09.07. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 100 экз. Заказ № 275.

Издательство КемГУКИ:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 19.
Тел. 73-45-83